МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

*На правах рукописи*

**Дубровина Ольга Владимировна**

# Формирование представлений о Советской России/СССР в фашистской Италии 1922 – 1943 гг.

Специальность – 07.00.03
Всеобщая история (новое и новейшее время)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
член-корреспондент РАО Л.С. Белоусов

МОСКВА – 2017

# Содержание

**Введение** ... **4**

**Глава I.**
**Революционная Россия 1917–1918 гг.**
**в представлениях итальянцев** ... **30**

§1. Отклики на события Февральской революции
в политических дебатах и печати ... 31

§2. Октябрь 1917 года в оценке правящих кругов Италии
и в представлении широких масс ... 49

1.2.1. Первые известия о событиях в России ... 49

1.2.2. Слухи о «немецком заговоре» ... 52

1.2.3. Реакция на политические акции большевиков ... 55

§3. Итальянская печать о большевиках ... 67

**Глава II.**
**Антисоветская пропаганда в фашистской Италии** ... **77**

§1. Советская Россия /СССР и фашистская пропаганда ... 77

2.1.1. Роль пропаганды в процессе формирования фашистской государственности 77

2.1.2. Органы пропаганды ... 80

2.1.3. Коммунизм в фашистской публицистике
1920-х – первой половине 1930-х гг. ... 84

2.1.4. Основные черты антикоммунистической пропаганды
второй половины 1930-х гг. ... 94

2.1.5. Католические антисоветские организации ... 100

2.1.6. Итальянская внешняя политика в отражении национальной печати ... 103

2.1.7. Фашистская антисоветская пропаганда во время войны ... 107

§2. СССР в фашистской печати ... 110

2.2.1. Итальянская печать о Советской России в начале 1920-х гг. ... 111

2.2.2. Итальянская печать о СССР в 1920-х – первой половине 1930-х гг. ... 118

2.2.3. СССР в фашистской печати во второй половине 1930-х гг. ... 147

§3. Итальянский проект: «Радио Москва» ... 181

2.3.1. Источники информации о подпольном радио и особенности его вещания ... 181

2.3.2. Основные темы вещания подпольного радио ... 191

**Глава III.**
**Роль дипломатических представительств в формировании образа СССР** ... **197**

§1. СССР по донесениям итальянских дипломатов ... 197

3.1.1. Основные вопросы и темы донесений ... 198

3.1.2. Общественные настроения в СССР по донесениям итальянских дипломатов ... 200

3.1.3. Русский национальный характер глазами итальянских дипломатов ..... 209
§2. Деятельность советского полпредства в Риме ..... 216
3.2.1. Советское полпредство: функции и задачи ..... 217
3.2.2. Начало работы советского представительства в Италии ..... 221
3.2.3. Полпредство как официальный источник информации о Советской России/СССР ..... 225
3.2.4. Работа полпредства с итальянскими журналистами ..... 231
3.2.5. Особенности функционирования советского полпредства в Риме ..... 234
3.2.6. Взаимодействие полпредства и Коминтерна в Италии ..... 238
3.2.7. Сотрудничество полпредства с ВОКС ..... 243

**Глава IV.**
**СССР и общественные умонастроения итальянцев во время Второй мировой войны ..... 248**
§1. Цели войны и уровень эффективности фашистской пропаганды ..... 249
§2. Интерес итальянцев к России ..... 262
§3. Отношение итальянцев к религиозной политике в СССР ..... 266
§4. Русский народ в представлениях итальянцев ..... 272
**Заключение ..... 279**
**Библиография ..... 288**
Источники ..... 288
Архивные Источники ..... 288
Опубликованные источники ..... 289
Литература ..... 292

# Введение

**Постановка проблемы.** Революционный опыт захвата власти большевиками в 1917г. и строительство нового общества в России привлекло пристальное внимание правящих кругов и общественности в европейских странах, в том числе, в Италии, пережившей во второй половине 1920-х годов переход к тоталитарному режиму. Этот интерес, постепенно трансформировавшийся в систему представлений, преимущественно насаждавшихся сверху, сохранялся все последующие годы вплоть до краха режима Муссолини в 1943г.

Несмотря на идеологический антагонизм, разделявший два тоталитарных государства, внимание к происходившим в СССР трансформациям в 1920–30-е годы в фашистской Италии обусловливалось схожим по типу насильственным способом захвата власти, шедшими в общем русле реформами в социальной сфере, стремлением лидеров вывести свои страны из категории государств второго эшелона и занять лидирующие позиции на мировой арене. Наконец, и это главное, неподдельный интерес был вызван желанием узнать и понять, что представляет собой страна, пережившая большевистскую революцию и получившая новую власть, куда и как она движется, чего от нее следует ожидать?

Фашистский режим не мог не ответить на эту потребность. Более того, фашизм мог использовать и использовал ее в своих интересах, заполнив информационную лакуну таким материалом, который обеспечивал необходимое режиму Муссолини общественное восприятие советской системы и происходящих в ней перемен. Для решения этой задачи требовались специальные пропагандистские и иные инструменты, выявлению и изучению которых посвящено данное исследование.

Его **актуальность** обусловлена, прежде всего, тем, что в современном мире, наполненном цифровыми, виртуальными и иными технологиями, формирование общественных предпочтений и манипулирование массовым сознанием остается одним из ключевых инструментов во взаимодействии власти и общества. Информационные технологии становятся все более изощренными, а содержание и формы «оболванивания» масс зачастую остаются неизменными. Изучение их аналогов в не столь отдаленном прошлом способствует осмыслению механизмов действия «при-

водных ремней» современной пропаганды.

Научная актуальность темы обусловлена тем, что в отечественной итальянистике это первый опыт проведения подобного исследования.

**Объектом** исследования является система представлений о советской России/СССР, сложившихся в итальянском обществе в период фашизма.

**Предметом** исследования является механизм формирования и содержание образного ряда о Советской России/СССР в итальянском обществе в 1922–1943 гг.

**Цель** настоящего исследования состоит в том, чтобы на основе многофакторного анализа выявить ключевые инструменты формирования представлений о Советской России/СССР в итальянском обществе в годы фашизма, их содержание и формы.

В соответствии с этой целью были сформулированы следующие **задачи:**

1. определить основные источники поступления информации о Советской России/СССР в Италию, проанализировать содержащуюся в них информацию, определить степень и формы ее использования органами фашистской пропаганды;
2. проанализировать деятельность итальянских государственных органов и институтов, чей функционал включал антисоветскую пропаганду;
3. определить роль средств массовой информации (пресса, радио, телевидение) в распространении в Италии сведений о Советской России/СССР;
4. выявить основной образный ряд о Советской России/СССР, сформированный и насаждавшийся в обществе средствами массовой информации;
5. определить основные факторы воздействия на создание представлений о Советской России/СССР;
6. проанализировать деятельность советской дипломатии в сфере культуры в Италии (полпредство в Риме, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей) и определить ее роль в формировании образного ряда о СССР;
7. проанализировать систему общественных представлений о СССР накануне Второй мировой войны и их динамику в течение первых лет военных действий.

В задачу исследования не входит анализ эффективности фашистской пропа-

ганды среди итальянского населения. Это обусловливается крайней скудностью необходимой источниковой базы, позволяющей дать исчерпывающий ответ на этот вопрос.

**Хронологические рамки** исследования охватывают период с 1922г. по 1943г., т.е. с момента прихода фашизма к власти в Италии до краха режима Муссолини. Период 1917–1922 гг. рассматривается в работе как вводный: именно в это время в общественном сознании формировались первые представления о революционной России, на которые впоследствии накладывались образы, созданные фашистской пропагандой.

**Научная новизна исследования.** В отечественной и зарубежной историографии существуют работы, в которых рассматриваются как технологии фашистской пропаганды в целом, так и отдельные сюжеты советской пропаганды за рубежом, нацеленной на убеждение мировой общественности в преимуществах социалистического строя. Однако, до сих пор не проведено комплексного исследования механизма формирования в итальянском обществе целостной системы представлений о Советской России/СССР. Остаются неисследованными такие вопросы, как: основные источники поступления информации, способы ее обработки и распространения, содержание и формы. Впервые в отечественной исторической литературе складывание образного ряда о Советской России/СССР рассматривается комплексно на основе разнородных архивных источников, подавляющая часть которых впервые вводится в научный оборот.

**Методологической основой исследования** стал принцип историзма: ключевые события и факты рассматривались в конкретных исторических условиях, многопланово, в развитии и взаимосвязи. Поскольку одной из основных задач работы было выявление факторов воздействия на создание представлений о Советской России/СССР, учет временных и пространственных условий их формирования являлся важным методом работы над диссертацией.

Обращение в ходе исследования к проблемам, связанным с имагологией, нацеленной на изучение образов «другого», отличного от воспринимающего объекта, потребовало использования ряда методологических подходов, характерных для

этой области науки (главным образом, бинарная оппозиция «свой-чужой», а также принцип исторической нестабильности и постоянства стереотипов и образов).

При анализе изменений образов Советской России/СССР в итальянском обществе был использован также сравнительно-исторический метод. Представления о СССР подвергались изменениям в различные периоды отношений между Италией и СССР, а идеологическая политика фашистского режима, направленная на выстраивание образного ряда, формировалась в зависимости от конъюнктурных экономических и политических интересов.

**Практическая значимость исследования.** Материалы данного исследования могут быть использованы для создания общих работ по имагологии, освещающих представления о России в различных странах в современную эпоху. Положения диссертации могут стать отправной точкой для дальнейших исследований в области пропаганды в условиях тоталитарных режимов и формирования стереотипов массового сознания. Они также могут быть использованы при написании учебников и учебных пособий по новейшей истории стран Запада, при написании бакалаврских и магистрских работ на исторических факультетах университетов. Материалы диссертации могут быть полезными при подготовке более широких исследовательских трудов по истории Италии в период фашизма.

**Источники.** Исследование основано на широком круге разнообразных источников. В работе были использованы, как опубликованные, так и впервые введенные в научный оборот архивные материалы. Всю совокупность привлеченных документов можно разделить на несколько групп в зависимости от их типа и истории создания.

К первой группе источников относятся полученные МИД Италии отчеты, сообщения, записки и другие материалы конфиденциального характера от итальянских официальных представителей, находившихся в межвоенный период с дипломатической миссией в СССР. К ним можно отнести и рапорты, подававшиеся в МИД вернувшимися из плавания капитанами итальянских торговых судов, посетившими советские портовые города (Мурманск, Одесса, Николаевск и т. д.). Богатая коллекция таких источников хранится в фондах «Политические дела» и «Дипломa-

тические представительства» в историко-дипломатическом архиве Министерства иностранных дел Италии (далее – ИДА МИД). Донесения содержат различного рода информацию, начиная с подробных отчетов о съездах РКП (б) и заканчивая описанием бытовых сторон жизни советского общества. Эти документы составлены в результате поездок итальянцев по территории СССР. До настоящего времени российские историки не работали с этим архивным собранием, которое, однако, уже было в прошлом объектом изучения таких итальянских исследователей, как А. Грациози[1], Дж. Петракки[2] и А. Аккаттоли[3]. Итальянские историки составили подробное описание хранящихся в фонде документов и провели их содержательный анализ с целью изучения дипломатических связей между Россией и Италией[4], ситуации на Украине в начале 1930-х годов[5], истории русской эмиграции в Италии, советско-итальянских культурных связей и культурной жизни в СССР по официальной информации и личным впечатлениям итальянских дипломатов[6].

Собрание фонда «Политические дела» первой половины XX века делится на три части. К первой из них относятся документы периода с 1919 по 1930 годы, ко второй – с 1931 по 1945 годы и к третьей – с 1946 по 1950 годы. В каждой части материалы распределены по географическому и хронологическому принципу. Материалы секции «Россия/СССР» отличаются разнообразием содержащейся в них информации, множеством затрагиваемых тем, разнородностью самих источников. Для них характерны фрагментарность и наличие многочисленных лакун.

Бóльшая часть документов секции «Россия/СССР» состоит из донесений итальянских послов в СССР. Итальянское посольство в Москве служило своеобразным центром по сбору информации, стекающейся в столицу из различных городов с действующими итальянскими консульствами. Сюда же поступали отчеты от воен-

---

1 Graziosi A. L'Unione sovietica nell'archivio storico del ministero degli affari esteri (1917–1939) // Russica. Studi e ricerche sulla Russia contemporanea. Milano: Franco Angeli, 1990. P. 415–454.

2 Petracchi G. Le carte del Ministero degli affari esteri per la storia politico-sociale della Russia e dell'URSS (1861–1950) // Fonti diplomatiche in età moderna e contemporanea. Roma: Ministero per i Beni Culturali, 1995. P. 318–357.

3 Accattoli A. Rivoluzionari, intellettuali, spie: i russi nei documenti del Ministero degli esteri italiano. Salerno: "Europa Orientalis" 21, 2013.

4 Petracchi G. La Russia rivoluzionaria nella politica italiana. Le relazioni italo-sovietiche, 1917–1925. Pref. R. De Felice. Roma-Bari: Laterza, 1982. 359 p. Его же. Da San Pietroburgo a Roma. La diplomazia italiana in Russia, 1861–1941. Roma: Bonacci, 1993.

5 Graziosi A. Lettere da Kharkov. La carestia in Ucraina e nel Caucaso del Nord nei rapporti dei diplomatici italiani, 1932–33. Torino: Einaudi. 1991.

6 Accattoli A. Rivoluzionari, intellettuali, spie.

ных и торговых атташе, а также проводился регулярный анализ советской прессы. На основе всех собранных данных посол еженедельно составлял «Бюллетень о внутреннем положении в СССР», а раз в год отсылал в Рим «Годовой отчет о внутренней и внешней советской политике».

Необходимо сделать несколько замечаний по поводу качественной стороны этого типа источников. Во-первых, личность посла имела ключевое значение в составлении донесений. Несмотря на попытки объективного изложения событий, дипломатам не всегда удавалось скрыть свое предвзятое отношение к происходящему, что явно прослеживалось в выборе тематики информации, лингвистическом анализе текста и общем тоне изложения. Во-вторых, имеющиеся на полях отметки карандашом, сделанные рукой самого Муссолини, говорят о значимости содержательной части этих источников для определения внешнеполитической линии фашистского режима. В-третьих, необходимо иметь в виду обстоятельства, в которых были вынуждены работать (помимо прочего, собирать информацию) итальянские дипломаты. Для этого достаточно привести слова Гаэтано Мандзони, первого итальянского посла в Москве: “[...] иностранные Представительства, как никогда прежде, находятся в полной изоляции. Для русских граждан лишь один факт вступления в контакт с одним из них может стать причиной ареста[7]”. В-четвертых, для дипломатов, работавших в СССР, существовала проблема не только в получении информации, но и в ее достоверности. Так, Витторио Черрути, итальянский посол с 1927 по 1930 годы, подчеркивал ненадежность получаемых сведений, поскольку “в этой стране, где так сложно добиться всей правды, действительно имевшие место факты представляют собой каплю в море[8]”.

Основным источником информации для посольств служила советская печать, к анализу которой итальянские дипломаты относились осторожно и старались отделить достоверные факты от последующих дополнений и переработок в русле официальной пропаганды. Помимо советских газет дипломаты пользовались сетью секретных агентов среди местного населения, а также старались по возможности сами присутствовать на событиях особой важности. Ограничения доступа к инфор-

7 Manzoni G. Situazione interna, 10.4.1924 // ASD MAE, AP, 1919–1930, b. 1543.

8 Cerruti V. Politica interna dell'Urss, 20.11.1928 // ASD MAE, AP, 1919–1930, b. 1551.

мации толкали иностранных дипломатов к более тесному сотрудничеству с другими посольствами в получении и обмене новостями о внутренней жизни в СССР. Так, в марте 1933 г. Бернардо Аттолико, посол Италии в Москве с 1930 по 1935 годы, передал в Рим отчет о поездке британского журналиста Джонса, «сумевшего добраться из Москвы в Харьков, избежав слежки ГПУ. Он вышел из поезда в Белгороде и пошел дальше пешком[9]», освободившись, таким образом, от навязчивых «попутчиков».

Среди «русских бумаг» фонда «Политические дела» содержится целый ряд донесений, отправленных итальянскими консулами из Ленинграда, Одессы (под управлением которого с начала 1930-х годов находилось и консульство в Харькове), Тбилиси (в его ведении находились  консульства в Новороссийске и Батуми). В результате деятельности этих дипломатических представительств было создано и сохранилось большое собрание исторических документов, особо ценных ввиду того, что дипломаты пользовались возможностью более свободного перемещения по территории СССР вдали от политического центра.

Среди других категорий хранящихся в историко-дипломатическом архиве МИД Италии источников следует упомянуть отчеты капитанов торговых судов, обязанных по возвращении составлять подробное описание увиденного во время посещений советских портов: Одессы, Новороссийска, Мурманска и Архангельска. Как правило, в поле зрения капитанов попадали детали торговых сделок, местные экономические условия, сцены из бытовой жизни приморских городов. В этой же секции хранятся отчеты вернувшихся из командировок итальянских технических специалистов, корреспонденция одной из ключевых фигур католического мира того времени, директора римского Института «Руссикум» священника Мишеля д’Эрбиньи, а также жившего в СССР на протяжении нескольких лет католического священника Невё. Собрание документов дополняют несколько рукописных подлинников анонимных писем на русском языке от советских граждан, адресованных в итальянское посольство.

Ко второй группе архивных источников относятся материалы Государственного центрального архива Рима (далее – ГЦАР), связанные с деятельностью итальян-

9 Attolico A. Notiziario politico-economico, 29.3.1933 //  ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 8.

ских органов пропаганды. В первую очередь, речь идет о документах, касающихся антикоммунистической пропаганды, основные тезисы которой разрабатывались чиновниками Министерства народной культуры Италии (далее – минкульт). Обширные фонды минкульта – Секретариат (Gabinetto) и НУПИЕ[10] – содержат ценные сведения о работе органов пропаганды, как в довоенное время, так и в период военных действий на Восточном фронте. Секретариат и Центры пропаганды отвечали за сбор информации о СССР, ее обработку, рассылку сведений с надлежащими комментариями в различные государственные инстанции. Работники НУПИЕ привлекали к своей деятельности находившихся за границей дипломатов и журналистов. Их работа обеспечивала получение свежей информации из различных стран. В дальнейшем она подвергалась обработке в интересах фашизма в зависимости от особенностей внутренней ситуации в конкретной стране. НУПИЕ предоставили итальянскому правительству эффективную структуру для распространения принципов фашистской идеологии и антикоммунистической пропаганды за границей, главным образом посредством радио.

Все эти документы раскрывают основные характеристики антикоммунистической пропаганды, ее содержание (в частности, материалы, подготовленные крупным специалистом по вопросам СССР Томмазо Наполитано во время его сотрудничества с Центром антикоммунистических исследований и отделом пропаганды «Восток» в рядах КСИР[11] и АРМИР[12]), распространение, сотрудничество в области антисоветской пропаганды с другими фашистскими организациями (например, посольством Италии в Москве) и институтами (например, с созданным в 1937 г. Центром Антикоммунистических исследований и Институтом кинематографии «Луче»). Помимо всего прочего, по материалам минкульта (в сочетании с документами ИДА МИД) можно проследить судьбу проекта по распространению итальянской культуры (что в действительности означало пропагандистскую деятельность фашистского режима) в СССР в первой половине 1930-х годов.

К третьей группе документов относятся хранящиеся в ИДА МИД в фонде

---

10 НУПИЕ – (итал. NUPIE – Nuclei di Propaganda in Italia e all'Estero) – Центры пропаганды в Италии и за границей.

11 КСИР (итал. CSIR – Corpo di Spedizione italiano in Russia) – Экспедиционный итальянский корпус в России (июль 1941 – июль 1942гг.).

12 АРМИР (итал. ARMIR – Armata Italiana in Russia) – Итальянская армия в России (июль 1942 – февраль 1943 гг.).

«Министерства народной культуры» и в ГЦАР, фонд «Минкульт», материалы о деятельности «Радио Москва». Речь идет о целой серии дополняющих друг друга документов отдела «Россия»[13], созданного при итальянском институте радиовещания, подотчетном инспекции радио и телевещания Министерства народной культуры[14]. Сотрудники этого отдела работали над выпуском программ «Радио Москва», занимались подбором и переводом материалов, составлением текстов передач. К сожалению, единый архив отдела «Россия» не сохранился. В разрозненном виде относящиеся к его деятельности документы хранятся в двух указанных выше римских архивах. Более того, судя по состоянию некоторых страниц (разорванные листы с отпечатками подошв), в момент падения режима все накопившееся делопроизводство отдела «Россия» было уничтожено. Сохранившиеся «чудом», как считает составляющий описи сотрудник ИДА МИД, К. Манчини, документы представляют собой лишь небольшую часть рабочих материалов радиостанции. В ГЦАР хранятся главным образом материалы, относящиеся к деятельности подпольного радио: директивы начальства, кадровые вопросы, график работы. В ИДА МИД сохранились и тексты передач антисоветского характера, написанные изначально на итальянском языке, а затем переведенные с использованием дореволюционной орфографии на русский.

В четвертую группу входят донесения секретных агентов и информаторов, хранящиеся в ГЦАР. Ценными по качеству содержания и полноте информации являются отчеты тайных агентов и информаторов, активно действовавших в период фашистского режима по всей территории Италии. В рамках Главного отдела общественной безопасности Министерства внутренних дел в 1926 г., благодаря усилиям нового главы полиции А. Боккини, получил толчок к развитию отдел Политической полиции, а в 1930 г. под его руководством был создан орган политической полиции – ОВРА (тайный орган политической полиции с так и оставшейся неясной для историков фашизма расшифровкой аббревиатуры). В результате работы орга-

---

13 Отдел «Россия» возглавлял профессор римского университета «Ла Сапьенца» А. Пальяро, с которым сотрудничали русские эмигранты, а также такой крупный специалист по советскому праву, как Т. Наполитано – сведения автору были предоставлены сотрудником Историко-дипломатического Архива МИД Италии К.М. Манчини. О русском персонале см. Accattoli A. Op.cit.

14 Il ministero della cultura popolare. Il ministero delle poste e telegrafi a cura di P. Ferrara e M. Giannetto. Bologna: Il Mulino, 1992. P. 43.

нов политической полиции была создана разветвленная сеть ежедневного мониторинга политической ситуации в различных сферах итальянского общества. Однако, в своей работе доносы шпионов использовали не только органы OBPA. Согласно проведенной в ноябре 1926 г. реформе Главного управления общественной безопасности (DGPS), услугами информаторов могли воспользоваться политические следственные отделы комиссариатов полиции, отдел политической полиции и начальник полиции[15]. Информаторы и шпионы проникали во все общественные сферы, их доносы составлялись на основе разговоров, подслушанных в поездах, на вокзалах, в барах, ресторанах, в заводских курилках, на рынках, площадях, рядом с передающими новостные бюллетени громкоговорителями и т. д. В отдел политической полиции или же непосредственно его начальнику со всей Италии стекались не только отчеты инспекторов OBPA с обязательной графой *Общественные настроения,* но и доклады секретных агентов, комиссаров полиции, префектов, составленные на основании собранной информации с подотчетных им территорий. Критический подход к анализу этого материала предполагает, прежде всего, определение уровня достоверности приводимых данных. Находясь на службе фашистского режима, информаторы, чиновники высшего ранга и служащие полиции зачастую пользовались лингвистическими штампами, прикрывались общими фразами, намеренно представляя происходящие события руководству в более выгодном свете, возможно, из страха потерять хорошо оплачиваемую работу. Помимо сведений об общественных умонастроениях, документы фонда Министерства внутренних дел ГЦАР содержат ценную информацию о деятельности советского полпредства в Риме и пребывании советских граждан и русских эмигрантов на территории Италии. Среди отечественных исследователей материалы фонда Политической полиции были впервые использованы Л.С. Белоусовым при написании работы «Режим Муссолини и массы»[16]. Данными о работе в архиве других российских исследователей автор не располагает. В диссертации были использованы материалы фонда политической полиции при Главном управлении общественной безопасности Министерства внутренних дел, фонда национальной фашистской партии (политическая и эконо-

15 Canali M. Le spie del regime. Bologna: Il mulino. 2004. P. 133–141.

16 Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. М.: МГУ, 2000.

мическая ситуации в провинциях), фонда секретариата начальника полиции (Сенизе-Кьеричи 1940–1943 гг.), центрального политического архива, архива личного секретариата дуче, архива первого министра Совета министров.

К пятой группе принадлежат отчеты цензурной комиссии города Мантуя о содержании военной корреспонденции, отправляемой с Восточного фронта в Италию и обратно, хранящиеся в фонде народного письма в архиве провинции Тренто. Установленная три дня спустя после вступления Италии в войну против Франции и Англии (10 июня 1940 г.) цензура на всю корреспонденцию просуществовала в Италии до 1945 г.[17] Для осуществления контроля над перепиской фронтовиков с оставшимися в Италии родственниками в каждой провинции при местной префектуре были созданы цензурные комиссии. В них состояли гражданские лица различных профессий (преподаватели, адвокаты, судьи, офисные служащие) и военные в отставке. При этом членство в ПНФ[18] было обязательным требованием для участия в работе комиссии. Провинциальные цензоры должны были составлять краткий отчет о затрагиваемых в корреспонденциях темах, о выраженных чувствах или реакциях на те или иные события. Отчеты строго подчинялись единой структуре. Во всех документах цензоры заполняли графы о проявлениях панических и пораженческих настроений, о возмущениях, актах саботажа, недовольстве, о спокойствии и уверенности, о смирении и чувствах патриотизма и т. д. В конце каждого из таких пунктов приводились наиболее яркие цитаты из прочитанных писем.

«Подозрительность» этого типа источников состоит в том, что они являлись неотъемлемой частью режима, поскольку отчеты составлялись его верными сторонниками. Они могли выбирать те или иные отрывки для цитирования, следуя официальным критериям и своим представлениям о «крамоле». Достоверность и полнота приводимой в них информации вызывает еще большее сомнение, учитывая самоконтроль авторов писем, хорошо осведомленных об отсутствии корреспондентской конфиденциальности[19]. Тем не менее, источник эпистолярного жанра

17 Rizzi L. Lo sguardo del potere. Milano: Rizzoli, 1984. P. 11.

18 ПНФ (итал. Partito Nazionale Fascista) была создана Б. Муссолини в 1921 году. Выражала идеологию фашистского движения. Во второй половине 1920-х гг. становится единственной легальной партией в Итальянском Королевстве. Просуществовала до падения фашистского режима в 1943 г.

19 Vegni R. Verificato per censura". Le relazioni dei censori sulla corrispondenza dal fronte russo. // "La propaganda è l'unica nostra cultura". Scritture biografiche dal fronte sovietico (1941–1943). Trento: Fondazione Museo storico del Trento. 2016. P. 61–82.

часто дает возможность получить живую информацию «из первых рук», еще не искаженную в результате создания в послевоенный период комплекса представлений о событиях в их многочисленных интерпретациях. Проблема недосказанности и фрагментарности корреспондентских сведений решается с помощью сопоставления большого объема документов различного происхождения, что дает возможность выдвигать гипотезы и находить их подтверждение в неоднородных по своему характеру источниках.

К шестой категории источников следует отнести дневники и воспоминания участников войны на Восточном фронте. В работе были использованы как уже опубликованные и широко известные в Италии произведения[20], так и неопубликованные материалы, хранящиеся в архиве «Народного письма» в Тренто. Следует заметить, что если написанные во время военной кампании дневники отражают непосредственную реакцию свидетелей событий (авторов дневников), то воспоминания, наоборот, являются плодом подчас многолетних раздумий, переосмысления произошедшего, попыток понять, оправдать или же, напротив, подвергнуть критике собственные поступки и поведение других. Следовательно, в оценке произошедших событий и отраженных в воспоминаниях взглядах на окружавшую действительность необходимо учитывать опыт послевоенных лет, историческую атмосферу публикации мемуаров, использование литературно-художественных приемов, рискующих дискредитировать «историческую чистоту» версий участников событий[21]. Ценным материалом в данной работе является интервью, взятое автором у участника военных действий на Восточном фронте, гражданина Италии Н.Теттаманцы[22].

К седьмой группе итальянских источников относятся материалы официальной фашистской прессы. Массовая печать того времени отражала позицию правительства и близких ему финансовых и промышленных кругов и являлась основным инструментом манипулирования общественными настроениями с целью

---

20 Например, Revelli N. Mai tardi. Diario di un alpino in Russia. Torino: Einaudi, 2001. Его же, L'Ultimo fronte, Torino: Einaudi, 2009. Rigoni Stern M. Il sergente della neve. Ritorno sul Don, Torino: Einaudi, 2008.

21 В качестве примера двух различных по политическим взглядам авторов и издателей публикаций можно привести воспоминания К. Генделя (Hendel, C. Russia 1942–1943. Diario di guerra. –Trento: Fondazione museo storico del Trentino, 2011) и У. Роттацци (Rattazzi, U. Dal fronte russo 1941–1942. – Genova: Il melangolo, 2013). Если автор первых воспоминаний является выразителем итальянской левой традиции, то второй (доброволец на Восточном фронте, член ПНФ, участник боев на стороне республики Сало, эмигрировал в Аргентину после окончания войны) – сторонник крайне правых взглядов.

22 Интервью было взято в апреле 2013 года у сержанта Н. Теттаманцы.

достижения столь необходимого для тоталитарного режима консенсуса. К исследованию были привлечены ежедневные газеты общенационального значения, такие как Stampa, Corriere della sera, Lavoro fascista, Giornale d'Italia, Gazzetta del Popolo, Popolo d'Italia, Il Sole, Osservatore romano, а также местная печать: Ambrosiano (Милан), Tevere (Рим), Resto del Carlino (Болонья). Большой объем исследуемого материала составляет публицистика, как политического, так и культурно-просветительского характера. В эту категорию источников входят опубликованные в 1920–1930-е годы статьи, очерки и заметки в журналах: Critica fascista, Gerarchia, Russia, Europa Orientale, Rivista Illustrata del Popolo d'Italia. В анализе статей фашистской прессы 1920–1930-х годов были выявлены основные темы публицистики и их трактовки. Эта работа проводилась с учетом уже существующего на данный момент комплекса исследований, охвативших большой объем газетных и журнальных статей[23]. По этой причине в диссертации не затрагивались темы, уже не раз ставшие объектом изучения итальянских авторов (сравнительный анализ фашизма и большевизма в публицистике и т. д.).

В восьмую группу источников входят документы, касающиеся деятельности советского полпредства в Риме и его взаимоотношений с Народным комиссариатом иностранных дел (далее НКИД)[24]. В частности, на основании хранящихся в фондах архива внешней политики РФ (далее – АВП РФ) материалов выявляются особенности работы отдела печати полпредства в области установления культурных связей с итальянскими институтами, попытки советского правительства проводить политическую пропаганду через дипломатические представительства, построение отношений с иностранными журналистами, а также многие другие вопросы, связанные с культурно-дипломатической деятельностью НКИД в Италии. Следует отметить, что 1920-е годы в СССР отличаются известной свободой выражения собственного мнения со стороны работников НКИД, полемичным характером корреспонденции и ее информативным потенциалом. С установлением сталинской диктатуры пере-

23 См. Petracchi G. Atti del Convegno "L'Italia e la politica di potenza in Europa (1938–1940)". Milano: Marzorati, 1985. P. 149–170; Petracchi, G. Roma e/o Mosca? Il fascismo di fronte allo specchio // Nuova storia contemporanea. 2002. № 1. P. 69–92. Quartararo R. Roma o Mosca. L'immagine dell'URSS nella stampa fascista (1925–1935) // Storia Contemporanea. 1996. № 3. P. 447–472

24 Отдел Печати НКИД, Ф. 056; Полпредство СССР в Италии, Ф. 176; Секретариат Г.В. Чичерина, Ф. 04; Секретариат М.М. Литвинова, Ф. 05.

писка изменила свой характер. Теперь она отличалась скудностью сведений, почти полным отсутствием дискуссий, краткостью и сухостью изложения. Многие из изученных документов из фондов отдела печати и полпредства СССР в Риме (АВП РФ) были пущены в научный оборот впервые. В работе были использованы фонды отдела печати НКИД, советского полпредства в Италии, секретариатов Г.В. Чичерина и М.М. Литвинова.

К девятой категории относятся источники, хранящиеся в Государственном Архиве Российской Федерации (далее – ГАРФ) и отражающие деятельность Всесоюзного общества связей с заграницей (далее – ВОКС) в Италии[25]. Находящиеся в непосредственном подчинении московскому центру ВОКС и НКИД сотрудники итальянского филиала были вынуждены работать в сложных условиях, созданных не только идеологически враждебным фашистским правительством, но и своими же руководящими органами. Часто они были вынуждены следовать их противоречивым указаниям. Архивные материалы ГАРФ содержат ценные статистические сведения о результатах культурно-просветительской деятельности ВОКС в Италии и позволяют сравнить их с проведенной работой ВОКС в других странах. Изученные документы дают возможность проанализировать механизм работы представителей ВОКС в Италии и определить ее связи с другими политическими советскими инстанциями. Обширный фонд ВОКС (Ф 5283) позволяет также выявить особенности приема иностранных туристов в России, так называемую «технику гостеприимства». В ГАРФ содержатся сведения о подготовке гидов, о программах визитов иностранных гостей, отчеты гидов о проделанной работе (в виде анкет), где они, помимо всего прочего, должны были изложить политические взгляды сопровождаемого туриста и его реакцию на увиденное и услышанное во время посещения заранее определенных специальными службами достопримечательностей. Ценным дополнением к хранящимся в ГАРФ документам служат некоторые архивные дела из АВП РФ, позволяющие расширить круг сведений о сотрудничестве ВОКС и советского полпредства в Италии, а также архивные дела РГАСПИ, освещающие деятельность агентов Коминтерна в Италии[26].

25 ВОКС, Ф. 5283, Оп. 1а, 2, 2а, 7, 8, 9.

26 Центральная контрольная комиссия РКП (б)–ВКП (б) (1920–1934), Ф. 613, Оп.3; Итальянская коммунистическая партия, Ф. 513, Оп.1.

К десятой категории источников можно отнести опубликованные дневники и воспоминания участников описываемых событий, вносящих свой вклад в изучение различных аспектов рассматриваемой темы. Так, например, воспоминания впоследствии убитой советскими агентами бывшей переводчицы и гида Т.В. Солоневич[27] позволяют проиллюстрировать архивный материал на личном опыте автора. Опубликованные спустя много лет после описываемых событий воспоминания А.С. Курской[28] воссоздают атмосферу быта и условий работы советской дипломатической миссии в Риме в конце 1920-х годов. Особо следует выделить источники личного характера, принадлежавшие итальянским политическим деятелям дофашистской эпохи, таким как Дж. Джолитти[29], А. Саландра[30], а также свидетелям и активным участникам бурных событий послевоенного периода в Италии и России – В.Н. Забугину[31] и А.И. Балабановой[32]. Отдельные сведения об отношения Муссолини к России можно почерпнуть из воспоминаний его любовницы К. Петаччи[33], его сына Р. Муссолини[34], а также из его собственного собрания сочинений[35].

К последней, одиннадцатой категории опубликованных источников следует также отнести отчеты о работе палаты депутатов с речами и выступлениями итальянских политиков в послереволюционный период. Анализ отчетов, опубликованных на сайте Палаты депутатов итальянского парламента[36], позволяет выявить настроения итальянской политической элиты во время революционных событий в России, а также проследить межпартийные дискуссии левого и правого секторов и их внутрипартийные размежевания по «русскому вопросу».

Весь приведенный выше круг источников дает возможность ответить на поставленные перед исследованием вопросы.

---

27 Солоневич Т. В. Записки русской переводчицы. София: Голос России, 1937.

28 Курская А.С. Пережитое. М.: Московский рабочий, 1965.

29 Giolitti G. Memorie della mia vita. Milano: Garzanti, 1982.

30 Diario di Salandra, a cura di Giufini G.B. Milano: Pan, 1969.

31 Zabughin V.N. Il gigante folle: istantanee della rivoluzione russa. Firenze: R. Bemporad e Figlio, 1918.

32 Балабанова А.И. Моя жизнь – борьба: мемуары русской социалистки: 1897-1938. Свидетели эпохи. М.: Центрополиграф, 2007.

33 Petacci C. Mussolini segreto. Diari 1932–1938. A cura di Mauro Suttora. Milano: Rizzoli, 2009. Ее же: Verso il disastro. Mussolini in guerra. Diari 1939-1940. A cura di Mimmo Franzinelli. Milano: Rizzoli, 2011.

34 Mussolin R. Il duce mio padre. Milano: Rizzoli, 2004.

35 Mussolini B. Opera omnia. Firenze: Fenice, 1963.

36 URL: http://storia.camera.it/lavori/regno-d-italia/leg-regno-XXIV/1915/20-marzo. (Дата обращения 20.09.2017)

**Степень изученности проблемы.** В отечественной историографии на данный момент нет работ, освещающих представления итальянского общества о СССР в межвоенное двадцатилетие. Однако, существует ряд исследований, близких к теме диссертации. Среди советских историков вопрос о моральном состоянии итальянских военнослужащих на Восточном фронте изучал Г.С. Филатов[37] на основе опубликованных в послевоенные десятилетия воспоминаний. В современной отечественной историографии проблематика общественного мнения итальянцев в фашистский период рассматривалась Л.С. Белоусовым[38] и Б.Р. Лопуховым[39]. Среди отечественных исследователей, внесших значительный вклад в изучение различных аспектов советско-итальянских отношений и проблематики исследуемого периода в целом, необходимо упомянуть Ц.И. Кин[40]. В.П. Любина[41], В.И. Михайленко[42], Н.Д.Смирнову[43], Е.С. Токареву[44], а также И.А. Хормач[45].

---

37 Филатов Г. С. Крах итальянского фашизма. М.: Наука, 1973; его же: Советско-итальянские дипломатические отношения в 1924–1934 гг. // Проблемы итальянской истории. М.: Наука, 1982. С. 7–28.

38 Белоусов Л. С. Италия: молодежь против фашизма (1919–1945). М.: Издательство МГУ, 1987; его же: Общественные настроения в период кризиса режима Муссолини // Проблемы итальянской истории. Москва. 1993; его же: Итальянский рабочий класс в годы фашизма. М.: Издательство Московского университета, 1996. Его же: Репрессивный аппарат режима Муссолини // Новая и новейшая история. 1999. №2. С. 29–43; его же: Режим Муссолини и массы. М.: МГУ, 2000; его же: Муссолини: диктатура и демагогия. М.: Планета, 2016.

39 Лопухов Б. Р. Борьба рабочего класса Италии против фашизма (1920–1922 гг.). М.: Издательство Академии наук СССР, 1959; его же: История фашистского режима в Италии. М.: Наука, 1977; его же: Эволюция буржуазной власти в Италии. М.: Наука, 1986.

40 Кин Ц. И. Италия на рубеже веков: Из истории общественно-политической мысли. М.: Наука, 1980.

41 Любин В.П. Социалисты в истории Италии. М.: Наука. 2007; его же: Приключения образа // Родина. 2011. №4. С. 141–145; его же: Особенности итальянского фашизма. К дискуссии по интервью проф. В. И. Михайленко // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2014. № 1. С. 8–15; его же: Русская революция и Италия: российская и итальянская историография // XII Плехановские чтения. Великая русская революция 1917 г.: проект альтернативного исторического развития Материалы к международной конференции. 30 мая – 1 июня 2017 г . С. 29–35.

42 Михайленко В.И. Итальянский фашизм: основные вопросы историографии. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1987; Михайленко В.И., Нестерова Т.П. Тоталитаризм в XX веке. Екатеринбург, 2000; Михайленко В.И., Любин В.П., Нестерова Т.П. Тоталитаризм: Спор историков. Екатеринбург, 2003; Михайленко В.И. Итальянский фашизм 90 лет спустя: актуальность исторического феномена // Изв. УрФУ. Сер. 3: Обществ. науки. 2013. Вып. 2. С. 6–17; его же: Отрицаемая история: дискуссии об итальянском фашизме // Родина. 2011. № 4. С. 148–149; Mikhailenko V. Gli storici italiani e il fascismo: Renzo De Felice // Nuova storia contemporanea. 1998. № 2. P. 83–90.

43 Смирнова Н.Д. Неизвестные страницы советско-итальянских отношений 1939–1941 по новым документам // Новая и новейшая история. 1996. №2. С. 32–52. Смирнова Н.Д. Советско-итальянские оношения 1939–1940 // Война и политика 1939–1941. Под ред. Чубарияна А.О. М.: РАН, 1999. С. 416–429.

44 Токарева Е.С. Отношения СССР и Ватикана в годы Второй мировой войны // Россия и Италия. М., 1998; ее же: Отношения СССР и Ватикана: от переговоров к разрыву. 1922–1929 гг. М.: ИВИ РАН, 1998; ее же: Ватикан в советской политике и пропаганде в годы второй мировой войны // Иоанн XXIII и современный мир. М.: Интердиалект, 2002; ее же: «Антирелигиозная кампания, особенно в школах, принимает просто плачевные масштабы». Итальянские дипломаты и Католическая церковь в СССР. Документы Тайного архива Ватикана. 1929–1935 гг. // Исторический архив. 2011. № 6. С. 84—93. (часть 1); № 1. С. 80—92 (часть 2); ее же: Россия в документах архивов Ватикана: существующие обзоры и описи // Россия в итальянских архивах. М.: РГГУ, 2013. С. 75—90; ее же: Советская деревня глазами итальянского католика: Гуидо Мильоли в СССР в 20-е – 30-е годы XX века // Россия и Италия. 2015. № 6. С. 315—331.

45 Хормач И.А. Отношения между советским государством и Италией 1917–1924. М.: ИРИ РАН, 1993; ее же: СССР и Италия. 1924–1939. Дипломатические и экономические отношения. М.: ИРИ РАН, 1995; ее же: Возвращение в ми-

Существует также ряд работ в области имагологии, затрагивающих исследуемую тему косвенным образом. Во-первых, образы советской России стали объектом изучения в работах отечественных историков, основанных, главным образом, на англоязычных источниках и, соответственно, посвященных распространению представлений о России в англоязычных странах. Здесь необходимо отметить работы А.В. Голубева, В.А. Невежина[46] и Г.Б. Куликовой[47]. Во-вторых, в отечественных исследованиях затрагивалась деятельность различных государственных структур, так или иначе связанных с пребывавшими на территории СССР иностранцами. К подобным исследованиям, прежде всего, стоит отнести диссертацию Никольской Л.С.[48], посвященную истории возникновения и работы ВОКС. Продиктованные во многом идеологическими соображениями выводы, в частности, об эффективности работы ВОКС, были пересмотрены в другой посвященной этой организации диссертации Анатшевой И.А.[49]. В более поздней диссертационной работе Гриднева Ю.А. особое внимание было уделено периоду становления ВОКС, задачам и методам его работы[50]. Тарасова И.В. отметила важность роли О.Д. Каменевой в процессе создания ВОКС и в его борьбе за ведомственную независимость и расширение сферы деятельности[51]. Кресова М.Д. защитила диссертацию на тему «"Интурист" в 1929–1939 гг.: структура, кадры, направления деятельности»[52], Е. Коренева выпустила статью о советском туризме в 1920–1930-е гг.[53] В-третьих, российские исследователи затрагивали тему образа «другого» в зеркальном отражении, то есть

ровое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919–1934 гг. М.: Кучково поле, 2011.

46 Голубев А.В., Невежин В.А., ВОКС в 20–30-х годах // Минувшее. Исторический альманах. Москва-Спб, 1993. Голубев А.В. Советская культурная дипломатия 1920-30-х гг. // Россия и мировая цивилизация. М.: РАН, 2000. С. 339–354; его же: «Добро пожаловать или посторонним вход воспрещен»: к вопросу о закрытости межвоенного советского общества // Отечественная Истории. 2004. № 4. С. 32–42.

47 Голубев А.В., Невежин В.А., ВОКС в 20–30-х годах // Минувшее. Исторический альманах. Москва-Спб, 1993. Голубев А.В. Советская культурная дипломатия 1920–30-х гг. // Россия и мировая цивилизация. М.: РАН, 2000. С. 339—354; его же: «Добро пожаловать или посторонним вход воспрещен»: к вопросу о закрытости межвоенного советского общества // Отечественная Истории. 2004. № 4. С. 32–42.

48 Никольская Л.С. Международные культурные связи СССР в первое десятилетие советской власти. К истории ВОКСа и зарубежных обществ культурных связей с СССР.: автореф. дис. к.и.н. М., 1970.

49 Анатшева И.А. Роль Всесоюзного общества культурной связи с заграницей в развитии международного сотрудничества СССР, 1925–1939 гг.: автореф. дис. к.и.н. М., 1994.

50 Гриднев Ю.А. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей: 1925–1929 гг.: автореф. дис. к.и.н. М., 2006; его же: Создание ВОКС. Задачи и цели // Историки размышляют. Сборник статей под редакцией Семенникова Л.И. М.: Звездопад, 2000. С. 285–299.

51 Тарасова И.В. Роль О. Д. Каменевой в создании Всесоюзного общества культурной связи с заграницей // Концептуал. Сборник научных трудов кафедры философии и истории Московский финансово-промышленный университет «Синергия». 2016. №2. С. 294–301.

52 Кресова М. Д. "Интурист" в 1929–1939 гг.: структура, кадры, направления деятельности.: автореф. дис. к.и.н. М., 2004.

53 Коренева Е. Организация иностранного туризма в СССР в 1920–1930-х годах // Российская история, 3/2010.

изучали восприятие Италии в России[54] в различные исторические периоды. Так, В.К. Коломиец изучил динамику представлений об Италии в России на протяжении сравнительно длительного периода, а уже упоминавшийся А.В. Голубев провел исследование о восприятии Италии в советском обществе через призму политической карикатуры[55].

Для итальянской историографии характерна бóльшая изученность некоторых аспектов темы диссертации. По данному вопросу был опубликован ряд статей, а также ему были отведены специальные главы в монографиях и коллективных сборниках. Посвященные образу СССР исследования можно разделить в зависимости от использованной авторами источниковой базы. Так, внимание итальянских историков привлекали источники различного происхождения: очерки фашистских политологов, журналистские статьи, публикации технических специалистов, впечатления вернувшихся из СССР, литераторов, отчеты рабочих и т.д. Дж. Петракки затронул тему образа СССР в итальянской публицистике в рамках исследования идеологического противостояния двух режимов и попыток фашистских теоретиков разобраться в ключевых различиях тоталитарных систем, установившихся в Италии и России в результате революций[56]. В статьях Л. Дзани[57] и Дж. Петракки[58] рассмотрен комплекс заметок, сделанных итальянскими путешественниками, посетившими СССР в 1920–1930-е годы (журналистами, инженерами, священниками, политиками и рабочими)[59], выявлены наиболее актуальные для них сюжеты и проанализированы их интерпретации. Р. Куартараро обратилась к другому типу источников – фашистской печати — с целью выявления официальной позиции и отношения прессы к идеологическим, политическим и экономическим вопросам,

---

54 Kolomiez V. Il bel paese visto da lontano...: immagini politiche dell'Italia in Russia da fine Ottocento ai giorni nostri. Manduria: Lacaita, 2007. Коломиец, В.К. Политический образ современной Италии. Взгляд из России. М.: Мысль, 2013.

55 Голубев А.В. Образ Италии в советской политической карикатуре межвоенного периода // «Друг — зеркало для друга...». Российско-итальянские общественные и культурные связи, X–XX вв. М.: ИРИ РАН, 2013.

56 Petracchi G. “Il Colosso dai piedi d’argilla”: l’URSS nell’immagine del fascismo // Atti del Convegno "L'Italia e la politica di potenza in Europa (1938–1940)”. Milano: Marzorati, 1985. P. 149–170; его же: Roma e/o Mosca? Il fascismo di fronte allo specchio // Nuova storia contemporanea. 2002. № 1. P. 69–92.

57 Zani L. L’immagine dell’Urss nell’Italia degli anni trenta: i viaggiatori // Storia contemporanea. 1990. № . 6. P. 1197–1223.

58 Petracchi G. Viaggiatori fascisti e/o fascisti a modo loro nella Russia e sulla Russia degli anni Venti e Trenta // Rivista di studi politici internazionali. 2014. № 321. P. 35–57.

59 Venturi A. Tra propaganda sovietica e immaginario socialista. Le impressioni italiane del viaggio in Russia dell’estate 1920 // Movimento operaio e socialista”. 1985. № 3. P. 363–391.

касающимся советского строя[60]. Промышленный и экономический аспект развития СССР глазами иностранцев отразил в своей статье «Visitors from other times»[61] А. Грациози, опираясь на большое количество свидетельств иностранных рабочих, посетивших СССР в годы довоенных пятилеток. Попытки проанализировать общественное мнение и представления о Советской России, отчасти, были предприняты на страницах монографий С. Коларицци[62] и А. Джаннули[63], написанных на основе донесений тайных агентов политической полиции. Широкое развитие в итальянской историографии получил вопрос участия АРМИР в войне против Советского союза, в рамках которого изучались такие темы, как формирование образа врага[64], изображение СССР в военной публицистике и печати[65], а также впечатления о советской России в письмах с восточного фронта, дневниках и мемуарах[66]. Корреспонденция с Восточного фронта стала объектом исследования историка АРМИР Дж. Роша[67], а деятельность итальянских журналистов в СССР во время войны оказалась в центре внимания Ф. Фатторе[68].

В зарубежной историографии образ СССР в межвоенный период на Западе получил рассмотрение в работах, посвященных представлениям о СССР в западном мире в целом и в отдельно взятых странах. Так, итальянский исследователь М. Флорес[69] предпринял попытку комплексного изучения представлений о СССР в 1920–1930-е годы, сложившихся в интеллектуальной среде европейских стран. В коллективной работе под его редакцией в сотрудничестве с Ф. Гори[70] был рассмотрен широкий диапазон представлений о СССР в различных странах Европы, изу-

60 Quartararo R . Roma o Mosca. L'immagine dell'URSS nella stampa fascista (1925–1935) // Storia Contemporanea. 1996. № 3. P. 447–472.

61 Graziosi A. "Visitors from other times": foreign workers in the prewar piatiletki // Cahiers du monde russe et soviétique. 1988. №2. P. 161–180.

62 Colarizi S. L'opinione degli italiani sotto il regime 1929–1943. Roma-Bari: Laterza, 2009.

63 Giannuli A. Dalla Russia a Mussolini. Roma: Editori Riuniti, 2006.

64 Cavallo P. Italiani in guerra. Sentimenti e immagini dal 1940 al 1943. Capitolo V. L'immagine del nemico: Unione Sovietica e Stati Uniti. Bologna: Il Mulino, 1997.

65 Gli italiani sul fronte russo. Bari: De Donato, 1982.

66 Rizzi L. Lo sguardo del potere. La censura militare in Italia nella seconda guerra mondiale 1940–1945. — Milano: Rizzoli, 1984; "La propaganda è l'unica nostra cultura". Scritture autobiografiche dal fronte sovietico (1941–1943) a cura di Q. Antonelli. Trento: Fondazione museo storico del Trentino, 2016.

67 Rochat G. Memorialistica e storiografia sulla campagna italiana in Russia 1941–1943 // Gli italiani sul fronte russo. Bari: De Donato, 1982.

68 Fattore F. I corrispondenti di guerra italiani e la campagna di Russia // Nuova storia contemporanea. 2011. №4. P. 73–94.

69 Flores M. L'immagine dell'URSS. L'Occidente e la Russia di Stalin (1927–1956). Milano: Il Saggiatore, 1990.

70 Il mito dell'URSS: la cultura occidentale e l'Unione Sovietica a cura di Flores M. e Gori F. Milano: F. Angeli, 1990.

чены причины появления тех или иных образов, а также механизм их укоренения и распространения в европейских обществах того времени. Американский историк П. Холландер[71] установил связь между восприятием советской реальности американскими политическими «пилигримами», экономической ситуацией в самих США и морально-психологическим состоянием американской интеллигенции. Особого внимания заслуживает опубликованный в приложении к итальянскому изданию книги Холландера очерк Лорето ди Нуччи «Политические странствия итальянских интеллектуалов»[72]. Автор отмечает небольшое число итальянских путешественников в СССР в фашистский период по сравнению с другими западными странами. Более того, он лишает какого-либо практического интереса оставленные ими по возвращении на Аппенины заметки.

Распространение советской пропаганды во Франции было изучено в труде французской исследовательницы С. Кёре[73]. Автор постаралась всесторонне рассмотреть культурную политику СССР за границей, изучить деятельность проводящих ее институтов, восприятие советской пропаганды во Франции различными социальными группами, а также сам образ СССР, сложившийся в 1920–1930-е годы во Франции. На многочисленных источниках информации о Советской России сосредоточила свое внимание другая французская исследовательница Р. Мазуи[74]. Автор монографии «Лучше поверить, чем увидеть?» изучила опыт французских путешественников, совершавших, как правило, организованные принимавшей стороной поездки в СССР. Оба исследования основаны на богатом архивном материале, хранящемся в российских архивах, что в сочетании с французскими источниками, несомненно, повышает научную ценность работ. Распространению культурной политики СССР в рамках деятельности ВОКС в Швейцарии посвящено несколько работ швейцарского историка Ж.Ф. Фэйе[75] и итальянского исследователя С. Пизу[76].

---

71 Hollander P. Pellegrini politici. Intellettuali occidentali in Unione Sovietica, Cina e Cuba. Bologna: Mulino, 1988.

72 Di Nucci L. I pellegrinaggi politici degli intellettuali italiani // Hollander P., op. cit.

73 Coeuré S. La grande lueur à l'est. Les Français et l'Union Soviétique 1917–1939. Paris: Edition du Seuil, 1999.

74 Mazuy R. Croire plutôt que voir? Voyages en Russie soviétique (1919–1939). Paris: Odile Jacob, 2002.

75 Fayet J.-F. La societé pour les échanges culturels entre l'Urss e l'étranger (VOKS) // Relations Internationales. 2003. №115. P. 411–423; его же: VOKS: The Third Dimension of the Soviet Foreign Policy // Searching for a Cultural Diplomacy eds. Jessica C. E. Gienow-Hecht, Mark C. Donfried. Oxford – New York: Berghahn Books, 2010. P. 33–49; его же: VOKS, le laboratoire helvetique. Genève: Georg Editeur, 2014.

76 Pisu S. Stalin a Venezia. L'URSS alla mostra del cinema fra diplomazia culturale e scontro ideologico (1932–1953). Soveria Mannelli: Rubbettino, 2013.

В отечественной и зарубежной историографии особо следует выделить смежный с темой диссертации комплекс вопросов о культурной дипломатии СССР в межвоенный период. Одной из первых работ, посвященных анализу целей и методов советской культурной дипломатии, стала работа американского советолога Ф. Баргхорна[77]. Согласно его представлениям, культурная политика большевиков была одновременно направлена на изоляцию населения страны, главным образом, его деятелей науки и культуры, а также на установление односторонне выгодных связей с зарубежными интеллектуальными кругами. С. Кёре и Р. Мазуи в одной из последних совместных работ «Сшито красными нитками»[78] также подходят к интерпретации феномена советской культурной дипломатии с позиций необходимости тотального контроля за всеми культурными связями. Основной задачей внешней политики большевиков в области культуры они видят в повсеместном распространении коммунистической идеологии. Российские историки А.В. Голубев и В.А. Невежин[79] сделали попытку критически обосновать культурную политику большевиков, рассмотрев ее сквозь призму многовековых отношений между Россией и Западом. Особенности модернизации Советской России, ее включенность в общие для европейских стран процессы развития, с одной стороны, идеологическая замкнутость, параноидальная ксенофобия, с другой, по их мнению, легли в основу противоречивой сталинской политики культурной дипломатии.

Под иным углом зрения рассматривает деятельность СССР в области науки и культуры американский историк М. Дэвид-Фокс. Оставаясь в плоскости российско-западного сотрудничества/противостояния, он ищет корни сталинской культурной дипломатии в исторической парадигме «догнать и перегнать», выражавшей диалектику отторжения и имитации, враждебности и взаимодействия, характерных для традиционной формулы отношений Россия-Запад[80]. Однако, если Дэвид-Фокс предлагает тезис о влиянии внешней культурной политики на восприятие советской

77 Barghoorn F. C. Soviet Cultural Offensive.; the role of cultural diplomacy in Soviet foreign policy. Princeton: Princeton University Press, 1960.

78 Cœuré S., Mazuy R. Cousu de fil rouge: voyages des intellectuels français en Union soviétique: 150 documents inédits des archives russes. Paris: CNRS, 2012.

79 Голубев А.В., Невежин В.А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е – первая половина 1940-х гг. СПб.: ИРИ РАН, 2016.

80 Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости 1921–1941 годы. Москва: Новое литературное образование, 2015.

власти местным населением, то российский историк В.И. Фокин наоборот, делает попытку объяснить причины, толкавшие Сталина на проведение активной культурной политики за границей, внутренней партийной борьбой и соперничеством за одобрение своих действий со стороны широкой международной общественности и иностранных правительственных кругов[81].

К особому направлению исследований принадлежат работы по вопросам внешней политики большевиков на начальном этапе формирования внешнеполитического ведомства[82], а также становления информационной политики Советской России[83], направленной не только на получение и сбор информации, но и ее разработку и распространение за границей. В частности, в рамках данной диссертации важным оказалось исследование Романова А.С., в котором была прослежена история создания Отдела печати НКИД, динамика его деятельности, а также сложности работы, связанные с внутриполитическими и международными событиями.

Из приведенных выше работ как отечественных, так и зарубежных исследователей становится очевидным отсутствие исследования, обобщающего формирование и содержание образного ряда о Советской России/СССР в фашистской Италии.

**Положения, выносимые на защиту.**

1. Реакция итальянской общественности на революционные события 1917 года не была однородной и отражала противостояние политических сил в Италии, а также сложную внутреннюю ситуацию в стране. Складывание негативного образа большевиков и представлений о советской власти как о явлении, угрожающем внутреннему политическому порядку, происходит уже в первые дни захвата большевиками власти. При этом образ большевиков использовался итальянским правительством в собственных внутриполитических интересах. Так, связи с большевиками стали центральным пунктом в критике социалистов со стороны их политических оппонентов.

---

81 Фокин В.И. Международный культурный обмен и СССР в 20–30-е годы. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999.

82 Например: О'Коннор Т.Э. Георгий Чичерин и советская внешняя политика 1918–1930 / Пер. с Англ. М.: Прогресс, 1991; Остапенко А И. Становление дипломатического ведомства РСФСР в 1918–1922 гг. // От Античности до современности, 2012. С. 321–353.

83 Романов А.С. Зарождение советской системы международной информации: информационная деятельность НКИД РСФСР (1917–1923 гг.) // Российская история. 2008. № 4. С. 131—143; его же: Информационная деятельность народного комиссариата по иностранным делам РСФСР 1917–1923 гг.: автореф. дис. к.и.н. М.: 2009.

2. Придя к власти, в том числе на волне страха перед влиянием коммунистических идей на широкие слои итальянского общества, Муссолини, тем не менее, осторожно лавировал между антикоммунизмом как составляющей частью своей внутренней политики и антисоветской пропагандой, нередко являвшейся инструментом решения внешнеполитических задач. Прагматичный подход к внешней политике до середины 1930-х годов позволял Муссолини поддерживать тесные взаимовыгодные экономические контакты с СССР на фоне сложных отношений с другими странами, где советская карта часто использовалась в качестве весомого аргумента в пользу учета итальянских интересов. В данном случае печать была чувствительным индикатором внешнеполитических колебаний, наглядно демонстрируя перемены настроений в руководстве страны. Начиная с событий гражданской войны в Испании нападки на СССР и советское правительство приняли агрессивный характер. В этот период слились воедино политика и идеология, что выразилось в выборе Муссолини прогерманской внешнеполитической линии.

3. Механизм антикоммунистической пропаганды включал ведомства и организации по ее подготовке, а также различные каналы ее распространения. Центром разработки антикоммунистической пропаганды служило Министерство народной культуры, претерпевавшее в течение всего фашистского периода структурные изменения, однако сохранявшее свои основные функции и задачи: от Отдела печати в 1923 г. до самостоятельного ведомства Министерского уровня в 1937 г. Отвечая целям сбора и обработки информации о СССР, функционировали такие фашистские организации, как Центр антикоммунистических исследований (основан в1937 г.), НУПИЕ, а также католические организации антикоммунистической пропаганды: комиссия «Pro Russia» (1925г.) и институт «Russicum». Основными инструментами распространения антисоветской пропаганды служили прежде всего национальная печать и радио.

4. Пропаганда как механизм воздействия на широкие слои населения черпала свое содержание в различных источниках информации. Одним из них были донесения итальянских дипломатов, работавших в СССР в межвоенный пе-

риод. Оценки и суждения итальянских дипломатов принимались также в расчет высшим политическим руководством. Ошибка в прогнозах дипломатов касательно реакции населения на вторжение оккупационных армий с целью «освободить советский народ от ига большевиков», стала одной из причин разгрома итальянской армии в СССР, а впоследствии и падения фашистского режима в самой Италии.

5. Деятельность итальянских журналистов в 1920–1930-е годы была сопряжена с рядом трудностей, влиявших на результат и качество их работы. Вынужденные выполнять сразу несколько функций в СССР (корреспонденты, политические посредники, коммерческие представители), они подчиняли свою работу конъюнктурным интересам своих редакций с одной стороны, и должны были соответствовать условиям, выдвигаемым отделом печати НКИД, с другой. Советская сторона использовала различные механизмы давления на иностранных журналистов. Однако по возвращении из СССР, освободившись от контроля советского правительства, итальянские журналисты как правило превращались в ярых обличителей советского строя, что в итоге привело к практическому закрытию границ СССР для иностранных репортеров.

6. Трудности работы советского полпредства в Италии были во многом сопряжены с фактом одновременного подчинения структурам НКИД и Коминтерна. На первых этапах деятельности советского представительства дипломаты отстаивали перед Политбюро свое профессиональное право заниматься дипломатией, предполагающей в качестве основного принципа невмешательство во внутренние дела другого государства. К середине 1930-х гг., в связи с изменением стратегии и тактики Коминтерна, а также корректировкой внешнеполитического курса СССР (договоры с Францией и Чехословакией), дихотомия НКИД-Коминтерн перестала создавать трудности в работе полпредства. Однако со временем сократилось финансирование отдела печати, отвечавшего за распространение позитивного образа СССР в Италии, деятельность ВОКС также не получила широкого распространения. Помимо объективных трудностей, связанных с враждебностью фашистского режима к любым проявлением

коммунистической пропаганды на территории Италии, свою роль сыграло и нежелание советского руководства рисковать советско-итальянскими экономическими связями, ставя их под удар из-за несвоевременной пропаганды.

7. В системе представлений, навязываемых фашистской пропагандой, доминировал антибольшевистский/антикоммунистический настрой, однако учитывались также особенности национального характера русских людей, культурная самобытность народа, специфика его исторического развития. Это создавало впечатление о пассивном неприятии населением СССР советской власти и ожидании некой внешней силы, якобы способной свергнуть коммунистический режим. В результате выявления образного ряда был сделан вывод о неоднородности его структуры, разнообразии представлений, имевших часто эмоциональную окраску, а также о четком разделении образов, относящихся к политической власти и советскому строю, с одной стороны, и к населению и его особенностям, с другой.

8. Антикоммунистическая пропаганда 1920-х – 1930-х годов оказала влияние на настроения итальянских солдат, оккупировавших юг СССР в 1942–1943 гг. В их представлениях они шли освобождать русский народ от «жестокого и коварного» режима большевиков, подавать руку помощи «угнетенному советскому населению», возвращать его из «навязанной азиатчины» в лоно европейской цивилизации. Столкновение с действительностью для немногих оставшихся в живых и вернувшихся на родину стало поворотным моментом в их дальнейшей политической ориентации: одни активно вступили в ряды защитников Республики Сало, а другие пополнили партизанские отряды движения Сопротивления.

**Апробация результатов исследования.** Рукопись диссертации обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Основные положения диссертации получили апробацию на конференциях:

Международная конференция «Сражения в России: Дон, Сталинград. Взгляд спустя 75 лет», Военная академия, Модена, 20–21 июня, 2017; International conference “The Centenary of the 1917 Russian Revolution(s): its Significance in World History”, Centre for Russian Studies, Eötvös Loránd University, Budapest, 15–16 мая, 2017; Международная научная конференция «Столетие революции 1917 года в России», Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, 29–31 марта 2017; Workshop “Oltre il confine Europa e Russia dal 1917 a oggi”, Fondazione G. Feltrinelli, Milano, 20 октября 2016; Конференция «От Рима к Третьему Риму. Миграции, империи и города: от Рима к Константинополю, Москве и Санкт-Петербургу», ИРИ РАН, Москва, 25–26 октября 2016; Convegno “Mosca – Terza Roma”, Campidoglio, Roma, 21–22 апреля 2016; Seminario “Italia e Russia sovietica: dalla rivoluzione alla guerra”, Università Ca’ Foscari, Venezia, 18 апреля 2016; 22-й ежегодный Круглый стол «Россия и внешний мир: из истории взаимовосприятий», ИРИ РАН, Москва, 3 февраля 2015; 21-й ежегодный Круглый стол «Россия и внешний мир: из истории взаимовосприятий», ИРИ РАН, Москва, 4 февраля 2014.

Основные идеи и результаты диссертационного исследования отражены в девяти научных статьях, из них четыре в журналах, входящих в Перечень публикаций, рекомендованных Ученым Советом МГУ.

# Глава I. Революционная Россия 1917-1918 гг. в представлениях итальянцев

Процесс складывания представлений о том или ином народе, о его культуре и характере отличается длительностью и неравномерностью. На формирование образа «другого» влияют множество факторов: от народной исторической памяти и передаваемых из поколения в поколение традиций восприятия, до неожиданных событий, таких как война, или же продиктованных конъюнктурными интересами пропагандистских кампаний. Так, на формирование представлений о Советской России и СССР в рассматриваемый период повлияли уже существовавшие среди итальянцев стереотипы о России и русских. На их характер не могли не оказать воздействия путевые заметки итальянских путешественников, публикации в переводе на итальянский язык русских классиков, контакты в интеллектуальной и артистической среде, заметки о России в национальной печати и т.д. Изучение факторов складывания образа России и российского народа в дореволюционный период остается за рамками нашей работы, будучи отдельной самостоятельной темой научного исследования. Событие же, которое оказало решающее воздействие на формирование образа Советской России/СССР, не может остаться в стороне. Речь идет о революционном 1917 годе, открывшем новую страницу не только в истории России, но ряда других стран.

Посвященная откликам на революционные события в России, первая глава носит вводный характер, проливая свет на истоки представлений именно о Советской России/СССР в Италии, объясняя причины и характер настроений среди политической элиты и широких слоев населения. Воздействие на них событий в России легло в основу дальнейшего формирования более устойчивого образа, отразившего в себе как первые впечатления от прихода к власти большевиков, так и последующие их действия, воспринятые итальянцами с учетом их национального опыта.

## §1. Отклики на события Февральской революции в политических дебатах и печати

В одной из своих официальных речей, произнесенных в 1919 году по случаю окончания выборов в XXV Парламент, крупный либеральный политик Дж. Джолитти выразил свои сомнения в исходе Первой мировой войны для царской России, появившиеся, как он утверждал, еще до ее начала. «[...] вспоминая о сложном положении, в котором оказалась Россия во время войны с Японией, а затем произошедшую кровавую революцию в результате этой войны, я не был уверен в способности России пережить длительную войну»[84]. В своих воспоминаниях он указывает на свою полную осведомленность в русских делах и предвидит революцию в качестве конца бесперспективной для России войны: «Новости о падении России, которое я ожидал и о котором упоминал в разговорах и в письмах, отправленных в период нашего нейтралитета, не были для меня неожиданностью. Неминуемое падение России должно было послужить наиболее веским аргументом для соблюдения осторожности в принятии нами решения [о вступлении в войну – прим. Автора]»[85].

Тем не менее, для итальянцев февральские события явились совершенно неожиданным событием. Еще 10 марта (25 февраля по старому стилю) либеральный ежедневник Corriere della sera опубликовал уже к тому моменту потерявшую актуальность заметку под названием «Царь на фронте» с цитатами из интервью Брусилова, где он отзывался о силе «русской армии, для которой никакие немецкие войска не представляют серьезной опасности»[86]. В следующем номере газеты в обнадеживающем читателей тоне рассказывалось о прибытии Николая II в ставку русской армии и о выздоровлении генерала Алексеева, вновь взявшего под контроль ситуацию на Восточном фронте. На первой полосе вышедшего 12 марта номера была опубликована подробная статья о положении в России. Основной мыслью была готовность русского народа продолжать войну, его искренняя и безусловная вера в царя и его слово, а также уверенный рост российской экономики, гарантирующий союзникам несомненную победу в войне. «С уверенностью можно

84 Giolitti G. Discorsi parlamentari. Vol. III. Roma: Tip. Camera dei deputati. 1953. P. 1730.

85 Giolitti G. Memorie della mia vita. Milano: Garzanti. 1982. P. 336.

86 Lo Zar alla fronte, Pietrogrado 9 marzo // Corriere della sera, 10 marzo 1917.

сказать, что Россия укрепляется и с каждым днем усиливает свою боеспособность. Воюя на стороне союзников, она и в будущем внесет свой значительный вклад, в котором не приходится сомневаться, принимая во внимание успешные действия России в прошлом году»[87].

Первая настораживающая информация, поступившая из неофициальных источников, проникла на страницы итальянских газет 12–13 марта в виде сообщений о беспорядках в Петрограде, вызванных нехваткой продуктов питания[88]. Новость о восстании в Петрограде была напечатана в Corriere della sera лишь 16 марта. События интерпретировались как двойное восстание – народные волнения и действия оппозиции прогрессивного блока в Думе в отношении консервативного правительства. «К демонстрациям, спровоцированным серьезным продовольственным кризисом, добавились политические недовольства реакционными элементами в Правительстве»[89]. Итальянское руководство сразу осознало возможную опасность распространения информации об очередной революции в союзнической России и поставило под строгий контроль цензуры все приходящие из Петрограда новости.

Февральская революция была с восторгом встречена всеми политическими партиями в Италии. Либерально-республиканские круги восприняли ее как логический итог либерального движения, развернувшегося в России в последние десятилетия. Такое представление стало результатом завышенной оценки деятельности либеральных партий, успех которых в далекой Италии казался надежным и неоспоримым[90]. Во Временном правительстве почти все политические силы Италии видели волеизъявление российского народа и формирование долгожданного правового национального государства на «развалинах погрязшей в бюрократии монархии»[91]. Подобное первоначальное отношение к февральским событиям, выраженное на страницах печатных органов объяснялось, во-первых, глубокой убежденностью итальянской политической элиты, как уже было сказано выше, в силе либерально-

87 La verità sulla Russia, L.B. // Corriere della sera. 12 marzo 1917.

88 Petracchi G. L'Italia e la rivoluzione russa di marzo // Storia contemporanea. 1974. № 1.P. 93.

89 Una insurrezione a Pietriogrado. Il moto popolare a Pietrogrado contro le influenze contrarie alla guerra // Corriere della sera. 16 marzo 1917.

90 Petracchi G. La Russia rivoluzionaria nella politica italiana. Le relazioni italo-sovietiche, 1917–1925, Pref. R. De Felice, Roma-Bari:Laterza. 1982. P. 4.

91 Из печати того периода.

го движения в России и нежеланием на начальных этапах видеть альтернативную власть, а, во-вторых, ролью цензуры, зорко следившей за недопущением сведений о радикализации обстановки в России на страницах национальной прессы.

Первое, о чем в унисон заговорили почти все печатные органы в Италии, была тема тесной связи беспорядков (с первых дней окрещенных итальянскими журналистами «революцией») и спровоцировавшей их войны. Почти все политические партии в своих печатных органах (интервентисты – сторонники вступления в войну, демократы, либералы и националисты) связали победу демократической революции с дальнейшим участием России в войне и выполнением ею своих союзнических обязательств. Республиканцы во главе с депутатом Наполеоне Колаянни убедились в правоте своей теории, согласно которой война должна была неизменно закончиться революцией[92]. По словам Колаянни «революция являлась ни больше ни меньше как движением, направленным на доведение войны до победного конца»[93]. Его соратник по партии Инноченцо Каппа также выразил мысль о Февральской революции, как о способе усилить военное присутствие России. В доказательство своей мысли он привел пример событий итальянского Рисорджименто, Французской революции, римской республики 1849 года, ставшей «революцией в поддержку войны и во спасение Италии»[94]. Либеральный орган Corriere della sera заверял читателей, в том, что «все источники информации нашего посольства в Петрограде подтверждают, что участники революционного движения высказываются против перемирия»[95]. Правые социалисты-реформисты во главе с Филиппо Турати присоединились к общему хору итальянских политиков, видевших в Февральской революции падение авторитарного царского режима, что, по их мнению, должно было усилить демократическую составляющую военных целей Антанты и оказать разлагающее воздействие на внутреннюю обстановку в Германии и Австрии. Таким образом, правые социалисты оказались вовлеченными в общую волну восторженных приветствий в отношении русской революции. Турати не сомневался в необхо-

92 De Felice R. Mussolini il rivoluzionario. 1883–1920. Torino: Einaudi. 1965. P. 346. Cit. in Scibilia C. Tra nazione e lotta di classe. I repubblicani e la rivoluzione russa, Roma: Gangemi, 2012. P.15.

93 Atti parlamentari. Camera dei deputati. Discussioni. Legislatura XXIV. P. 13545.

94 Ibid. P. 13121–22.

95 L'insurrezione russa per la libertà e per la guerra, 17 marzo 1917 // Corriere della sera. 17 marzo 1917.

димости продолжения и усиления военного участия России в войне, уже предвидя «освобождение народов всего мира» на гребне русской революции[96].

Пожалуй, единственным течением, вставшим на позиции отрицания прямой связи между Февральской революцией и дальнейшим продолжением войны, стали левые социалисты. В своей парламентской речи, произнесенной на заседании Палаты депутатов 17 марта 1917 года, депутат от социалистической партии Дженуцио Бентини подчеркнул существенное отличие в позиции социалистов: «Уважаемые коллеги, мы также приветствуем эту революцию. Вы ее приветствуете, потому что считаете, что она будет способствовать лучшей организации и увеличит военную мощь России; мы же ее приветствуем как шаг вперед: так как освобождается новое пространство, так как на наших глазах творится история. Потому что мы считаем, что эта народная революция стала результатом войны и ее последствий, и она не остановится на этом»[97]. Тогда же в марте на страницах Avanti! вышла первая статья крайне левого автора, подписавшегося псевдонимом Юниор. За ним скрывался русский сотрудник газеты Василий Сухомлин. Уже в первые дни после февральской революции Сухомлин предвидел ее развитие в сторону все больших социалистических преобразований, так как «без сопротивления русские дворяне не оставят свои привилегии, а главное – землю, а буржуазия не оставит на полпути реализацию своих империалистических планов»[98]. Если социалисты-реформисты во главе с Турати и Анной Кулишовой ставили на второй план социалистическую составляющую произошедшего переворота, обращая гораздо большее внимание на необходимость продолжать войну до «справедливого мира» под руководством либерально-демократического Временного правительства, то лидер социалистов Джачинто Серрати и руководимая им Avanti! в течение всего 1917 года ориентировались на российские Советы как на реальную силу, способную взять власть в свои руки.[99]

В период с февраля по октябрь 1917 года можно выделить три этапа в динамике отношения большинства ИСП во главе с Серрати к происходящим в России

96 Cortesi L. Note sulle correnti del P.S.I. Nel 1917 di fronte alla rivoluzione russa // Movimento operaio e socialista. 1968. №3–4. 1968. P. 139.

97 Atti parlamentari. Camera dei deputati. Discussioni. Legislatura XXIV. P. 13119.

98 L'azione proletaria // Avanti! 18 marzo 1917.

99 Cortesi L. Op. Cit. P. 149.

событиям. Изначально крайне левые социалисты встали на позиции неприятия состоящего из конституционалистов и демократов Временного правительства, видя в нем представителей буржуазии и военных кругов. Основной движущей силой, по их мнению, был пролетариат, которому было суждено вновь поставить вопрос о власти и решить его в свою пользу. «Ленин, – как писал Юниор, – представляется выразителем настоящей революционной диктатуры пролетариата и пролетаризированной крестьянской массы»[100]. Итальянские социалисты с энтузиазмом восприняли призыв русского Совета к заключению мира по формуле «без аннексий и контрибуций». Моральный пример русских социалистов дал им дополнительный импульс в отрицании войны и убедил в справедливости намерений Совета заключить сепаратный мир. Левые социалисты не признавали связи революции с дальнейшим участием России в войне, в отличие от большинства итальянских партий. Так, на майской сессии Палаты депутатов социалист Джузеппе Модильяни поставил под сомнение сам факт дальнейшего участия России в войне, так как революция, по его мнению, подразумевала конец войны для России: «Как вы можете оптимистично считать, что цель революции заключается в продолжении войны, если был изгнан царь, развязавший эту войну?»[101]. В своей июльской парламентской речи ярый противник участия Италии в войне социалист Клаудио Тревес пошел в заявлениях еще дальше, найдя опору своей пацифистской позиции в русской революции, произошедшей в стране, «бывшей когда-то европейским центром консерватизма и вдруг неожиданно для всех давшей импульс распространению революции в Европе»[102].

Второй этап в отношении ИСП к Февральской революции начался с вхождением социалистов в коалиционное правительство в мае 1917 года. «Русские социалисты не захотели взять власть полностью в свои руки, хотя это было в их силах. Они осознают, что большинство населения еще не восприняло социалистические идеи»[103]. Тем не менее, за фасадом восхищенных коалиционным правительством статей в Avanti! скрывалась неопределенная и колеблющаяся позиция Серрати. Необходимо отметить тот факт, что Серрати и его товарищи по партии находились

100 Lenin // Avanti!. 25 aprile 1917.

101 Atti parlamentari. Camera dei deputati. Discussioni. Legislatura XXIV. P. 13129.

102 Ibid. P. 14366.

103 Avanti! 16 giugno 1917.

в почти полном неведении относительно позиций Ленина в межреволюционный период. В дальнейшем Серрати подвергся жесткой критике со стороны А. Грамши и П. Тольятти за свою поддержку социалиста-революционера Чернова, вошедшего в коалиционное правительство с портфелем министра земледелия[104]. Третий этап в отношении итальянских социалистов к ситуации в России начался с публикации корреспонденции русско-итальянской социалистки Анжелики Балабановой, уехавшей в Россию и посылавшей статьи в Италию «из первых рук». Она подвергла резкой критике русских социалистов, вошедших в коалиционное правительство, отозвавшись об их решении как «не только большой ошибке, но и как о самом большом несчастье для социалистических партий всех стран»[105]. Балабанова полностью перевернула представление о положении в России, созданное до этого на страницах Avanti!. Если Юниор писал об уже решенном вопросе о власти, оказавшейся в руках социалистов, то Балабанова опровергла этот тезис, указав в своих письмах на существовавшие конфликты между представителями различных слоев общества в правительстве и на отсутствие изменений в общественном устройстве, несмотря на свершившуюся революцию. Благодаря публикациям Балабановой произошел резкий поворот редакции Avanti! и большинства итальянских социалистов влево, что предопределило рост интереса к партии большевиков и лично к фигуре Ленина, до этого мало заметной и почти неизвестной в итальянских политических кругах.[106]

Примерно до начала апреля итальянская печать продолжала приветствовать революцию, не обратив внимания на изначальное противоречие создавшейся ситуации двоевластия. Новости о событиях в России в Италию поступали с опозданием, фрагментарно и не отличались точностью в изложении событий. Печать не давала полного представления о происходящих в России процессах, создавая путаницу в умах читателей. Уже спустя несколько недель после свершившейся революции надежды итальянской общественности начали постепенно переходить в беспокойство за все усиливавшееся влияние внутреннего положения в России на боеспособность ее армии и готовность оттянуть на себя силы Тройственного союза на Восточном

104 Cortesi L. Op. Cit. P. 153.
105 Balabanoff A. Lettere dalla Russia // Avanti! 3 luglio 1917.
106 Cortesi L. Op. Cit. P. 155–158.

фронте. Более того, беспокойство вызывали пацифистские настроения, распространяемые членами крайних революционных партий, что шло вразрез с представлениями итальянских политиков и правительства о роли России в войне против Тройственного союза. Знаковым событием, заставившим насторожиться итальянскую общественность, стала отставка министра иностранных дел П. Милюкова, чье официальное заявление о продолжении войны вызвало протест со стороны Советов и беспорядки в Петрограде. Когда либерально-консервативным кругам стало понятно, что внешнеполитические проблемы России уходят на второй план по сравнению с нарастающими внутренними нерешенными вопросами, тон статей, посвященных русским событиям, претерпел значительные изменения. В консервативной печати описывались разрушительные последствия революции, политический и экономический хаос, одновременно указывалось на положительные аспекты царизма, способного в свое время удерживать под контролем центробежные силы внутри страны и обеспечивать последовательность внешней политики. Либерально-демократическая печать дольше оставалась верной своим первоначальным интерпретациям Февральской революции. Республиканцы старались не придавать большого значения конфликту между Временным правительством и Советами, продолжали видеть и в последних гаранта выполнения союзнических обязательств.

Постепенно мишенью для нападок республиканцев все больше становится Ленин, чей проезд по территории Германии и его поддержка со стороны итальянских социалистов давали предлог республиканцам для критики своих основных политических противников – социалистов[107]. В июне 1917 года республиканец Каппа[108] посетил Россию с неофициальным визитом в составе делегации из депутатов Парламента XXIV созыва: независимого социалиста Лабриола, социалиста Раймондо и самого республиканца Каппа. Вдохновителем этой разведывательной поездки стал основатель Реформистской социалистической партии Леонида Биссолати. Вернувшись из поездки, Каппа изменил свое мнение о русской революции, испугавшись «отсутствия контроля, полной свободы и желания всех говорить обо

107 Scibilia C. Op. Cit. P. 27.

108 Diario di Salandra, a cura di Giufini G.B. Milano: Pan. 1969. P. 123.

всем»[109]. Каппа выразил также свои сомнения в способности и готовности России продолжать войну. Социалисты-реформисты во главе с Турати также постепенно стали осознавать опасность распространения крайне левых социалистических идей в Италии.[110]

В либеральных кругах политическая солидарность постепенно уступила место критическому отношению к возможной перспективе выхода России из войны. После того, как явно проявился конфликт между Советами и Временным правительством главным образом по вопросу о продолжении войны, либеральная печать стала выражать все возрастающее беспокойство за дальнейшую роль России в рамках союзнических договоренностей: «...скрытая конфронтация между Временным правительством и Советом солдат и рабочих Петрограда является сегодня одним из многочисленных серьезных последствий революции. Она представляет собой наиболее важный момент, оказывающий непосредственное влияние на внешнюю и внутреннюю политику России»[111]. Выбор между демократической революцией и войной итальянскими либерал-демократами был сделан в пользу последней.

Сразу после революции итальянское правительство выразило свое полное доверие либеральным министрам нового Временного правительства: Г.Е. Львову, А.И. Гучкову, а в особенности министру иностранных дел П.Н. Милюкову, видя в нем гаранта продолжения прежней внешнеполитической политики. Итальянское политическое руководство немедленно признало вновь сформированное Временное правительство, возложив на него ответственность не только за создание «нового демократического общества на основе свободы и равенства всех подданных», но и за продолжение войны. Это главным образом и интересовало всех членов Антанты, а Италию в особенности, принимая во внимание роль России на Восточном фронте, рядом с которым не очень успешно воевала итальянская армия. Министр иностранных дел С. Соннино следующим образом выразил официальное отношение Италии к произошедшей в России революции: «Мы должны надеяться, что этот достойный народ сможет найти в принципах здоровой демократии силу, необ-

109 Cappa I. Tornando dal paese ove l'odio fu ucciso // Il mondo. 15 luglio 1917.

110 Мелограни П Русская революция и общественное мнение Италии. 1917–1922 // Россия и Италия. Вып. 3. М.: Наука. 1998. С. 64.

111 Il difficile momento politico in Russia. La travagliata fase di assestamento politico, 18 aprile 1917 // Corriere della sera. 17 marzo 1917.

ходимую для преодоления сложностей, связанных с внутренней социальной и конституционной трансформацией; что заслуживающая доверия народная интуиция не подведет и защитит свободу от коварства врагов, которые пытаются навязать свои политические и военные интересы, разрушая ростки свободы в соседнем государстве. России предстоит защищать свои внутренние свободы и свою независимость в полном согласии с союзниками, уверенно продолжая войну»[112]. В частных беседах итальянские политики выражали гораздо меньшую уверенность в способности Временного правительства к свободному принятию решений. По словам бывшего премьер-министра А. Саландра, глава кабинета министров в то время В.Э. Орландо в частной беседе с ним выражал свое «беспокойство за последствия русской революции, которые негативно скажутся на военных действиях, имевших все шансы на успех. Он знал, что во Франции все очень обеспокоены. Он считает возможным заключение с Россией сепаратного мира: страны Антанты могут рассчитывать только на Милюкова»[113].

Спустя год депутат от либеральной партии Н. Тосканелли обвинит правительство, парламент и министра иностранных дел Соннино лично в политической близорукости и неспособности правильно оценивать ситуацию, что привело в итоге к катастрофическим последствиям для самой Италии. «"Уважаемый" Соннино высказал мысль о том, что русская революция не имела никакого значения и не могла оказать решительного влияния на общий ход событий. Однако стоит отметить, что не только уважаемый Соннино, но и все дипломаты Антанты доказали то, что оказались заложниками собственных ошибок и просчетов. Как же можно объяснить тот факт, что в Парламенте не нашлось ни одного человека, ни одной партии, которые бы указали на эту ошибку? Необходимо признать, что эта ошибка стала определяющей в нашей дальнейшей политике и в общей политике Антанты»[114]. Депутат от независимых социалистов А. Лабриола также указал на ошибки, совершенные всеми европейскими правительствами в отношении Февральской революции. Он высказался об упущенной возможности со стороны бывших союзников избежать

112 Atti parlamentari. Camera dei deputati. Discussioni. Legislatura XXIV. P. 13064.

113 Il diario di Salandra. Op. cit. P. 123.

114 Atti parlamentari. Camera dei deputati. Discussioni. Legislatura XXIV. 13 febbraio 1918. P. 15604.

усугубления ситуации в России в дальнейшем: «Я уверен, что если бы после февраля 1917 года западные кабинеты осознали истинную сущность такого феномена, как русская революция, если бы они смогли правильно определить ей достойное место среди великих событий, изменяющих мир, я думаю, что было бы гораздо меньше иллюзий и можно было бы избежать ошибок»[115].

Итальянское правительство находилось в плену собственных ложных представлений о Февральской революции как о событии, которое, по его мнению, должно было заставить Россию выполнять с еще большим рвением свои союзнические обязательства на Восточном фронте, что было крайне важно для Италии, воевавшей с Австро-Венгрией. Ни итальянское посольство в Петрограде, ни Министерство иностранных дел не смогли вовремя разобраться в ситуации и правильно проинформировать собственное правительство о сущности произошедшей революции и о природе установившейся власти, а точнее о неразрешимых противоречиях внезапно возникшего двоевластия[116]. Посол Королевства Италии в Петрограде, Карлотти, на запросы своего правительства и министра иностранных дел Соннино еще в январе 1917 года с полной уверенностью ответил, что не верил в скорую возможность революции. По его мнению, если даже Дума и могла свергнуть монархию, то последняя была бы заменена конституциональным режимом. Он был полностью уверен в том, что даже при таком сценарии Россия продолжит войну, так как, по его мнению, только окончательная победа над немцами и австрийцами могла обеспечить прочную власть российским либеральным партиям. Стоит также добавить, что в начале 1917 года в России находились сразу три итальянские делегации, отправленные с поручениями различного характера (торговая, военная и пропагандистская). Ни одна из них не смогла предвидеть произошедшую буквально у них на глазах Февральскую революцию[117].

Тем не менее, министр военной пропаганды Шалойя в напечатанном в Corriere della sera интервью говорил об отсутствии эффекта неожиданности в российских событиях и о предварительной подготовке общественного мнения либеральными

115 Ibid. 15 febbraio 1918. P. 15700.

116 Petracchi G. La Russia rivoluzionaria nella politica italiana.Op. Cit. P. 5.

117 Petracchi G. Da San Pietroburgo a Mosca. La diplomazia italiana in Russia 1861–1941, Roma: Bombacci editore. 1993. P. 172.

партиями к неминуемому перевороту[118]. Подобные высказывания явно свидетельствовали о незнании реальной ситуации в России и о выдаче итальянским читателям желаемого за действительное. В.Н. Забугин, профессор, специалист по истории Гуманизма и Возрождения, живший в Италии и знакомый с российской и итальянской реальностями, критически отозвался о работниках итальянского дипломатического корпуса в Петрограде, обвинив дипломатов в «поверхностном оптимизме в отношении русской революции». Он объяснял их позицию тем, что «немногочисленное и не владеющее русским языком, далекое от местной действительности итальянское представительство было оторвано от русского общества»[119].

Сведения, поступавшие в Рим от представителя в Италии Временного правительства, посла царской России М.Н. Гирса, также не способствовали прояснению ситуации и скорее продолжали создавать тот образ новой власти, который устраивал итальянские политические круги. Гирс заверял своих итальянских коллег в том, что «самое страшное уже позади. Революция остановится на достигнутом, так как основная масса крестьян сохраняет спокойствие. Нет оснований опасаться сепаратного мира или ослабления армии. Нынешнее правительство, несмотря на переживаемые трудности, обязательно окрепнет»[120].

Министр иностранный дел Соннино с гораздо большей осторожностью отнесся к Февральской революции в России, выражая беспокойство за ее последствия внутри самой России и на полях сражений. Однако, в интересах удержания союзника в рядах Антанты и из страха не подтолкнуть к падению и без того шаткое Временное правительство, Соннино с согласия премьер-министра Орландо до последнего скрывал свои сомнения в отношении стабильности новой власти и официально заявлял о своем полном доверии министрам Временного правительства. В частных письмах Верховный главнокомандующий итальянской армии Л. Кадорна также выражал свою обеспокоенность в связи с событиями в России. В письме жене он писал: «В России полная неопределенность – ситуация весьма опасная»[121].

---

118 Il testamento di Protopopoff riferito dal ministro Scialoja // Corriere della sera. 25 marzo 1917.

119 Zabighin V.N. Il gigante folle: istantanee della rivoluzione russa, 1918. P. 170. Cit. in Tamborra A. Esuli russi in Italia dal 1905 al 1917. Soveria Mannelli: Rubbettino.– 2002. P. 262.

120 Diario di Salandra. Op. Cit. P. 126.

121 Мелограни П. С. 64.

Таким образом, правительство в течение нескольких месяцев продолжало находиться в нерешительности по отношению к ситуации в России, не понимая до конца сущности происходящих событий. В правительственных кругах до последнего не хотели расстаться с мыслью о позитивном влиянии революции на дальнейший ход военных действий. Непонимание ситуации, незнание всех трудностей, которые возникали при взаимодействии с Советами и в проведении своей независимой, в том числе внешней, политики, привело к тому, что итальянское правительство видело в министрах единственных представителей власти и возлагало на них всю ответственность за внутреннюю и особенно внешнюю политику. Однако, уже в мае после отставки Милюкова и создания коалиционного правительства с участием членов Петроградского Совета, итальянские правительственные круги начали постепенно догадываться о наличии конфликта между социалистически настроенными политиками, заявлявшими о конце мировой войны «без аннексий и контрибуций», и либерально-буржуазными кругами, обещавшими исполнять до конца свой союзнический долг. После отставки Милюкова, заверявшего союзников в поддержке со стороны России, в либеральных кругах постепенно начали таять надежды на выполнение этих обязательств. Corriere della sera опубликовала заявление премьер-министра Орландо о том, что итальянскому правительству оставалось «только надеяться, что участие сильной группы социалистов в работе коалиционного правительства будет способствовать приданию большего влияния правительства на массы военных и рабочих»[122]. По словам Орландо до сентября в рядах правительства не было точного представления о том, что происходило в России.

Консервативно-националистическая пресса обрушилась на министров-социалистов Временного правительства России, в которых видела основного врага коалиционных сил Антанты и дошла до того, что угрожала российскому правительству немедленным вторжением на территорию России с целью восстановления там внутреннего порядка и принуждения бывшего союзника выполнять свой военный долг[123]. Авторы статей обвиняли Россию в предательстве и выражали надежду на скорейшую контрреволюцию. Это дало повод депутату-социалисту Артуро Лабри-

122 I pericoli della nuova Russia, 19 maggio 1917 // Corriere della sera. 22 marzo 1917.

123 Petracchi G. La Russia rivoluzionaria nella politica italiana. Op. Cit. P. 7.

ола для обращения к правительству с просьбой рассмотреть сложившуюся ситуацию, в которой «в условиях чрезвычайного военного положения и режима цензуры клерикальная, консервативная и националистическая печать позволяет оскорбительные высказывания в отношении республиканского режима в России, в адрес его представителей, занимающих официальные посты, подстрекая генералов к контрреволюционному перевороту»[124].

Члены кабинета министров также критически высказывались о внешней политике Временного коалиционного правительства, получая из Петрограда от своих представителей неутешительные сведения о состоянии российской армии и ее бессилии продолжать войну. Газеты пестрели статьями о внутреннем катастрофическом положении в России, еще более усугубившемся после июльского восстания. Недолго длившейся паузой в шквале критики в отношении России стала промелькнувшая надежда, связанная с брусиловским прорывом. В Палате депутатов бывший премьер-министр Паоло Бозелли выразил отношение итальянского правительства к возможному возвращению России в лоно Антанты: «Я никогда не сомневался, что русская демократия станет достойной своей огромной страны и устремлений современной цивилизации. Если и были моменты, когда казалось, что либеральная мысль этого народа потеряла твердую опору, я всегда был уверен, что в итоге европейские ценности и победа одержат верх. Мы верим в наших русских союзников, союзников вчерашних и в еще большей мере союзников сегодняшних, которые чувствуют биение народного сердца, сердца цивилизации, сердца народного волеизъявления»[125].

Однако брусиловская эйфория закончилась так же внезапно, как и началась. Положение на Восточном фронте, как и внутри России, продолжало внушать беспокойство итальянцам. Среди либералов начались разговоры об опасности проникновения социалистических революционных идей и в саму Италию. Эпизодом, положившим начало бурным дискуссиям в прессе и политических кругах, стал приезд в июле 1917 года российских социалистов в Италию с целью убедить своих итальянских коллег принять участие в Стокгольмской международной конференции, посвя-

124 Atti parlamentari. Camera dei deputati. Discussioni. Legislatura XXIV. P. 14460.
125 Ibid. P. 14324.

щенной обсуждению перспективы дальнейшего продолжения войны. Депутат от либеральной партии Винченцо Боветти намекнул на «русские корни» августовских беспорядков в Турине, когда шествие рабочих, возмущавшихся отсутствием муки на городских складах, вылилось в антивоенную акцию, повлекшую за собой аресты социалистов (в том числе и Серратти) и анархистов. «В то время в Турин, а до этого и в другие города Италии, прибыла делегация из поднявшейся за свободу России, той России, которая все-таки устроила у себя революцию, несмотря на заклинания министра Шалойя. […] В те дни в Турине праздновалась не только русская революция, но была отпразднована и итальянская революция»[126]. Республиканцы также связали волнения в Турине с бывшими там в тот момент представителями Советов, что, по их мнению, привело к появлению пораженческих настроений в тылу и на фронте и в итоге к трагедии при Капоретто.

Депутат от республиканской партии Пиролини высказался о революции в России как о событии, «не способствующем во время разрушительной войны придать силу духа сражающимся итальянцам». Более того, он обвинил двух представителей Советов в подстрекательстве итальянских рабочих к восстанию против войны. Самих же итальянцев он упрекнул в «восприятии пустых формул революции, в которую мы все искренне поверили, так как полагали, что она примет на себя роль движущей силы, какой когда-то стала французская революция, не сложившая оружия, а наоборот, возродившая свою армию, дабы установить во всей Европе новый гражданский порядок»[127]. Мысль о влиянии представителей Советов на внутреннюю ситуацию Италии развил впоследствии и Федерцони, депутат от партии националистов: «Товарищ Гольденберг [один из русских социалистов, посетивших Италию летом 1917 – прим. Автора], докладывая о своих впечатлениях об Италии, предвидел великие итальянские события, должные произойти в интересах Интернационала, то есть Австро-Венгрии и Германии. Он говорил о своей уверенности в том, что вот уже совсем скоро что-то важное случится в Италии. Приезд представителей Совета был действительно решающим моментом в дальнейших туринских событиях»[128].

126 Ibid. P. 14586. Последнее обращение 19.09.2017.

127 Atti parlamentari. Camera dei deputati. Discussioni. Legislatura XXIV. 20 dicembre 1917. P. 15317.

128 Ibid. 22 dicembre 1917. P. 15420.

Либеральная печать также стала выражать свое беспокойство влиянием последствий революции на исход войны. Авторы отмечали распространение пораженческих настроений среди итальянских солдат в результате воздействия на их умы пацифистских идей российских Советов. В течение лета воздействие русской революции проявляется с возрастающей силой. В июле в Санта Мария Ла-Лонга (Удине) взбунтовались подразделения бригады "Катандзаро". Герцог Д'Аоста, командовавший третьей армией, не сомневался, что одной из причин волнений были известия о России[129].

Социалисты разделились во мнениях в отношении миссии российских представителей коалиционного правительства. Если большинство ИСП, возглавляемое Серрати, решило поддержать антивоенную линию Циммервальдского движения и отклонить приглашение на конференцию, созываемую А. Керенским в сентябре 1917 года для обсуждения сложившейся ситуации и выработки дальнейших шагов в решении вопроса о войне, то социалисты-реформисты во главе с Турати безоговорочно поддержали участие в Стокгольмской конференции. Несмотря на различное отношение итальянских социалистических фракций к приезду российских парламентариев, во время их выступлений на многочисленных митингах «от Рима до Флоренции, от Равенны до Болоньи, от Милана до Новары слышались крики "Да здравствует Ленин!"»[130].

Корниловский мятеж и действия Керенского доказывали в глазах итальянских журналистов переходный характер очередного состава Временного правительства, неспособного гарантировать восстановление порядка внутри страны. Доходившие до итальянцев сведения о ситуации в России не внушали энтузиазма: разруха, безвластие, полнейший хаос. Это объясняет то, что Корнилов, был воспринят итальянской прессой как реальный кандидат, способный вывести страну из смуты и вновь направить ее в русло европейской политики.

Corriere della sera почти со скрытым сожалением писала о неудавшемся мятеже: «Во всем этом хаосе стало понятно одно: Россия не может более представлять из себя демократию, опьяненную словами, и с армией, ослабевшей в результате

129 Мелограни П. Указ. Соч. С. 64.

130 Avanti! 20 agosto 1917.

революционной пропаганды, а не под ударами врага. […] Нельзя забывать, что русская революция родилась в самый разгар войны, несет в себе ее дух и ее движение и составляет с ней единое целое. Корнилов, может, и не победит, может, уже завтра его не будет, но его дело будет продолжено в вихре событий. Его намерения и его действия могут вызывать сомнения, критику, отторжение. И, тем не менее, он навсегда останется частью этой трагической жизни русского народа, постоянно нуждающегося в приказах и подчинении, сильной воле и железной дисциплине»[131]. Республиканцы заняли нейтральную позицию по отношению к Корнилову и Керенскому, подчеркивая патриотический характер действий первого. Однако печатный орган партии Iniziativa поддержал Керенского и в его решении провозгласить республику, и в его борьбе с Корниловым, видя в последнем ставленника консерваторов, которые в случае успеха Корнилова «дорого бы заставили его заплатить за оказанную поддержку»[132]. Avanti! под руководством Серрати подчеркивала контрреволюционный характер не только действий Корнилова, но и самого Керенского, который, по мнению безымянного автора статей, продолжал действовать в интересах буржуазии, «вычеркивая социалистическую составляющую из содержательной деятельности коалиционного правительства»[133].

После корниловского мятежа в сентябре-октябре из итальянской прессы почти исчезла тема российской революции, что свидетельствовало о временной потере интереса к событиям в России, концентрации на собственных проблемах и, возможно, о неспособности разобраться в сложной политической ситуации, исход которой по-прежнему оставался неясным. Однако, сложности внутриполитической ситуации, постепенная потеря кредита доверия среди населения по причине продолжавшейся войны, распространение левых настроений на фабриках (в частности, беспорядки в Турине и Милане) и, наконец, неудачи на военных фронтах – все это подтолкнуло правительство к решению использовать российскую революцию в своих конъюнктурных интересах и представить неудачи на фронтах Италии как следствие развала российской армии, проникнутой духом пацифистских социали-

131 Oscura situazione in Russia, 19 maggio 1917 // Corriere della sera. 23 novembre 1917.
132 Scibila C. Op. Cit. P. 47.
133 Cortesi L. Op. Cit. P. 168.

стических идей. С этой целью 31 октября (по новому стилю) в газете La Stampa была опубликована статья В. Гайды[134], обвиняющая во всех военных неудачах на итальянском фронте победившую в России революцию. В дальнейшем установление прямой связи между Февральской революцией и поражением итальянской армии при Капоретто стало общим местом в риторике либерально-консервативных политиков, накануне большевистского переворота окончательно открестившихся от русской революции. Депутат от радикальной партии и министр финансов в кабинете Орландо Франческо Нитти выразил общее состояние итальянской праволиберальной общественности: «Я никогда не был фанатом русской революции, так как до конца не знаю всех особенностей социальной жизни нашего великого союзника. Мы многого не знаем, многое так и не узнаем никогда. Русская революция – это великое событие. Вредное или полезное для нас – мы все надеемся, что полезное. […] Мы должны помнить наши идеалы, но и не забывать о действительности. Однажды итальянский народ узнает, что из-за того, что происходит в России, Италия вынужденно подвергается наибольшей опасности по сравнению со всеми остальными союзниками […]. Война открыла для нас столько нового и неожиданного, чего мы не могли предвидеть»[135]. В своей речи, произнесенной на заседании Парламента 14 ноября 1917 г., посвященном поражению итальянской армии при Капоретто, бывший первый министр Саландра неоднозначно намекал на вину России в поражении Италии. Среди основных врагов Италии и свободы он также упомянул «орды Германцев, Венгров и Татар, вновь пришедших на столь часто оспариваемые земли, на которых Рим оставил вечные следы латинской цивилизации»[136].

Независимый социалист Энрико Ферри также обратил внимание на «русскую революцию как на определяющий фактор неспособности Антанты к решающим действиям на фронте». Однако, он призвал с пониманием отнестись к ситуации в России, где «революция должна породить новый социальный строй, а для этого надо сохранить необходимую энергию, которую ей нельзя растрачивать на во-

134 Вирджино Гайда (1985–1944) – крупный итальянский журналист и публицист, редактор ежедневников «Messagero» и «Giornale d'Italia».

135 Atti parlamentari. Camera dei deputati. Discussioni. Legislatura XXIV. 20 ottobre 1917. P. 14790.

136 Comunicazione del governo: avvenimenti militari al fronte italiano, Tornata del 14 novembre // Discorsi parlamentari di Antonio Salandra. Roma: Stab. Tip. Carlo Colombo 1959. P. 1148.

йну»[137]. Помимо мысли о том, что русская революция стала причиной поражения Италии на юго-восточном фронте, уже осенью 1917 года в итальянской печати появляются намеки на немецкий след в двух первых русских революциях, 1905 года и Февральской 1917 года. Депутат от радикальной партии Джованни Колонна ди Чезаро обвинил Германию во вмешательстве во внутренние дела России и в оказании прямого влиянии на произошедшие революции: «Германия пользуется царящим в России хаосом для разрешения ситуации в Восточной Европе в своих интересах. Германия уже давно дергает русскую революцию за ниточки. Еще с тех пор, как Россия участвовала в войне против Японии, Германия, не способная мириться с набирающим силу соседом, организовала переворот, приведший к заключению мира с Японией и вынудивший царя созвать Думу [...]»[138].

Февральская революция в России в определенном смысле стала лакмусовой бумажкой общественных настроений, а также пробой сил различных политических направлений, начиная с крайне правых националистов и заканчивая левым крылом социалистов. Необходимость занять определенную позицию в отношении произошедшего в России события привела к еще большему размежеванию внутри левых сил, с одной стороны, и укреплению положения правых и либералов, получивших эффективное оружие в качестве «русского примера», с другой. Ссылка на события в России с целью дискредитации противника стала в Италии обычным явлением в политической практике революционных лет. Интерпретация же фактов и действий участников революционных событий в России стала своего рода разменной картой во внутриполитической игре. Следует также подчеркнуть субъективный характер восприятия февральских событий, пропущенных через фильтр собственной реальности, что препятствовало появлению трезвых оценок и реалистичных прогнозов.

137 Atti parlamentari. Camera dei deputati. Discussioni. Legislatura XXIV. 23 ottobre 1917. P. 14920.
138 Ibid. P. 14911.

## §2. Октябрь 1917 года в оценке правящих кругов Италии и в представлении широких масс

### *1.2.1. Первые известия о событиях в России*

Новости о взятии большевиками власти в Петрограде дошли до Италии с опозданием и не вызвали на тот момент повышенного интереса. Дело в том, что октябрьские события в России совпали с крупным поражением Италии на юго-восточном фронте при Капоретто от австро-венгерских войск. Итальянские министры были заняты обсуждением трагедии и ее возможных последствий, а страницы национальных органов печати пестрели заголовками о поражении итальянской армии. Почти все министры, в том числе Орландо и Соннино, находились в день взятия Зимнего дворца в Рапалло на конференции союзников, созванной для обсуждения создавшегося на итальянском фронте положения. Собиравшийся вернуться на родину бывший посол Италии в России Карлотти отправил 6 ноября (по новому стилю) телеграмму в Рим, в которой предупреждал об ухудшении ситуации в Петрограде. Телеграмма была получена лишь 8 ноября, а новость о произошедшем восстании итальянское правительство узнало лишь 9 ноября из краткого сообщения информационного агентства Стефани[139].

Судя по отсутствию донесений из посольства в России, до 17 ноября Министерство иностранных дел находилось в полном неведении того, что происходило в Петрограде. Связь с посольством была прервана, телеграммы не доходили, а поступающие из других источников сведения не давали полной картины произошедшего. Полученные впоследствии Римом сообщения от консула в Петрограде Дж. Каталани и консула в Москве Дж. Майони отличались отсутствием глубокого понимания произошедших событий и критического отношения к окружавшей их реальности, преувеличением грозившей большевикам со всех сторон опасности и ожиданием со дня на день падения советской власти. Каталани не предупредил свое правительство о публикации секретных договоров и не смог заранее разглядеть в пропаганде большевиков их основное оружие на международной арене[140].

---

139 Petracchi G. La Russia rivoluzionaria. Op. Cit. P. 24.

140 Ibid. P. 28.

Из анализа межведомственной переписки следует, что в глазах итальянского правительства большевики были небольшой группой анархистов-максималистов, сумевших захватить власть в Петрограде, но не пользовавшихся никакой поддержкой в других городах. Во многом такая оценка объяснялась сведениями, поступавшими в кабинеты итальянского правительства от своих дипломатических представителей в России. Однако, итальянские дипломатические круги знали слишком мало о подпольной и революционной России. До дипломатов не доходили сведения о людях, сделавших революцию, об идеологии, лежавшей в основе их действий, а также о степени их влиянии на массы. Они были почти не знакомы с особенностями русского национального характера, который стал одним из факторов такого сокрушительного и бесповоротного характера октябрьских событий. Лишь в апреле 1917 года до итальянских дипломатов дошли более подробные сведения о Ленине, однако они не читали статей с изложением его теорий и политических программ. Судя по докладам итальянских дипломатов в Рим, Ленин воспринимался ими как оторванный от реальности теоретик, идеолог абстрактной революционности, далекий от российской реальности, чуждый культурным национальным традициям, а его внешнеполитические идеалы, по мнению итальянских либерально-консервативных дипломатов, противоречили историческим интересам России. Таким образом, итальянские дипломаты видели в большевиках либо бесплодных теоретиков мировой революции, либо немецких агентов. Это предопределило тот факт, что на октябрьские события не было обращено должного внимания, а их причины и последствия недооценены. Итальянские дипломатические круги посчитали успех Ленина временным явлением, о чем и сообщили в Рим[141].

Уверенное во временном характере большевистской власти, в том числе и благодаря депешам Каталани, итальянское правительство приняло решение не вступать с ее представителями ни в официальные, ни в полуофициальные отношения. Решительным действием итальянского правительства в поддержку этой позиции стало назначение на пост главы итальянского посольства в Петрограде маркиза Делла Торретта, ярого противника большевиков. На заседании парламента премьер-министр Орландо официально заявил о том, что «небольшая политическая

141 Petracchi G. Da San Pietroburgo. Op. Cit. PP. 176–177.

группировка заняла место правительства в Петрограде. Однако, на данный момент в России отсутствует представительная власть, более того, сама система политической власти. Союзники призна́ют законным то правительство, которое, будучи выражением искреннего и сознательного волеизъявления народа, получит право говорить от имени всей русской нации»[142].

Радикальная партия выступила на стороне правительства, выразив свою позицию словами депутата М. Пьетравалле, отозвавшегося о большевиках как о «людях Кайзера», а об их действиях как о «предательстве максималистской теории, которое бесчестит и вовлекает Россию в гражданскую войну и состояние рабства. Максималисты составляют меньшинство русского населения, несмотря на статистические махинации Avanti!. Количество сторонников большевиков раздуто благодаря насилию и действиям тех солдат, которые предпочли советы траншеям, а погреба Зимнего дворца – немецким гранатам!»[143].

Социалист Дж. Модильяни призвал правительство шире и глубже посмотреть на произошедший в России политический переворот. Он, в отличие от большинства итальянских политиков, убежденных в отторжении народными массами большевистского режима и в его несоответствии интересам своего же народа, попытался доказать обратное и убедить в значительности и масштабности произошедших в России событий: «Даже ваш Шарль Риве[144] в Лозанской газете писал о том, что 90% русского населения высказалось за скорейшее заключение мира. Так вы ничего не читаете? Вы не понимаете, что максималистское движение является отчаянной попыткой коммунар спасти собственную страну от еще большего разрушения? […] Ненавидимые вами максималисты строят свою программу с учетом действительной защиты своей страны от тех, кто, по их мнению, хотел ее предать. Я хочу призвать вас серьезнее отнестись к тому, что происходит в России»[145]. Депутат же от социалистов-реформистов Дж. Маркезано поставил под сомнение тезис Модильяни о патриотических мотивах действия большевиков. В своей речи он явно делал намек

142 Atti parlamentari. Camera dei deputati. Discussioni. Legislatura XXIV. 12 dicembre 1917. P. 15108.

143 Ibid. 21 dicembre 1917. P. 15341.

144 Настоящее имя Шарль Жозеф Риве (Charles Joseph Rivet), 1881–1955. Французский политический журналист. Печатался в газете “Le Temps”, директор журнала "La Revue contemporaine". Автор исторических и политических очерков о России и Восточной Европе. Кавалер Почетного легиона.

145 Atti parlamentari. Camera dei deputati. Discussioni. Legislatura XXIV. 12 dicembre 1917. P. 15116. Дата последнего обращения 20.9.2017

на предательское поведение «немцев со славянскими псевдонимами», «открывших границы врагам и подстрекавших армию к сдаче и бегству»[146].

Тем не менее, в феврале 1918 года, когда надежды на немедленное падение большевистского правительства стали постепенно рассеиваться, Орландо был вынужден признать свершившийся переворот, как независящее от Антанты событие, что означало продолжение войны теперь уже без прежнего союзника и с учетом новой власти в России: «Антанта теперь может воспринимать происходящие на северо-востоке Европы события не иначе как данность, в которой отсутствует малейшее понятие о праве и какое бы то ни было законное основание до тех пор, пока вновь образовавшиеся государства, их границы и независимый статус не будут признаны и санкционированы международными соглашениями»[147].

Несмотря на то, что октябрьские события в России совпали с драматическим поражением итальянской армии при Капоретто, их интерпретациям было уделено много времени и места в парламентских дебатах и на страницах национальной прессы. С одной стороны, это объяснялось победой в России тех сил, которые призывали к окончанию войны на новых условиях без учета предвоенных договоренностей; с другой, прецедент взятия власти в стране крайне левыми социалистами всколыхнул членов всех итальянских партий своим примером и заставил их срочно выработать свое отношение к произошедшему на основе прежних политических воззрений.

### *1.2.2. Слухи о «немецком заговоре»*

Ленин и Троцкий воспринимались как тайные агенты Германии, осознанно или неосознанно действовавшие в ее интересах. Уже в первые дни большевистского вооруженного выступления в ряды итальянского правительства проникает мысль о немецком следе в русской революции. Одним из первых, кто заговорил о неслучайности большевистского переворота, стал профессор Римского университета Владимир Николаевич Забугин. В мае 1917 года он отправился в Петроград по заданию министра пропаганды В. Шалойя с целью проведения разъяснительной работы сре-

146 Ibid. P. 15111.
147 Ibid. 20 febbraio 1918. P. 15921.

ди солдат и офицеров российской армии, информируя их о вкладе Италии в войну и об усилиях, предпринимавшихся итальянской промышленностью для достижения победы союзников. По воле судьбы Забугин оказался в момент большевистского переворота в Петрограде, и стал свидетелем свержения Временного правительства и первых дней деятельности новой власти. По возвращении в Италию он написал подробный отчет об увиденном, доказывая мысль о заранее продуманном плане, разработанном немецким штабом: «Все ждали этого переворота уже начиная с августа, то есть с того момента, когда большевики после неудавшейся попытки взять власть в свои руки в июле начали восстанавливать силы для наверстывания упущенных позиций»[148]. Забугин предлагал союзникам России по Антанте не оставлять ее на волю случая и позаботиться о возвращении власти в руки законного правительства путем вторжения на ее территорию и изгнания большевиков. Он также призывал со всей серьезностью отнестись к произошедшему в России перевороту, предвидя в нем начало новой эры для всей мировой истории: «Восприятие русской революции должно быть лишено легкости, поверхностности и пренебрежения. Это наш великий учитель. По сути, она превратила в прах буржуазную демократическую мысль 1830-х годов с ее культом статистики и справедливым голосованием. Она поставила под сомнение теоретический социализм с его искренней религиозной верой в экономико-полицейский абсолютизм государственной власти, в классовую борьбу и международную пролетарскую солидарность. Она жестоко, но убедительно доказала необходимость совершенно нового политического и социального устройства»[149]. Эти свидетельства стали одними из первых широко распространенных среди итальянской политической элиты. Вполне вероятно, что они в определенной мере повлияли на формирование отношения итальянского правительства к большевикам и на выработку конкретной политики в этом направлении.

В ответ на обвинения большевиков в связях с Германией социалист О. Моргари выступил с резкой критикой этого широко распространенного в итальянских политических кругах штампа. Моргари утверждал, что «Ленин – это человек, отдавший тридцать лет своей жизни делу, в которое искренне верит. Возможно, он не

148 Zabighin V.N. Il gigante folle: istantanee della rivoluzione russa, 1918. P.170. Cit. in Tamborra A. Op. Cit. P. 262.
149 Ibid. P. 264.

достаточно учитывает трудности радикальной трансформации индивидуалистического общества в коллективистское, даже если такая трансформация облегчается в России мистическим духом славянского народа и в еще большей степени тем, что эта страна лишь недавно вышла из состояния примитивного аграрного коммунизма. […] Но Ленин торопится, хочет превратить свою страну в огромное кооперативное общество производства и потребления, в масштабное акционерное общество, в котором каждый гражданин является акционером по праву рождения. Он – практический идеалист. Возможно, он утопист. Будущее покажет. Но такой человек не может продаться. Посмотрите на политическую сторону его действий. Россия от своего имени отказывается от каких бы то ни было империалистических планов. […] Неужели вы верите, что эта политика проводится мелким германским шпионом или каким-то продажным воякой? Более того, позвольте мне добавить, что даже негодяй Троцкий, тот самый продажный Троцкий, – друг Италии, написавший книгу «О влиянии итальянского Возрождения на европейскую культуру»[150]. За этими словами последовал запротоколированный многозначительный комментарий министра иностранных дел С. Соннино: «Упаси нас бог от таких друзей».

Националист Федерцони обрушился с резкой критикой на «подобную апологию ленинизма», как он выразился в стенах итальянского парламента. Он был убежден, что истинные патриоты, какими Моргани представил Ленина и Троцкого, не могли довести свою страну до состояния «хаоса, анархии и подчинения иностранному влиянию»: «Россия доведена до условий доисторической эпохи, выставлена за пределы Европы и мировой цивилизации, неожиданно подвергшись разрушениям, от которых не сможет оправиться еще долгие десятилетия. Результат кропотливого труда многих поколений русского народа был уничтожен за несколько месяцев руками нескольких безумных или продажных демагогов»[151].

Находясь в плену своих собственных представлений о российской реальности, итальянские политики и дипломаты не смогли на первом этапе трезво оценить масштаб произошедших в России событий. Трагедия при Капоретто, с одной стороны, отсутствие связи с дипломатами и журналистами, с другой, также оказали не-

150 Atti parlamentari. Camera dei deputati. Discussioni. Legislatura XXIV. 21 dicembre 1917. P. 15358.
151 Ibid. 22 dicembre 1917. P. 15419.

гативное воздействие на объективность восприятия октябрьских событий. Особое внимание стоит обратить на позиции русских политических эмигрантов в Италии, которые также сыграли не последнюю роль в формировании образа Советской России в целом и большевистского октября в частности.

### *1.2.3. Реакция на политические акции большевиков*

Первые шаги советского правительства подтвердили подозрения итальянцев в решительности новой власти. Предложение о подписании мира и опубликование секретных дипломатических документов убедили их в опасности, которая, прежде всего, угрожает их внутреннему государственному порядку, принимая во внимание силу воздействия большевистского примера на итальянскую левую общественность.

Большинство итальянских политиков резко выступило против идеи большевиков немедленно положить конец военным действиям и настаивало на решительной победе в войне с целью окончательного поражения противника и достижения поставленных перед войной стратегических целей (главным образом, территориальных присоединений). Это предопределило их отрицательное отношение к октябрьским событиям, разрушившим их планы, приведшим к заключению сепаратного мира с Германией и выходу России из войны. Обращаясь с ретроспективным взглядом на произошедшие в России события октября 1917 года, спустя год во время официальной церемонии празднования победы в Первой мировой войне 20 ноября в Риме, бывший премьер Саландра произнес речь, в которой среди прочего упомянул о катастрофических для многовековой цивилизации последствиях революции. «Мы должны передать власть сражавшемуся народу[152]. Это наш долг и необходимо признать его. Однако власть должна быть передана при соблюдении порядка и закона: не должно произойти насильственного захвата. Насилие и террор могут породить лишь деспотизм, основной инструмент которого – анархия. Сегодня убедительно было сказано, что война – это революция. Да, великая, святая революция. Однако, это должна быть цивилизованная и гуманная революция. Иначе,

152 Имеется в виду итальянский народ.

несмотря на предпринятые нами усилия, может исчезнуть цивилизация, могут быть потеряны плоды вековых трудов и прогресса (Аплодисменты и крики: долой большевизм!)»[153].

С официальной позицией правительства согласился в своем выступлении в парламенте депутат от радикальной партии А. Абиссо. Отрицая какие-либо заслуги ленинизма и «глубокие корни социального движения в России», он напомнил о вкладе итальянской армии в общее дело защиты цивилизации от немецкого империализма, о помощи, которую итальянцы оказывали неудачно сражавшейся русской армии, и резко заявил: «Если бы Германия и в других странах нашла таких же наемных убийц, готовых уничтожить собственную страну, каких она нашла в России, то Европа давно бы превратилась в немецкую колонию. И тогда, перебивающие меня коллеги-социалисты, прощай свобода, социализм и пролетариат!»[154]. Его соратник по партии Н. Ломбарди призвал бойкотировать большевистское правительство из-за его связей с немцами и предательского поведения на фронте: «Этой России Троцкого, который ведет темные дела с генералами и дипломатами Кайзера, этой России, которая покинула и ослабила Антанту и сделала так, что армии Центральных империй обрушились на наш фронт, этой России Антанта и Италия не могут аплодировать»[155]. Депутат от католической партии Дж. Родино также подчеркнул огромный ущерб, который нанесла русская революция общему делу союзников. «Наш щедрый народ вписал во всемирную историю страницы славы, подвига и героизма. Однако русская революция, встреченная в самом начале с огромным энтузиазмом, нанесла непоправимый вред нашему делу и делу наших союзников»[156]. Возвращаясь к депутату Абиссо, стоит привести его емкую, брошенную в адрес итальянских социалистов фразу о большевистский революции и войне: «Вы хотите сделать как в России: противопоставить идеалы оружию»[157].

Депутат от социалистов-реформистов Н. Бадалони увидел в русском примере последствия «трусливого бегства с фронта»: «Роковая ошибка России в том, что

153 Il discorso della vittoria, Roma 20 novembre 1918 // Discorsi parlamentari di Antonio Salandra. Op. Cit. P.1449.
154 Atti parlamentari. Camera dei deputati. Discussioni. Legislatura XXIV. 19 dicembre 1917. P.15269.
155 Ibid. 21 febbraio 1918. P. 15951.
156 Ibid. 20 febbraio 1918. P. 15909.
157 Ibid. 16 febbraio 1918. P. 15737.

намереваясь заключить мир, она пожертвовала сопротивлением, а мира так и не достигла. Теперь же, дабы избежать оккупации и войны она, бессильная, должна преклониться перед железной волей врага»[158]. Депутат от Республиканской партии Колаяни попытался рассмотреть тогдашнюю ситуацию в России в контексте всей Европы в настоящем и будущем: «Разложение этого огромного социально-политического организма, несомненно, будет иметь последствия в будущем для всей Европы; однако не все они будут вредными. Нас же интересует настоящее. И сегодня, к сожалению, триумф анархии в России привел к оккупации Италии, к победе австро-болгаро-турко-германского милитаризма в соответствующих странах, который надеется и питает себя иллюзиями, что разбойничество Центральных Империй сможет заставить весь цивилизованный мир принять навязанный немцами мир»[159]. Почти в защиту большевистского правительства прозвучала мысль депутата-националиста О. Раймондо о том, что «оно было вынуждено завершить войну не по убеждению, а по необходимости. Российские революционеры надеялись (они нам сами сообщили об этом в Петрограде), что немецкая социал-демократия остановит имперские армии на пути к Парижу или Петрограду, а страны Антанты решительно пойдут на подписание мира без аннексий и контрибуций»[160]. Точку в дискуссии о решающей роли России в поражении Италии при Капоретто и в предательстве союзнических интересов поставил Соннино: «Необходимо оставить любую надежду на военный рывок России. Однако это не причина, чтобы сомневаться в боеспособности союзников, так как русскому фактору удачно пришел на смену северо-американский»[161].

Шквал критики в адрес большевиков был вызван также предательством союзнических интересов и принятым односторонним решением без консультации с заинтересованными сторонами о распространении секретной дипломатической информации. Депутат от либеральной партии А. Торре выразил свою негативную позицию в отношении действий советского правительства: «я не собираюсь обсуждать, имело ли русское правительство право публиковать эти документы без

158 Ibid. 21 febbraio 1918. P. 15890.

159 Colajani N. Il grande tradimento russo // Rivista popolare di Politica. Lettere e Scienze Sociali. 15 dicembre 1917.

160 Atti parlamentari. Camera dei deputati. Discussioni. Legislatura XXIV. 22 febbraio 1918. P. 16032.

161 Ibid. 23 dicembre 1917. P. 16071.

согласия союзников. Лично я его не признаю»[162]. С ним согласился депутат-националист Л. Федерцони, указав, что в данном случае нет никакой разницы в том, что документы были опубликованы русскими или немцами. Результат этих действий на положение союзнических правительств оказался бы равнозначным. Однако депутат от ИСП Модильяни призвал своих коллег мыслить реальными терминами и не удивляться действиям большевиков: «Было бы абсурдным, если бы русская социалистическая революция остановилась перед дипломатическими условностями, в то время как она отрицает дипломатическую традиционную систему в целом и обвиняет в предательстве национальных интересов царский режим, заключивший эти договора, следуя общепринятым дипломатическим условностям. Удивляться тому, что русская революция открыла ящики дипломатических архивов – это как удивляться естественному ходу вещей в конкретный исторический момент в конкретной стране!»[163].

Среди опубликованных большевиками документов был секретный Лондонский пакт, в котором оговаривались условия вступления Италии в войну и, в частности, обещанные ей за это территориальные приобретения. В отличие от Франции, Англии и США, где национальная печать позаботилась об опубликовании на своих страницах переводов дипломатических документов, в Италии с еще большей энергией заработала цензура, воспрепятствовавшая распространению в печати текстов документов. Первоначально в Италии секретные договоры были опубликованы, по словам националиста Дж. Бевионе, в виде «краткого, блеклого, сухого пересказа, не дающего широкой публике и даже политическим кругам ясного представления о действительной ценности этих документов»[164]. Публикация же их в России была интерпретирована в Италии как предательство союзнических интересов, а о Лондонском пакте даже не упоминалось, во избежание негативной реакции противников войны. Текст этого пакта был опубликован в Италии лишь 14 февраля 1918 года, когда внутреннее положение стабилизировалось, а выдвинутые Германией условия Брест-Литовского мира приняли более конкретные очертания. Основными

162 Ibid. 12 dicembre 1917. P. 15110.
163 Ibid. P. 15138.
164 Ibid. 13 febbraio 1918. P. 15586.

сторонниками публикации секретного договора стали либералы и социалисты, что дало им очередной повод для нападок на правительство и усиления антивоенной пропаганды. На заседании Парламента депутат от либеральной партии А. Торре потребовал от правительства взять пример с других стран и опубликовать перевод распространенных большевиками секретных договоров: «Уже более нет причин для того, чтобы продолжать хранить их в глубокой тайне»[165]. Достигнутое с огромным трудом национальное единение после поражения при Капоретто начинало постепенно терять свою социальную базу, что беспокоило и пугало правительство.

Однако, не только возможность сепаратного мира и публикация секретных договоров, бросавших тень на итальянское правительство, предопределили его резко отрицательное отношение к большевикам. Итальянские политики быстро осознали опасность, подстерегавшую либеральную власть, которую таил в себе пример перехода управления страной к прямым представителям народных масс, как то заявляли левые социалисты. Страх перед «русской заразой» подтолкнул правительственные круги Италии не только к принятию целой серии мер в целях предотвращения распространения большевистского влияния среди рабочих и крестьянских слоев населения, но и к последовательному и постепенному крену вправо, что в итоге привело к падению либерального правительства. Однако, осенью 1917 года об этом еще мало кто задумывался. Над кабинетом Орландо нависла советская угроза, и с ней надо было неотложно бороться.

Одним из первых «большевистскую заразу», как выражались журналисты и политики правого толка того времени, распознал итальянский дипломат Делла Торретта[166]. Согласно полученным от него в Риме отчетам, в начале своей миссии он так же, как и его предшественники, предсказывал скорый конец власти большевиков и со дня на день ожидал решительного удара со стороны противников Ленина. Однако, разгон большевиками Учредительного собрания заставил его иначе взглянуть на новую власть и увидеть в ней силу, способную к длительному сопротивлению. Одновременно с убеждением в долгосрочной перспективе большевистского прав-

165 Ibid. 12 dicembre 1917. P. 15110.

166 Делла Торрета в 1917 году был главой итальянской коммерческой делегации в России, а затем временно управляющим посольством Италии. В 1919 году участвовал в Парижской мирной конференции в качестве члена итальянской делегации.

ления Делла Торретта осознал реальную опасность, представляемую большевиками для существовавших тогда европейских политических режимов. Не признавая в большевистском правительстве представителей народной власти, Делла Торретта усмотрел в их режиме враждебный либерально-буржуазной Италии характер. Будучи убежденным консерватором, Делла Торретта стал одним из решительных сторонников свержения большевистского режима путем военной интервенции, к чему он и призывал свое правительство, находясь в России[167].

С резкой речью об опасности проникновения в Италию большевистских идей выступил депутат от националистов Л. Федерцони. Уже сами речи левых итальянских социалистов в парламенте он приравнивал к «советской пропаганде, направленной на подрыв общественного порядка в Италии». «В то время как в России царит хаос», утверждал Федерцони, «нашему народу описывают совершенно иную ситуацию, а он верит. В этом-то и состоит русский пример. На моральном состоянии нашего народа и армии может негативно сказаться притягательный пример некоторых сиюминутных результатов, не прошедших проверок, не подвергнутых критике, искаженно представленных публике и распространяемых путем односторонней пропаганды. […] Эти господа[168] даже не попытались скрыть за своими чуть менее прусскими псевдонимами, как это недавно сделали их руководители Бронштейн и Цедерблум[169], замаскировавшись под Троцкого и Ленина, всю свою преданность истинных немецких агентов. Эти господа не ограничились тем, что на халяву налопались в Кастель Гандольфо. В других городах они активно развернули свою пропагандистскую подрывную деятельность, которая в качестве наиболее печальных результатов дала о себе знать в туринских событиях[170]»[171]. Близость взглядов и действий итальянских социалистов с их советскими единомышленниками дал повод Федерцони обвинить первых в предательстве национальных интересов путем про-

167 Pertracchi G. Da San Pietroburgo. Op. Cit. PP. 180–182.

168 Имеются в виду четыре советских представителя коалиционного правительства (меньшевики И.П. Гольденберг и А.Н. Смирнов, социалист-революционер Н.С. Русанов и депутат Бунда Г.М. Эрлих), приехавшие в Италию в августе 1917 года с целью убедить итальянских социалистов в необходимости участвовать на международной социалистической конференции в Стокгольме.

169 Так в оригинале. Цедербаум – настоящая фамилия не Ленина, а Ю.О. Мартова.

170 Речь идет о беспорядках, произошедших в Турине в августе 1917 года, когда на улицу вышли рабочие под руководством лидеров анархистского и социалистического движений.

171 Atti parlamentari. Camera dei deputati. Discussioni. Legislatura XXIV. 22 dicembre 1917. P. 15419. Дата последнего обращения 20.9.2017

ведения пацифистской пропаганды, способствующей дезертирству и братанию на фронте. В центре его обвинений, в частности, оказалась городская администрация города Дженцано (провинция Рима), где у власти находились социалисты.

Социалист-реформист Турати от имени реформистского крыла ИСП обвинил само правительство, и, в частности, премьера Орландо в распространении ленинизма в Италии. По его мнению, отказ итальянских властей от предложенного большевиками всеобщего мира подтолкнул их в итоге заключить сепаратный с Германией, поставив тем самым Италию на грань развала. «Почтенный Орландо, своими действиями, которые, возможно, и не соответствуют вашим планам, вы упорно противодействовали Стокгольму, отделяя, таким образом, русский социалистический пролетариат от других социалистических пролетариатов стран Антанты. Таким образом, вы способствовали росту и триумфу русского ленинизма, который дал о себе знать на Изонцо[172]. […] То, что в Италии существуют следы ленинизма – несмотря на все ваши контрмеры – это ваша вина!»[173].

Еще дальше в своих обвинениях правящей верхушки пошел независимый социалист Артуро Лабриола, возложив на правительства стран Антанты ответственность за отказ от своевременной поддержки правительства Керенского. По мнению Лабриолы, Керенский искал все возможности безболезненного выхода России из войны, понимая всю критичность состояния, в котором она находилась. Основной задачей, как Керенского, так и Ленина, было удержание России от развала на независимые территории. И, если Керенский, поддерживаемый союзниками, предлагал всеобщее объединение всех национальных сил против врага-оккупанта, а значит углубления и продолжения войны до победного конца, то Ленин делал то же самое с помощью революционного террора. Подталкивание Керенского к решительным боевым действиям на восточном фронте в своих корыстных интересах было со стороны Антанты, по выражению Лабриолы, унизительным, «жестом врагов, а не союзников». Внимательно изучая опубликованные советским правительством секретные договоры, Лабриола пришел к выводу о несправедливости утверждения

---

172 Река, у которой произошел ряд сражений в районе Капоретто между итальянской и австро-венгерской армиями с 24 октября по 27 ноября. Италия потерпела сокрушительное поражение.

173 Atti parlamentari. Camera dei deputati. Discussioni. Legislatura XXIV. 12 dicembre 1917. P.15437. Дата последнего обращения 20.9.2017

о том, что «Россия пала по вине Ленина. Нет! Дипломатия стран Антанты уже до этого отделила Россию от Антанты. Все было сделано для того, чтобы русское правительство поверило в то, что страны Антанты собираются заключить сепаратный мир за счет России. Этим убеждением воспользовались враги Керенского, чтобы свергнуть его»[174]. Тревес также напрямую обвинил европейские правительства в провале миссии Керенского: «За конец Керенского в какой-то мере ответственны союзники»[175]. Лабриола одним из первых пытался объяснить приход большевиков не с широко распространенной точки зрения «захвата власти небольшой группкой социалистов-максималистов», а с позиций защиты национальных интересов, совпавших в тот момент с идеями международного социалистического движения. Лабриола сравнивает Ленина с Кромвелем, Робеспьером, Людовиком XI и Кавуром. Все они «в свое время вынуждены были решать одну и ту же проблему политического и нравственного единства своих стран, несмотря на различие целей и средств». Для этой задачи, по мнению Лабриола, оказались недостаточно сильными Временные правительства Львова и Керенского. «И вот пришел Ленин. Он решил вновь объединить русское общество на основе коммунистических и народных идей. Царизм представлял собой насильственное единение народа в пользу небольшой клики дворянских олигархов; ленинизм же – это единение России в интересах народных масс»[176]. По словам Тревеса «Ленин призвал весь русский народ защитить свою революцию»[177], поставив объединяющую нацию идею над происходящей в России катастрофой. Лабриола пытался убедить своих парламентских коллег в том, что единая и сильная советская Россия не представляет для Италии никакой опасности. Он призвал итальянцев отказаться от своего зашоренного взгляда на русскую революцию, приведя в пример президента Америки Вильсона, который уже давно понял, по мнению Лабриолы, все преимущества большевистской революции. «Единственной, кто ничего не понял в новой ситуации, была наша буржуазная печать, продолжавшая травить Россию и Ленина. В то время, как Вильсон с уважением говорил о русской республике, почтенный Нитти отзывался в Неаполе

174 Ibid. 15 febbraio 1918. P. 15704.
175 Ibid. 15 febbraio 1918. P. 15704.
176 Ibid. 15 febbraio 1918. P. 15705.
177 Ibid. 20 febbraio 1918. P. 15919.

о русской революции как о самой ужасной пропасти, в которую когда-либо может упасть народ. И, тем не менее, эта пропасть – новая история! Правда заключается в том, что западный мир не смог или не захотел найти правильное и достойное место русской революции»[178]. Депутат-социалист Казалини также обвинил правительства стран Антанты в недальновидной политике и ошибочности «интерпретаций и оценок русской революции», что привело к тому, что Россия «была брошена в руки Центральных Империй»[179].

О. Сальваторе, депутат от Демократической Конституциональной партии либерального толка, предложил иное прочтение большевистской революции, видя в ней не объединяющий русский народ фактор, а наоборот разъединяющий, ведущий к потере национального единства, гаранта независимой политики и победы в мировой войне. «В отличие от Французской революции, заявившей о главенстве национальных интересов, русская революция поставила во главу угла интернациональные принципы, то есть отдала интересы родины в услужение социальным преобразованиям»[180]. На французском примере Сальваторе доказывает, что только силой оружия новая Россия сможет доказать жизнеспособность и справедливость своих идей, «как когда-то на своих штыках французы принесли свободу порабощенным народам Европы». Пока же он не видел в большевиках силу, способную убедить мир в правоте своих идей.

В первые месяцы после октябрьских событий «русский вопрос» занимал одно из основных мест в дискуссиях итальянских парламентариев. Определяясь в своем отношении к новой власти в России, депутаты от различных партий не только уточняли свои идейные позиции, но и отмежевывались от политических противников, четко очерчивая границы соприкосновения или области противоречий. Поводом для длинных речей и пламенных дискуссий часто были сообщения правительства о предпринятых действиях в отношении Советской России. Нередко правительство попадало под перекрестный огонь справа и слева, обвиненное то в нерешительности и допущении «красной заразы», то в «удушении свободной, пришедшей на волне народного гнева власти».

178 Ibid. P. 15705.
179 Ibid. 16 febbraio 1918. P. 15726.
180 Ibid. 20 febbraio 1918. P. 15921.

Уже в самых первых парламентских прениях проявилась тенденция к нападкам на итальянских социалистов по причине их политической поддержки большевистской революции. В дальнейшем ассоциация ИСП с советской властью станет фактором, дискредитирующим левых в глазах правительства, что заставит его обратиться к крайне правому крылу консервативного движения за поддержкой в борьбе против «коммунистической опасности». В начале же 1918 года депутатам-социалистам приходилось опровергать обвинения в адрес большевиков, которые якобы действовали в немецких интересах. Подобные обвинения косвенно падали и на самих итальянских социалистов, многие из которых заняли антимилитаристскую позицию и поддержали большевистский захват власти, направленный среди прочего на заключение общего, а в случае неудачи – сепаратного мира. А. Кароти констатировал, что «здесь, как и в любой другой стране, в Германии, Англии, Франции, США, продолжается преследование социалистов, дискредитация нас... Нас изображают такими, какими мы на самом деле не являемся, и нам затыкают рот, когда мы пытаемся высказаться. И порочат рабочих, всех тех, кто принадлежит пролетариату и в особенности организованному пролетариату»[181].

Социалистам приходилось защищаться в парламенте и на страницах своих изданий от нападок либерально-консервативных партий и обвинений в предательстве национальных интересов. Социалист А. Луччи отвел обвинения в решающей роли социалистов в распространении среди солдат и офицеров итальянской армии пораженческих настроений: «Высказываются заявления о том, что некоторые акции в защиту мира охладили воинствующий пыл наших солдат. Возможно. Но не в человеческих силах было этого избежать. В траншее услышали девиз русской революции «без аннексий и контрибуций», прочитали послания Вильсона, узнали о том, что правительства воюющих стран приняли его тезисы и, тем не менее, продолжают воевать. В траншее самостоятельно делаются выводы и прогнозы»[182].

Одними из традиционных противников социалистов были республиканцы. Октябрьская революция позволила им усилить атаку, обеспечив вескими аргументами национал-патриотического характера. Если во время войны республиканцы,

181 Ibid. 19 febbraio 1918. P. 15877.
182 Ibid. 20 febbraio 1918. P. 15904.

поддержавшие военные планы своего правительства, обвиняли социалистов в предательстве национальных интересов путем косвенной поддержки Германии, то после октябрьских событий в России социалисты превратились для республиканцев в проводников ленинизма в Италии. На них в определенной мере возлагалась ответственность за действия большевиков, приведших, по убеждениям республиканцев, к неудачам на итальянском фронте[183].

Уже в самом начале 1918 года в парламенте начали раздаваться критические речи в адрес внутренней политики большевиков. Республиканец Колаяни во время своего выступления в парламенте процитировал доходящие до него из России слухи: «О Ленине говорят: "Новое правительство считает себя вынужденным использовать террор против большинства населения, несогласного с военной диктатурой. В России происходят преследования, самосуд, насилие над оппозиционерами, в том числе социалистами, запрещена свобода печати и собраний. Многие социалисты брошены в тюрьмы"»[184].

Все перечисленные выше аргументы легли в основу крайне негативной позиции итальянского праволиберального правительства по вопросу о признании новой большевистской власти. Однако, жесткая политика Италии в отношении Советской России оказалась в противоречии с позициями Англии и США по вопросу о бескомпромиссном разрыве всех контактов с Россией до восстановления там законной власти. С идеологической точки зрения они не могли допустить влияния большевиков на мировую общественность и отдать им пальму первенства в определении демократических ценностей[185]. Исходя же из геополитических соображений, Россия являлась важной составной частью мировой экономики (достаточно упомянуть о крупных европейских инвестициях в российскую довоенную промышленность и военные заказы, размещенные на союзнических заводах Европы), чтобы понять нежелание англо-американцев громко захлопывать дверь перед советской властью. Ни один из двух доводов окончательно не убеждал итальянцев, продолжавших настаивать на соблюдении Россией своих союзнических обязательств и предвоенных

183 Scibilia C. Op. Cit. P. 56.

184 Atti parlamentari. Camera dei deputati. Discussioni. Legislatura XXIV. 21 febbraio 1918. P. 15966. Дата последнего обращения 20.9.2017

185 См. Mayer, Arno J. Politics and Diplomacy of Peacemaking: Containment and Counterrevolution at Versailles, 1918–1919. London: Knopf, 1967. PP. 284–346.

договоренностей[186]. Однако, со временем и итальянское правительство во главе с новым премьер-министром Франческо Нитти осознало необходимость налаживания отношений с ненавистными их либеральному духу большевиками ради экономических выгод и ее внутриполитической стабильности.

Что касается широких масс населения, то первые отклики на февральскую революцию появились уже к концу марта 1917 года в рядах итальянской армии и среди рабочих севера Италии. Туринские рабочие начали открыто говорить, что «здесь надо сделать как в России». К началу апреля события в России стали одной из главных тем разговора не только среди солдат, но и офицеров на передовой. В течение лета воздействие русской революции проявилось с возрастающей силой. В июле в Санта-Мария Ла-Лоннга (Удине) взбунтовались подразделения бригады «Катандзаро». Герцон Д'Аоста, командующий Третьей армии, не сомневался, что одной из причин волнений были известия из России[187]. О широком распространении симпатий к русской революции говорит популярность антивоенных песен среди, в том числе, и солдат. В одной из них были следующие слова: «Мы сделаем как в России. Мы сделаем революцию, которая положит конец кровопролитию»[188].

13 августа 1917 года толпа туринцев численностью примерно 40.000 человек приветствовала криками «Да здравствует Ленин!» представителей правительства Керенского. Через несколько дней после митинга в Турине вспыхнуло восстание, закончившееся расстрелом 38 участников шествия. Туринские рабочие мечтали «сделать, как в России», однако их чаяния не нашли поддержки со стороны сил правопорядка, как это произошло в России[189].

Престиж революционной России пошел на спад весной 1918 года под воздействием трех факторов – Брестского мира, новой тактики итальянского Верховного главнокомандующего и, наконец, рождением и распространением среди итальянцев американского мифа под влиянием «14 пунктов» Вильсона. Подписание Лениным сепаратного мира, победоносное сражение итальянцев при Витторио-Венето

186 Petracchi G. La Russia rivoluzionaria. P. 37.

187 Мелограни П. Русская революция и общественное мнение Италии. 1917 – 1922. // Россия и Италия. Вып. 3. М.: Наука. 1998. С. 63.

188 Комолова Н.П. Великий октябрь и революционный процесс в Италии // Великий Октябрьска социалистическая революция и страны Западной Европы. М.: Наука. 1978. С. 95.

189 Мелограни П. Русская революция и общественное мнение Италии. С. 64.

заставили поблекнуть представления о большевистской революции, как о судьбоносном в мировом масштабе событии. В еще большей степени этому способствовала американская пропагандистская машина, под воздействием которой в полной мере оказалась Италия в 1918 году[190].

Однако, уже после Парижской конференции, на которой проявилась позиция Вильсона в отношении Италии и ее территориальных претензий, его авторитет резко упал. В Италии укоренилось убеждение, что победившие в войне державы похитили у итальянцев победу, не поддержав их намерения присоединить хорватский город Фьюме (Риека) к территории Италии. Разочарование в бывших союзниках и, в частности, в неоправдавшем ожидания Вильсоне вновь заставили обратить внимание на происходившие в Советской России процессы. Революционный подъем в период «красного двухлетия» 1919 – 1920 гг. в Италии охватил различные слои населения: рабочих, солдат, крестьян. Повсюду устраивались организованные забастовки рабочих, демонстрации и митинги в защиту Советской России, стихийные бунты солдат, выступления крестьян[191].

По мнению некоторых итальянских исследователей, притягательная сила русской революции состояла в ожидании новой эпохи, смены не удовлетворявшего многочисленные массы населения строя. Многим Россия представлялась конкретным воплощением их надежд[192].

## §3. Итальянская печать о большевиках

Уже беглое знакомство с предреволюционной итальянской печатью позволяет утверждать, что для итальянского читателя, живо интересовавшегося событиями в России, октябрьские события не стали неожиданностью. Примерно за неделю до фактического взятия большевиками власти, итальянская пресса начала распространять новости о готовящихся беспорядках и неминуемом перевороте. Так, стоявшая на правительственных позициях либерально-консервативная Giornale d'Italia сообщала о неустанной подрывной деятельности большевиков, намекая среди прочего на еврейские корни их руководителей: «[...] одновременно максималисты продол-

190 Там же. С. 67.

191 Комолова Н.П. Великий октябрь и революционный процесс в Италии. С. 98.

192 Мелограни П. Русская революция и общественное мнение Италии. С. 69.

жают под личным руководством Ленина и его псевдорусского штаба, состоящего из Зиновьева-Апфельбаума, Троцкого-Бронштейна, Каменева-Розенфельда распространять пропаганду и готовить новые беспорядки»[193]. Либеральная Corriere della sera на месяц ошиблась в прогнозе ленинского переворота: «Ожидается новое восстание под руководством Ленина. […] ленинские руководители настаивают на своей тактике и занимаются организацией вооруженных демонстраций, намеченных на 2 декабря, день открытия Съезда советов рабочих. […] Беспорядки преследуют три цели: переход власти в руки рабочих советов; самосуд над буржуазией, роспуск Учредительного собрания, никоим образом не отвечающего интересам пролетариата»[194].

В день взятия Зимнего дворца, 7 ноября по принятому в Европе Григорианскому календарю, Giornale d'Italia сообщала о сложившейся опасной ситуации, в которой «готовящиеся к решительной атаке крайне левые социалисты [максималисты, как их называли в итальянской прессе – прим. Автора] восстановили против себя ненависть антисемитских и реакционных кругов, также собиравших свои силы для отражения атак со стороны левых». Социалистическая Avanti! опубликовала 7 ноября распространенную агентством Стефани новость о том, что «Совет рабочих и солдат Петрограда недавно создал революционный комитет, который сегодня отправил чрезвычайных комиссаров во все основные точки столицы. Вечерние [российские – прим. Автора] газеты рассматривают этот факт как первую попытку максималистов захватить власть»[195].

Лишь 9 ноября Corriere della sera и Avanti! публикуют новость, переданную информационным агентством Стефани о том, что «максималисты стали хозяевами города. Керенский свергнут»[196]. В редакционном комментарии Corriere della sera признается, что «очень сложно восстановить хронику этих бурных дней Петрограда на основе присылаемых оттуда отрывочных и противоречивых сообщений»[197]. Giornale d'Italia не ограничивается передачей доступных итальянской прессе фактов

193 Zanetti A. Sinistri bagliori di Comune in Russia // Il Giornale d'Italia. 31 ottobre 1917.

194 V.L. Minaccia di sommossa leninista in Russia. Verso il fallimento del socialismo // Corriere della sera. 4 novembre 1917.

195 Agenzia Stefani, Un Comitato rivoluzionario // Avanti! 7 novembre 1917.

196 Avanti! 9 novembre 1917.

197 I massimalisti padroni di Pietrogrado depongono Kerenskij // Corriere della sera. 9 novembre 1917.

и снабжает сообщения о России едкими комментариями: «Россия стала жертвой новой революции, которая угрожает страшными последствиями для этой несчастной страны. […] Все знают, что ленинцы, взявшие в Петрограде власть в свои руки, по большей части евреи немецкого происхождения, работающие на Германию, вовлекают страну в самую безумную анархию с целью помешать ей выполнять свой долг перед союзниками. Совет в руках этого несчастного сброда, напичкавшего невежественные массы самыми абсурдными пораженческими теориями […]»[198]. По этому поводу стоит отметить, что уже в апреле 1917 года в итальянской прессе появляются сообщения о связях Ленина с германским правительством и проводимой им политической линии в России в немецких интересах. «Вполне логично утверждать, что Германия и Австрия готовятся предпринять новые попытки заключить сепаратный мир с Россией, приурочив их к волнениям, которые собирается поднять Ленин в России»[199]. Особое внимание заслуживает упоминание о еврейском происхождении революционных лидеров, мысли, ставшей лейтмотивом публикаций о России в итальянской прессе.

Первые недели газетные статьи пестрели сообщениями отрывочного характера о событиях в Петрограде. Редакции предпринимали попытки восстановить минута за минутой факты ночи с 7 на 8 ноября. Помимо публикаций переводных английских и французских материалов, редакции предлагали читателям комментарии к произошедшим событиям не первых, но и не последних причастных к событиям в России лиц. Помимо царского посла в Париже Маклакова, интервью которого было опубликовано на страницах La Stampa, итальянская публика смогла получить некоторые разъяснения произошедшего и прогнозы на будущее от, казалось бы, самого крупного эксперта по русскому вопросу в Италии, бывшего посла в Петрограде маркиза Карлотти. Avanti! опубликовала его подробное интервью, содержащее анализ ситуации и возможное направление ее развития: «Скорость, с которой максималистское движение распространилось в России, объясняется тем, что максималисты обращаются к несведущим массам, предлагая им две основные ясные и понятные мысли: перераспределение земли и безотлагательный мир. Однако, эти

198 Editoriale, Nova rivoluzione in Russia. Convulsioni // Il Giornale d'Italia. 10 novembre 1917.

199 I due programmi opposti da Miliukov a Lenin, 21 aprile 1917 // Corriere della sera. 21 marzo 1917.

идеи столь просты в понимании, сколь сложны в реализации. Уже совсем скоро наступит разочарование, и падение максималистов будет таким же стремительным, как и их приход к власти»[200]. Приходящие из Парижа и Лондона новости, казалось, подтверждали прогнозы Карлотти: «Россия катится в пропасть с такой пугающей скоростью, что не хватает времени для того, чтобы осознать происходящее вокруг. В Москве власть в руках большевиков, но никто не признает их авторитета»[201].

Новости из России за ноябрь-декабрь 1917 года (публикация большевиками секретных дипломатических документов, переговоры о перемирии между Россией и Германией, скорое падение большевистского правительства) поступали в основном из Парижа и Лондона. Все в том же Париже Карлотти снова дал интервью Corriere della sera, в котором подчеркнул переходный характер ситуации в России: «Россия еще не пришла в равновесие. До нынешнего момента ее революция была ничем иным, как непрерывной серией жестоких потрясений. Самые абсурдные ситуации уступили место самым неожиданным»[202]. Очередным ударом для итальянской общественности, получившим широкий резонанс в национальной печати, стала новость о начале переговоров с целью подписания сепаратного мира между Россией и Германией. Журналист Giornale d'Italia высказал свое отношение к полученной новости в форме парадокса: «[…] последние долгожданные новости из России были настолько глубоко неутешительными, что принесли огромное облегчение»[203].

Вся националистическая пресса немедленно связала действия большевиков с немецкими военными планами, разработанными с международной группой «еврейских заговорщиков». Ленин, таким образом, был представлен как главный немецкий шпион в стане большевиков. С момента начала переговоров, создавших реальную угрозу выхода России из войны, итальянская печать делает основной акцент на военных последствиях большевистской революции, отодвигая на второй план события внутри самой страны[204]. Так, Муссолини на страницах Popolo d'Italia в целом ряде статей отмечает, что на итальянском фронте Германия всегда оказы-

200 Agenzia Stefani, Le idee dell'ambasciatore italiano sugli avvenimenti russi // Avanti! 18 novembre 1917.
201 C.C. La Russia va alla deriva // Corriere della sera, 20 novembre 1917.
202 Gli avvenimenti in Russia. Le impressioni dell'ex ambasciatore Carlotti // Corriere della sera, 4 dicembre 1917.
203 Il Farmacista, La paura di aver paura // Il Giornale d'Italia, 2 dicembre 1917.
204 Donnini G.Il 1917 di Russia nella stampa italiana. Milano: Dott. A. Giuffrè editore. 1976. P. 376.

вала Австро-Венгрии поддержку оружием и специальными хорошо обученными подразделениями. Теперь же Германия перебросила огромное количество свежих войск, наступление которых прорвало итальянский фронт. «Это был подарок, более того, можно сказать, благодарность, которую приведший к распаду России большевистский Совет преподнес Италии»[205].

На предательство союзнических интересов обратил особое внимание и литературно-политический журнал Nuova Antologia, который выразил, во-первых, недоверие в отношении союзника, отказавшегося сражаться с общим противников, а, во-вторых, «подозрение по отношению к отсталой стране, которая заменила эволюционный процесс развития революцией». «Наши читатели помнят, что мы никогда не испытывали доверия к русской революции. Глубоко невежественный и бедный народ не может выработать внутри себя элементы управления. Русские интеллектуалы, предвидевшие великие перемены и великий прогресс, были всего лишь мечтателями. Вначале им стоило бы заняться образованием народных масс. Медленная и постепенная эволюция, формирующая цивилизацию, обеспечила бы России огромные преимущества: революция же ее уничтожила»[206]. Вопрос об отсталости России был затронут в левом еженедельнике «Унита», однако, в несколько ином ракурсе. Замедленный темп развития России, по мнению основателя журнала Г. Сальвемини, препятствовал социалистической революции в России: «Максималистское движение не может продолжаться долго. Однажды оно падет под весом собственных ошибок и общей враждебности. Социалистам не пристало верить сегодня в возможность строительства социалистического общества в такой экономически и интеллектуально отсталой стране, как Россия. В это могут верить только идиоты или немецкие шпионы»[207].

Наиболее яркое и полное описание событий ноября 1917 года было опубликовано в Giornale d'Italia на основе корреспонденции бывшего в тот момент в России собственного корреспондента газеты Армандо Дзанетти. Тексты Дзанетти создавали апокалипсическую картину страны, оказавшуюся в руках «подонков»,

205 Mussolini B. I boches sull'Isonzo // Il Popolo d'Italia. 26 ottobre 1917.
206 Lo sforzo supremo dell'Intesa // Nuova Antologia. 1 dicembre 1917. P. 302.
207 Salvemini G. Bolo Pascià e la Russia // L'Unità, 6 dicembre 1917. P. 310.

которые были не в состоянии навести порядок и остановить «безудержный, безнаказанный разгул индивидуальной и коллективной преступности. […] Воровство, пожары, разбой – все это звериные, примитивные формы бедствия, обрушившегося на бескрайнюю территорию того, что раньше было империей»[208]. Тем не менее, постепенно тон выходивших статей начинает меняться. Ситуация в России в какой-то мере стабилизировалась и расчет на скорейшее падение большевиков не оправдался. Пообещав мир, Ленин получил огромную поддержку народных масс в отличие от своих противников. Именно этот политический ход, по мнению Corriere della sera, спас большевиков от неминуемой гибели: «Ленинское правительство все больше чувствует себя изолированным. Установленный им режим террора не способен подавить протесты и беспорядки, организованные его противниками. Среди рабочих Петрограда также начинает проявляться недовольство. На Путиловском заводе за последние дни было убито несколько большевистских агитаторов руками самих рабочих. В казармах продолжают раздаваться речи против некоторых наиболее видных еврейских членов большевистского правительства. Однако, несмотря на это, в ближайшее время не стоит ожидать смены режима. Основная причина поддержания жизнеспособности ленинской системы заключается в том, что Троцкий и Ленин, захватив власть, пообещали стихийным солдатским массам скорейший мир на выгодных условиях»[209]. Эта мысль будет повторена Муссолини на страницах Popolo d'Itali» в связи с подписанием 15 декабря 1917 года перемирия между Россией и Германией. «Последние отчаянные попытки антимаксималистов, – пишет он – доказывают своим провалом, что в России больше не осталось сил, способных соорудить плотину, чтобы удержать стремительный напор большевиков». Для Муссолини очевидно, что если «они подписывают перемирие и начинают переговоры о мире, то это означает, что они не только считают себя хозяевами страны, но и в действительности ими являются»[210].

В продолжение этой мысли Corriere della sera словами британского журналиста призывает союзнические правительства не вмешиваться во внутренние дела

208 Zanetti A.Perchè Lenin ha vinto // Il giornale d'Italia. 8 dicembre 1917.

209 V.L. L'ostilità contro Lenin aumenta // Corriere della sera. 11 dicembre 1917.

210 Mussolini B. Il patto della schiavitù // Il Popolo d'Italia. 19 dicembre 1917.

России, так как «поддерживая вооруженное сопротивление большевикам, они лишь будут способствовать бессмысленному кровопролитию в России. Союзники должны принять новое правительство в России, как когда-то приняли правительство царя, несмотря на несогласие с его методами и политическими принципами»[211]. Проправительственная Giornale d'Italia заняла противоположную позицию и призвала итальянское руководство к активным действиям против большевиков. «В России положение такое, что для формирования стабильного правительства, способного объединить весь русский народ, достаточно смелого и решительного действия, чтобы выгнать «метлой» немногочисленных «лениных» и его товарищей. Но в самой России, контуженной, забитой, распавшейся на части, неспособной собрать себя воедино, невозможно ожидать появления такой «метлы». Надо ей помочь»[212].

На протяжении всех первых месяцев внимание итальянской прессы продолжает оставаться прикованным к сложному положению большевиков, которое со временем, судя по газетным статьям, продолжало ухудшаться. Так, до Италии доходят сообщения о начале гражданской войны на юге России, а также о первых разногласиях между различными российскими социалистическими фракциями, в частности большевиками, меньшевиками и эсерами. На страницах Avanti! и реформистской Critica sociale было опубликовано письмо меньшевика Мартова с критикой действий большевиков как во внутренней, так и во внешней политике. Однако, если Avanti! в комментариях к письму осталась верной большевистской линии, то Critica sociale поддержала выдвинутые Мартовым обвинения в адрес большевиков, осуществлявших неоправданный террор и преследовавших несогласных с их политикой, в том числе социалистов-небольшевиков[213].

На страницах все той же Avanti! уже в декабре были проанализированы произошедшие в России события с точки зрения мировой и российской истории и перспектив ее дальнейшего развития. В статьях была также предпринята попытка изучения структуры нового и единственного на тот момент социалистического государства. Россия была представлена авторами как поле для экспериментов не толь-

211 G.E. Il contegno degli alleati coi bolscevichi // Corriere della sera. 20 dicembre 1917.

212 Il Farmacista, Un colpo do scopa // Il giornale d'Italia, 25 dicembre 1917.

213 Donnini G. Op. Cit. P. 400.

ко марксистской идеологии, но и идей русских философов-утопистов, Толстого, Бакунина, Кропоткина, которые, по мнению автора статей, оставили свой глубокий след в самосознании русского народа. «Русская революция или даст нам твердую почву для проведения экспериментов, полностью подтверждающих марксистские теории, или приведет к их частичному пересмотру, или к окончательной разработке, если понадобится, неомарксизма, который будет плодом практических исследований, а не результатом теоретических выкладок»[214]. Автор второй статьи пошел еще дальше в своих утверждениях об отрыве русской революции от марксисткой теории, заявив, что «большевики отрицают Маркса и своими решительными и однозначными действиями, а также достигнутыми результатами доказывают, что каноны исторического материализма не настолько жесткие, как считалось раньше»[215]. Опубликованные в Avanti! статьи стали одним из первых результатов размышлений в среде итальянских социалистов (и не только) о природе русской революции, о ее соотношении с марксистскими теориями, об универсальности ее опыта и возможности перенять его на итальянской почве, о правомерности пролетарской революции именно в России. К. Тревес уже тогда предостерег своих однопартийцев от опасности приклеивания ярлыка ортодоксальности той или ной фракции российского социализма (большевики, меньшевики), что могло привести в итоге к расколу в рядах самих итальянских и европейских социалистов, нежелательному накануне возрождения социалистического Интернационала[216]. В целом же стоит отметить, что в среде итальянской левой интеллигенции было широко распространено отношение к октябрьским событиям как к чуду, которое произошло в далекой России, реализовав мечты социалистов всего мира и вселив в итальянцев чувство вины за невозможность повторения российского опыта у себя на родине. Это в свою очередь повлияло на то, что итальянские крайне левые социалисты, сформировавшие впоследствии коммунистическую партию Италии, решительно защищали любые завоевания большевистской революции, видя в ней абсолютный пример для подражания[217].

---

214 Bertani C. L'esperimento socialista russo // Avanti! 17 dicembre 1917.

215 A.G. La rivoluzione contro il capitale // Avanti! 24 dicembre 1917.

216 Donnini G. Op. Cit. P. 413.

217 Petracchi G. Il mito della rivoluzione sovietica in Italia, 1917–1920 // Storia contemporanea. 1990. № 6. P. 1115.

Основная масса выходивших зимой 1917–1918 гг. статей не столько информировала читателей о происходящих в России событиях, сколько взывала к эмоциям, будоражила и пугала массовое воображение. По словам социалиста Дж. Казалини печать «способствовала созданию пропасти между народами союзнических держав и России, которая в ближайшей перспективе может повлиять на последствия заключения общего мира, а в отдаленном будущем на отношения между народами»[218]. Депутат от либеральной партии Ф. Рота также с возмущением констатировал развязность национальной печати, чья погоня за громкими новостями о кризисном положении в России лишь «ухудшает и так глубокое депрессивное состояние итальянской нации»[219].

Таким образом, еще до опубликования секретных договоров и до официальных предложений заключить мир по формуле «без аннексий и контрибуций» итальянская печать обрушилась на большевиков, обвиняя их в государственном перевороте, приведшем к углублению анархии в России. Аксиомой в прессе звучала мысль о переходном характере нового правительства и о его скорейшем исчезновении со сцены, что должно было в итоге восстановить внутри России мир и спокойствие, столь необходимые во время мировой войны. Происходила демонизация большевиков, выпячивались крайне негативные в понимании местной печати характеристики их лидеров (еврейское происхождение, политическая нечистоплотность, отсутствие практичности и т. д.). Помимо этого, в течение всех первых месяцев после октябрьских событий в итальянской печати не было проведено должного анализа произошедших в России событий. Более того, по мнению историков-специалистов по ряду причин на них не было обращено должного внимания. Среди таких причин, прежде всего, стоит упомянуть введенную жесткую цензуру на все поступающие из России новости. Во-вторых, поражение при Капоретто и дальнейшие неудачи Италии в войне беспокоили местную общественность в гораздо большей степени, нежели любые другие события. В-третьих, боязнь правительства повторения того же сценария развития событий у себя на родине, также уставшей от войны, также переживавшей всплеск левых настроений и, что еще опаснее, получившей в руки

218 Atti parlamentari. Camera dei deputati. Discussioni. Legislatura XXIV. 12 febbraio 1918. P. 15489.
219 Ibid. P. 15565.

оружие в качестве русского примера. Отсутствие полной и подробной информации о событиях в России, цензура, внутренние политические конфликты в самой Италии и межпартийная борьба оказали глубокое влияние на интерпретацию фактов, это привело к многолетнему охлаждению отношений между Италией и Россией.

# Глава II. Антисоветская пропаганда в фашистской Италии

С приходом к власти в Италии Муссолини в 1922 г. и установлением впоследствии фашистской диктатуры начинается очередной период в отношениях с Советской Россией: появляются новые факторы, влияющие на ее восприятие. Формирование образа СССР в фашистский период складывалось главным образом из двух разнонаправленных векторов деятельности фашистского правительства и руководства СССР на международной арене. В тоталитарных государствах, каковыми являлись в межвоенный период СССР и фашистская Италия, позиция их руководства, так или иначе выражаемое отношение друг к другу являлись залогом формирования образа двух стран в массовом сознании. Подкрепленные целенаправленным и широкомасштабным действием пилотируемой сверху пропаганды, эти позиции получали статус официально признанных и санкционированных на внедрение в массовое сознание.

## §1. Советская Россия /СССР и фашистская пропаганда

### *2.1.1. Роль пропаганды в процессе формирования фашистской государственности*

Массовый характер фашистского движения был отмечен одним из самых последовательных противников Б. Муссолини – П. Тольятти. По мнению лидера КПИ, опора фашистских организации на народные массы, а также направленная на привлечение как можно более широких слоев населения пестрая идеология, обеспечили фашистскому режиму широкую общественную поддержку[220]. Крупнейший специалист по истории итальянского фашизма Р. де Феличе назвал такой подход, предполагающий опору на широкие слои населения, «особенными отношениями». Они были установлены непосредственно между Муссолини и итальянским обществом и поддерживались пропагандистской машиной[221]. Основу таких отношений составлял широко распропагандированный «миф» о Муссолини, который служил

220 Тольятти П. Лекции о фашизме. М.: Политиздат. 1974.

221 De Felice R. Breve storia del fascismo. Milano: Mondadori. 2002. P. 43.

цели сплочения всего народа в единой системе ценностей с центральной фигурой самого дуче. Однако это лишь часть гигантского механизма воздействия на общество, состоявшего из двух характерных для тоталитарных режимов рычагов влияния власти на настроения широких масс: насилия и консенсуса[222]. На протяжении второй половины XX в. в итальянской историографии велись споры о превалировании действий репрессивного аппарата или «консенсусного» метода удержания власти. На данный момент историки пришли к выводу о сосуществовании и тесном переплетении двух инструментов фашизации государства и общества, направленных на обеспечение стабильности режима Муссолини[223]. Более того, была выдвинута гипотеза об «идеологии насилия», органично соединяющая обе характеристики отношений тоталитарной власти и общества[224].

Об эффективности воздействия того или иного метода на широкие слои населения может свидетельствовать исследование массового сознания в фашистский период, его изменения в зависимости от конкретных исторических событий, его реакции на различные действия власти, а также отношения к ней на протяжении всего периода существования фашистского режима. Так, согласно выводам С. Колариции, в первое десятилетие пребывания Муссолини у власти решающими оказались насильственные методы удержания рычагов управления. Уже в 1930-е годы, когда режим в достаточной степени укоренился в общественном сознании во многом благодаря предшествующему действию репрессивного аппарата, итальянские власти активно проводили политику формирования массового консенсуса. Исследователь подчеркивает особую роль разветвленной сети информаторов, действовавшей в определенной степени в качестве превентивного механизма, направленного на создание такой морально-психологической среды, которая бы оказывала прямое влияние на формирование отношения населения к фашистскому режиму[225].

Верность и лояльность к режиму были одним из пунктов т. н. фашизации страны, подразумевавшей создание тотального консенсуса власти Муссолини. Про-

---

222 Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. М.: Издательство Московского Университета. 2001. С. 44.

223 Canali M. Repressione e consenso nell'esperimento fascista // Modernità totalitaria. Il fascismo italiano, a cura di Gentile E. Roma-Bari: Laterza. 2008. P. 57.

224 Gentile E. Le origini dell'ideologia fascista, 1918–1925. Bologna: Il Mulino. 1996.

225 Colarizi S. L'opinione degli italiani sotto il regime 1929–1943. Roma-Bari: Laterza. 2009. P. 20.

никновение фашистской идеологии в итальянское общество было повсеместным и касалось всех аспектов жизни населения, начиная с форм приветствия (рукопожатие было отменено и заменено римским приветствием), одежды (мужчины обязаны были носить черную рубашку) и заканчивая манерой говорить (например, были запрещены иностранные слова и выражения).

В решении задачи по фашизации общества Муссолини использовал различные способы идеологического воздействия на массы из дифференцированного инструментария по созданию и поддержанию консенсуса, гарантировавшего ему прямую связь с обществом. Основным методом установления прямого контакта с массами, а значит, возможности манипуляции ими в целях достижения собственных целей, была так называемая «мобилизация сверху». Такая мобилизация заключалась в взращивании чувства коллективизма и преданности фашизму, уравнение эмоционального состояния масс, что упрощало контроль над общественными настроениями – именно в этом заключалась задача пропаганды. Фашисты предприняли успешные попытки пробудить интерес и активность масс, используя методику концентрации коллективного внимания, заключающуюся, во-первых, в переключении внимания на сюжеты, не имеющие прямого отношения к актуальным проблемам; во-вторых, в поиске виновных вне и внутри страны для перекладывания на них реального недовольства политикой Муссолини; и, в-третьих, в постановке целей, к достижению которых должны были быть направлены усилия масс[226]. В контексте нашего исследования метод репрессивного воздействия на население будет интересовать нас в меньшей степени  по сравнению с массовой пропагандой, хотя именно он и являлся основным средством политики подавления инакомыслия и установления идеологической диктатуры.

Таким образом, формирование представлений о России вписывается в широкий контекст так называемого мифотворчества, то есть процесса создания целого ряда образов, понятий и концепций в рамках пропагандистской деятельности фашистского государства, направленных на обеспечение массового консенсуса с властью. Будучи одним из основных игроков на мировой политической арене того времени, Советский союз привлекал внимание своим «экспериментом» по стро-

226 Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. Указ. соч. С. 74.

ительству новой социально-политической модели. Разумеется, Муссолини не мог предоставить возможность самостоятельного формирования и развития в Италии образа идеологического противника. Таким образом, создание определенного образа советской России отвечало общему направлению пропагандистской деятельности фашистской власти по формированию таких общественных настроений, которые бы не только не препятствовали проведению политических мер тоталитарного характера, но и всеми силами способствовали и поддерживали действия властей[227]. Одной из целей данного исследования является изучение методов и результатов пропагандистской деятельности фашистского правительства в создании образа идеологического врага, Советской России, путем анализа работы государственных институтов власти, вовлеченных в пропагандистскую деятельность, и выявления образного ряда, отражающего коллективные представления итальянского общества о СССР.

### *2.1.2. Органы пропаганды*

В целях насаждения и распространения фашистской идеологии правительство Муссолини создало целую систему государственных институтов, отвечающих за контроль над массовым сознанием и общественными настроениями по всем интересующим правящую элиту вопросам.

Так, в 1923 года, спустя несколько месяцев после прихода к власти, Муссолини создает подчиненный непосредственно ему Отдел печати. Несмотря на то, что пропаганда была одной из основных задач этого ведомства, только начиная с 1933 года, когда была учреждена отдельная секция, официально предназначенная для пропаганды «Римской культуры», «Итальянской цивилизации» и «Режима», ее разработка и распространение приобретают систематический характер. Особый импульс был также получен от нового руководителя Отдела печати – Г. Чиано, зятя Муссолини и одной из самых ярких фигур фашистского истеблишмента. Именно ему принадлежала идея подключить к печати, уже активно используемой в целях пропаганды, радио и кинематограф. Не желая уступать позиции нацистам в деле пропаганды, Муссолини создает в 1934 году Государственный секретариат печати и

227 Там же.

пропаганды, включавший в себя отделы Итальянской печати, Иностранной прессы и Пропаганды. Чиано при этом сохранил за собой пост руководителя новой структуры. Год спустя на основе Секретариата было создано Министерство печати и пропаганды, что позволило Чиано автоматически подняться в ранг министра. Постепенное расширение полномочий нового Министерства (контроль над печатью, радио и телевещанием, управление театрами и культурными мероприятиями, литературная цензура, осуществление задач полицейского характера и т. д.) привели в мае 1937 года к появлению нового государственного органа – Министерства народной культуры. Одним из наиболее эффективных подразделений нового Министерства было Главное управление пропаганды. В его ведение входили все сферы информации, культуры и искусства. Среди его обязанностей была также военная пропаганда в случае начала войны. Незадолго до войны, в 1938 году, оно подверглось радикальному переустройству: отделы были реорганизованы по примеру Министерства иностранных дел в соответствии с географическими зонами. Исключительно для военных целей в рамках Главного управления работал отдел Пропаганды в Италии и за границей, предусмотренный ст. 4, п. D Декрета от 8 июня 1935 года. В случае массовой мобилизации в его полномочия входила пропаганда на национальной территории и за рубежом посредством системной организации деятельности областных отделений, отвечавших за осуществление пропаганды на местах[228].

Инструментарий воздействия фашистского режима на формирование общественных умонастроений представлял хорошо отлаженную систему институтов и учреждений. Ведомства работали в тесном контакте друг с другом над разработкой тем, их интерпретаций и способов донесения до народных масс. Распространение официальных установок осуществлялось главным образом посредством печати (периодическая печать, брошюры, плакаты, литература, учебники и т.д.), радиопередач, публицистики, кинематографа и образовательных программ. В течение фашистского периода печать оставалась самым важным каналом распространения информации пропагандистского и культурного характера. В отличие от других режимов того периода, итальянская журналистика отражала все тонкости фашистской идеологии

228 Ferrara P. (a cura di) Il Ministero della Cultura Popolare in Il Ministero della Cultura Popolare e il Ministero delle Poste e Telegrafi. Bologna: Il Mulino. 1992. PP. 25–37.

и правительственной политики, подверженных изменениям во времени[229]. Еще в 1930-х годах, когда радио и кинематограф только начинали составлять серьезную конкуренцию прессе и другим формам массовых развлечений, газета оставалась для большинства итальянцев самым дешевым и легко доступным источником массовой информации. Отдавая должное ее значению, фашистские власти держали прессу под строгим контролем[230]. Фашизация печати носила тотальный характер, и журналисты активно пропагандировали все мероприятия Муссолини в области внутренней и внешней политики. Для обеспечения необходимой направленности информации Министерство культуры регулярно рассылало всем газетам подробные указания[231] относительно каждого номера[232].

Распространение радио в Италии значительно отставало по сравнению с другими европейскими странами, поэтому в 1920-х годах радио еще не могло конкурировать с печатью в качестве средства массовой информации[233]. Однако в годы режима радио оказалось эффективным средством мобилизации и развлечения населения. Благодаря тому, что развитие радио в Италии пришлось в основном на фашистский период, Муссолини с легкостью мог установить контроль над этим средством информации[234]. Число радио-аппаратов значительно возросло в 1930-е годы. В период с 1934 по 1938 годы количество установленных в школах радио увеличилось с 4.000 до почти 40.000, тем не менее, почти половина итальянских школ не располагала радио-приемниками. Еще в 1940 году многочисленные сельские районы полуострова были полностью отрезаны от радиосвязи (как и от каких-либо других средств информации). К концу 1939 года число радио-подписчиков доходило до 1.170.000. Для сравнения стоит привести данные Германии. В этот же период насчитывалось около 12.500.000 немецких граждан, установивших радио у себя дома или в общественных местах. Таким образом, большинству населения Италии радио было недоступно из-за дороговизны самого радиоаппарата и высоких

229 Cannistraro Ph. La fabbrica del consenso. Fascismo e mass media. Bari: Laterza. 1975. P. 173.

230 Ibid. P. 224.

231 Примеры подобных инструкций будут приведены в главе IV, где будут рассмотрены директивы Минкульта по вопросу освещения военных действий итальянской армии на Восточном фронте.

232 Филатов Г.С. Крах итальянского фашизма. М.: Наука. 1973. С. 25.

233 AA.VV., Il Ministero della cultura popolare. Il Ministero delle poste e telegrafi, a cura di P. Ferrara e M. Giannetto, Bologna: Il Mulino. 1992. P. 28.

234 Cannistraro P. La fabbrica del consenso. Op. Cit. P. 225.

платежей за его прослушивание[235]. Во время войны радио становится основным источником информации, опередив печатные органы. Однако официальное фашистское радио не могло полностью удовлетворять слушателей, желавших получать как можно более объективную информацию о ходе военных действий. Донесения тайных агентов и переписка частных лиц свидетельствуют о желании многих итальянцев знать о действительном положении дел на фронте. Часть гражданского населения Италии настраивалось на частоты радио «Москва» и радио «Лондон»[236]. Фашистское правительство тратило немало средств на борьбу с прослушиванием иностранного радиовещания с помощью строительства специальных станций для глушения, а также пыталось устрашить нарушителей закона, привлекая их к уголовной ответственности за подпольное прослушивание запрещенных передач[237].

Кинематограф также являлся важной составляющей системы распространения фашистской пропаганды. В1924 году был основан Институт «Луче» для производства и проката в итальянских кинозалах художественных и документальных фильмов. В 1937 году под патронажем самого Муссолини, отчетливо осознававшего важность этого нового вида искусства в рамках своей политики общественного консенсуса, была торжественно открыта киностудия «Чинечита». В фашистский период в Италии было снято два художественных фильма, действие которых разворачивалось в СССР: «Прощай, Кира!», 1942 года, режиссера Г. Алессандрини и «Одесса в огне», 1942 года режиссера К. Галлоне. За время войны Институтом «Луче» было снято множество тележурналов с сюжетами о ходе военных действий в специальной трактовке в интересах фашистского режима. В довоенный период СССР два раза принял участие в Венецианском кинофестивале[238], в 1932 и 1934 годах. Однако, как представляется, не стоит переоценивать вклад кинематографа в распространение антисоветской пропаганды в межвоенное двадцатилетние из-за редкого использования антибольшевистских сюжетов и элитарный характер Венецианского фестиваля, за которым следила лишь небольшая часть итальянского общества.

---

235 Ibid. P. 241.

236 Ibid. P. 257.

237 Smith D. M. Storia di cento anni di vita italiana. Op. Cit. PP. 202–203.

238 См. Pisu S. Stalin a Venezia. L'URSS alla mostra del cinema fra diplomazia culturale e scontro ideologico (1932–1953). Rubbettino. 2013.

Формирование представлений о Советском союзе, о его населении и его быте происходило и под влиянием антикоммунистической деятельности Ватикана[239] (в частности института Russicum, основанного в Риме французским иезуитом о. д'Эрбиньи[240]), публикации заметок посетивших по разным причинам СССР путешественников, антисоветской пропагандой, осуществлявшейся, в частности, посредством распространения бюллетеней Центра антикоммунистических исследований. Центр антикоммунистических исследований был основан Муссолини в апреле 1937 года. В деятельности этого института принимал активное участие Т. Наполитано, юрист и специалист по советскому праву. В задачи Центра входил сбор информации о СССР, а также публикация статей антикоммунистического характера. Среди факторов формирования образа СССР следует также упомянуть вещание подпольного радио «Москва» и деятельность отдела «Россия» при Итальянском институте радиовещания (EIAR).

### *2.1.3. Коммунизм в фашистской публицистике 1920-х – первой половине 1930-х гг.*

Приход большевиков к власти не испугал Муссолини возможным выходом России из Первой мировой войны, что существенно осложнило бы положение Италии. Более того, судя по его статьям, написанным по следам октябрьских событий в России, он с интересом наблюдал за разворачивающимися в Петрограде событиями и рассчитывал свою выгоду для борьбы на внутренней политической арене. Соответственно, его антикоммунистические высказывания изначально не были ответом на большевистскую опасность, в которой Муссолини не видел реальной угрозы для Италии. Антикоммунистические лозунги использовались им для нападок на итальянских социалистов, стоявших на наиболее близких к коммунистам теоретических позициях[241]. Таким образом, уже на заре формирования фашистской идеологии антикоммунизм приобрел конъюнктурный характер. К нему обращались каждый раз, когда возникала необходимость в демонизации политического против-

239 Подробнее о«католическом антикоммунизме» см. Mariuzzo A. Studi sull'anticomunismo in Italia e all'estero // Contemporanea – 2005 – № 8 – PP. 185–193.

240 Подробнее см. Wenger A. Rome et Moscou. 1900–1950. Desclee de Brouwer, 1987.

241 Lepre A. L'anticomunismo e l'antifascismo in Italia. Bologna: Il Mulino. 1997. P. 15.

ника для создания образа национального врага. Так, в послевоенной обстановке понятие «большевик» утратило свое историческое значение и стало напрямую ассоциироваться с «национальным врагом», тайно готовившим мировую коммунистическую революцию[242].

Согласно утверждениям специалистов по истории фашизма, антикоммунизм был эффективной силой и действенным пропагандистским приемом, способствовавшим приходу фашизма к власти. Однако фашистский антибольшевизм 1919–1920 годов значил гораздо больше, чем просто инструмент в политических дебатах. Прежде всего, теоретики фашизма полагали, что большевистская революция была огромным блефом, и что от социалистических идей в России не осталось и следа. А то, что удалось сделать большевикам, было, по их мнению, не чем иным, как построением деспотического государства[243]. Тем не менее, дуче и его сподвижники не лишали большевизм его права на существование, при условии, что его распространение будет ограничено территорией России. Таким образом, уже в первые годы фашизма в начале 1920-х годов в Италии появился миф об «азиатском коммунизме», который мог появиться только в России, «стране азиатского деспотизма»[244]. Большевизм воспринимался как порождение восточного менталитета, не имевшего ничего общего с западной цивилизацией, основанной на христианских ценностях и направленной на созидание и эволюционное развитие. Сущность же большевизма понималась как стремление к разрушению всего мирового порядка. Итак, образ большевизма был далеко не однозначным, обладая в глазах фашистских идеологов двумя противоположными характеристиками: восточной природой и интернациональной сущностью[245].

Следует особо отметить, что фашизм всегда осторожно подходил к отличию коммунизма как идеологии от самой советской государственности. Этот подход проявился еще в самом начале политической карьеры Муссолини, когда во время оживленных дискуссий в Сенате по вопросу о внешней политике он не поддержал сенатора Т. Титтони, оскорблявшего в своих высказываниях Ленина. Забегая впе-

242 Ibid. P. 17.

243 Mussolini B. L'artefice e la materia // Il popolo d'Italia, 14 luglio 1920.

244 Panicali A. Rosso e nero: anni venti // Per la critica. 1973. №2. P. 35.

245 Petracchi G. Roma e/o Mosca? Il fascismo di fronte allo specchio. Op. Cit. PP. 71–75.

ред, отметим, что лишь война в Испании привела к слиянию двух понятий и прямой ассоциации коммунизма с СССР[246].

Отношение фашистского руководства, в частности Муссолини, не было постоянным и менялось на протяжении всего периода сосуществования двух тоталитарных режимов. Более того, идеологи фашизма занимали часто различные и даже расходящиеся между собой позиции: от демонизации большевизма до обнаружения неожиданных точек соприкосновения между Римом и Москвой, в частности между корпоративизмом фашизма и коммунистическими коллективизмом[247]. Сам Муссолини на протяжении двадцати лет пребывания у власти не отличался постоянством в своем отношении к коммунизму, изменяя свое мнение в соответствии с конъюнктурными внешнеполитическими интересами и соотнося его со своими глобальными империалистическими проектами. В целом, отношения между СССР и фашистской Италией можно охарактеризовать как «плохие» и «хорошие» в зависимости от конкретного исторического момента. Водоразделом стала итало-эфиопская война (1935–1936 гг.), заставившая Муссолини серьезно задуматься над своим внешнеполитическим курсом и ознаменовавшая начало отдаления Муссолини от западно-европейских демократий и СССР.

Итак, антикоммунизм, будучи одним из инструментов в идеологическом арсенале фашизма, использовался в зависимости от конкретного политического момента: иногда смягченный завуалированными формами критики, а иногда, наоборот, нарочитый и доведенный до крайности во время Второй мировой войны и в годы, непосредственно ей предшествующие.

И, тем не менее, изучение и анализ советской идеологии носил для фашизма конструктивный характер. Фашистские теоретики пытались разобраться в сущности коммунизма и сопоставить себя с режимом, опередившим фашизм в революционности своих действий, по построению «нового мира на обломках старого». По мнению некоторых итальянских исследователей, это привело к тому, что фашизм попытался сформировать свой собственный образ в «зеркальном» отражении советского, анализируя тем самым собственное содержание через постижение чужого

246 Ibid. P. 70.

247 Zani L. Fascismo e comunismo: rivoluzioni antagoniste // Modernità totalitaria. Il fascismo italiano a cura di E. Gentile, Editori Laterza, Roma-Bari. 2008. P. 192.

опыта[248]. В среде фашистских идеологов выделилось особое течение, с интересом следящее за процессами в СССР и примеряющее на себя большевистский опыт[249]. Для представителей некоторых из них советская система являлась постоянным ориентиром и образцом. Так, верные режиму профсоюзные деятели старались выявить сходства и различия между «двумя революциями»[250], предпринимая усилия к нахождению точек соприкосновения с большевистской ментальностью[251]. Итальянский историк Л. Дзани предложил художественный образ, передающий специфику отношений между двумя режимами в период с 1922 по 1935 гг. Исследователь сравнил их с борцами, принявшими вызов, питающими взаимное уважение, изучающими друг друга, сопоставляющими себя с противником, оценивающими способности и почти одинаковую технику борьбы. Однако, в конечном итоге, по мнению Дзани, такое поведение привело к драматическому столкновению[252]. Возможно, что со стороны итальянского фашизма и проявлялся интерес к внутриполитическому развитию в СССР и, в частности, к проводимой там политике социально-экономического строительства, однако, вызывает сомнения, что со своей стороны советские государственные деятели активно интересовались деятельностью фашистского правительства по формированию нового справедливого общества.

Согласно мнениям фашистский теоретиков, уже в 1920-х годах фашизм и большевизм представляли собой «два полюса», вокруг которых выстраивались другие политические европейские течения. В начале 1930-х годов эти «два полюса» объединились на основе общей для них основополагающей роли государства в обществе. По мнению фашистских публицистов, активное вмешательство государства явилось тем единственно возможным средством, которое позволило обеим странам выйти из мирового экономического кризиса с меньшими потерями по сравнению с

248 См. Zani L. Op.cit. Petracchi G. Roma e/o Mosca. Op. cit.

249 Речь идет о таких фашистских деятелях, как Дж. Боттаи, К. Малапарте, Д. Кантимори. Так, например, Джузеппе Боттаи в своей статье «Суть фашистских идеалов» раскритиковал мысль о противопоставлении фашизма и большевизма, подчеркнув общие антибуржуазную и антиплутократическую составляющие их идеологий. (G. Bottai L'essenza ideale del fascismo // Critica fascista. – n. 11. – 1925. – P. 211.

250 В представлении фашистских теоретиков в России и Италии произошли революции, приведшие к полной смене не только политического режима, но и всего социального строя. Этот подход объясняет повышенный интерес итальянского фашизма к социалистическому строительству в СССР.

251 Petracchi G. «Il Colosso dai piedi d'argilla»: l'URSS nell'immagine del fascismo. Op. Cit. P. 150.

252 Zani L. Fascismo e comunismo: rivoluzioni antagoniste. Op. Cit. P. 196.

их либерально-демократическими противниками[253].

В этом контексте более понятными становятся мысли Муссолини, высказанные им во время беседы весной 1932 год с немецким писателем Эмилем Людвигом. На его вопрос об обоснованности «многочисленных точек соприкосновения между политическими системами Рима и Москвы» Муссолини ответил: «Я не отрицаю сходство. […] Во всех негативных аспектах мы действительно похожи друг на друга. Мы и русские против либералов, демократов, парламента»[254]. Более того, Муссолини признал превосходство СССР в решении проблемы массовой безработицы. Об этом он заявил, подчеркнув, что в Италии, как и в России, «у народов есть кое-что общее: работа и надежда». Однако, он вынужден был добавить, что «мы не можем обеспечить работой всех»[255]. Таким образом, в ответах дуче на подчас откровенно провокационные вопросы Людвига проявилось его желание объективно оценить сходства и отличия между двумя тоталитарными режимами без примеси открытой враждебности в отношении большевизма и СССР в целом.

Анализ итальянской публицистики 1920-х – начала 1930-х годов приводит к выводу о том, что фашистская Италия в качестве одного из своих противников видела США, а точнее – американский стиль жизни и образ мышления, а не большевизм. Согласно общей мысли фашистских теоретиков, в политической области у фашизма гораздо больше было общего с большевизмом, нежели с американизмом[256]. В основе такой идейной близости лежала, как минимум, убежденность фашистских идеологов в свершении антибуржуазной и антиплутократической революции в обеих европейских странах[257].

В течение мирного периода развития отношений с СССР с 1922 по 1935 гг. фашистское руководство предприняло попытки изучения законодательной деятельности советского режима и его социальной системы в тех ее аспектах, которые так или иначе были связаны с организацией труда. Подробные исследования этих вопросов

---

253 Zani L. Fascismo e comunismo: rivoluzioni antagoniste. Op. Cit. P. 201.

254 Ludwig E. Colloqui con Mussolini. Verona: Arnoldo Mondadori Editore. 1965. P. 153.

255 Ibid. P. 154.

256 Так, например, писатель, журналист, идеолог фашизма Берто Риччи в 1927 году писал: «Антирим есть, но он не в Москве. Риму, городу души, противостоит Чикаго, город свиньи». Цит. по Mangoni L. L'interventismo della cultura. Intellettuali e riviste del fascismo. Bari: Laterza. 1978. P. 151.

257 Petracchi G. Roma e/o Mosca? Op. Cit. P. 81.

были предприняты, прежде всего, крупным специалистом по вопросам советского права Томмазо Наполитано[258].

В рамках нашего исследования деятельность Томмазо Наполитано (1905–1994 гг.) представляется крайне важной, так как именно он сыграл значительную роль в процессе создания образа СССР в среде итальянского эстеблишмента. Во время фашизма он занимался исследованием различных сторон жизни Советского Союза: уголовным правом, организацией труда в СССР, литературой и культурой, внутренней и внешней политикой СССР, политикой в сфере социального регулирования. О своей научной деятельности Наполитано написал в работе «Уголовная политика в СССР»[259]: «изучение русского языка и литературы в Восточном Институте в Неаполе, юридический факультет неаполитанского университета, юридическая практика в адвокатском бюро сенатора Дженнаро Марчано в Неаполе, сдача экзаменов для получения права на судебную деятельность. Когда молодой судья попробовал свои силы в научной публицистике, оказалось, что он был одним из немногих итальянцев, проявивших интерес к изучению правовых и экономических аспектов большевизма»[260]. Наполитано признавал явное влияние на советское право итальянской позитивистской школы, хотя и подчеркивал временный статус и ситуационный характер советских кодексов, что объяснялось, как он считал, переходным периодом к победе коммунизма, пропагандируемым советскими юристами. Советское право, по мнению Наполитано, с присущим ему эклектизмом адаптировало собственные формулировки к различным социально-экономическим условиям послереволюционного общества[261].

На протяжении всей своей деятельности в фашистский период Наполитано работал непосредственно с советскими публикациями, периодикой, пропагандист-

---

258 Биография и деятельность Наполитано стали объектом многочисленных исследований Р. Маффеи, получившего непосредственный доступ к личным фондам правоведа: Maffei R. Crollo e fenomenologia del Terrore rosso. L'Urss negli scritti e nelle corrispondenze di Tommaso Napolitano (1938–1942) // Nuova storia contemporanea – 2009 – № 4; его же Tradizione e riforme nella scuola sovietica. Gli scritti di Tomaso Napolitano (1949–1959) // Annali di storia dell'educazione e delle istituzioni scolastiche. 2010. №17. P. 199–218; его же: L'ultima crociata antibolscevica. Tommaso Napolitano e l'Ufficio Est // Nuova storia contemporanea. 2011. №1.

259 Napolitano T. Politica criminale sovietica. Padova: Cedam. 1936.

260 Napolitano T. Politica criminale sovietica, op. cit., p. XVII. Цитата по R. Maffei, Crollo e fenomenologia del Terrore rosso. Op.cit., P. 101. Цитата по R. Maffei, «Caccia alle streghe» nell' Italia fascista. Il caso di Napolitano: storia di una persecuzione // Nuova storia contemporanea. 2014. №, 6. P. 22.

261 Маффеи Р. Восприятие советского права в Италии 20–30-х годов // Путешествие в Италию – путешествие в Россию: сборник статей по материалам Итало-российских исторических конференций, состоявшихся на факультете журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (20 ноября 2012, 27–28 марта 2013 и 26–27 сентября 2013), 2014. С. 155–156.

ским материалом, антибольшевистскими статьями и монографиями, написанными белыми эмигрантами. До начала войны ему так и не удалось лично побывать в СССР, несмотря на посланный в советское полпредство в 1937 году запрос на получение визы, в которой ему было отказано. «Поездка не состоялась, так как в момент отъезда советский полпред в Риме сообщил мне, что его правительство «по причине антисоветской пропаганды, развязанной в фашистской печати», не дало разрешение на выдачу въездной визы в СССР всем фашистам (итальянцам, немцам и японцам)»[262].

Наполитано активно участвовал в работе Центра Антикоммунистических исследований, в проекте «Радио Москва», а также был вовлечен в процесс разработки фашистской пропаганды в СССР во время оккупации юга Украины и Придонья во время Второй мировой войны. В июле 1941 года Наполитано принял участие во Второй мировой войне на советском фронте в качестве руководителя Отдела пропаганды КСИР. 19 июля он записал в своем дневнике: «Сегодня утром я приступил к работе. Целый час сижу за столом, полностью выделенном в мое распоряжение, и не могу отделаться от приятного и искреннего чувства восхищения ни кем иным, как самим собой. Как хорошо, что еще в ранней молодости мне пришла мысль изучать русский язык, Россию и большевизм»[263]. Однако, его энтузиазм, основанный на знаниях и интересе, разделялся далеко не всеми окружавшими его военными, многие из которых видели в войне против СССР очередную кампанию фашистского правительства, а не «священную битву всей западной цивилизация против азиатского зла», в чем так настойчиво пыталась убедить всех итальянцев фашистская пропаганда..

Продвигаясь вглубь советской территории, Наполитано общался с местным населением, записывал свои впечатления, собирал пропагандистские и архивные материалы, оставленные советскими войсками при отступлении, книги в разоренных библиотеках, школах и судах, публиковал статьи о результатах двадцатилетнего правления большевиков на Украине. В результате непрерывной и кропотливой работы на местах по исследованию жизни советского населения Наполитано

262 Отчет Т. Наполитано, Рим, 28 октября, 1937. ACS. Личный архив Т. Наполитано. Ящик 2, дело 17.

263 Napolitano T. In Russia con il C.S.I.R. II // Nuova Antologia, vol. CDXXI, fasc. 1684, 16 maggio 1942, PP. 82–94. Цитата по Maffei R. «Caccia alle streghe» nell' Italia fascista. Op. Cit. P. 125.

пришел к выводу о том, что «историю большевизма можно описать несколькими словами: покушения, заговоры, расстрелы и насильственные смерти»[264]. Общение с населением юга Украины, а также получаемые различным путем сведения из СССР еще во время его работы в Риме создали в представлении Наполитано «угрюмую» картину жизни в СССР и убедили его в неизбежности трагических последствий большевистского правления в России.

Вскоре Наполитано было отказано в публикации его статей на страницах фашистской прессы по пока еще не выясненным историками причинам. Болезнь стала основанием его срочного возвращения в Италию. Документы, касающиеся последнего периода его пропагандистской деятельности, а также его доклады и различные тексты хранятся в Государственном центральном архиве Рима. Существует также его личный архив, находящийся в распоряжении его наследников. Очерки и статьи Наполитано были опубликованы на страницах журнала «Critica fascista», «Nuova Antologia»[265]. Значимость деятельности неаполитанского юриста связана с его активным участием в работе фашистского руководства над сбором и обработкой информации о СССР, над проведением анализа и прогнозированием дальнейшего развития советского режима. Большое количество вышедших из-под его пера книг, очерков и статей, как представляется, также внесли свой вклад в формирование образа СССР в фашистской Италии.

В период фашистского режима усилиями другого крупного деятеля, Этторе Ло Гатто (1890–1983 гг.), были сделаны многочисленные переводы русской и советской литературы. В отличие от Т. Наполитано, до войны в период с 1928 по 1932 годы Ло Гатто посетил СССР четыре раза[266], описав свои впечатления в книге «Мои встречи с Россией»[267]. Благодаря публикациям его переводов и исследованиям в области русской культуры были заложены основы итальянской русистики[268]. В пер-

---

264 Napolitano T. In Russia con il C.S.I.R. III // Nuova Antologia, vol. CDXXI, fasc. 1684, 19 agosto 1942, P. 226. Цитата по R. Maffei, «Caccia alle streghe» nell' Italia fascista. Op. Cit. P. 129.

265 Так, например, были опубликованы его статьи в "Critica fascista", Искусство и политика Советской России. 1930. № 141. С. 207–209; Тирания плебса в России – 1930 – № 23 – С. 458–460; Размышления о московском процессе. 1931. № 1. С. 15–17; Преступления против экономики СССР . 1932. № 6. С. 113–115 и т.д.

266 Маццителли Г. Пребывание Этторе Ло Гатто в России в годы первой пятилетки // Россия и Италия – 2015 – Вып. 6. С. 340–345.

267 Ло Гатто Э. Мои встречи с Россией. М.: Круг, 1992.

268 См. D'Amelia A. Un maestro della slavistica italiana: Ettore Lo Gatto // Europa Orientalis. 1987. № 6. P. 329–382.

вую очередь Этторе Ло Гатто – это крупный специалист в области русского языка и глубокий ценитель русского культурного наследия. Еще на заре своей деятельности Ло Гатто основал журнал «Россия» (1920–1925), на страницах которого публиковались переводы русских и советских авторов и исследовательские статьи по русской истории и культуре. В 1921 году он продолжил свою карьеру в области русистики на посту секретаря Института Восточно-европейских исследований, где он также исполнял обязанности редактора выпускаемого институтом культурно-просветительского журнала «Восточная Европа» (1921–1943). В 1926 году под его руководством славянское отделение Института начало публикацию нового литературного издания «Журнала славянской литературы», а в 1928 году начали выходить номера «Истории русской литературы», также издававшиеся Институтом Восточно-европейских исследований. Ло Гатто оставил после себя и богатое публицистическое наследие в виде множества журналистских очерков и статей в различных периодических изданиях, в которых изложил свои часто негативные впечатления и критические суждения о советской действительности[269]. В качестве примера можно привести его неприятие разрушительной силы нового режима, оскверняющего храмы, пренебрежительно относящегося к предметам старины и наследию художественного искусства. Как тонкому ценителю русской дореволюционной культуры ему было трудно согласиться с отрицавшими свое историческое прошлое большевиками.

Помимо советского законодательства и культуры, широкий интерес в Италии в конце 1920-х – начале 1930-х годов был вызван гигантскими социалистическими стройками первой пятилетки. Десятки итальянских путешественников, политиков, техников и журналистов отправились в СССР, чтобы собственными глазами засвидетельствовать продвижение работ и описать по возможности свои впечатления об увиденном. Среди них находим таких известных деятелей, как Умберто Нобиле, приглашенного в 1931 году в СССР для развития советского дирижаблестроения[270], а также Гаэтано Чокка, руководившего строительством Первого шарикоподшипникового завода в Москве в рамках совместного проекта советского правительства и

269 Например, In Russia. Roma: Società editrice Dante Alighieri. 1938; его же, Mosca. Milano: Giacomo Agnelli. 1934.
270 См. Zani L. Fra due totalitarismo. Umberto Nobile e l'Unione sovietica (1931–1936). Roma: Aracne. 2005.

туринской кампании Фиат[271]. Отметим, что именно в областях экономики и социального развития итальянцы находили схожие черты между СССР и фашистской Италией. Речь, в частности, шла о корпоративном строительстве в Италии и об экономическом планировании в СССР[272]. Однако, австрийский наблюдатель Р. Фюлёп-Миллер, напротив, в своей книге «Лицо большевизма», вышедшей в Италии в 1930 году с предисловием, написанным Курцио Малапарте, подчеркнул отличительные черты новой послереволюционной реальности в России от старой Европы: «обожествление» промышленного оборудования, преклонение перед американской мечтой, «страстное желание бедной и отсталой страны приобрести как можно больше станков, выстроить гигантские города, достичь немыслимого развития техники»[273].

Публицистика периода с 1922 по 1935 гг. в целом создала настолько сложный и противоречивый образ большевизма, что он уже не ограничивался избитыми, набившими оскомину характеристиками, а отличался сложным анализом и разнообразием подходов. В результате созданной на страницах фашистской печати картины действия большевиков не представлялись исключительно как результат их заговора и оторванных от реальности идей, а как политический и идеологический прогресс в сторону создания лучших условий жизни для советского народа. Таким образом, можно утверждать, что подобный подход предполагал сопоставление режимов на теоретическом конструктивном уровне и не был исключительно результатом утрированной антибольшевистской полемики.

Рассматриваемый период был отмечен конструктивным диалогом между двумя режимами, состоящим из отдельных культурных контактов, торговых обменов, официальных визитов и встреч (в честности, министров иностранных дел) и рабочих командировок. Это дает основание утверждать, что фашистская верхушка проводила последовательную политику в отношении Советского Союза, следуя прагматической линии, диктуемой собственными экономическими, торговыми и политическими интересами. Кульминационным моментом такой политики стало

271 Ciocca G. Giudizio sul bolscevismo. Milano: Bompiani. 1934.

272 Zani L. Fascismo e comunismo: rivoluzioni antagoniste. Op. Cit. P. 203.

273 Cit. in Panaccione A. Socialisti europei. Op. Cit. P. 147.

заключение Пакта о дружбе, ненападении и нейтралитете в 1933 году. Документ был подписан в Риме 2 сентября послом СССР в Италии В. П. Потемкиным и Б. Муссолини. Инициатором переговоров было правительство Италии, старавшееся в своих геополитических интересах привлечь на свою сторону СССР. По своему содержанию Пакт был идентичен договорам, заключенным Советским Союзом с рядом европейских стран в период 1925–1932 гг. Статьи договора обязывали стороны не нападать друг на друга, взаимно уважать территориальную неприкосновенность и соблюдать нейтралитет при нападении третьих держав на одну из них в течение всего конфликта. Италия и СССР обязывались не участвовать в соглашениях, наносящих ущерб внешнеторговым и финансовым отношениям друг с другом, «... не входить ни в какое соглашение политического или экономического порядка и ни в какую комбинацию, направленные против одной из них»[274]. Стороны могли денонсировать договор, но с условием предупреждения за год и не ранее истечения пятилетнего срока действия.

С вступлением Италии в войну с Эфиопией (1935–1936 гг.) отношения между СССР и Италией начинают вступать в фазу назревающего противостояния. Содержание фашистской идеологии по отношению к СССР подверглось пересмотру и приобрело яркий антикоммунистический оттенок. С одной стороны, сближение с Германией, а с другой – нежелание уступать лидерство в идейной конкуренции с нацизмом, подтолкнули Муссолини к усилению идеологической составляющей его политики в Европе. Гражданская война в Испании (1936–1939 гг.) способствовала окончательной расстановке приоритетов во внешней политики фашизма, а присоединение Италии в 1937 году к «Антикоминтерновскому пакту» нарушило условия Пакта о ненападении, автоматически аннулировав его юридическую силу.

### *2.1.4. Основные черты антикоммунистической пропаганды второй половины 1930-х гг.*

Предвоенное десятилетие ознаменовалось резким ухудшением отношений между Италией и СССР: точек соприкосновения оказывалось все меньше, появля-

274 Москва-Рим. Политика дипломатии Кремля. 1920–1939/под ред. Г.Н. Севостьянова – М.: Наука. 2002. С. 331.

лись новые внешнеполитические ориентиры и причины недовольства друг другом. Фашистская антибольшевистская риторика превратилась в основную составляющую идейного багажа фашизма на заключительном этапе отношений между двумя странами. На этом этапе итальянский фашизм заявил о себе как о предводителе христианской Европы, отправившейся в крестовый поход против коммунизма ради спасения человечества[275]. Война в Испании вызвала новый всплеск антикоммунистических настроений, подпитываемых фашистской пропагандой, что в конечном итоге привело к сплочению Муссолини с антисоветски настроенными католическими кругами. Такое слияние фашистского и церковного антикоммунизма породило образ западной, в основе своей христианской, культуры, осажденной в Испании советскими «варварами»[276].

Антикоммунистический элемент фашистского дискурса приобретал все большую значимость одновременно с расширением спектра пропагандистских методов, находившихся в распоряжении Муссолини. Сближение с нацистской Германией, в частности, выразилось в реализации множества совместных проектов в различных областях. Не осталась в стороне и антисоветская пропаганда, в отношении которой оба правительства приняли решение о приложении максимума усилий и оказании взаимной помощи по поиску материалов и обмену опытом[277]. Это ознаменовалось открытием в мае 1937 года Центра антикоммунистических исследований и подписанием в ноябре того же года Антикоминтерновского пакта. Таким образом, фашизм официально заявил о начале идеологического «крестового похода» против коммунизма, борьбу с которым объявил в качестве своей основной задачи. Другими словами, фашистские идеологи противопоставили теории коммунизма фашистские принципы, во имя которых намеревались спасти Европу и мир от «советской азиатчины»[278].

Изначально основной задачей Центра антикоммунистических исследований под руководством крупного лингвиста и философа Антонино Пальяро (1898–1973)[279]

---

275 Zani L. Fascismo e comunismo: rivoluzioni antagoniste. Op. Cit. P. 221.

276 Lepre A. L'anticomunismo e l'antifascismo in Italia. Bologna: Il Mulino. 1997. P. 73.

277 Maffei R. «Caccia alle streghe» nell' Italia fascista. Op. Cit. P. 18.

278 Petracchi G. «Il Colosso dai piedi d'argilla». Op. Cit. P. 155.

279 Sanguinetti O. Una rete internazionale contro il comunismo: l'EIA // URL: http://www.identitanazionale.it/stco_5037.php. (Дата обращения 21.1.2015.)

и при содействии немецких экспертов антикоммунистической пропаганды был анализ событий внутренней жизни СССР и их интерпретация в антисоветском ключе. Любой факт из советской действительности представлялся как проявление слабости коммунистической системы. В планах основателей Центра подготовка пропагандистских материалов для широкого использования фашистскими органами и прессой должна была сочетаться с серьезной научной деятельностью по изучению особенностей строя. По словам Наполитано, «Центр соединял в своей работе стремление удовлетворить потребностям пропаганды, одновременно отвечая высоким требованиям научных исследований»[280].

В дальнейшем в своей деятельности Центр преследовал две основные задачи: официальной целью была подготовка материалов для пропагандистской и информационной деятельности НУ.П.И.Е.[281], для культурных фашистских организаций, а также для журналистов, пишущих о СССР. Секретной и основной же целью было изучение СССР по требованию руководства фашистской партии. Главная роль в научно-исследовательской работе Центра принадлежала Т. Наполитано, который в течение трех лет создавал библиотеку книг и периодических изданий, специализировавшихся на истории большевизма, СССР и анализе марксистско-ленинского учения. Среди хранящихся в фонде Министерства народной культуры материалов, касающихся деятельности Центра антикоммунистических исследований, находится документ, свидетельствующий о степени вовлеченности Наполитано в эту работу: «[…] судья Томмазо Наполитано заслуживает высокую оценку за проводимую им в новом особом институте плодотворную деятельность. Его научные знания,

---

280 Prima relazione semestrale del dr. T. Napolitano, Roma, 28 ottobre 1937 // Carte T. Napolitano, scat. 2, f. 17. Цитата по Maffei R. «Caccia alle streghe» nell' Italia fascista. Op. Cit. P. 22.

281 Один из десяти отделов Министерства культуры и пропаганды. Главное управление (ГУ) Пропаганды в 1938 году было реорганизовано, вследствие чего внутренние отделы были разделены по географическому принципу по образцу организации Министерства Иностранных дел. Тем не менее, в рамках ГУ Пропаганды действовал отдел, отвечающий за работу своих служб как на национальной территории, так и за границей. Это был отдел NU.P.I.E. (Пропагандистские ячейки в Италии и за границей). В докладе руководителя ГУ Пропаганды от 10 ноября 1939 года говорилось об организации деятельности NU.P.I.E. в области проведения пропаганды: «отдел NU.P.I.E., действующий на основе ст. 4, пункта D, Декрета от июня 1935 года, отвечает за распространение пропаганды внутри страны и за границей в случае всеобщей мобилизации. Его сотрудники занимаются организацией периферийных органов в провинциях, в чью обязанность войдет руководство распространением пропаганды. (ACS, Minculpop, Gab. b. 182, fasc.4 «Relazioni sull'attività della D.G. Propaganda»).

Порядок распространения пропаганды прослеживается в документации, появившейся в процессе работы самого Отдела. Способы проведения пропаганды на территории Италии были следующими: «1. Формирование периферийных провинциальных отделов только в областных центрах.», 2. Вовлечение в работы 500 пропагандистов (из 3.200 рекомендованных), 3. Выдача радиоаппаратов, 4. Подготовка пропагандистского материала. (ACS, Minculpop, Gab. b. 182, fasc.10 «D.G. per i servizi della Propaganda, ufficio NU.P.I.E.)

преданность Делу, ради которого был основан Центр, сознание ответственности и долга находят свое ежедневное подтверждение и являются его бесценными качествами»[282].

Для получения сведений о событиях в СССР Наполитано прослушивал советское радио и читал самые крупные ежедневные советские издания. В фашистской Италии получать и читать советские газеты считалось преступлением, поэтому Наполитано необходимо было оформить специальное разрешение властей. Среди документов минкультуры хранится письмо, написанное в 1932 году министром внутренних дел и направленное на имя руководителя Отдела печати, где выражалось согласие со стороны Главного управления общественной безопасности на «доставку русской газеты «Правда» Доктору Томмазо Наполитано»[283]. После того, как Наполитано собрал огромное количество информации о СССР, он приступил к публикации периодического издания о различных аспектах жизни в стране. Так, начиная с 1939 года выходили *Секретные бюллетени,* публиковавшиеся Центром и отражавшие различные стороны советской реальности.

В записке, направленной Дино Альфьери, министру народной культуры, не только говорилось о начале выхода *Бюллетеней,* но и приводились основные цели, которые преследовали авторы статей, а также намечался порядок распространения издания: «Знаменитый Центр антикоммунистических исследований начал выпуск выходившего раз в две недели бюллетеня, в котором будут отражены политические события и внешняя политика СССР, а также действия большевиков во всем мире. Бюллетень секретного характера будет рассылаться только в Министерства внутренних дел, иностранных дел и народной культуры. Представляется целесообразным распространять некоторые из содержащихся в нем статей в общественной печати как проливающие свет на определенные стороны коммунистической деятельности, о которых было бы неплохо сообщать широкой публике»[284]. Первый номер Бюллетеня вышел в 1937 году, как это следует из писем самого Наполитано.

---

282 Dal presidente del Centro di Studi Anticomunusti al Ministro di Grazia e Giustizia: Encomio al giudice Tommaso Napolitano, 27 novembre 1937, ACS, Fondo Minculpop, Gab, b. 12.

283 Nota all'Ufficio Stampa del Capo di Governo dalla DG della PS del MI, 29 settembre 1932, ACS, Fondo Minculpop, Gab., b. 12.

284 Appunto per S.E. Ministro dal Ministero della Cultura popolare dalla DG per i Servizi della Propaganda, 30 dicembre 1937, ACS, Fondo Minculpop, Gab., b. 12.

Возвращаясь к поставленным перед *Бюллетенем* задачам, согласимся с мнением итальянского историка Дж. Петракки, охарактеризовавшего «излишне настойчивыми» усилия сотрудников этого печатного органа, предпринимавшиеся для выявления недостатков советской системы в производственной, социальной и национальной сферах, а также в педантичном указании на противоречия между марксистскими теориями и сталинской практикой. Очевидная потребность в знании о политических процессах и их специфике в СССР сочеталась у фашистских стратегов в стремлении отыскать признаки неминуемого краха советского режима.

Чистки и громкие сталинские процессы привлекали внимание общественности, создавая впечатление об изменении самой сущности советского режима. Согласно фашистским аналитикам, Сталин трансформировал Россию в «кровавую деспотию азиатского типа». Это доказывалось, в частности, на примере уничтожения старой большевистской гвардии, что вновь возвращало к мысли об историческом противопоставлении Запада и Востока, которое большевики и старались сгладить своими интернационалистскими идеями. Идеологические установки, сквозь которые фашизм смотрел на советскую Россию после 1937 года, помешали реалистично оценить военный потенциал СССР и привели к искажению даже соответствующих реальности сведений. Как представляется, к концу 1930-х годов исчерпал себя искренний интерес фашизма к коммунизму, основанный на здоровом любопытстве и подталкиваемый желанием ближе узнать противника. Образ «колосса на глиняных ногах» стал основным в характеристике СССР в период, непосредственно предшествующий войне. Жесткие идеологические матрицы пришли на смену объективному взвешенному анализу.

В некоторой степени усилению влияния идеологических установок на деятельность Центра способствовала травля Наполитано, одного из немногих фашистских интеллектуальных деятелей, старавшихся сочетать научную объективность своей деятельности с требованиями режима. В октябре 1937 года сотрудник Центра антикоммунистических исследований Бардуцци обвинил Наполитано в написании статей, содержавших положительные отзывы о большевизме. В качестве доказательства своей критической позиции по отношению к коммунизму и полной лояль-

ности фашизму Наполитано представил список из 64 вышедших под его именем работ начиная с 1929 года[285]. В итоге юрист был оправдан и смог продолжить свою деятельность в рамках фашистской государственной системы. Однако, его статьи и очерки стали все больше содержать сведения демагогического характера, отвечавшие ожиданиям фашистских иерархов и одновременно отдалявшиеся от стандартов беспристрастного и объективного изучения советской действительности.

Травля Наполитано и изменение специфики деятельности Центра в сторону пропагандистской направленности непосредственно в предвоенный период дало итальянскому исследователю Р. Маффеи основание предполагать внедрение советских шпионов в структуру самого Центра. Черпая сведения из опубликованного, в том числе и на итальянском языке, «архива Митрохина»[286], Маффеи полагает, что в последние месяцы существования Центра там работал советский секретный агент Дж. Конфорто. Он, по мнению Маффеи, оказал влияние на направление деятельности Центра, убеждая его сотрудников в структурной слабости экономики СССР, в неспособности советских властей сдерживать внутренние конфликты, а также в скорейшем крахе сталинского режима. В итоге это должно было привести к искаженному представлению итальянцев о военно-технической готовности СССР к войне в конце 1930-х годов и о его неспособности оказать сопротивление в случае внезапного нападения.

Ошибочность расчетов фашистского правительства на быстрый крах СССР в случае его оккупации вынужден был признать все тот же Наполитано во время своего участия в военной кампании на Украине уже в июле 1941 года. Один из допрошенных им советских военнопленных утверждал «шепотом, как будто говорил сам с собой», что советский народ не воюет за Сталина. «Народ хорошо знает своих руководителей. Но с 22 июня 1941 года уже никто не думает об ошибках и даже о преступлениях режима»[287].

Очередным результатом деятельности Центра под «духовным» управлением

---

285 Список хранится в папке 12, Кабинет министров, фонд Министерства народной культуры, ACS.

286 Mitrokhin V. Dossier KGB. «Rapporto Mitrokhin». Tutti i documenti dello spionaggio sovietico in Italia. Roma: Edizione Sapere. 1999. PP. 116–118. Митрохин В.Н. – бывший сотрудник архивного отдела Первого главного управления КГБ СССР, передавший в 1992 году английским спецслужбам секретные документы о заграничных операциях КГБ.

287 Napolitano T. In Russia con il C.S.I.R. IV // Nuova Antologia, vol. CDXXI, fasc. 1684, 19 agosto 1942, PP. 49–50. Цитата по Maffei R, Crollo e fenomenologia del Terrore rosso. Op.cit. P. 131.

все того же Наполитано был проект «Радио Москва». В задачу Центра в рамках коллективной работы (см. главу о «Радио Москва») над подготовкой трансляций подпольного радио входило и написание текстов на русском языке. По мысли разработчика проекта, самого Наполитано, дикторы радио должны были изображать вещание с территории СССР, при этом в действительности центр трансляции находился в Риме. Наполитано предложил вести передачи от имени *Союза освобождения,* вымышленной партии, стоящей на оппозиционных антисталинских (но не антиленинских) позициях к советскому режиму. Редакция «Радио Москва» получала сведения по уже отработанной Центром системе: тщательный анализ советской прессы, прослушивание советского радио в сочетании с секретными источниками информации[288].

Центр антикоммунистических исследований прекратил свое существование после подписания пакта Молотова-Рибентроппа 23 августа 1939 года, осложнившего для Муссолини дальнейшее использование антикоммунистичекой темы в своей внешней политике. Центр был распущен, а на его основе был открыт Институт исследований и политики при новом порядке. Изменение касалось и самой сущности Института, в котором антибольшевизм постепенно превратился в один из многочисленных аспектов политики в условиях нового порядка[289].

### *2.1.5. Католические антисоветские организации*

Святой престол также проявил интерес к опыту строительства нового режима в СССР в целях нахождения эффективного средства против распространения коммунистических идей, направленных на «подрыв вековой европейской цивилизации». Так, в результате сочетания усилий европейских стран (в частности, Швейцарии, Италии и Германии), направленных на борьбу с распространением коммунизма, родилась идея создания Международного союза против Третьего Интернационала (Entente Internationale Anticommuniste – EIA)[290]. Новая международная организация была создана в 1924 году силами женевского адвоката Теодора Обера и деятеля

288 О «Радио Москва» см. ниже.

289 Maffei R. L'ultima crociata antibolscevica. Op. Cit. P. 36.

290 Sanguinetti O. Una rete internazionale contro il comunismo: l'EIA.

Красного Креста, военного врача-эмигранта Юрия Лодыженского[291].

Католическая церковь со своей стороны также активно включилась в информационную войну против СССР. Первые шаги были предприняты сразу после взятия большевиками власти, когда у Святого престола снова появились надежды на переобращение восточных «схизматиков» в истинное христианство. Использование официального признания СССР[292] в качестве козырной карты в обмен на свободу исповедания католической веры, а также громко анонсированная помощь голодающим Поволжья не принесли ожидаемых результатов. Отношения советского руководства, все менее терпимо обращавшегося со всеми конфессиями на территории СССР, и терявшего надежды Святого престола вылились к концу 1920-х годов в непримиримое противостояние.

В 1925 году католическая церковь официально включилась во всеобщий процесс «познания врага» и проведения антикоммунистической политики, основав под руководством Пия XI специальную комиссию «Pro Russia» («За Россию») при Св. Конгрегации по делам Восточных церквей «с целью ускорения решения вопросов и дел русских подданных, как проживающих на своих территориях, так и находящихся за границей»[293]. Руководство комиссией было поручено ректору Восточного Католического Института иезуиту Мишелю д'Эрбиньи, входившему в то время в близкое окружение Пия XI. Д'Эрбиньи считался крупным специалистом в вопросах восточной политики Престола и идейным вдохновителем действий папы в отношении СССР.

Помимо теоретической подготовки осведомленность д'Эрбиньи в «русском вопросе» объяснялась тем, что ему удалось стать очевидцем происходивших в СССР событий. В сентябре 1925 года Святой престол доверил французскому иезуиту секретную миссию в СССР, в результате которой д'Эрбиньи вернулся в Рим с полной уверенностью в срочной необходимости воссоздать там католическую иерархическую систему и открыть как минимум одну семинарию. Впоследствии во время других своих поездок в СССР он тайно возвел в сан девятерых апостольских

---

291 См. Лодыженский, Ю.И. От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом. – М.: Айрис-пресс, 2007.

292 Официальные дипломатические отношения между Ватиканом и СССР будут установлены только в 1990 году.

293 Carrcel Orti Vicente, Chiesa e Stato nell' Europa comunista. II. Unione Sovietica Op. Cit. P. 520.

администраторов, четырех из которых посвятил в епископы. В результате последнего своего пребывания на территории СССР в 1926 году д'Эрбиньи был объявлен советским правительством персоной *нон грата*[294].

В 1928 году был основан Институт для русских священнослужителей «Russicum S. Theresiae ab Infante Jesu» с амбициозной целью подготовить апостолов для обращения в католическую веру 140 миллионов русских. На деле Институт «Руссикум» превратился в центр изучения СССР и антикоммунистической пропаганды, деятельность которого нашла свое подробное отражение в «Письмах из Рима», двухнедельного обозрения, выходившего под руководством иезуита Жозефа Леди. Периодическое издание Института «Руссикум» служило, в частности, источниковой базой для научных исследований итальянских специалистов по вопросам политики СССР, таких как Гуидо Манакорда[295] и Томмазо Наполитано, а также для пропагандистского аппарата фашизма[296]. В стенах «Руссикума» были собраны целые коллекции советских и русских эмигрантских газет; тысячи брошюр; собранные по всему миру разноязычные листовки, позволявшие изучать особенности коммунистической пропаганды в отдельно взятой стране, степень ее действия и задачи[297].

С учетом того, что большинство населения Италии в межвоенный период представляло собой не просто верующих, но соблюдающих обряды католиков, а духовный авторитет папы римского был неоспорим, можно представить ту силу воздействия, которую оказывали слова понтифика на отношение католического населения к Советскому Союзу. И действительно, как выяснится впоследствии, многие итальянцы искренне разделяли с фашистским руководством религиозный мотив вступления в войну против СССР. Попрание христианских ценностей, преследование служителей культа и запрет на свободное вероисповедание возмущали итальянцев-католиков, чьими религиозными настроениями умело манипулировала католическая церковь.

---

294 Ibid.

295 Гуидо Манакорда (1879–1965) – итальянский филолог, специалист по германской литературы. Активный сторонник фашизма. После подписания Пакта о ненападении между СССР и Германией опубликовал имевшую большой успех монографию «Большевизм» (Флоренция, 1940), посвященную изучению СССР. Манакорда подчеркивал врожденный антикоммунистический характер итальянского фашизма по сравнению с антисоветской политикой национал-социализма, подписавший соглашение с Советским союзом. (Биографический итальянский словарь. Том 68, 2007. Статья Бенедетты Гарцареллы).

296 Petracchi G. «Il Colosso dai piedi d'argilla». Op. Cit. P. 156.

297 Petracchi G. Roma e/o Mosca? Il fascismo di fronte allo specchio // Nuova storia contemporanea. 2002. № 1. P. 91.

### *2.1.6. Итальянская внешняя политика в отражении национальной печати*

Двусмысленность ситуации, в которой оказалась антибольшевистская пропаганда, стала очевидной во время и после советско-финской войны (1939–1940 гг.). Советско-германский Пакт о ненападении 23 августа 1939 года наложил глубокий отпечаток на политику фашизма. Долговременность и прочность советско-германского союза ставилась под сомнение многими наблюдателями. Как сообщали итальянские дипломаты из Берлина, руководство Германии не придавало большого значения договору. Однако совместная операция вермахта и Красной Армии в Польше в сентябре 1939 года породила у римских политиков опасения, что советско-германское сближение прочно и может окончательно отодвинуть Италию на второй план в системе «оси»[298].

Первоначальное враждебное отношение к Муссолини подписанному без его предварительного уведомления пакту сменилось согласием следовать немецкой политической линии в отношении с СССР. С осени 1939 года в советско-итальянских отношениях наметился очевидный прогресс, дальнейшему развитию которого помешало начало советско-финской войны. Итальянское руководство заняло непримиримую позицию резкого противостояния СССР и поддержки Финляндии вплоть до посылки вооружения. Немецкой стороне пришлось предпринять серьезные усилия, чтобы убедить союзника прекратить антисоветскую кампанию в прессе и отказаться от поддержки Финляндии[299]. При помощи пропагандистской кампании против СССР во время советско-финской войны Италия, с одной стороны, пыталась воспрепятствовать сближению Германии с СССР, с другой – совершить нажим на советское правительство, чтобы подтолкнуть его к обсуждению выгодного для Италии договора по балканскому вопросу[300].

Сразу после нападения СССР на Финляндию, на страницах итальянских газет появляется целая серия статей с антисоветским содержанием. В них раздувалась возможная угроза, направленная против Европы, критиковалась советская социаль-

298 Смирнова Н.Д. Неизвестные страницы советско-итальянских отношений 1939–1941 по новым документам // Новая и новейшая история. 1996. №2. С. 33.

299 Там же. С. 37.

300 Petracchi G. «Il Colosso dai piedi d’argilla». P. 162.

но-политическая система, ее плановая экономика и, как очевидно, сама Красная Армия, разложившаяся вследствие двадцатилетнего режима террора и чисток[301]. Помимо прессы, буквально исполняющей правительственные указания, почти по всей стране были организованы многочисленные демонстрации под антисоветскими лозунгами в поддержку финского народа. Римское правительство не ограничилось развязыванием громкой антисоветской кампании внутри страны, приняв решение оказать конкретную военную поддержку сопротивляющимся финнам (см. выше)[302].

Подобная ситуация представляла серьезную опасность дальнейшему существованию итало-немецкой коалиции, что в итоге подтолкнуло Германию к выступлению в роли посредника в конфликте между Италией и СССР. В начале марта 1940 года Гитлер отправил Муссолини личное письмо, в котором постарался заверить дуче в том, что «Германия обеспечила необходимый раздел соответствующих сфер влияния, воспрепятствовав, среди прочего, присоединению СССР к странам демократического блока. Однако, это вовсе не означало окончательного разрешения конфликта между нацизмом и коммунизмом»[303]. Муссолини, подталкиваемый необходимостью восстановить советские поставки энергоресурсов в Италию и все более настойчивыми требованиями германского союзника предпринять усилия для примирения с СССР, решил сделать первые шаги в этом направлении. Тем не менее, в своем письме, направленном Гитлеру, Муссолини подчеркнул, что «он и римское правительство остаются по-прежнему противниками коммунистической идеологии, так как теории Маркса и Ленина явно противоречат духовным и экономическим принципам фашизма»[304].

Смена в отношении официальной Италии к СССР проявилась в инструкциях, которые министр народной культуры А. Паволини рассылал в редакции всех фашистских периодических изданий. За несколько дней до Московского договора 12 марта 1940 года, положившего конец финской войне, Паволини писал: «Обсуждался вопрос территориальных претензий России к Финляндии. Нас этот вопрос вол-

301 Ibid. P. 161.

302 Martelli M. Mussolini e la Russia. Le relazioni italo-sovietiche dal 1922 al 1941. Milano: Mursia. 2007. P. 332.

303 Lettera di Hitler a Mussolini, marzo 1940, cit. in M. Martelli, Mussolini e la Russia. Op. Cit. P. 339.

304 Lettera di Mussolini a Hitler, 11 marzo 1940, cit. in M. Martelli, Mussolini e la Russia. Op. Cit. P. 340.

нует постольку-поскольку, так как не касается сфер нашего влияния. Можно лишь отметить, что с абсолютно объективных позиций наступление русских на Петсамо отвечает историческим требованиям, которые и сегодня остаются актуальными. Именно они в действительности и подтолкнули к действию этот народ, без устали ищущий выход к незамерзающим морям. Поэтому, в этом нет ничего особенного»[305]. Политический характер этой директивы, отражающей решение итальянского правительства смягчить пропагандистский тон и умерить резкость журналистских нападок на СССР в еще большей степени становится очевидным во второй части того же документа: «[…] не рекомендуется пользоваться данным моментом для нападок на Россию, что, однако, не подразумевает изменения нашей позиции. Поэтому ни в коем случае нельзя воспевать хвалебные оды в адрес русского режима. Однако, во время проведения переговоров, которые, как мы надеемся, завершатся положительным для нас результатом, было бы глупо с нашей стороны своим поведением оказать негативное влияние на их результат»[306].

Нормализация советско-итальянских отношений совпала по времени со вступлением Италии в войну 10 июня 1940 года. Это выдвинуло на первый план проблему изыскания новых источников снабжения сырьем. Надежды стали возлагаться на балканские страны и СССР, однако переговорные процессы о заключении торгово-экономических договоров между Италией и СССР тормозились нежеланием итальянской стороны подписывать политические соглашения, без которых она не могла перейти к обсуждению экономических вопросов[307].

Новый обмен послами между Италией и СССР произошел 12 июня 1940 года, впервые после того, как оба правительства отозвали своих представителей в 1939 году в результате начавшегося конфликта СССР с Финляндией. Паволини обратился к журналистам с просьбой «придать бóльшую рельефность» этой новости «потому что в данный момент это событие обладает особым значением, которое опровергает спекуляции вокруг позиции России и т.д.»[308]. Спустя два месяца после обмена

---

305 Rapporto ai giornalisti del 9 marzo 1940, in Ministri e giornalisti: la guerra e il Minculpop, 1939–43 a cura di N. Tranfaglia. Torino: Einaudi. 2005. P. 27.

306 Ibid. P. 29.

307 Смирнова Н.Д. Неизвестные страницы. С. 41.

308 Rapporto ai giornalisti del 10 giugno 1940 // Ministri e giornalisti. P. 55.

послами, фашистская пропаганда «воздерживалась от какой бы то ни было прямой или косвенной критики, способной причинить беспокойство России»[309].

Паволини подробно изложил журналистам, в каком тоне необходимо было отражать в национальной прессе речь Молотова об отношениях между СССР и Италией, произнесенную им на заседании Верховного Совета 1 августа 1940 года. Молотов подчеркнул, что «наши отношения с Италией улучшились за последнее время. Взаимный обмен мнениями показал, что в области внешней политики наши страны могут прийти к полному взаимопониманию. Надежды на улучшение торговых отношений также полностью обоснованы»[310]. Итальянским журналистам предписывалось напечатать о том, что «Италия с удовольствием приняла ту часть [речи Молотова – прим. Автора], в которой подчеркивалось улучшение отношений, что действительно имело место между Италией и Россией»[311].

Визит Молотова в Берлин 12 ноября 1940 года, где произошла встреча Молотова, Гитлера и Рибентроппа, оказался в центре внимания итальянской печати, которая и на этот раз получила четкие указания от руководителя Министерства народной культуры. В частности, Паволини настаивал на том, чтобы журналисты «продолжали демонстрировать сдержанность с нашей стороны по отношению к этому событию, а не холодность, что выражает нашу к нему симпатию. Однако, по выработанной нами привычке, мы не должны преждевременно давать новости, комментарии и т. д. о событиях секретного характера»[312]. Для полного понимания выбранной Паволини линии поведения, навязанной печати, необходимо выяснить значение, которое упомянутая встреча в Берлине имела для Италии. Во время разговора с Гитлером Молотов намекнул на возможность начала новых переговоров с Италией, которые приостановились после ее нападения на Грецию 28 октября 1940 года. Тем не менее, ситуация изменилась и результаты встречи по-разному сказались на поведении итальянского и немецкого правительств. В то время, как итальянская дипломатия надеялась на развитие политических и экономических связей с СССР в перспективе участия в военных действиях на различных фронтах, Герма-

309 Ibid.

310 Discorso di Molotov alla seduta del Soviet Supremo del 1° agosto 1940, cit. in R. Quartararo, Italia-Urss. Op. Cit. P. 240.

311 Rapporto dell'Ecc, il Ministro ai giornalisti, Roma, 2 agosto 1940 // Ministri e giornalisti. Op. Cit. P. 61.

312 Rapporto ai giornalisti del 12 novembre 1940 // Ministri e giornalisti. Op. Cit. P. 96.

ния уже начала предпринимать первые шаги в подготовке к нападению на СССР[313].

Несмотря на отсутствие официального подтверждения со стороны немецкого командования, итальянцы начали постепенно догадываться о военных планах немцев в отношении СССР. Колебания фашистской политики между возвратом к антибольшевистской пропаганде в своем внешнеполитическом дискурсе и дипломатическим решением вопросов подошли к концу: идеологическое противостояние было выбрано в качестве единственного направления в развитии отношений с СССР[314]. Директивы Министерства народной культуры, направлявшиеся в фашистскую печать, отразили изменение позиции правительства начиная с мая 1941 года, когда Паволини сообщил журналистам, что новости о советской политике не должны привлекать повышенного внимания читателей: «Что касается Сталина и Молотова, то вы можете напечатать новость в одной колонке, не придавая ей особого значения»[315].

Таким образом, создавалась некая цепочка зависимых элементов единого антисовесткого фронта, начиная с Гитлера и заканчивая фашистской печатью, которая при ближайшем рассмотрении оказывалась слугою двух господ, подчиняясь напрямую Муссолини и опосредованно, по сути, нацистскому лидеру. Сложность и запутанность отношений в треугольнике Москва-Берлин-Рим накладывала свой отпечаток на публикуемые в печати материалы. Руководству ведомства по работе с журналистами и массовому распространению пропаганды приходилось заранее предугадывать шаги своего правительства, позиции которого менялись со дня на день, будучи отражением собственных интересов во внешней политике (например, на Балканах), идеологических установок (антикоммунизм) и союзнических обязательств.

### *2.1.7. Фашистская антисоветская пропаганда во время войны*

Для вступления Италии в войну против СССР не было веских оснований ни с точки зрения национальных интересов, ни в военно-стратегическом отношении. Муссолини попытался объяснить свое решение различными причинами, которые в

313 Quartararo R. Italia-Urss. Op. Cit. P. 241.

314 Collotti E. L'alleanza italo-tedesca 1941–1943. Op. Cit. P. 21.

315 Rapporto ai giornalisti del 7 maggio 1941, in Ministri e giornalisti. Op. Cit. P. 133.

своем большинстве сводились к антикоммунистическому аспекту фашистской идеологии. «Рим или Москва» – девиз, ознаменовавший почти все межвоенное двадцатилетие в Италии, приобрел еще бóльшую остроту и актуальность[316]. В содержании директив Министерства народной культуры отражен полный диапазон официальных целей войны, вокруг которых режим надеялся объединить все население и в которые стремился заложить дух бодрости и мужества для отправлявшихся на Восточный фронт итальянских солдат.

На пятый день войны с СССР Паволини напомнил журналистам о необходимости настаивать на двух основных причинах войны: «борьбе с плутократиями и большевизмом. Надо показать, что две эти основные причины являются знаменем нашего участия в войне»[317]. Паволини подчеркивал важность донесения до читателей той мысли, что «мы сражаемся не с русским народом, а с советской Армией. Надо рассказывать о постепенном освобождении народов, что является настоящей правдой. В частности, это касается прибалтийских стран, которые, как вы знаете, оказались в подчинении СССР сравнительно недавно»[318].

Сразу после начала войны с СССР фашистская пропаганда с особым рвением начала использовать образ «антибольшевистского крестового похода», который должен был означать не только борьбу со «старым врагом фашизма», препятствующим установлению нового порядка в Европе, но и защитить европейские народы от набегов «большевистских орд» и уберечь их от «печального опыта других народов, переживших на себе последствия установления кровавого советского режима». Поэтому в центре внимания статей, посвященных участию Италии в войне против СССР, должна была стоять мысль о «неизбежности этой гигантской военной кампании, острая необходимость в которой обуславливалась непрерывным ростом военной мощи СССР. «Теперь уже всем известен план русских: дождаться того, что Запад выдохнется в войне, а за это время построить гигантскую военную машину для неожиданного нападения на победивших и побежденных, чтобы стереть с лица земли все европейские народы». Журналисты призывались «представлять как мож-

316 Santarelli E. Storia del fascismo III. La guerra e la sconfitta. Op. Cit. P. 224.

317 Rapporto dell'Ecc. Pavolini ai giornalisti, 25 giugno 1941, in Ministri e giornalisti. Op. Cit. P. 153.

318 Ibid. P. 155.

но чаще большевизм в виде нависшей угрозы над Европой, которая будет спасена силой немецкого и итальянского оружия[319].

Для придания большего значения «крестовому походу» фашизм попытался заручиться поддержкой сторонников борьбы с большевизмом в католических кругах и добавить тем самым религиозную окраску антисоветской военной пропаганде. Опасаясь перспективы затяжной и изнурительной войны, предполагавшей усиление итальянского присутствия на советском фронте, а также в целях поддержания внутреннего порядка, фашистское правительство направило свои усилия для получения моральной поддержки Святого престола. Однако, согласно восстановленным итальянским историком Е. Коллотти фактам, папа Пий XII отказался содействовать итальянскому правительству из-за его нескрываемой зависимости от Германии. Гитлеру также не удалось заручиться папским благословением на войну против СССР из-за гонений на католическую церковь в нацистской Германии[320].

Несмотря на отказ открыто вступить в союз с итальянским фашизмом и немецким нацизмом, католическая церковь приняла участие в войне против СССР. Сотни священников добровольно уезжали на советский фронт для оправления религиозных обрядов в сражавшихся на передовой итальянских частях. Только в июле 1941 года в действующую армию вступили 200 военных капелланов. Это была самая многочисленная группа церковнослужителей по сравнению с остальными кампаниями, в которых участвовала Италия. Ватиканские учреждения по сбору и обработке информации взяли на вооружение идею о крестовом походе. На следующий день после нападения Германии на СССР католические печатные органы Civiltà cattolica и Famiglia cristiana приветствовали операцию «Барбаросса», называя ее заключительной битвой христианской Европы против безбожников, «священной войной», в которой Италии отводилась решающая роль[321].

---

319 Rapporto dell'Ecc. Pavolini ai giornalisti, 12 agosto 1941, in Ministri e giornalisti. Op. Cit. P. 175.

320 Collotti E. L'alleanza italo-tedesca 1941–1943. Op. Cit. P. 25.

321 Scotoni G. Il nemico fidato. Op. Cit. P. 126.

## §2. СССР в фашистской печати

Во время фашистского периода истории Италии печать являлась основным пропагандистским каналом фашизации страны. Подконтрольная власти пресса передавала тон и содержание фашистской идеологии, а также отражала динамику правительственной политики в различных областях жизни. Это составляло одно из основных ее отличий от изданий в демократических странах[322]. Еще в 1930-х годах, когда радио и кинематограф только начинали составлять конкуренцию прессе как информационному источнику, для большинства итальянцев газета оставалась самым легко доступным и экономным средством получения информации. Отлично отдавая себе отчет в огромной значимости прессы как инструмента формирования общественного консенсуса, фашизм уделял ей особое внимание, преследуя свои политические и культурные цели[323].

Сам дуче не раз размещал свои статьи в крупнейших национальных изданиях, задавая тон почти всем наиболее видным фашистским деятелям, чьи очерки регулярно печатались на страницах газет и журналов. Находясь на посту главы правительства, Муссолини быстро осознал, что для создания эффективно работающей тоталитарной машины, необходимо было организовать систематический контроль над печатью, осуществляемый государственным аппаратом[324].

Информация о СССР чуть ли не ежедневно присутствовала на страницах итальянских печатных изданий. Интерес к советским новостям убывал и возрастал в зависимости от событий, касавшихся обеих стран, однако, статьи о ситуации в СССР никогда не публиковались с большим временным интервалом. Идеологический подтекст публикаций, направленный на создание массовой поддержки внутриполитической линии правительства, предопределял частое упоминание СССР в печати. Иными словами, СССР использовался в качестве предлога для удачных сравнений, сопоставлений и критики в интересах фашизма. Фашистская пресса служила также многофункциональным инструментом в руках итальянских властей. С одной стороны, как уже упоминалось, она обеспечивала консенсус широких сло-

322 Cannistraro Ph. La fabbrica del consenso. Fascismo e mass media. Bari: Laterza. 1975. P. 173.
323 Ibid. P. 224.
324 Ibid. P. 178.

ев общества, с другой, по мнению Муссолини, должна была служить средством давления на советское правительство. Информационные войны, как будет показано ниже, не раз приводили к уступкам и изменению позиций обеих сторон. Таким образом, пресса играла роль корректировочного механизма, позволявшего Муссолини воздействовать не только на общественные настроения в Италии, но и на своих советских оппонентов.

Посредством анализа газетного материала итальянской прессы о различных сторонах жизни в СССР, мы постараемся ответить на ряд вопросов, помогающих раскрыть тему представлений о СССР в различных ее аспектах. Особое внимание будет уделено некоторым личностям итальянских журналистов, работавших в Москве. Это даст возможность заглянуть за кулисы журналисткой деятельности в СССР и дать оценку ее роли в процессе поддержания политических контактов двух стран. Основные затрагиваемые в итальянской прессе темы будут рассмотрены с учетом уже существующей по данному вопросу историографии.

### *2.2.1. Итальянская печать о Советской России в начале 1920-х гг.*

В целях подробного изучения деятельности итальянских журналистов в России необходимо расширить хронологические рамки данной главы и открыть ее обзором публикаций первых корреспондентов, приехавших в Россию в самом начале октябрьских событий. Именно им выпала возможность посылать в Италию прямые свидетельства о том, что происходило в послереволюционной России. Прибывшие в Москву журналисты незамедлительно заняли четко определенные политические позиции в отношении советской власти, став или ее пропагандистами, или же решительными противниками. Так, Лучано Магрини, Уго Дадоне и Итало Дзингарелли в различных общенациональных изданиях обрушились на захвативших власть большевиков, в то время как Артуро Каппа и Гульельмо Паннунцио стали его апологетами[325]. Первые способствовали усилению антибольшевистской кампании, уже к тому времени охватившей западные страны. Следует, однако, отметить, что ориентировались скорее на укоренившиеся в массах стереотипы о социалистах

325 Petracchi G. Da Mosca a San Pietroburgo. Op. Cit. P. 235.

как анархистах и разрушителях общественного порядка, нежели на свидетельства, отражавшие реальное положение дел в послереволюционной России. Паннунцио и Каппа привнесли большой вклад в распространение мифа о СССР и послужили проводниками советской пропаганды в тех общественных кругах, которые прежде были недоступными из-за ограниченных возможностей советских информационных каналов в Италии[326]. Обратим внимание, что речь идет о либеральном периоде истории Италии, когда еще могли выходить статьи различной политической направленности. В первые же годы правления Муссолини, пришедшего к власти, среди прочего, на волне страха перед «коммунистической заразой», газеты пестрели антисоветскими статьями с огульной критикой большевистского правительства. Ситуация несколько изменится впоследствии, к середине-концу 1920-х годов после того, как Муссолини встанет на позиции «прагматического реализма», за которым последует период мирного сосуществования до 1935 года.

### *2.2.1.1. Каппа и Паннунцио*

Оба журналиста в полной мере испытали на себе все практиковавшиеся в советской России на тот момент «техники гостеприимства»[327], которые в свое время были опробованы на их итальянских предшественниках – социалистической делегации, приехавшей в Москву летом 1920 года. Однако, если в случае торгово-кооперативной делегации гостеприимство «по-советски» не возымело ожидаемого эффекта (по возвращении многие участники опубликовали крайне критические доклады о положении в большевистской России), то итальянские журналисты оказались более восприимчивы к коммунистической пропаганде и, более того, стали впоследствии ее проводниками у себя на родине. Обоим журналистам было предоставлено удобное жилье, они были приглашены на официальные приемы, театральные спектакли, обоих любезно приняли лидеры революции[328].

Каппа представлял собой неоднозначную личность, будучи одновременно информатором итальянского правительства, приверженцем коммунистических идей,

---

326 Venturi A. Tra propaganda sovietica e immaginario socialista. Op. Cit. P. 369.

327 Выражение, употребленное П. Холландером в его книге Pellegrini politici. Intellettuali occidentali in Unione Sovietica, Cina e Cuba. Bologna: Mulino. 1988.

328 Petracchi G. Da Mosca a San Pietroburgo. Op. Cit. P. 239.

спецкором La Stampa и Il Tempo. Он также был тайным агентом ИКП, информатором и агентом Коминтерна за границей. В итоге, его карьера закончилась на службе ОВРА в качестве шпиона. Что же касается его журналисткой деятельности, то вся она была подчинена проведению советской пропаганды на страницах итальянских изданий и созданию на Западе привлекательного образа большевистской России[329].

Паннунцио не уступал Каппа в авантюрности своей жизни, что доказывают многочисленные перипетии его пребывания в России и развитие дальнейшей карьеры в Италии. Летом 1920 года в качестве корреспондента газеты Ероса Паннунцио успешно пересек советскую границу в самый разгар советско-польской войны. Как и Каппа, Паннунцио был благожелательно настроен к большевистской власти, выступая, по сути, в роли хроникера послереволюционной России. Почти сразу после своего приезда в Москву, Паннунцио становится сторонником коммунистических идей и защитником ленинского правительства. Во время его пребывания в столице ему было разрешено присутствовать на работах второго съезда Коминтерна в привилегированной роли аккредитованного иностранного журналиста некоммуниста[330].

Многие высокопоставленные советские чиновники соглашались давать интервью Паннунцио. В качестве примера можно привести опубликованную на страницах Ероса беседу Паннунцио с руководителем Комиссариата здравоохранения Н. А. Семашко. Цитируя последнего, Паннунцио приводит оптимистические данные о состоянии медицины в советской России («До Октябрьской революции количество застрахованных рабочих не превышало 20%, сегодня же все рабочие застрахованы и имеют доступ ко всем видам лечения во время болезни»), о социальном обеспечении, гарантированном государством («наша основная деятельность заключается в оказании помощи рабочим и жертвам войны»), о мерах, направленных на сокращение детской смертности («Этот аспект общественной деятельности был плохо развит до революции. Именно советское правительство приняло ряд законов и провело серию реформ с целью повышения эффективности борьбы с детской смертностью»), о предотвращении развития проституции («Когда девушки приезжают в города, то им предлагается специально выделенное для них жилье и рабочие места»)

329 Ibid. P. 240.

330 Venturi A. Tra propaganda sovietica e immaginario socialista. Op. Cit. P. 371.

и т. д.[331] Несмотря на то, что не все взятые в России интервью попадали на страницы Ероса, ввиду их откровенно пропагандистского характера, Паннунцио, тем не менее, удалось их опубликовать после своего возвращения в Италию и включить их вместе с воспоминаниями и заметками в вышедшую затем книгу, которая представляла собой наглядное пособие по коммунистической пропаганде[332]. В краткой аннотации к его книге «Россия Советов» говорилось, что это было «правдивое свидетельство о путешествии нашего редактора (июнь-сентябрь 1920 года) с отчетом о втором съезде Третьего Интернационала, на котором он мог присутствовать в качестве единственного журналиста. В книге содержатся оригинальные фотографии самых крупных деятелей русской революции. Автор точно и правдоподобно отразил истинную жизнь в современной России во всех ее проявлениях. Автор […] создал о России объективную картину, что было признано всеми газетами различных политических направлений»[333].

Судя по выбранным темам и приводимым оптимистическим данным, основной целью Паннунцио было убедить правительственные и деловые круги Италии в необходимости восстановить экономические связи с советской Россией. Паннунцио с восторгом отзывался о таких намерениях советского руководства, как отмена денежного обращения, введение милитаризованной системы на рабочих местах, установление жесткого порядка, при котором все население придерживалось строгой дисциплины, а государство при этом осуществляло тотальный контроль над гражданами, одновременно создавая для них все самые благоприятные условия[334]. После своего возвращения в Италию о советских тюрьмах он написал следующее: «Тюрьма представляет собой не что иное, как бывший роскошный военный корпус, где в царское время обучались будущие офицеры императорской армии. Как только мы вошли в ворота, нашему взору открылся огромный живописный парк. Обсаженные деревьями, широкие и чистые аллеи привели нас к самой тюрьме. Это была скорее не тюрьма, а место отдыха. […] В камерах осталась вся прежняя мебель, принадлежавшая когда-то располагавшимся здесь комнатам и создававшая до

331 Pannunzio G. Le intenzioni dei Soviet sono buone… ma i bambini russi continuano a morire // Epoca. 6.8.1920.

332 Petracchi G. Da San Pietroburgo a Mosca. Op. Cit. P. 241.

333 Pannunzio G. Ciò che ho visto bella Russia dei Soviet // La Russia dei Soviet. 26–27.2.1921.

334 Venturi A. Tra propaganda sovietica e immaginario socialista. Op. Cit. P. 372.

революции уют в помещениях. Здесь все так же был электрический свет, спасавшие от летней жары вентиляторы, батареи для зимнего отопления, туалеты – все, как прежде»[335]. Советская реальность принимала в статьях Паннунцио идеалистические очертания земного рая.

В начале августа 1920 года ежедневник Ероса опубликовал информацию о стратегическом положении Красной армии на польском фронте, указав в качестве автора статьи собственного корреспондента в России. Незамедлительно сотрудники ЧК арестовали Паннунцио, препроводив его в тюрьму на Лубянке. Лишь благодаря вмешательству Н. Бомбаччи, одного из лидеров ИСП, журналист Ероса был освобожден[336].

Вернувшись в Италию в сентябре 1920 года, Паннунцио бросился организовывать публичные лекции о большевизме в России, став на тот момент одним их самых убежденных проводников коммунистических идей в Италии. Учитывая то рвение, с которым он разворачивал пропагандистскую деятельность, можно предположить его тесную связь с советским правительством. Еще до прибытия В.В. Воровского в Римв 1921 году в качестве официального торгового представителя советской России в Италии, под руководством Паннунцио стала выпускаться газета Россия Советов, ставшая в дальнейшем неформальным печатным органом самого представительства СССР. Газета распространялась, прежде всего, по информационным агентствам и раздавалась бесплатно во время демонстраций и митингов.

В частности, тесная связь газеты Паннунцио с советским представительством проявилась в очерке, опубликованном по горячим следам фашистского митинга, состоявшегося напротив гостиницы, где проживал в то время В.В Воровский: « […] в ночь с 12 на 13 текущего месяца в 2 часа фашистами была организована враждебная демонстрация с песнями, гимнами и т.д. перед гостиницей "Лондон", где, как известно, проживает глава Миссии В. Воровский. Полиция, находившаяся у входа в гостиницу, не предприняла никаких мер с целью прекращения этих недопустимых увеселений. Мы не занимаемся политикой, и это нам дает еще большее право присоединиться к самым здоровым элементам нашей нации и высказать глубочайшее

335 Pannunzio G. Una visita alle carcere di Odessa // La Russia dei Soviet. 2–3.4.1921.

336 Petracchi G. Da San Pietroburgo a Mosca. Op. Cit. P. 241.

возмущение тем, что эти неосторожные выступления ставят под удар восстановление отношений между Италией и Россией»[337].

Тем не менее, стоит отметить, что содержание публикаций (описание сытых и живущих в хороших условиях детей, налаженной системы транспорта и коммуникаций, подробные статистические сводки, отражавшие рост промышленного производства и торговли вперемежку с редкими статьями Троцкого или Бомбаччи) было в действительности крайне бедным и включало мало фактов, способных заинтересовать широкого читателя. Это, возможно, и стало причиной того, что ее распространение и сами тесные контакты Паннунцио с советским представительством не вызывали особенного беспокойства префекта Рима.

Одновременно с газетой, стараниями все того же Паннунцио, выходило ежедневное приложение «Бюллетень русско-итальянского радиотелеграфного агентства». Публикуемые материалы передавались по радиосвязи непосредственно из Москвы, благодаря специально выделенной линии, предоставленной Отделом печати НКИД. Это был самый настоящий источник советской дезинформации. Наиболее ярким примером советской пропаганды, проводимой на страницах этого приложения, может служить попытка Паннунцио и советской власти скрыть ужасающие условия жизни крестьян в разгар голода летом 1921 года. Страшные последствия гражданской войны и засухи 1921 года в России, а также набиравший силу фашизм привели к резкому ограничению свободы действий для «очевидцев» большевистского чуда наподобие Паннунцио, все это привело к росту препятствий распространению советской пропаганды в Италии[338].

### *2.2.1.2. Дадоне и Магрини*

Лучано Магрини и Уго Дадоне по своим политическим взглядам в корне отличались от Каппы и Паннунцио. Прежде всего, они были профессиональными журналистами и в течение длительного времени работали в качестве специальных корреспондентов в Il Secolo (Магрини) и L'Azione и La Sera (Дадини). Оба были экспертами в вопросах восточной Европы.

---

337 Nuove manifestazioni ostili alla Missione Russa a Roma // La Russia dei Soviet. 26–27.2.1921

338 Venturi A. Tra propaganda sovietica e immaginario socialista. Op. Cit. P. 374.

Дадоне прибыл в Петроград в июне 1920 года, Магрини же опередил его на месяц. Ни на одного из них «техники гостеприимства» не произвели должного эффекта, более того, Дадоне отнесся к ним настороженно, что еще больше усилило его скептицизм. Их отношение к советской действительности стало причиной их изолированности и минимального количества контактов с местным населением и чиновниками на руководящих постах.

Магрини совершил классический для иностранных гостей маршрут: Петроград, Москва, Путиловский завод, спуск по Волге. Его впечатления были кардинально противоположными тем, что высказали Каппа и Паннунцио. Магрини пришел в ужас от «увиденных повсюду разрушений», от «голодающего населения, запуганного большевистской диктатурой». Во время своей поездки по Волге Магрини обратил внимание на бедственное положение крестьян накануне голода 1921 года.

Дадоне привлекли те же факты, что и Магрини, однако он придал им еще большее значение. Сразу после своего прибытия в Россию Дадоне был встречен Анжеликой Балабановой, которая постаралась убедить его в том, что критическое положение в русской деревне стало результатом установленного против России санитарного кордона. Дадоне, наконец, удалось освободиться от ее постоянного присутствия и самому посетить русскую деревню. В московской области Дадоне встретился с недовольными режимом крестьянами, которые рассказали ему о продразверстках и крестьянском сопротивлении. Он обратил особое внимание на антагонизм города и деревни в России, а также на условия жизни на огромных заводах, казавшихся ему, «казармами, в которых жили и работали приведения»[339].

Магрини выехал из России в июле 1920 года. Вернувшись в Италию, он опубликовал сборник статей, вышедших на страницах Il Secolo. Эта монография послужила одним из инструментов, направленных на развенчивание мифа о Советской России в Италии. Дадоне был экстрадирован из России как *персона нон грата.* Из Варшавы он написал полное критики и оскорблений письмо Балабановой и отправил в L'Azione последнюю статью о своем пребывании в России: «Большевизм как месть “евреев”». В дальнейшем Дадоне все больше проникается идеями фашизма и становится в итоге его апологетом[340].

339 Petracchi G. Da Mosca a San Pietroburgo. Op. Cit. P. 244.

340 Тем же. P. 246.

### *2.2.1.3 Андреа Каффи*

Среди первых итальянских журналистов, посетивших послереволюционную Россию, необходимо упомянуть Андреа Каффи, бывшего ключевой фигурой в период установления первых контактов между либеральной Италией и большевистской Россией. Прежде чем уехать в Россию в качестве корреспондента Corriere della sera, в 1918–1919 гг. на страницах Voce del popolo Каффи написал два очерка о русской революции. Особое внимание журналист обратил на «период большевистского террора», начало которого, по его мнению, пришлось на июль 1918 года. Признавая невозможность установить точные данные о количестве жертв первых месяцев гражданской войны, Каффи, тем не менее, постарался смягчить последствия действий большевиков и наметить возможность позитивного развития установившегося в России политического режима.

За пять месяцев пребывания в Москве Каффи опубликовал четыре статьи, после чего его отчеты стали все менее регулярными, хотя он и продолжал сотрудничество с Corriere della sera еще в течение целого года[341]. Он покинул СССР в июне 1923 года, разочаровавшись в русской революции. В Италии в дальнейшем работал в журнале La conquista dello Stato, а после усиления фашистской диктатуры переехал в Париж, вступив в ряды антифашистской организации «Справедливость и свобода». Фигура Каффи представляет особый интерес для историков, занимающихся итало-российскими отношениями в начале их нового периода развития, связанного с приходом к власти большевиков[342].

## ***2.2.2. Итальянская печать о СССР в 1920-х – первой половине 1930-х гг.***

В период конца 1920-х – середины 1930-х гг., руководящие круги фашистской Италии с интересом следили за всем происходящим в СССР, присматриваясь к опыту строительства нового общества. Судя по выходившим очеркам и статьям, написанным фашистскими теоретиками, СССР воспринимался партийным руко-

341 Об А. Каффи см. Accattoli A. Le vittime del terrore bolscevico (1918–1923). Un documento inedito di Andrea Caffi // Nuova storia contemporanea. 2014. Nº. 2. P. 133–151; Maffei R. Un collaboratore occulto di Roberto Suster. Andrea Caffi, esperto di Russia sovietica // Nuova storia contemporanea. 2013. № 6. PP. 55–69; Брещани М. Русские тени портрет Андреа Каффи // “Персонажи в поисках автора”: Жизнь русских в Италии. М.: Русский путь. 2011. С. 261–285.

342 Panaccione A. Socialisti europei. Op.Cit. P. 215.

водством ПНФ как ориентир, как модель для сравнения и сопоставления в попытках выявить факторы общности и различия между двумя свершившимися революциями[343]. Это обусловило тот факт, что итальянские журналы, газеты, фашистская публицистика уделяли значительное внимание на своих страницах, часто полностью посвящали постоянные рубрики, тому, что происходило в СССР, что нередко служило катализатором политических и идеологических дебатов в Италии.

Необходимо заметить, что речь в данном случае не идет о неожиданно возникших симпатиях фашизма к коммунистическим предпосылкам. Этот «идиллический», по мнению некоторых историков, период отношений между СССР и Италией объяснялся отсутствием территориальных претензий, общностью экономических интересов, дипломатической заинтересованностью в поддержке внешнеполитических инициатив, а также «неприоритетностью» в определенном смысле взаимных отношений по сравнению с другими направлениями. В этот период Муссолини демонстрировал в отношении СССР прагматический подход, обусловленный, прежде всего, национальными интересами самой Италии, необходимостью налаживания ее экспорта на восточно-европейском рынке и импорта советского сырья, а также тем местом, которое Муссолини отводил СССР в своей внешней политики. Все это приводило к тому, что советско-итальянские отношения в период 1922–1934 гг. отличались устойчивым характером[344].

Анализ трактовки сюжета о признании СССР Италией в 1924 году, а также о подписании договора о дружбе и ненападении в 1933 году раскрывает внутриполитическую ситуацию в Италии в соответствующие периоды, а также позволяет более четко очертить условия, в которых приходилось действовать итальянским журналистам.

Вынуждаемые к определенной трактовке новостей у себя дома, они также испытывали давление со стороны советского правительства в случае их работы в Москве. Крайняя осторожность и избирательность Отдела печати НКИД накладывала отпечаток на журналистскую деятельность иностранных спецкоров. На примере итальянских журналистов мы постараемся выявить механизм воздействия НКИД

343 Quartararo R. L'immagine dell'Urss nella stampa fascista (1925–1935) // Storia contemporanea. 1996. № 3. P. 448.

344 Филатов Г.С. Советско-итальянские дипломатические отношения в 1924–1934 гг. // Проблемы итальянской истории. М.: Наука. 1982. С. 9.

на их деятельность, с одной стороны, и попытки избежать подобного влияния, с другой. В задачу главы входит также установление политической роли иностранных журналистов, работавших в СССР в межвоенный период, и характера их вмешательства в политические вопросы и дипломатические контакты.

### *2.2.2.1. От признания до дружбы*

7 февраля 1924 г. в Риме Муссолини подписал с полпредом СССР Н.И. Иорданским договор «О торговле и мореплавании между СССР и Италией». Этот договор аннулировал соглашение 1921 года. Италия юридически признавала Советский Союз и устанавливала с ним нормальные дипломатические и консульские отношения. Заключение этого договора Италией шло вразрез с решением западных стран на Генуэзской конференции не устанавливать дипломатических отношений с Советской Россией до тех пор, пока советское правительство официально не признает долгов царского и Временного правительств. Однако итальянцы пошли на этот шаг с целью получить от Советского Союза в обмен на признание де-юре особые экономические льготы, так называемую «премию за смелость». Поскольку Италия не желала до определенного момента раскрывать факт нарушения генуэзского решения (переговоры до 1923 г. велись секретно), закончилось все тем, что первой о дипломатическом признании СССР 2 февраля 1924 г. заявила Англия, нарушив договоренности с Муссолини об одновременном признании СССР[345].

В итоге все же подписанный Советско-итальянский договор не удовлетворял притязаний Италии на получение долгов царского и Временного правительств и возмещение экспроприированной собственности итальянских граждан, так как советское правительство выдвинуло встречное требование о возмещении убытков, причиненных вооруженной интервенцией итальянских войск в Сибири. Стороны договорились о сохранении взаимных претензий и о разрешении их на условиях, «не менее благоприятных, чем те, которые будут применены к другим государствам»[346]. К договору были приложены протоколы о концессиях и об условиях сда-

345 См. Остоя-Овсяный И.Д. К истории установления дипломатических отношений между СССР и Италией // Ленинская дипломатия мира и сотрудничества. М.: Наука. 1965. СС. 66–105.

346 Договор о торговле и мореплавании между СССР и Италией // Москва-Рим. С. 128.

чи в концессию или аренду бывшей итальянской собственности в России[347].

Сразу после подписания соглашения была предпринята массивная кампания в проправительственной печати, которая, согласно директивам из Дворца Киджи (резиденция правительства), должна была соответствовать двум основным интересам власти: подчеркнуть первенство Италии в признании СССР относительно Англии, приведя в качестве доказательства речь Муссолини, произнесенную им 31 января (а значит, за два дня до признания Англией), и отбить атаки оппозиции, утвердив незыблемость и надежность курса внешней политики фашизма[348].

Сообщение о Соглашении между СССР и Италией появилось в итальянской прессе в день подписания. Римский ежедневник Messaggero писал об «окончательном и ясном завершении длительных переговоров между Италией и Советской Россией и о закреплении за Италией лидирующей позиции среди других стран в истории восстановления нормальных отношений между Европой и Россией». «Основное отличие заключается в итальянской позиции по сравнению с английской после признания ими России. Италия, восстанавливая нормальные политические и дипломатические отношения с Россией, уже четко определила в подписанных соглашениях свои экономические и торговые интересы, которые получат новое развитие, однако не подвергнутся влиянию вследствие дальнейших переговоров между Россией и другими государствами. В то время как Англия, восстанавливая свои отношения с Россией, еще должна будет решить серию вопросов об экономических и торговых отношениях. Другими словами, итало-российские отношения незамедлительно вступят в полную силу, как в политической сфере, так и в экономической, а российско-британские останутся на предварительной политической стадии, не принося Англии немедленной экономической выгоды»[349].

Corriere italiano не преминула подчеркнуть роль Муссолини в достигнутом соглашении: «Итальянское правительство, ведомое решительным и уверенным политиком, таким как Муссолини, ни принимает оскорблений даже под британским флагом, ни соглашается с действиями хитрых дипломатий. Мы рады, так как наше

347 Широкорад А.Б. Италия. Враг поневоле. М.: Вече. 2010. С. 52.

348 Pizzigallo M. Mediterraneo e Russia nella politica italiana (1922–1924). Milano: Giuffrè editore. 1983. P. 182.

349 Corriere della sera. 8 febbraio 1924.

желание восстановить нормальные и дружественные отношения с такой великой страной, как Россия, глубоко искренно. Это означает, что Муссолини заставил уважать справедливое право Италии и смог пресечь попытки неоправданных задержек»[350]. Спустя несколько дней, 13 февраля Corriere della sera уже публикует статью под названием «Быстрая реализация соглашений между Италией и Россией», в которой дает подробную информацию о назначении послов, реакции советского правительства на соглашение, а также снова подчеркивает преимущество итальянского договора над английским, еще, по сути, не вступившим в силу. Это предоставляло итальянскому руководству предлог, чтобы оправдаться в потери преимуществ, которое им давало опережение других стран в деле признания СССР де-юре.

Оппозиционная печать не обращала внимания на «критическое различие двух договоров», а, наоборот, рассматривала признание СССР со стороны Англии как дань справедливости советскому режиму: «Признание произошло под торжественный барабанный бой. Русское правительство, несомненно, признанное Лондоном, приобрело неопровержимое право на мировое гражданство»[351]. Со своей стороны Аванти! добавляла: «Россия снова занимает свое место в Европе, и особое значение приобретает тот факт, что первая страна, признавшая ее, стала лейбористская Англия»[352].

Договор 1933 года также вызвал бурю позитивных эмоций теперь уже в унисон писавшей прессы. В августе 1930 года в самый разгар мирового экономического кризиса Popolo d'Italia с нескрываемой радостью докладывала о том, что за границей безработица росла, распространялась на все новые территории, в то время как в Италии она поддерживалась в рамках нормального переходного явления, что позволяло сделать заключение о «передовом положении Италии» по сравнению со всей Европой. Из этого вытекал вывод о необходимости заключать выгодные договоры с различными странами, и, в частности, с СССР. Далее приводилось рассуждение о том, что подобное соглашение должно рассматриваться в единой цепи событий, которые «обязаны путем всей логики своего развития привести к признанию новой

350 Il trattato italo-russo // Il Corriere della sera. 8 febbraio 1914.
351 La Stampa. 2–3 febbraio 1924.
352 Avanti! 2 febbraio 1924.

русской реальности со стороны правительства, которое первым смогло осознать, что для России пути назад нет. Исключать Россию и рассматривать ее за рамками международной системы, что делало бы европейскую экономику ущербной, не могло быть решением того, кто руководит нашим государством. Видя ситуацию комплексно и представляя ее во всех деталях, он проявил совершенное политическое чутье и талант государственного деятеля, который смог принять правильное решение в сложный исторический момент»[353]. Таким образом, для фашистской Италии речь шла об установлении привилегированных отношений с Советским Союзом, которые получили свое официальное оформление в 1933 году в виде Договора о дружбе и ненападении, подписанном «вразрез с общей линией европейской политики, направленной на поддержание санитарного кордона»[354]. На страницах Popolo d'Italia приводилось следующее суждение на эту тему: «Этот Договор о дружбе очень не похож на политический пакт, который закрепляет договор или союзнические отношения, установленные в стратегических, политических и военных интересах, или же с целью предотвратить или противодействовать враждебным альянсам, которых мы опасаемся и в чьем создании подозреваем [другие страны – прим. Автора]. История может дать много примеров союзов, заключенных с политической и военной целью, однако дух, значение и принцип дружбы которых не обладали никакой значимой ценностью»[355].

Договор о дружбе стал выражением общей политики итальянского фашизма, который «не призывал к крестовым походам против СССР и не предъявлял к нему территориальных претензий. Напротив, с большой долей реализма, Италия сознавала важность СССР и предлагала установить с ним хорошие отношения, в том числе и в экономической сфере»[356]. Таким образом, для Муссолини и фашизма в целом форма советского режима была проблемой исключительно русских и ни его лично, ни его политики она не касалась[357]. Тем не менее, это не означало отказа от прежней антикоммунистической риторики, которая не исчезала со страниц итальянской

353 Статья из «Lavoro fascista», перепечатанная «Popolo d'Italia». 4 agosto 1930.

354 Il patto italo-sovietico // Popolo d'Italia. 1 settembre 1933.

355 Popolo d'Italia. 3 settembre 1933.

356 Popolo d'Italia. 5 settembre 1933.

357 Quartararo R. Roma e Mosca. L'immagine dell'Urss nella stampa fascista (1925–1935) // Storia Contemporanea. №3. 1996. P. 451.

прессы даже в моменты наибольшего политического и экономического сближения двух режимов. Возможно, это свидетельствует о жестком разделении Муссолини его внешнеполитической и внутренней сфер деятельности, отражавших различные позиции фашистского руководства по одним и тем же вопросам в зависимости от контекста их решения.

Заключенный с СССР Договор вписывался в общие рамки международной политики Муссолини, предполагающей, по словам фашистского идеолога, «сотрудничество со странами, подвергшимися изоляции со стороны других субъектов международного права, а также подрыв любых союзов и воспрепятствование единоличному лидерству какой бы то ни было державы на внешнеполитической арене»[358]. Муссолини стремился играть роль дирижера в международном оркестре и демиурга европейской политики[359].

В итальянской печати отмечалось, что заключение Договора о дружбе между Италией и СССР вызвало волну негодования в иностранной печати, однако, как утверждали сами итальянские журналисты, «линия поведения итальянского правительства не отличалась ничем возмутительным, а, как впрочем, и всегда, преследовала свои национальные интересы на основе принципа уважения внутренней политики иностранной державы в обмен на невмешательство во внутренние дела самой Италии»[360]. Таким образом, фашизм проводил четкое различие между идеологией и политической стратегией, и в ракурсе последней придерживался линии установления привилегированных отношений с СССР в международном контексте. Национальная же печать за сложными и запутанными оборотами витиеватой итальянской речи должна была объяснить читателям причину официального сближения итальянского фашизма с идеологически враждебным ему советским коммунизмом.

### *2.2.2.2. Особенности работы итальянских журналистов в СССР*

В 1920–1930-е годы в СССР побывало сравнительно небольшое количество итальянских журналистов. Среди документов архива МИД РФ хранится список

358 Caiani L. Popolo d'Italia. 1 settembre 1933.
359 Quartararo R. Roma e Mosca. Op. Cit. P. 450.
360 Caiani L. Op. Cit.

иностранных журналистов, работавших в Москве в июле 1928 года: 7 немцев, 8 американцев, 1 англичанин, 1 австриец, 1 чех, 1 поляк, 1 итальянец[361], 1 индус и т.д.[362] Дж. Петракки упоминает о некоторых журналистах, направленных в СССР в период с 1928 года по 1935 год. Так, Винченцо Кардарелли был послан в СССР в качестве корреспондента ежедневника Tevere и «пробыл в Москве с сентября 1928 года по апрель 1929 года. В результате его советской командировки было опубликовано 14 статей: 12 были отправлены из Москвы и 2 из Ленинграда. В дальнейшем Кардарелли был заменен в качестве корреспондента Tevere на Этторе Ло Гатто, крупного специалиста по русской истории и литературе. Ло Гатто пробыл в СССР летом 1929 года, написав из Москвы целую серию статей, посвященных различным сторонам советской жизни. Курцио Малапарте отправился в СССР в 1929 году в качестве директора газеты La Stampa, на страницах которой он опубликовал цикл статей, создав художественный литературный образ советского быта. Вернувшись в Италию, Малапарте написал книгу «Интуиция Ленина», в которой он проанализировал природу октябрьского переворота и доказал мысль о ее западной, а не азиатской, как это было принято считать в фашистских интеллектуальных кругах, природе. Весной-летом 1934 года редакция ежедневника La Stampa отправила в СССР Коррадо Альваро, чьи статьи были опубликованы в вышедшем в 1935 году сборнике «Знатоки потопа: путешествие по Советской России»[363].

Известные талантливые журналисты отправлялись для работы в Россию, где они на месте изучали различные аспекты социальной, политической, экономической, партийной, государственной и идеологической жизни. Для Popolo d'Italia работали из Москвы Мирко Ардеманьи и Луиджи Бардзини, написавшие по возвращении монографии о жизни и работе в СССР. Газета Corriere Padano опубликовала в 1933 году «Письма из России» за подписью Джакомо Гандольфи. В Regime fascista сотрудничали в качестве спецкоров Алекс Алексис и Ло Дука. Фашистский журнал Gerarchia, основанный самим Муссолини в 1922 году, часто публиковал статьи Ардеманьи и Вирджинио Гайды (побывавшего в России почти сразу после револю-

361 В июле 1928 года из Москвы писал только П. Сесса.

362 Секретное письмо Б. Волина членам Коллегии НКИД. 11 мая 1928. АВП РФ. Ф. 056,. Оп. 13. Д. 26. Л. 37.

363 Petracchi G. “Il Colosso dai piedi d’argilla”. Op. Cit. P. 151.

ции), а другой партийный рупор Critica fascista в период с 1930 по 1935 гг. публиковал статьи Томмазо Наполитано, считавшегося самым крупным специалистом в Италии по вопросам СССР[364].

Несмотря на интерес итальянской прессы к событиям в СССР, большинство издательств из-за финансовых трудностей не могло позволить содержать в Москве специального корреспондента. Длительное пребывание журналиста означало для редакций резкий рост расходов на содержание сотрудника в одной из самых дорогих столиц для иностранцев. Съемное жилье и питание в лучших советских ресторанах, предназначенных специально для заграничной публики, для итальянцев было недостижимой роскошью. Выход был найден в «складчине»: многие итальянские журналисты работали одновременно на несколько периодических изданий (например, Пьетро Сесса), заручившись их финансовой поддержкой, покрывавшей часть расходов. Были, однако, и такие крупные газеты, как Corriere della sera, способных позволить содержать в Москве личных спецкоров (Сальваторе Апонте, Марио Сертоли).

Условия работы журналистов представляли очередную сложность, с которой приходилось сталкиваться всем работающим в СССР иностранным корреспондентам и которая заслуживает особого внимания в рамках нашего исследования. В письмах С. Апонте директору Corriere della sera жургалист  вынужден был часто объяснять задержки с доставкой в редакцию важных новостей (например, новость об исключении Троцкого и других членов оппозиции из партии пришла в редакцию с запозданием). Причины таких недостатков в работе журналистов крылись в условиях их работы, что позволяет раскрыть ее особенности в СССР, в частности, на примере профессиональной деятельности Апонте, пребывавшего в Москве в ключевой период установления сталинской диктатуры (1926–1929 гг.).

Прежде всего, необходимо указать на закрытость и скудность доступных для иностранцев источников информации. Так, по словам Апонте, «в России для журналиста нет таких условий для получения сведений, какие им предоставляются в других странах». Более того, отсутствовало какое бы то ни было сотрудничество с советскими газетами, закрывавшими двери редакций перед иностранными жур-

364 Quartararo R. L'immagine dell'Urss nella stampa fascista. Op. Cit. P. 449.

налистами. Сами же они публиковали новости лишь после окончательного разрешения властей. Между собой иностранные коллеги могли с трудом обмениваться информацией, так как создание Общества иностранных журналистов запрещалось НКВД. Более того, Апонте писал о «страхе, который испытывали все русские, в том числе и партийные большевики, быть застигнутыми в момент общения с иностранцами, особенно в периоды усиленного политического террора»[365]. Однако, наиболее опасным и почти непреодолимым препятствием была советская цензура, которой подвергались все уходившие из СССР телеграфные сообщения. Итальянским журналистам удавалось, тем не менее, избегать жесткого надзора над содержанием своих статей благодаря дипломатической почте, которой они пользовались для связи с редакциями[366], так как согласно двусторонним договоренностям дипломатические курьеры обладали правом беспрепятственного провоза багажа через границу. Передав не проверенные цензурой сведения, освещавшие в негативном ключе события в России, иностранные журналисты во избежание быть выдворенными из СССР и получения отказа от продления визы подписывали статьи вымышленными именами или инициалами (например, С. Апонте подписывался А.З.), указывая ложное место отправки собственной корреспонденции (Варшаву или Ригу).

Помимо перечисленных выше сложностей, иностранным журналистам приходилось сталкиваться с нежеланием НКИД впускать на территорию СССР корреспондентов и отказом без веских причин в выдаче въездной визы. Сотрудники НКИД старались свести до минимума количество пребывавших в Москве иностранных журналистов, так как «наш опыт нам подсказывает, что 90% всех корреспондентов, журналистов, писателей, посетивших СССР, по возвращении в свои страны используют путешествие для открытых публичных кампаний, критикующих и дискредитирующих Советский союз»[367]. Тем не менее, руководство НКИД предпринимало попытки наладить отношения с иностранными журналистами, стараясь по возможности избегать крайних средств воздействия (выдворение из СССР или отказ в продлении визы). При этом оставался неизменным жесткий контроль

365 Письмо Апонте директору «Corriere della sera» Ойетти, Москва 25 ноября 1927 // Salvatore Aponte, Il “Corriere” tra Stalin e Trockij 1926–1929 / a cura di Canfora L. Milano: Rizzoli. 2010.

366 Согласно советским источника Р. Сустер, в частности, часто прибегал к такому выходу из положения. АВП РФ. 056. Оп. 13. Д. 26. Л. 5.

367 Секретное письмо Б. Волина членам Коллегии НКИД, 11 мая 1928, АВП РФ,Ф. 056, Оп. 13, Д. 26, Л. 37.

над их деятельностью при помощи сопровождающих их русскоязычных гидов, переводчиков, секретарей и применением строгой цензуры.

В руководстве НКИД была высказана мысль о нахождении альтернативных способов получения позитивных отзывов о советской реальности в случае создания благоприятных условий для работы иностранных журналистов. Так, сотрудник НКИД В. Волин предлагал организовывать периодические встречи с журналистами, во время которых происходило бы разъяснение сущности политических событий, экономической ситуации и социальных вопросов в СССР ради уменьшения риска свободных интерпретаций. Советовалось также предпринять ряд мер в целях улучшения бытовых и рабочих условий для иностранных журналистов, проживавших в Москве[368]. Таким образом, можно предположить, что в отношении иностранных журналистов НКИД использовал политику «кнута и пряника». Причем применение тех или иных мер диктовалось положением и ролью каждого отдельно взятого работника печати в политическом мире, его возможного влияния на дипломатические круги соответствующих посольств и от его личного отношения к Советскому Союзу.

Речь, прежде всего, пойдет о трех итальянских журналистах, работавших в СССР в 1920-е годы: Роберто Сустере, Сальваторе Апонте и Пьетро Сессе. Этот период отличался сравнительно мирным сосуществованием фашистского и советского режимов и попытками установить тесные политические и экономические отношения между двумя, в определенном смысле отвергнутыми мировым сообществом государствами, на фоне общих торговых и экономических интересов и отсутствия взаимных территориальных претензий. Биографические сведения о трех персоналиях почерпнуты в итальянских и российских архивах. В последних, в частности в АВП РФ, хранится информация, касающаяся их работы в России. В этих документах отражены мнения сотрудников НКИД об их работе, степени лояльности советскому режиму, содержании их статей, а также их личные характеристики. Эти материалы позволяют пролить свет на природу отношений итальянских журналистов с советским правительством при посредничестве Отдела печати НКИД и на их сотрудничество с советскими органами.

368 Там же.

### *2.2.2.3. Роберто Сустер*

Роберто Сустер родился на севере Италии в городе Тренто в 1895 году и умер в 1966 году. В 1919 году он возглавлял трентский ежедневник Libertà, а затем стал корреспондентом Popolo d'Italia в Берлине, проработав на этой должности с 1920 по 1923 гг. Затем в течение трех лет (1924–1927) Сустер работал спецкором в СССР, после чего был направлен в Китай, Японию, Персию и Прибалтийские страны. В России Сустер женился на гражданке СССР, однако брак продлился недолго. В 1928 году Сустер оставил Popolo d'Italia и оставался безработным в течение нескольких месяцев. В дальнейшем он был принят в информационное агентство «Стефани» в качестве корреспондента в Праге, а затем Варшаве, Париже и Берлине[369]. Со временем он стал директором отделения «Стефани» в Париже. В 1941 году был назначен руководителем агентства «Стефани» в возрасте 46 лет и оставался на этом посту до 1943 года, когда был арестован по приказу Муссолини[370]. Ему удалось сбежать из тюрьмы, после чего он в течение года пребывал в подполье. После войны до своей смерти в 1966 году он занимался журналистской деятельностью[371].

Сустер впервые приехал в СССР в мае 1924 года, когда ему удалось взять интервью у Троцкого о подписанном в феврале 1924 года Договоре о торговле и мореплавании между Италией и СССР[372]. В течение первого года своего постоянного пребывания в Москве Сустер не вызвал никаких нареканий со стороны работников НКИД и советского Полпредства в Риме. Более того, с советской стороны была надежда на плодотворное сотрудничество с ним как с гибким и податливым журналистом, готовым содействовать созданию в Италии позитивного образа советского режима. Я.Г. Долецкий, директор телеграфного агентства РОСТА, лично обратился к Г.В. Чичерину с просьбой дать интервью Сустеру, «так как для нас может быть очень полезным размещать в фашистской печати через Стефани все материалы, которые мы у него запрашиваем»[373]. Спустя некоторое время после приезда Сустера в Москву из римского Полпредства начали поступать сведения о характере

369 Per una storia d'Italia del 1943 / a cura di G. Faustini. Trento: Museo storico in Trento. 2006. P. 11.

370 Canfora L. La lettera non spedita //Salvatore Aponte, Il "Corriere" tra Stalin e Trockij 1926–1929. Op. Cit. P. 506.

371 Per una storia d'Italia del 1943. Op. Cit. P. 24.

372 Petracchi G. La Russia rivoluzionaria. Op. Cit. P. 248.

373 Письмо Я. Долецкого Г. Чичерину, Москва, 25 мая 1925. АВП РФ. Ф. 056. Оп. 10. Д. 15. Л. 69.

публикаций Сустера о советском строе. Руководитель Отдела печати Г.Л. Кирдецов в своем очередном отчете о фашистской печати обратил внимание и на корреспонденцию Сустера: «Первые статьи Сустера в «Popolo d'Itaila» блеклые и бедны по содержанию, очевидно, из-за необходимости придерживаться указанной линии. Более благоприятными для нас, мне представляются его короткие заметки о нашей экономике и культурной жизни»[374].

Спустя год тон публикаций Сустра о СССР изменился в сторону более критичного, а затем и откровенно антисоветского, что привело к изменению отношения к журналисту со стороны НКИД. На запрос визы в Узбекистан и Туркестан Сустер получил отрицательный ответ. Согласно мнению заместителя директора Отдела печати НКИД, И.В. Шубина, «Сустер не принадлежит к той категории иностранцев, которым мы бы позволили совершить это путешествие»[375]. В 1927 году положение Сустера в качестве спецкора в СССР стало еще более шатким, что привело к угрозе его выдворения из страны из-за занимаемой им позиции в отношении советского режима. «Сустер позволяет себе такие нападки на СССР, которые, несомненно, не могли бы спокойно восприниматься ни в одном другом государстве со стороны иностранного журналиста, живущего на его территории. […] Сустер и Бенедетти переходят все границы допустимого. Если они не будут соблюдать хотя бы минимум корректности в своих статьях, то мы будем вынуждены попросить их перенести свою деятельность за пределы территории СССР»[376]. Это разочарование в Сустре со стороны НКИД привело к усилению цензуры в отношении посылаемых им телеграмм и к отказу в возобновлении визы после его возвращения в Италию. Руководство Отдела печати НКИД было настолько обескуражено полученными от Сустера и Апонте «уроками», что приняло решение допускать к работе в СССР лишь небольшое число иностранных журналистов и тщательно проверять все предлагаемые европейскими и американскими изданиями кандидатуры спецкоров.

В 1930 году Агентство «Стефани» попыталось выяснить у НКИД возможность отправки Сустера в Москву в качестве своего корреспондента. Руководство

374 Письмо Г. Кирдецова Ф. Ротштейну, Москва, 25 мая 1925. АВП РФ. Ф. 056. Оп. 10. Д. 15. Л. 73

375 Письмо И. Шубина С. Певзнеру, Москва, 12 апреля 1926. АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. Д. 19. Л. 39.

376 Письмо С. Кагана Ф. Ротштейну. Москва,19 декабря 1927. АВП РФ. Ф. 056. Оп. 12. Д. 22. Л. 83.

Отела печати, имея за плечами печальный опыт «сотрудничества» с Сустером, категорически воспротивилось его кандидатуре, аргументируя свой отказ профессиональными и личными характеристиками Сустера, неподходящими для работы в СССР. «Сустер оказался человеком, неспособным выработать объективное отношение к Советскому Союзу, а его статьи пестрели дискредитирующими СССР сведениями. Принимая все это во внимание, Сустер был бы здесь персоной нон грата». Даже ходатайство атташе итальянского Посольства в Москве Персико, попытавшегося убедить И.А. Залкинда, в то время сотрудника НКИД, в том, что «Сустер будет на этот раз работать в качестве официального представителя агентства, которое само будет обозначать границы его действий и линию его поведения»[377], не помогло Сустеру вернуться в Москву. Беседа Персико с Залкиндом, во время которой итальянский дипломат защищал кандидатуру Сустера в качестве представителя «Стефани» и ручался за его лояльность к советской власти, а также помощь, которую оказывало итальянское посольство Сустеру в отправке его телеграмм в Италию в обход советской цензуры, доказывают тесную связь Сустера с самим Посольством, а значит – вовлечение журналиста в политические отношения между СССР и Италией. В любом случае, Сустер так и не вернулся больше в СССР, столкнувшись с твердым решением советского руководства не пускать неугодных режиму западных журналистов. Однако, он продолжил писать о советской политике, публикуя как отдельные статьи, так и целые монографии о большевизме[378].

Так, в вышедшей в 1928 году книге «На границе с Европой» он не только пишет о своих впечатлениях о поездке в СССР, но и рассуждает о результатах десятилетнего правления большевиков, установивших свою власть в «стране, наименее подходящей для построения коммунизма». Тем не менее, в большевизме он видит исключительно русское и славянское явление, со свойственными ему «крайностями, анархией, хаосом и беспорядком»[379]. Сочувственно относясь к антисталинской оппозиции, Сустер подчеркивал трансформацию когда-то передовых революционных идей в государственную бюрократическую идеологию, отход от власти истин-

377 Запись беседы Залкинда с итальянским поверенным в делах. 26 октября 1930. АВП РФ. Ф. 056. Оп. 15. Д. 31.Л. 40.

378 Suster R. Ai margini d'Europa. Milano: Libreria d'Italia. 1928; Он же. Il bolscevismo russo contro l'Europa. Roma: Edizioni Latium. 1942.

379 R. Suster, Ai margini d'Europa. P. 108.

ных революционеров, чье место было занято молодыми партийными карьеристами. На фоне всех этих изменений Сустер отмечает неудовлетворительное положение народных масс, чьи лишения он сравнивает со страданиями мучеников, на долю которых выпало пережить навязанный коммунистический эксперимент.

### *2.2.2.4. Пьетро Сесса*

Пьетро Сесса был одним из наиболее известных советским дипломатам и работникам НКИД иностранным журналистом, так как он появился в России еще до революции и занимался журналистикой в СССР в течение более десяти лет. Женатый на русской женщине, он прекрасно говорил по-русски и вращался в журналистских, дипломатических, а также политических кругах СССР.

В 1918 году во время эвакуации итальянского консульства в Москве Сесса был арестован большевиками, будучи распорядителем консульских дел и единственным оставшимся в Москве представителем итальянского дипломатического корпуса. После выезда дипломатических, консульских и военных миссий из России, защита интересов итальянских граждан была передана швейцарскому представительству, однако, распоряжение консульствами в Петрограде и Москве было доверено соответственно консулу Пероне и адвокату Сессе, бывшему первым секретарем консульства в Москве. Лично Г.В. Чичерин поручил ему передать предложение о мире итальянскому министру иностранных дел[380]. Эта миссия спасла жизнь Сессе, который в тот момент находился в заложниках у большевиков и ожидал обмена на любого русского коммуниста, содержавшегося в итальянских тюрьмах.

По возвращении в Италию в марте 1919 года, Сессе было поручено премьер министром Орландо написать доклад о ситуации в России, откуда он только что прибыл. Анализ этого документа мог бы пролить свет на роль Сессы в выработке позиции итальянского правительства в отношении Советской России. Можно предположить, что Сесса описывал ситуацию в России скорее в негативных тонах и, несомненно, не был ярым сторонником сближения советской России с либеральной Италией.

---

380 Petracchi G. La Russia rivoluzionaria. Op. Cit. P. 109.

Все в том же римском архиве при Министерстве иностранных дел итальянская исследовательница Р. Куартараро нашла доказательства того, что Сесса являлся полуофициальным представителем итальянского правительства. В нем говорилось о том, что Сесса был вовлечен в переговоры с советским правительством о продаже в Россию сотни аэропланов согласно запросу советских ведомств в январе 1924 года[381]. Помимо посреднической деятельности в военном секторе, Сесса предпринял также попытку основать русско-советский Банк[382]. Тем не менее, его роль в качестве торгового посредника в Москве не принесла ожидаемых успехов, и после прибытия в феврале 1924 года первого итальянского посла в Москву, Гаэтано Манзони, он был отстранен от переговоров. «Постепенно он дошел до состояния крайней нищеты и еще долго продолжал испытывать нужду до тех пор, пока посольство не нашло для него ничего лучшего, чем сбор средств среди сотрудников ведомства для его отправки на родину»[383]. Вернувшись в Италию осенью 1924 года, Сесса принял на себя обязательства торгового представительства сразу двух итальянских компаний, перечисливших на его счет тысячи лир в надежде открыть свои представительства в России. Таким образом, Сесса вернулся в апреле 1925 года в Москву в качестве предпринимателя, представлявшего интересы итальянских фирм, решивших воспользоваться политическим признанием СССР со стороны Италии и новыми благоприятными экономическими условиями, созданными в результате политики открытых дверей  в отношении России[384].

В нашем распоряжении имеются документы, собранные Министерством внутренних дел Италии, чьи сотрудники участвовали в работе Комиссии по расследованию в 1931 году дела о шпионаже Сесса в пользу СССР. Согласно этим источникам, он начал свою журналистскую деятельность в 1926 году, подписав договор о сотрудничестве с римской Tribuna и туринской La Stampa[385]. Подтверждение этого факта находим в адресованном редакции письме Апонте: «до этого [до 1926 года

381 Quartararo R. Italia-Urss. Op. Cit. P. 60.

382 Дневник Кирдецова № 48. Рим. 13 ноября 1924. АВП РФ. Ф. 056. Оп. 20. Д. 156. Л. 88.

383 Relazione della Commissione speciale. Roma. 19 dicembre 1931. ACS. Minculpop. Reports (1922–1945). b. 11. P. 12.

384 После заключения Договора о торговле и мореплавании между Италией и СССР в 1924 г. Муссолини рассчитывал на быстрое и эффективное развитие прежде всего торговых и экономических отношений. Это способствовало интенсификации связей и установлению новых контактов между итальянскими предпринимательскими кругами и советской добывающей промышленностью. См. Хормач И.А. СССР – Италия. 1924–1939. Указ. Соч. С. 12.

385 Relazione della Commissione speciale. Roma, 19 dicembre 1931. ACS. Minculpop. Reports (1922–1945). b. 11. P. 13.

– прим. Автора] он никогда не занимался журналистикой»[386]. Однако, советские источники свидетельствуют о том, что во время своего возвращения в СССР в качестве торгового представителя в апреле 1925 года Сесса работал одновременно и корреспондентом для информационного агентства АТМО, посылая свои телеграммы из Москвы. Советские дипломаты полностью одобряли публикуемые на основе телеграмм Сессы новости из СССР вплоть до того, что настаивали на увеличении числа посылаемых сообщений, поскольку они составлялись в позитивном для советского режима ключе[387]. Отъезд Сессы из Москвы в октябре 1925 года и переключение его на «другие грандиозные проекты» вызвали сожаление у руководителя Отдела печати советского полпредства в Риме С.М. Певзнера. За такое перескакивание с одного дела на другое и за часто туманные и неясные ответы на задаваемые ему вопросы Певзнер прозвал Сессу «гоголевским Хлестаковым»[388].

Очевидно, его коммерческая деятельность не увенчалась успехом, и Сесса был вынужден все больше заниматься журналистикой, работая на различные итальянские газеты вначале в Риме, а затем в Москве. В 1926 году, прежде чем принять решение переехать в СССР, Сесса работал в редакции Tribuna, выдавая свои статьи за свидетельства очевидца московских событий. В действительности же он размещал предоставляемые ему советским представительством материалы, предположительно за немалое вознаграждение. Тесные связи Сессы с советским полпредством подтверждаются его запросом материальной поддержки у советского правительства в обмен на размещение статьей в пользу большевистского режима[389]. Тем не менее, на основе найденных документов можно предположить, что во время пребывания итальянского журналиста в Москве руководство НКИД отказало ему в ассигновании средств.

В июне 1926 года Сесса вернулся в Москву на этот раз исключительно как журналист, работавший сразу на несколько редакций: газеты Tribuna, информационного агентства АТМО и ежедневника Il Mattino. Несмотря на благожелательный

386 Lettera di S. Aponte a Marchiori. 15 gennaio 1927 // Salvatore Aponte. Il “Corriere” tra Stalin e Trockij 1926–1929. Op.Cit. P. 498.

387 Письмо Г. Кирдецова Ф. Ротштейну. Рим. 25 мая 1925. АВП РФ Ф. 056. Оп. 10. Д. 15. Л. 73.

388 Письмо С. Певзнера И. Шубину. Рим. 23 ноября 1925. АВП РФ Ф. 056. Оп. 10. Д. 15. Л. 114.

389 Письмо С. Певзнера И. Шубину. Рим, 23 марта 1926. АВП РФ Ф. 056. Оп. 11. Д. 19. Л. 33.

прием, оказанный Сессе советскими работниками НКИД (например, ему предоставили квартиру в центре Москвы, до этого занимаемую его женой), до конца они не были убеждены в его абсолютной лояльности. По мнению Ф.А. Ротштейна, руководителя Отдела печати НКИД, «у него [Сессы – прим. Автора] запутанная голова, и с политической точки зрения он не подходит к ответственной журналистской работе»[390]. Со временем же Сесса оказался более податливым и лояльным в отношении к советскому правительству, нежели другие его итальянские коллеги, Апонте и Сустер, находившиеся в тот момент в Москве. Его редкие нападки на СССР советские чиновники объясняли «политической необходимостью», которая заставляла его принимать определенные меры безопасности от преследований фашистского режима.

Во время своей работы в Москве Сесса имел тесные связи с итальянским посольством в СССР, и, в частности, с послом Витторио Черрути. Часто в роли неофициального представителя посольства, а значит и итальянского правительства, он предпринимал попытки снять напряженность в отношениях, возникавшую время от времени между двумя правительствами[391]. Для большего понимания места Сессы в итальянском посольстве и его роли в поддержании отношений между итальянским представительством и НКИД, стоит привести пример его встречи с Борисом Волиным, директором Отдела печати НКИД в 1928 году. Во время нее Сесса проинформировал советского чиновника о скорой смене персонала в итальянском посольстве, о недовольстве Муссолини вялой деятельностью советского представителя в Риме Д.И. Курского и, наконец, об изменении внешней политики Италии в сторону сближения с СССР и более тесного с ним сотрудничества в сфере экономики[392]. А спустя год мы находим Сессу в роли посредника, предпринимавшего усилия по сглаживанию неприятного впечатления, которое оказала на итальянские высшие круги «забывчивость» советского правительства. Дело в том, что в советской прессе не было опубликовано сообщения, передающего чувство облегчения руковод-

390 Письмо Ф. Ротштейна С. Певзнеру. Москва, 20 июня 1926, АВП РФ Ф. 056. Оп. 11. Д. 19. Л. 75.

391 Например, в случае заявлений, сделанных М.М. Литвиновым против Черрути во время заседания ЦИК и опубликованных в «Вечерней Москве» в мае 1928 года. Сессе, как представляется, было поручено итальянским посольством разрешить возникший конфликт с сотрудниками НКИД.

392 Беседа товарища Б. Волина с итальянским корреспондентом Сесса. Москва. 6 октября 1928. АВП РФ Ф. 056. Оп. 13. Д. 26. Л. 128.

ства СССР по поводу неудавшегося нападения на наследного принца в Брюсселе. Эти политические миссии Сессы демонстрируют не только тесное сотрудничество журналиста с обоими официальными органами (итальянским посольством и советским НКИД), но и его активную вовлеченность в политические дела обеих стран и посредническую роль между двумя правительствами.

Оставаясь единственным итальянским журналистом, работавшим в Москве в 1929 году, Сесса привлекал к себе повышенное внимание сотрудников Отдела печати НКИД. В своем письме, посланном в январе 1929 года на адрес советского полпредства в Риме, Ф.А. Ротштейн просил Д.И. Курского сделать все от него зависящее, чтобы умерить агрессивность фашистской печати по отношению к СССР в виду того, что «чем дружественнее будут к нам итальянские газеты, тем проще будет для Сессы проводить в его корреспонденциях и телеграммах нашу точку зрения», иначе «Сессе придется встраиваться в общий тон итальянских газет»[393].

Тем временем, постепенно отношения между Отделом печати НКИД и Сессой начали изменяться в худшую сторону из-за публикаций, появившихся в Италии за подписью «журналиста из Москвы». Несмотря на все «ухаживания» и особое отношение к Сессе со стороны советских чиновников (что следует из внутриведомственный переписки) в обмен на положительные отзывы о советском строе в России, на страницах Tribuna от 5 июля 1928 года появилась заметка о «научном» эксперименте, поставленном в одном из советских зоопарков, где женщина дала свое согласие на сожительство с орангутангом для «создания новой расы». А 29 ноября La stampa напечатала статью Сессы о решении Г.В. Чичерина не возвращаться больше в СССР и остаться в статусе политического беженца в Берлине. Эти, как и многие другие публикации, выставлявшие не в лучшем свете различные стороны жизни в СССР, вызывали недовольство сотрудников Отдела печати НКИД, однако, ради того, чтобы в Москве оставался хотя бы один итальянский журналист после отъезда Сустера и Апонте, советское руководство терпело присутствие Сессы и заняло по отношению к нему позицию «дружественного нейтралитета», несмотря на изменившийся тон его статей и постепенное охлаждение к нему со стороны советского правительства.

393 Письмо Ф. Ротштейна Д. Курскому. Москва. Январь 1929. АВП РФ Ф. 056. Оп. 14. Д. 29. Л. 17.

В 1930 году Сесса был обвинен в шпионской деятельности против фашистского правительства. Вследствие расследования, проведенного в 1931 году Специальной объединенной комиссией, состоявшей из представителей Министерства внутренних дел, Министерства иностранных дел и Отдела печати, Сесса был оправдан, а обвинения в его адрес ыли признаны необоснованными. Тем не менее, ему было приказано «отказаться от дальнейшего пребывания в России»[394]. В подтверждение этому, из документов Архива МИД РФ следует, что 1931 год стал последним в «русской» карьере Сессы.

В ноябре 1932 году Сесса принял участие в Конференции нравственных и исторических наук[395], на которой он представил доклад о СССР с изложением своего длительного опыта работы в Москве. Сесса утверждал, что большевистская Россия не принадлежит к странам западной цивилизации, и описывал советский быт в крайне негативных выражениях: «Сегодня большевистской России с ее советским режимом, экономической и политической системой отведена ярко антиевропейская роль. Более того, она приводит сама себя в постоянно растущее состояние разрухи, а также способствует, напрямую или косвенно, затягиванию экономического и духовного кризиса в Европе»[396]. В 1934 году Сесса написал очерк «Фашизм и большевизм», окончательно закрыв русскую главу своей жизни.

В своей журналисткой деятельности Сесса не отдавал предпочтения каким-либо определенным вопросам, а скорее писал на различные темы из политической, экономической, а также культурной и религиозной жизни. Что касается экономики, то статьи Сессы не отличались привычными для итальянской публицистики пессимистичными, даже апокалипсическими настроениями, однако, он испытывал серьезные сомнения в возможности развития советской экономики, основанной на коммунистических теориях. Он считал, что для того, чтобы решить накопившиеся экономические проблемы, советским руководителям «надо понять то, что большевики не могут или не хотят понять»[397], то есть то, «что экономические законы – это

394 Relazione della Commissione speciale. Roma. 19 dicembre 1931. ACS, Minculpop. Reports (1922–1945). b. 11. P. 21.

395 Sessa P. La Russia bolscevica in rapporto all'Europa // Atti del Convegno di scienze morali e storiche, 14–20 novembre 1932. Roma: Reale accademia d'Italia. 1933. PP. 513–531

396 Ibid. P. 513.

397 Sessa P. La situazione imbarazzante // La Tribuna. 19 aprile 1929.

не умозрительные выдумки того или иного класса, той или иной партии. Они берут верх вне зависимости от какой бы то ни было теории, даже от самой решительной человеческой воли»[398].

В 1931 году он отозвался о первой пятилетке как о плане, лишь «частично потерпевшем неудачу», подчеркнув его достижения и вклад в экономическое развитие СССР. В то же время он с восторгом воспринял поворот советской экономики в сторону «нового Нэпа», который был объявлен, как он считал, в сталинской речи, произнесенной 23 июня 1931 года и посвященной новым целям и новым условиям экономического строительства[399]. В проводимой Сталиным экономической политике Сесса выделил различные периоды «наступления и отступления», «приливов и отливов», каждый раз задаваясь вопросом о природе таких изменений: шла ли речь о тактических мерах по спасению коммунистической экономики при помощи применения капиталистических методов воздействия или же о решительном изменении стратегических концепций в сторону капиталистической экономики. Наконец, он сделал свой прогноз на дальнейшее развитие советской экономики, заявив, что «большевистский режим так и будет лавировать между тактикой наступления и отступления до тех пор, пока реальность не поможет ему найти единственно правильную дорогу, которую до сегодняшнего дня он тщетно искал в своих теориях»[400].

Развивая тему о качестве жизни рабочих в СССР, Сесса подчеркивал тяжелейшие условия труда и исключительно практические подходы советского правительства в отношении работников, «вынужденных идти на все большие жертвы»[401]. От легкой иронии, с которой он отзывался о попытках ввести в СССР в 1929 году непрерывный рабочий день, он переходил на темные трагические тона в описании жизни советского народа, «полной лишений и бесконечных страданий»[402].

Лейтмотивом статей Сессы можно было бы назвать концепцию «парадокса», проходящей красной нитью через все его московские публикации. Структура его текстов основана на противоречиях, которые, по его мнению, отличают каждоднев-

398 Sessa P. L'economia russa e la collaborazione europea // La Stampa. 16 marzo 1929.

399 См. Сталин И.В. Собрание сочинений. Том 13. М.: Государственное издательство политической литературы. 1951. С. 51–80.

400 Sessa P. Flussi e riflussi del bolscevismo // Giornale d'Italia. 29 giugno 1932.

401 Sessa P. Revisione di direttive dell'organizzazione del lavoro in Russia // La Tribuna. 28 marzo 1931.

402 Sessa P. Il giorno dell'uscita// La Stampa. 21 febbraio 1932.

ную жизнь, политику и экономику СССР. Так, например, для того, чтобы спасти от неминуемого краха советскую экономику, Сталин пригласил «в красную столицу английских делегатов, представителей самого чистого, классического буржуазного, империалистического, угнетающего и т. д. Капитализма»[403]. В основе советской экономики, по мнению Сессы, лежали капиталистические принципы, что, по его мнению, подтверждало его гипотезу о начале «четвертого этапа» большевизма, или же, по его выражению, провозглашенного в 1931 году «сталинского Нэпа».

Очередное противоречие Сесса видел в широко распространенном заявлении советского правительства о своем «желании бороться с милитаризмом», в то время как «оно само стимулирует процесс милитаризации во всех производственных сферах»[404]. Все то же несоответствие Сесса видел в неэффективной антирелигиозной политике, которая, по его мнению, привела к распространению такого явления, как сектантство, и «углублению и расширению мистических и религиозных представлений во всех слоях и сословиях населения Советского союза»[405].

Сессе равно удавались как серьезные аналитические статьи, так и иронические, пародийные памфлеты (например, описание сцены с участием Сталина и его окружения, гадающих на ромашке, чтобы узнать, приедет ли к ним долгожданная английская делегация), а также подробные отчеты о партийной борьбе, биографические справки на представителей советского Олимпа, статьи о внешней политике СССР. При этом он сохранял живой стиль повествования, иногда напоминающий скорее литературные описания, нежели журналистские заметки. В целом, в представлении фактов и событий он отличался попытками объективного изложения, избегая слишком навязчивого высказывания собственной позиции и не впадая в характерную для фашистской прессы непримиримую враждебность в отношении коммунизма. Однако, по определенным темам Сесса не скрывал своих взглядов (например, религия и гонка вооружений) и открыто выражал свою позицию, что не могло не вызывать негативной реакции со стороны Отдела печати НКИД. Тем не менее, по сравнению с другими иностранными и, в частности, итальянскими жур-

403 Sessa P. La situazione imbarazzante // La Tribuna. 19 aprile 1929.

404 Sessa P. “Sport” e “Fiskultura” nell’Unione dei Soviety // La Stampa. 3 ottobre 1929.

405 Sessa P. Contro Dio // La Stampa. 29 maggio 1929.

налистами, он представлял меньшую опасность для советского режима, что объясняет его сравнительно длительное присутствие (шесть лет) в СССР, прерванное из-за возникших с итальянскими властями осложнений.

### *2.2.2.5. Сальваторе Апонте*

На официальном интернет сайте издательства Corriere della sera[406] размещена краткая биографическая справка о Сальваторе Апонте. Родился Апонте в Вико Экуенсе (Неаполь) в 1892 году и скончался в Париже в 1956 году. В период с 1910 по 1924 гг. был редактором газеты Giornale d'Italia, а затем специальным корреспондентом Gazzetta del popolo в Москве. В течение четырех лет с 1926 по 1930 гг. работал журналистом Corriere della sera в Москве, с небольшими перерывами на командировку в Китай (1927 г.) и Германию (1929 г.). С 1930 по 1943 гг. посылал корреспонденции из Парижа, где остался жить после окончания войны в качестве журналиста римской газеты Tempo. За четыре года, проведенных в России, Апонте удалось войти в тесную связь с представителями советского административного и партийного аппарата, что позволило ему посылать в редакцию Corriere della sera постоянно обновляемые списки членов различных организаций, профсоюзов и комиссариатов. Он также смог найти полный текст «Завещания» Ленина и напечатать в Италии подпольные документы оппозиции. Начиная с 1928 года подозрения советских властей в его нелояльности к коммунистическому режиму все усиливались, что в итоге привело к выдворению Апонте за пределы СССР[407].

Что касается истории с публикацией на Западе так называемого «Завещания» Ленина (письма, направленного делегатам Съезда РКП (б), которое Ленин диктовал в период с 23 декабря 1923 по 4 января 1924 гг.), то роль в ней Апонте привлекла пристальное внимание итальянского историка Л. Канфора. Во введении, претворяющем публикацию писем Апонте из Москвы в редакцию Corriere della sera, Канфора утверждает, что действия Апонте не имели особой значимости, во что, однако, сам Апонте искренне верил. Согласно восстановленным Канфорой фактам, относящимся к распространению в Европе секретного обращения Ленина, начиная с 1924

406 URL: http://www.corriere.it/parole_in_viaggio/autori/aponte.htm (Дата обращения 15.5.2017).
407 Ibid.

года содержание «Завещания» уже было подробно известно на Западе. Версия же «Завещания», опубликованного Апонте, представляет определенный интерес с точки зрения «сталинской» интерпретации характеристик, которыми Ленин наделил партийных лидеров. Очевидная поддержка Сталина со стороны Апонте соответствовала, как свидетельствует Канфора, занимаемой фашистским правительством позиции в отношении внутрипартийной борьбы между Сталиным и оппозицией во главе с Троцким во второй половине 1920-х годов[408]. Можно также сделать вывод, что выбранный Апонте способ освещения внутрипартийной борьбы в СССР не мог не вызвать одобрения со стороны советского правительства.

Тем не менее, в 1931 году НКИД отказал Апонте в визе и дал понять редакции Corriere della sera, что журналист являлся для советского правительства персоной *нон грата.* Начало же контактов между Апонте и работниками советских институтов власти было вполне радужным и предвещало длительное и плодотворное сотрудничество. Когда советский полпред П.М. Керженцев впервые выдал в 1925 году Апонте въездную визу в СССР, он отозвался о нем, как о журналисте «который в большей мере интересуется культурными вопросами, нежели политическими». Газета Messaggero, от лица которой среди прочих Апонте направлялся в Россию, была «настроена к нам достаточно нейтрально»[409], что позволяло предположить положительные отзывы ее спецкора из Москвы.

Спустя год после начала работы Апонте в Москве, начальник Отдела печати при советском полпредстве в Риме С.М. Певзнер, дал в 1926 году следующую характеристику Апонте: «В политической журналистике звезд с неба он не хватает. Он настолько серая личность, что кажется странным, что такая газета, как Corriere della sera, столь разборчивая в своем персонале, выбрала именно его. Но нам не на что пожаловаться в его статьях»[410]. С.М. Певзнер добавил, что статьи Апонте в Gazzetta del popolo были невинными по содержанию, что открывало перспективы для дальнейшего сотрудничества. Заместитель заведующего Отделом Печати НКИД И. Шубин подтверждал, что во время своего первого пребывания в СССР в

408 Canfora L. La lettera non spedita // Salvatore Aponte, Il “Corriere” tra Stalin e Trockij 1926–1929. Op. Cit. P. 107.
409 Письмо П. Керженцева Ф. Ронтштейну. Рим. 13 июля 1925, АВП РФ Ф. 056. Оп. 10. Д. 15. Л. 92.
410 Письмо С. Певзнера Ф. Ронтштейну. Рим. 16 сентября 1926, АВП РФ Ф. 056. Оп. 11, Д. 19,. Л. 98.

1925 году в качестве корреспондента Messaggero и Gazzetta del popolo «Апонте вел себя прилично, довольно хорошо», хотя и дает понять, что в худшем случае подойдет Апонте, нежели любой другой «талант»[411].

В 1927 году Шубин начал постепенно менять свое мнение об Апонте, предпочитая ему Сессу, даже, несмотря на то, что Апонте занял просталинскую позицию в истории с "Завещанием" Ленина, о котором говорилось выше. Недовольство НКИД, возможно, было вызвано публикацией Апонте подготовленных оппозицией материалов, которые журналист получил в 1927 году, «в течение недели ухаживая за женой видного оппозиционера»[412]. Он немедленно отослал их в свою римскую редакцию. Более того, в 1928 году в итальянской печати вышли его критические и «тенденциозные» статьи об экспедиции ледокола «Красин»[413], участники которой спасли членов экспедиции итальянского инженера У. Нобиле, о советских крестьянах, восставших против своих "угнетателей", и т.д. Для того, чтобы иметь возможность опубликовать в Италии свои открыто полемические статьи, обойдя препоны советской цензуры, Апонте посылал тексты не телеграфом, полностью находящимся под неусыпным контролем советской цензуры, а дипломатической почтой.

В начале 1929 году Апонте выехал в Берлин, однако его фактическое отсутствие в Москве не помешало ему продолжать представлять свои статьи в качестве корреспонденции из России. Эта «возмутительная несправедливость» подтолкнула нового заведующего Отделом печати при советском полпредстве в Риме Владимира Курносова лично прийти на встречу с директором Отдела печати итальянского МИДа Ландо Ферретти и настоятельно попросить его больше не публиковать «подобного рода корреспонденции». При этом Курносов в разговоре сослался на самого Муссолини, критически относившегося к таким "недостойным" журналистским приемам[414].

Принимая во внимание приведенные выше факты, представляется, по меньше

---

411 Письмо И. Шубина С. Певзнеру. Москва.27 ноября 1926, АВП РФ Ф. 056. Оп. 11. Д. 19. Л. 109.

412 Lettera di S. Aponte a U. Ojetti, Mosca, 25 novembre 1927 // Salvatore Aponte, Il “Corriere” tra Stalin e Trockij 1926–1929. Op. Cit. P. 480.

413 Апонте написал целый ряд статей об экспедиции Нобиле, работу которой он подробно освещал, находясь в СССР.

414 Дневник заведующего Отделом печати Полпредства Курносова В.Я. 6.1.1930. АВП РФ Ф. 05. Оп. 10. 66. 30 Л. 3.

мере, странным и маловероятным рассказ вернувшегося в Москву в 1929 году Сессы, который передал сотруднику НКИД восторженные отзывы Апонте о СССР. По словам Сессы, Апонте в Италии не скрывал своего хорошего отношения к советскому режиму, что, конечно же, не могло не льстить советским чиновникам. Сесса передал в Москве свидетельства о СССР Апонте, незадолго до этого вернувшегося в Рим: «[…] Ситуация в Москве не настолько ужасна, как это описывается в итальянской и европейской печати. [Советская – прим. Автора] власть крепко держится, несмотря на партийные дискуссии, и [советский режим – прим. Автора] сможет преодолеть все трудности, как это ему всегда удавалось в прошлом»[415]. Возможно, передавая слова Апонте в благоприятном для советской власти ключе, Сесса желал придать бóльшую убедительность аргументам насчет собственной лояльности в отношении советской власти и готовности создавать позитивный образ коммунистического режима на западе. Несмотря на все предпринятые Сессой усилия спасти дискредитировавшего себя Апонте, запрос последнего на получение визы в 1931 году был отклонен, и он так и не вернулся в СССР. Изученные советские источники не позволяют однозначно подтвердить или опровергнуть выдвинутую на сайте Corriere della sera гипотезу о шпионской деятельности Апонте в пользу Италии, ставшей причиной его выдворения из России.

Как представляется, Апонте оставил Россию с чувством сожаления и грусти. Его восторг, выраженный в 1926 году перед своим возвращением в Москву с целью работы в качестве корреспондента Corriere della sera, постепенно превратились в уныние. Его многочисленные попытки делать то, что он «должен был делать», то есть заниматься настоящей журналистикой в СССР претерпели неудачу. В своем письме, написанном в сентябре 1931 года, он выразил сомнения в целесообразности возвращаться в СССР, учитывая невозможность работать в обстановке полного отсутствии свободы слова, «отнимающей у журналистов право на критику» «Я хочу получить заверения в том, что, вернувшись в Россию, мне позволят делать то, что я должен делать, не чиня мне препятствий, то есть не обвиняя меня в контрреволюционной деятельности, если я занимаюсь вопросами советской промышленности, или в шпионаже, если я пишу о советской армии. Иначе, эта трудная и до-

415 Доклад Ф. Ротштейна «Прием журналистов». Москва. 31 января 1929. АВП РФ Ф. 056. Оп. 14. Д. 30 Л. 120.

рогая командировка не будет представлять никакого интереса ни для газеты, ни для меня. Сегодня в России даже журналисту не стоит становиться мучеником»[416]. Это письмо проливает в определенной степени свет на обвинение в шпионаже, предъявленное советским правительством в адрес Апонте и основанные на опубликованных им секретных данных о состоянии советских вооруженных сил и степени военной подготовки страны. Апонте потерял интерес к России возможно и по личным мотивам: он получил повышение в редакции Corriere della sera, отправившись в Париж в качестве спецкора, после чего в 1934 году он вернулся в Рим и посвятил себя журналисткой деятельности в редакции газеты. Занимая высокую должность в одной из самых престижных итальянских газет, Апонте не испытывал более необходимости входить в мир журналистики через полный терний, ненадежный и опасный советский коридор.

Со временем прогнозы насчет лояльности Апонте и мнение о его равнодушии к экономическим и политическим вопросам, высказанное П.М. Керженцевым, оказались ошибочными. Апонте отправился в СССР именно потому, что, как он сам писал в своем письме в редакцию, обосновывающем командировку, «с политической точки зрения Москва стала основным наблюдательным пунктом, так как стала центром распространения антианглийской политики в мировой системе. В экономической сфере анализ советского опыта именно сейчас приобретает особый интерес, так как до этого большевистская Россия продолжала жить в условиях царистского наследия и лишь сегодня начала бороться с трудностями “построения социализма”»[417]. Находясь в Москве в решающий момент установления сталинской диктатуры, Апонте педантично посылал в редакцию Corriere della sera свои статьи о внутрипартийной борьбе РКП (б) с детальным разбором позиций сталинского большинства и возглавляемой Троцким оппозиции. При этом Апонте не старался скрыть своего личного отношения к обоим противникам, открыто поддерживая сталинскую линию. Однако, после того, как Сталин одержал абсолютную победу над разгромленной оппозицией, после отправки в ссылку Троцкого и его самых видных

416 Lettera di S. Aponte a A. Borelli. 10 settembre 1931 // Salvatore Aponte, Il “Corriere” tra Stalin e Trockij 1926–1929. Op. Cit. P. 529.

417 Lettera di S. Aponte a U. Ojetti. Roma. 10 luglio 1926 // Salvatore Aponte, Il “Corriere” tra Stalin e Trockij 1926–1929. Op. Cit. P. 444.

сторонников, Апонте изменил свое отношение к победителю. Если прежде Апонте сводил борьбу между Сталиным и Троцким к противопоставлению «прагматичного реализма» первого «революционному утопизму» второго, то к концу конфликта он старался уже больше разобраться в сложных деталях вопроса. Поражение оппозиции, «вобравшей в свои ряды тех, кто еще олицетворял самый живой и боевой дух партии»[418], для Апонте ассоциируется с потерей наиболее способных кадров, приобретших политический опыт еще во время революции. Констатируя тот факт, что «от бурного диалога между большинством и оппозицией до нас доходит только один голос», Апонте решил предоставить оппозиции право быть услышанной на западе и опубликовал ряд статей с интервью Троцкого и изложением его программы. Таким образом, он постарался представить аргументацию обоих враждующих лагерей, знакомя читателя с исчерпывающей панорамой политических дебатов в СССР. Описание отъезда Троцкого в ссылку, статьи о самоубийстве дипломата-троцкиста А.А. Иоффе и инженера и профессора В.Е. Грум-Гржимайло, подробная картина быта советских рабочих, служившая доказательством тезиса оппозиции о тяжелых условиях жизни рабочих в СССР – все эти затронутые им темы заставляют задуматься о более сложном и неоднозначном подходе Апонте к оппозиции, отошедшем от упрощенного понимания ее программы как «революционного утопизма».

В отношении Сталина и проводимой им политики Апонте также занимал противоречивую и непоследовательную позицию. С одной стороны, он выражал восхищение диктатором, сравнивая его с Петром Великим и Лениным, «которых природа не наделила присущим всем русским национальным недостатком [имеется в виду недостаток, характерный, по мнению Апонте, для всех русских интеллектуалов – «умничанье», то есть переизбыток дискуссий, не приводящих к синтезу конкретных идей и окончательным решениям – прим. Автора], с теми, кто мог вовремя принимать решения, не теряясь в бесконечных спорах. Он умеет решать»[419]. Созданный Апонте портрет Сталина для итальянской публики не оставляет сомнений в его отношении к советскому лидеру: «Сталин является преемником Ленина, даже если он не унаследовал от него должность Председателя Совета народных комисса-

418 Aponte S. Due partiti sono troppi // Corriere della sera. 11 novembre 1927.

419 Aponte S. Consolidamento della dittatura? // Corriere della Sera. 3 gennaio 1928.

ров […] Его настоящее имя – Джугашвили. Ему еще нет пятидесяти, и он выглядит моложе своих лет. Это хорошо сложенный грузин с открытым и живым взглядом и часто появляющейся улыбкой, собирающей морщины на суровом мужском лице. Он не любит много говорить, отчасти из-за своего природного темперамента, отчасти потому, что москвичам не нравится его кавказский акцент. Авторитарный, говорят, до деспотизма, очень умный, хитрый со своими противниками, он обладает великолепными организаторскими способностями и безграничной уверенностью в себе»[420]. Достаточно сравнить это описание советского лидера со «святошами революции», «израильтянином» и «неугомонным теоретиком» Троцким и с Зиновьевым, обладателем «широкого и рыхлого израильского лица».

Тем не менее, критическое отношение Апонте к Сталину постепенно углублялось по мере его продвижения к единоличной власти в борьбе против оппозиции и проведения аграрной и экономической политики. Помимо того, что, по мнению Апонте, Сталин отошел от большевистской программы кануна революции и своими действиями возвращал страну на капиталистический путь развития, журналист обвинял Сталина и его окружение в установлении «в деревне такой системы, которая, кажется, направлена на намеренное разрушение сельскохозяйственного производства», в неспособности управлять экономикой страны, которая, даже несмотря на ее огромные естественные богатства, не может выйти на тот уровень развития, на котором находилась при худшем царском правлении»[421]. Критике журналиста подверглась и политическая система, установленная после прихода к власти Сталина. Используя метафору закрытого для публичных посещений Кремля, Апонте подчеркивает разрыв между властью и народными массами, бюрократизацию государства, нашедшую свое выражение в Политбюро, которое, по сути, заменило «прежнюю великодержавную форму правления личного Царского Кабинета, а ЧК (сегодня называемая ГПУ) заменила Охрану»[422].

К концу своей работы в России в июне 1929 года Апонте снова предлагает своим читателям портрет Сталина, сопоставляя его с теми же историческими де-

420 Aponte S. L’antagonismo dei capi // Corriere della Sera. 10 ottobre 1926.

421 Aponte S. Lo “shrapnel” di propaganda // Corriere della Sera. 27 aprile 1928.

422 Aponte S. La corona di cartapesta // Corriere della Sera. 22 giugno 1929.

ятелями, однако на этот раз далеко не в пользу советского лидера. «[…] Грубая, жестокая, безжалостная энергия диктатора проявляется и действует в форме, отражающей посредственную природу человека, а также неправильность понимания западного опыта, который вдохновил действия всех русских реформаторов, начиная с Петра Первого и заканчивая Лениным. Однако, главным образом, эта форма отражает его неспособность освободить себя самого и других от демагогической лжи, проникающей во все сферы советской жизни»[423]. Повторное использование исторических персонажей в статьях, возможно, объясняется поверхностным знанием русской истории итальянскими читателями. Сравнение Сталина с другими историческими деятелями осталось бы непонятным для основной массы итальянской публики.

Результаты этой разрушительной и демагогической политики Сталина, по мнению Апонте, в первую очередь отразились на русском народе, «разочаровавшемся, уставшем и недовольном», выражавшем «мрачный протест». Апонте старался передать «трагедию всех народов СССР, которые отдали свое благосостояние и кровь, получив взамен к алеющим на их телах следам имперского кнута, новые, еще более болезненные следы, оставленные безжалостным советским кнутом»[424]. В своих статьях Апонте часто обращается к прошлому России, к царской эпохе, когда народ был «угнетен и задавлен» монархическим режимом не в ностальгических тонах, по примеру его коллег журналистов и публицистов (например, Ло Гатто), а затем, чтобы подчеркнуть сходство двух режимов, бесполезность предпринятых во время революции усилий и полное отсутствие улучшений, как в жизни рабочих масс, так и среди крестьянства.

### *2.2.3. СССР в фашистской печати во второй половине 1930-х гг.*

Несмотря на экономические и политические в целом хорошие отношения между СССР и Италией примерно до 1935 года, в обеих странах существовали не только различные, но и, по сути, враждебные государственные режимы. Оба режима принципиального отличались друг от друга в политической, социальной и

423 Aponte S. La tragedia degli “Spez” // Corriere della Sera. 27 giugno 1929.

424 Aponte S. L’arrivo a Taškent. Drammatici particolari sulla partenza // Corriere della Sera. 24 gennaio 1928.

экономической сферах. Эти различия постоянно подчеркивались в коммуникационной политике руководства обеих стран, что находило свое прямое отражение в национальной печати, бывшей под государственным контролем как в Италии, так и в СССР, в силу чего выполнявшей роль инструмента пропаганды[425]. После очевидного ухудшения отношений во второй половине 1930-х годов вследствие эфиопского кризиса, советская и итальянская печать не слишком заботились о словах и выражениях в адрес противника, подталкиваемые и направляемые соответственными руководящими государственными органами. В частности, на итальянском примере мы можем констатировать тесную связь между журналистской деятельностью и директивами, исходившими из аппарата фашистской пропаганды, во главе которого стояло Министерство печати и пропаганды, ставшее затем Минкультом (см. выше).

Принимая во внимание установленные хронологические рамки, уже существующую историографию по данному вопросу, а также основную тему данной работы, в главе будут проанализированы темы, наиболее часто повторяющихся на страницах фашистской печати во второй половине 1930-х годов, накануне Второй мировой войны. Учитывая их широкий диапазон, основное внимание будет обращено на те из них, которые в большей мере способствовали формированию образа СССР, сложившегося на момент вторжения итальянской армии в СССР.

### *2.2.3.1. Туризм*

*Ехать в Россию невозможно и страшно[426].*

При описании советской реальности итальянские журналисты часто прибегали к такому жанру, как путевые заметки. Поэтому часто в тексты вкрадывались сообщения о технической стороне поездок, о знаменитом советском «гостеприимстве» и о существовавшей в тот момент туристической системе в целом. Звучавшая рефреном и часто преувеличенная изолированность СССР приводила к сокращению числа путешественников и туристов, посещавших Москву или Ленинград в 1930-е по сравнению с 1920-ми годами. По этой причине редакции усиленно «охотились» за живыми свидетелями и немедленно публиковали любую информацию

425 Procacci G. Il socialismo internazionale e la guerra d'Etiopia. Roma: Editori riuniti. 1978. P. 11.

426 Narrazioni di profughi sull'inferno di Stalin // Popolo d'Italia. 2 agosto 1938.

«из свежих рук». Прежде всего, внимание привлекает однородность тем и впечатлений, вынесенных из путешествий в СССР. В 1930-е годы меняется отношение путешественников, уже не отправлявшихся, как в 1920-е годы, открыть для себя достижения советской системы, сопоставляя их с результатами, достигнутыми фашизмом в Италии. Во второй половине 1930-х годов большинство туристов и журналистов уже имели определенное представление о Советской России и, приехав туда, часто находили лишь подтверждение тому, что они уже читали или слышали на страницах фашистских публикаций о жизни в СССР. Так, на страницах заметок основное место занимают существовавшие еще до начала поездки представления и предубеждения, которые, как правило, в глазах путешественников получали свое подтверждение при контакте с советской действительностью.

Все путешествия в Россию начинались с посещения советского туристического агентства Интурист. Паоло Дзампа, известный журналист газеты La Stampa, отправился в офис Интуриста в Риме с целью получить визу, в которой ему было в итоге «просто-напросто отказано советским дипломатическим корпусом», и наконец-то въехать на территорию советской России. Эту поездку, по его словам, он запланировал заблаговременно. При первом знакомстве с советским агентством у итальянских журналистов появлялась мысль о ГПУ, чьи секретные агенты, по их мнению, работали среди персонала агентства, тайно проникнув в Италию, где они развивали свою секретную подрывную деятельность. Сандро Вольта, корреспондент Gazzetta del Popolo, писавший свои репортажи о России, находясь в Таллине, признавал, что ему «немедленно пришла на ум мысль о ГПУ и его связи с Интуристом, когда незнакомая девушка «случайно» попала в его гостиничный номер» сразу после его посещения офиса Интуриста[427]. Мрачная слава Интуриста упоминается и в интервью, взятом журналистом К. Мортари у «приятного товарища из Каунаса». Почти по-чуковски («Не ходите дети в Африку гулять!») он предупредил об опасности походов в Интурист. Интервьюируемый подчеркнул кажущуюся бездеятельность агентства: «Мизерный туризм! Кто из советских подданных пойдет на риск выехать за границу? Может получится так, что по возвращении они получат смертный приговор. Вероятность такого развития событий повышается, если онни

427 Volta S. Ricevo la G.P.U. nella mia camera da letto // Gazzetta del Popolo. 27 luglio 1937.

занимают высокую должность. Никогда не ходите в Интурист»[428].

Войдя в помещение, занимаемое Интуристом, Дзаппа был радушно встречен советским чиновником, предложившим ему несколько вариантов поездки в СССР. Как профессиональный журналист Дзаппа поинтересовался, насколько Интурист был готов предоставить свободу действий туристам. Советский работник показал журналисту подробную программу пребывания, предусматривавшую посещения различных культурных и промышленных достопримечательностей в СССР: «Рассчитанная на 60 дней программа была расписана во всех деталях: гостиницы, посещения, поездки, театры и развлечения. Все было заранее просчитано, уточнено, перечислено: названия всех гостиниц и ресторанов, названия фабрик, школ, больниц, колхозов и тюрем, которые предполагалось показать туристам. Театры и танцевальные площадки были намечены на каждый вечер»[429].

Взаимодействие с местным населением было строго запрещено. «Я никогда не оставался один. Но даже если бы мне пришлось быть одному, то вряд ли я бы смог этим воспользоваться. Входить в контакт с местными жителями нельзя, да и бесполезно пытаться с ними заговорить. Лишь в исключительном случае здесь кто-то знает другой язык помимо русского, и еще более исключительный случай представляют те, кто его знает и готов говорить»[430]. Согласно свидетельствам иностранных журналистов, обмениваться словами с людьми на улицах было невозможно и из-за неусыпного надзора органов безопасности. В кратком изложении книги бывшего московского гида Тамары Солоневич[431], опубликованном на страницах Giornale d'Italia, приводится описание слежки со стороны тайной советской разведки за группами иностранных туристов: «Когда иностранная делегация приезжает в СССР и направляется на посещение основных достопримечательностей, то большое число агентов ОГПУ, хорошо вооруженных и переодетых в железнодорожников, шоферов и т. д., сопровождает делегацию с целью воспрепятствовать любому

428 Mortari C. Sotto il segno dello zar rosso. “Nord-express” // La Stampa. 31 aprile 1938.

429 Zappa P. Quello che vede il turista // La Stampa” 27 luglio 1937.

430 Montanelli I. A Leningrado nel giugno ’38 // La Stampa. 11 giugno 1938.

431 Т. Солоневич удалось бежать из СССР в 1933 году вместе со своим мужем и сыном, которые приехали позднее к ней в Берлин. После того, как они переехали в Софию, супруги открыли издательский дом, где издавали антисоветскую литературу и публиковали газету «Голос России». (URL: http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=author&i=38. Дата обращения 15.06.2016). По сообщениям итальянских газет, Солоневич была убита во время теракта, организованного советскими спецслужбами в 1938 году.

контакту между иностранцами и советским населением»[432].

Советские секретные службы следили за иностранными туристами не только на территории СССР, начиная наблюдать за ними еще до начала их путешествия. Неизвестный литовский антикоммунист предупреждал итальянского журналиста не доверять «людям с приятной наружностью, которые захотят проводить вас до поезда, чтобы удостовериться, что вы удобно устроились, и что ваш багаж погрузили. Эти люди до последнего момента будут ждать отправки поезда, чтобы точно знать, в каком направлении вы отъехали»[433].

Помимо секретных служб, также переводчики и гиды были обязаны следить за иностранными туристами. Во-первых, все иностранцы должны были пользоваться их услугами, так как никто из них не мог передвигаться из одного города в другой без сопровождения. По мнению итальянских журналистов, работа переводчиков вызывала сомнения в точности и правильности перевода. Так, «господин с обычной наружностью» рассказал Дзаппа в Париже, что переводчики «переводили, будто рабочие в России живут отлично, что они счастливы, что они работают на образцовых фабриках и живут в образцовых домах, что их зарплаты самые высокие, и что им доступны хорошая еда, сигареты и развлечения. И все это в изобилии... Все это они говорили с горькой усмешкой на лице и мрачным взглядом... Все ложь и вранье!»[434]. В рассказах итальянских журналистов образ гида принимал зловещие контуры сподвижников дьявола. Достаточно привести краткую и емкую характеристику, данную им журналистом Индро Монтанелли: «Меня ждала страшная [курсив автора] женщина, подосланная Интуристом»[435].

В контексте этой части главы невозможно не упомянуть о замечательном наброске, почти акварельном эскизе в импрессионистском стиле, созданном рукой Курцио Малапарте и изображающем его московскую спутницу по имени Таня. Лирическое описание, переполненное чувством влюбленности и глубокой грусти: «“Мне холодно”, шепчет Таня. Легкая дрожь пробегает по ее бледному лицу, нео-

---

432 Forschini V. Gli orrori del regime sovietico nell’impressionante documentazione della vittima dell’attentato di Sofia // Giornale d’Italia. 8 febbraio 1938.

433 Mortari C. Sotto il segno dello zar rosso. “Nord-express” // La Stampa. 31 aprile 1938.

434 Zappa P. Quello che vede il turista // La Stampa. 27 luglio 1937.

435 Montanelli I. A Leningrado nel giugno ’38 // La Stampa. 11 giugno 1938.

жиданная слабость, почти набегающий сон закрывает ее нежно-голубые веки. Я приобнимаю ее за талию, прижимаю к себе, кладу свою голову на ее плечо...»[436]. Малапарте подозревал в ней агента ГПУ, однако ее работа не слишком заботила его. К концу своего пребывания в Москве он случайно узнал, что она была проституткой. На ту же двойную роль советских женщин-гидов намекал и Дзампа, передавая свой диалог с работником Интуриста:

« “– Вам обязательно нужно брать гида, каждый раз, как вы будете выходить из гостиницы...”

– “Но хотя бы в гостинице...”.

Неправильно поняв смысл моих слов, молодой чиновник ответил:

– “Если хотите, то гидом-переводчиком будет женщина”»[437].

Помимо полицейского надзора, строго регламентированного передвижения и сложностей с получением визы, иностранные туристы вынуждены были бороться с неудобствами, связанными с материально-технической стороной поездки, иными словами с низким уровнем качества жилья и питания в СССР. Что касается первого пункта, то «даже в самых больших гостиницах – где чистота и гигиена напрочь не соблюдаются – туристам самим приходится чистить себе обувь, заправлять кровати, вытирать пыль и мыть полы в номерах, если они не хотят погрязнуть в грязи. Гостиницы Москвы нисколько не лучше гостиниц в других менее крупных городах»[438].

Советская кухня также слабо соответствовала стандартам итальянских путешественников, создавая впечатление о крайней скудности и однообразии блюд во всем Советском союзе: «Повсюду мы ели одно и то же. Можно было подумать, что существовала одна большая кухня, из которой развозили еду по всем городам от Урала до Байкала, по поездам, гостиницам и ресторанам, предназначенным для иностранцев. Повсюду одинаковые жидкие супы, тот же резиновый хлеб, та же баночная икра... Советские шеф-повара вдохновляются западными рецептами, но готовят блюда в огромном количестве среднего или низкого качества»[439].

---

436 Malaparte C. Donna russa. Scene di vita d’ogni giorno nella Russia dei Soviet // La Stampa. 12 gennaio 1939.

437 Zappa P. Quello che vede il turista // La Stampa. 27 luglio 1937.

438 Basseches La miseria del popolo russo. Scandali, incubo e fame. Gli stranieri isolati e spiati // La Stampa. 18 maggio 1937.

439 Bartoli D. Un giorno solo a Mosca // Corriere della sera. 15 luglio 1939.

Подводя итоги главы о советском туризме в свидетельствах итальянских журналистов второй половины 1930-х годов, хотелось бы привести два свидетельства, каждое из которых по-своему дает ответ на возможный вопрос среднестатистического итальянского читателя: стоит ли ехать в СССР? «Я ничего не увидел» – ответил один безымянный французский турист; «Страна, в которую я бы больше никогда не вернулся» – вынес свой вердикт знаменитый итальянский журналист Индро Монтанелли.

### *2.2.3.2. Население*

*Такой необычный народ, как русские...*[440]

Придерживаясь старой русской пословицы «По одежке встречают, по уму провожают», откроем эту часть главы описанием характерных черт внешности русских на страницах фашистской печати. Необходимо незамедлительно сделать важную оговорку: часто статьи сопровождались фотографиями, сделанными журналистами в СССР или на его границе, сразу после того, как ее пересекали теперь уже бывшие советские граждане (во всяком случае, так утверждали сами журналисты). Благодаря этим темным и размытым изображениям, читатели могли составить себе первое представление об одежде и внешности жителей СССР. Дополненный подробным художественным описанием, сделанным журналистами, образ советского народа становился более выпуклым и живым.

На границе с Литвой корреспондент La Stampa Мортари наблюдал за поездами, прибывавшими из СССР и немедленно отъезжающими обратно. Его внимание привлек советский работник железных дорог, проверявший вагоны поезда. «У него далеко не гордый и довольный вид. Пролетарии всего мира могли бы многое узнать, если бы увидели эту сцену и этого человека, которые даже в своей немоте говорят о большем, нежели самые подробные тексты и статистические данные»[441]. Свидетельства другого журналиста, Монтанелли, о его жизни в Ленинграде в 1938 году должны были оказать еще большее воздействие на читателей: «Эти люди пло-

440 Giovanni M. Da tempo il vero Stalin non esisterebbe più // Popolo d'Italia. 23 ottobre 1938.
441 Mortari C. Sotto il segno dello zar rosso. "Nord-express" // La Stampa. 31 aprile 1938.

хо одеты и ужасно обуты»[442]. Эстонский корреспондент Бассекес, чьи статьи были опубликованы на страницах La Stampa смог передать еще более обобщенный образ русских, «проходя по улицам Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы и наблюдая за царствующей в России нищетой. […] Население в плохом физическом состоянии и плохо одето. Многие из русских ходят босиком, другие носят дырявую обувь, или тапки, или сандалии, или же старые резиновые галоши. Эти сцены нагоняют грусть и заставляют сжиматься сердца»[443]. Жалость и сопереживание советскому народу, «угнетенному коммунистическим режимом», становятся основными чувствами, которые итальянские журналисты старались передать в печати. «Двадцатилетнее мученичество русского народа, раздавленного коммунизмом»[444], «ежедневная агония в страданиях, лишениях и несправедливости»[445], «кошмар, нависший над всем русским народом»[446], «бедный русский народ, задавленный страшным игом»[447], «трагическая судьба, уготовленная всему населению»[448] – это лишь некоторые из ярких выражений, найденных на страницах итальянской прессы. С одной стороны, это свидетельство солидарности и поддержки со стороны итальянских журналистов, с другой – явное сгущение красок и выборочный подбор информации с целью наибольшего эмоционального воздействия на читателей. Основная причина, по мнению большинства журналистов, подобных плачевных условий, – это «коммунистический эксперимент, в котором русский народ служит подопытным материалом»[449]. Журналист Д. Тангари высказывает еще более жесткие и острые суждениям в отношении «этого нечеловечного режима, который за 19 лет не только не смог разработать упорядоченное и гармоничное законодательство, но продолжает все чаще проявлять свои деспотические и кровавые стороны, заставляя жить свой народ в драматических условиях. И все это несмотря на то, что Россия обладает самыми большими золотыми запасами и плодоносными землями в мире»[450].

---

442 Montanelli I. A Leningrado nel giugno ’38 // La Stampa. 11 giugno 1938.
443 Basseches, La miseria del popolo russo. Scandali, incubo e fame. Gli stranieri isolati e spiati // La Stampa. 18 maggio 1937.
444 Il tormento del popolo russo esposto da un ex diplomatico ucraino // Lavoro fascista. 20 aprile 1937.
445 Tangari D. Le avventure di una donna “senza partito” // Giornale d’Italia. 19 marzo 1937.
446 Tangari D. Dove va la Russia dei Soviety? // Giornale d’Italia. 17 aprile 1937.
447 Tangari D. La miseria dei lavoratori in Russia //“Giornale d’Italia. 13 marzo 1937.
448 Che cos’è la Russia // Popolo d’Italia. 28 luglio 1937.
449 Zappa P. Il segreto di Stalin // La Stampa. 24 agosto 1937.
450 Tangari D. Dove va la Russia dei Soviety? // Giornale d’Italia. 17 aprile 1937.

Жестокая реальность этого режима, называемого часто в эвфемистической манере «иго», «опытным экспериментом», «кошмаром», стала, как утверждали некоторые журналисты, причиной появления и развития среди населения такого широко распространенного в обществе феномена, как страх. Согласно представлениям Джона Т. Уитакера, «сложно преодолеть ту пропасть, которая отделяет менталитет человека, живущего в СССР, от менталитета путешественника, который сюда приехал. […] Это страх, который по ночам не позволяет русским закрыть глаза, страх, который заставляет предпочитать смерть агонии»[451].

Тем не менее, некоторые итальянские журналисты не останавливаются перед констатацией очевидной связи между «страданиями» русского народа и «диктаторским» режимом и ставят вопрос об обстоятельствах, приведших к его установлению. Для ответа на него журналисты анализируют особенности национального характера русской нации, его достоинства и недостатки, которые привели в конечном итоге к победе большевиков и укреплению их власти в России.

Итальянским читателям было предложено как минимум два ответа на этот вопрос: низкопоклонство и покорность. Дзаппа, намереваясь взять интервью у пяти бывших советских граждан, сбежавших из «красного ада», не мог начать разговор из-за того, что те отказывались сесть после его прихода. «Когда я вошел вместе с переводчиком, они подскочили со стульев и начали делать глубокие поклоны. Продолжая стоять, они смотрели на меня широко раскрытыми глазами. […] Когда я собрался уходить, то снова увидел пять согнутых передо мной спин. В Гвиане так меня приветствовали каторжники»[452]. Это безжалостное сравнение с работниками насильственного труда в колониальной зоне Южной Америки ярко проявляет отношение Дзаппы к беженцам с советской территории и его желание подчеркнуть царящие там унизительные для человеческого достоинства порядки и одновременно отсталость самого общества, безропотно принимавшего культивируемые сверху ценности. В той же степени возмущенным поведением бывшего советского гражданина, оказался еще один итальянский журналист, Альчео Вальчини: «Внешний облик Мирковского, конечно же, не отличался безупречностью. Перенесенные им во

451 Whitaker J. T. L'abisso della paura // La Stampa. 15 febbraio 1938.

452 Zappa P. I forzati delle officine // La Stampa. 13 aprile 1937.

время побега лишения и страдания оставили на нем глубокий след. Когда он к вам подходит, он сжимает крепко руку и хочет ее поцеловать, согласно существовавшей в царской России привычке выражать свое подчинение»[453].

В качестве естественной причины этого добровольного подчинения итальянские журналисты видят присущую русским склонность к смирению, бывшей, по их мнению, основной чертой их национального характера. «Многочисленная бесхребетная толпа»[454], «глухой плебс»[455], «народ, нищий волей и духом»[456], «много добродетелей, но мало силы»[457], «восточный фатализм»[458] – все эти определения Малапарте удается свести к одной фразе: «Свойственное русским зло, зло природное и историческое – лень, апатия, равнодушие…»[459]. Тем не менее, возникает сомнение, до какой степени эти оценки и суждения являются результатом наблюдения и анализа, проделанного в отрыве от русской литературы, широко распространенной в культурных итальянских кругах? Влияние произведений русской классической литературы XIX века кажется очевидным даже потому, что в итальянской печати часто упоминаются русские авторы (Толстой, Достоевский, Гоголь) и делаются ссылки на их произведения и героев (Раскольников). Одним из доказательств может служить статья М. Долетти, в которой он отсылает своих читателей к произведениям русской литературы: «В отличие от стремления к жизни, полной любви, риска и неожиданностей, что отличает всех молодых итальянцев, там внизу[460] массы прозябают в фатальной покорности судьбе, к которой славянская литература нас так хорошо приучила»[461].

Джон Т. Уитакер выделяет еще один аспект русской покорности, который проявляется в слове «ничего». В зависимости от контекста, как известно, оно может принимать различные значения. В переводе на итальянский, на который ссылается

---

453 Valcini A. Il calvario del contadini russo nel racconto di un evaso di Minsk // Corriere della sera. 12 luglio 1937.

454 Malaparte C. Il fango e la folla // La Stampa. 18 dicembre 1929.

455 Ibid.

456 A.M. Ombre su gli Urali // Popolo d'Italia. 20 febbraio 1930.

457 Ibid.

458 Massara A. Un popolo in fallimento // Lavoro fascista.16 novembre 1930.

459 Malaparte C. Il Dopolavoro in Italia e in Russia // La Stampa. 15 luglio 1929.

460 Притом, что географически, правильнее было бы сказать «вверху». «Низ» для итальянцев ассоциируется с отсталостью, что, возможно, объясняется культурно-историческим различием между итальянским промышленным Севером и отсталым аграрным Югом.

461 Doletti M. Varie cose della Russia sovietica // Resto del Carlino. 28 agosto 1929.

американский журналист, это понятие может принимать такие семантические оттенки, как «ничего страшного», «всё равно», «неважно», проявляющиеся, по мнению журналиста, в сфере труда, а также и в отношении чего-то существенного и крайне важного. «Есть в русском языке такая поговорка, хорошо передающая их отношение к работе и их врожденную халатность: «Работа не волк, в лес не убежит». Когда начинаешь ближе узнавать русских, то уже не возникает вопросов о причинах неудач двух пятилеток, так как за ними кроются целые сотни лет, прожитых под девизом «Ничего». Этот русский крик в никуда, звучит воинственным кличем Дианы»[462].

Стоит, однако, учитывать тот факт, что американский журналист судит об этих «слабостях» и «недостатках» русского характера с позиций собственного культурного опыта, включавшего в себя жесткие рамки фордизма, общественно культурную концепцию «self-made man», ценности капиталистического общества и т.д.

Малапарте предостерегал своих западных коллег от опасности судить Россию и национальный характер ее населения по собственной шкале ценностей. По сути, он предлагал следовать завету Тютчева, утверждавшего, что «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...»: «Ничего не могло и не может быть более чуждым этому народу, чем европейский стиль жизни – либеральный и оптимистичный. Дух покорности, готовность к терпению, удивительный русский характер берут свое начало в пессимизме, невероятно далёкому чувству свободы. Русские не любят жизни: они безразлично относятся к смерти. Можно сказать, что они умирают легко. Секрет их природы в том, что нет ни одной европейской теории, которая бы смогла ее раскрыть»[463].

Для правильного понимания некоторых оценок и суждений итальянских журналистов, стоит сделать несколько замечаний. Во-первых, одна и та же характеристика народа могла быть по-разному интерпретирована журналистами в зависимости от их личного отношения к сюжету. Во-вторых, оценки тех или иных явлений варьировались в зависимости от национальной или идеологической принадлежности авторов статьей, их культурного опыта. В-третьих, объективная невозможность

462 Whitaker J. T. Un paio di scarpe: mille lire // La Stampa. 18 febbraio 1938.
463 Malaparte C. Il popolo // La Stampa. 15 giugno 1929.

(сложности въезда в СССР, запрет на свободное передвижение, постоянный надзор за иностранцами и т. д.) сформировать свое собственное мнение часто вынуждала журналистов прибегать к давно сложившимся клише, что в итоге вылилось в создание стойких стереотипов о СССР и его населении в западном дискурсе.

### *2.2.3.3. Быт*

*Ну, и как живется в России, приятель?*[464]

Возможно, что одним из самых интересных сюжетов о России, который привлекал пристальное внимание итальянских читателей, были условия жизни советских граждан в СССР. Причина такого повышенного интереса могла крыться в желании сравнить свой образ жизни с теми, кто на себе испытывал уникальный в мировой истории коммунистический эксперимент, а также в любопытстве проверить правдивость или лживость утверждения о «советском рае». Само это выражение в то время уже приобрело иронический оттенок, а его использование незамедлительно создавало впечатление чего-то ложного, надуманного, направленного на обман западного общественного мнения.

Для Франческо Мериано, занимавшего должность генерального консула Италии в Одессе с 1927 по 1930 гг., жизнь в этом городе представлялась «однообразной, грустной, безнадежной»[465]. Итальянские журналисты с удовольствием развивали тему бытовых условий в СССР, как будто стараясь как можно подробнее и красочнее раскрыть смысл произнесенных в конце 1920-х годов консулом слов. Так, Тангари не жалел унылых и мрачных тонов в описании условий жизни при советском режиме: «Нищая и голодная толпа, нехватка товаров и продуктов питания, боязнь стукачей и шпионов висит над всей страной, где невинный гражданин может быть арестован и депортирован вследствие самого необоснованного обвинения в сектантстве и расколе»[466]. Если Тангари предлагает итальянским читателям результаты наблюдения и впечатления побывавшего в России журналиста, то Витторио Фоскини берет интервью у сбежавшего из СССР в Эстонию советского чиновника, чьи

464 Zappa P. Perché sono così rari // La Stampa. 6 luglio 1937.

465 Doletti M. Varie cose della Russia sovietica // Resto del Carlino. 28 agosto 1929.

466 Tangari D. La miseria dei lavoratori in Russia nella documentazione degli osservatori stranieri // Giornale d'Italia. 13 marzo 1937.

свидетельства на взгляд журналиста представляются еще более надежными: «Вы спрашиваете про жизнь? Это ад, это ужасающее страдание, которое я испытывал изо дня в день, не будучи способным оставаться безразличным при виде крайней нищеты народных масс, перед ужасающими условиями жизни основной части населения. Надо было обладать каменным сердцем чекиста, чтобы не плакать перед молодыми девушками, вынужденными отдаваться ради куска хлеба или заштопанной рубашки; перед матерями, предпочитавшими продавать своих детей, спасая их от голодной смерти; перед людьми, способными на самые гнусные преступления ради жизни!»[467].

Некоторые журналисты проводили свое расследование и старались как можно больше собрать материала о жизни в СССР, изучая ее различные аспекты. Так, одной из тем журналистского расследования стала проблема голода и нехватки продуктов питания, столь часто муссируемая в итальянской прессе. «Купить что-либо в Москве оказывается делом далеко не легким не только потому, что магазины переполнены перевозбужденной публикой, но и потому, что многих из выставленных товаров просто нет в наличии. И даже продажа продуктов питания происходит крайне нерегулярно. То целыми днями невозможно найти яиц, то на недели пропадают овощи, то мясо выложено на прилавках только одного вида»[468]. Одна гардеробщица призналась Дж. Уитекеру «таким тоном, как будто говорила о своей самой заветной мечте», «что однажды ей хотелось бы купить себе яйца, молоко и курицу!»[469].

Еще более убедительная и впечатляющая картина советского быта создается при описании жилищных условий различных социальных категорий в СССР. Вальчини наблюдал за домами советских крестьян, находясь на польской территории: «низкие темные дома с однотипными двускатными крышами»[470]. Журналисту Сандро Вольта посчастливилось войти в «нищий деревянный сарай, построенный в русском стиле с перегородками, увешанными иконами: кровати находятся наверху, на печке, согревающей их во время морозных зимних ночей»[471]. Судя по описани-

467 Foschini V. La tragica vita del popolo russo // Giornale d'Italia. 5 febbraio 1938.
468 Basseches N. Magazzini vuoti dietro dietro vetrine scintillanti // Corriere della sera. 18 settembre 1937.
469 Whitaker J. Salari e prezzi // La Stampa. 20 febbraio 1938.
470 Valcini A. Nei campi dove i contadini lavorano tre le baionette // Corriere della Sera. 30 giugno 1937.
471 Volta S. Macchie di sangue sul fieno // Gazzetta del popolo. 24 agosto 1937.

ям итальянских журналистов жилые помещения рабочих нисколько не лучше, а даже хуже крестьянских. «В Горьком 44,5 процента рабочих нашей автомобильной фабрики[472], то есть 10.146 человек, живет в бараках. Зимой вода замерзает, а летом туалеты находятся в жутких условиях с постоянно протухшей водой...»[473].

В наибольшей степени итальянских журналистов поражает такой распространенный социально-культурный феномен, как «коммуналка», где соседи живут в непосредственной близости друг к другу. В особенности этот образ жизни привлек внимание итальянской прессы после выхода в свет книги К. Малапарте «Интуиция Ленина». В рецензии на нее А. Синьоретти приводит длинную цитату из самой книги, посвященную жизни в коммуналке, а также психологическим последствиям и нравственному воздействию, которое тесное сожительство оказывало на самих проживавших там людей: «Они живут сразу несколькими семьями в одной или двух комнатах в такой тесноте, которая лишает существование даже самой минимальной интимности, отнимает у сексуальной жизни любое чувство стыда, у любви – ее многочисленных оттенков. Никто никогда не чувствует себя наедине с самим собой в этих заполненных постоянно ходящими туда-сюда чужими людьми. Толпами они ждут на кухне с чайниками и кастрюлями в руках своей очереди перед плитой. Одиночество, столь ценное для цивилизованного человека, столь необходимое для мыслящего человека, стало невозможным и запрещенным. Туалет, коридоры, кухня, потайные места – все здесь делится между различными семьями, часто принадлежащими к разным социальным сословиям. Отношения сожителей строятся на холодном эгоизме, глухом и любезном безразличии к боли и радости соседей. Кажется, что никто не слышит крики роженицы или плача родственников у смертного ложа: колыбели в коридорах пересекаются с гробами. Каждый живет своей отдельной жизнью, параллельной жизням других»[474].

Советские города в целом представлялись в глазах итальянских журналистов совершенно нежилыми местами, как из-за их серых и монотонных зданий, так и из-за неразвитой инфраструктуры и плохо налаженного транспорта. Дж. Марци

472 Речь идет о знаменитом Горьковский Автомобильном заводе (ГАЗ). ГАЗ был основан при содействии и сотрудничестве американской компании Ford Motor Company в 1932 году в рамках реализации первой пятилетки, когда советская промышленность во многом зависела от западных технологий и оборудования.

473 Zappa P. Le case ci sono, ma… // La Stampa.4 luglio 1937.

474 Signoretti A. Un libro sulla Russia // La Stampa. 16 luglio 1930.

приводит отрывок из статьи, опубликованной в Известиях: «Во время заседания Верховного совета РСФСР депутат Ковалев доложил о катастрофической жилищной ситуации, в которой вынуждена находиться бóльшая часть населения Советского Союза. Депутат заявил, что во всех городах дома находятся в полуразрушенном состоянии, дороги совершенно непроезжие, а тротуары скорее похожи на канавы. Санитарно-гигиенические условия городов производят ужасающее впечатление. Он также добавил, что для следующей зимы Москва не запаслась достаточным количеством топлива для обеспечения отопления и продуктами питания для всего населения»[475].

Городской транспорт привлекал особое внимание итальянских журналистов. В 1930 году Уго д'Андреа описал катастрофическую ситуацию работы трамваев в советских городах. «Старые, неудобные, редко проходящие трамваи с маленькими вагончиками, от которых остался лишь небольшой каркас»[476]. Спустя восемь лет с момента публикации этого описания, ситуация с городским транспортом не изменилась. В рубрике «Советская хроника» ежедневника Popolo d'Italia появилась заметка со статистическими данными об авариях на московских трамваях: «Данные о несчастных случаях на московских дорогах по причине неисправности трамваев может испугать даже самых искушенных читателей». В конце статьи, в саркастическом тоне и почти на грани черного юмора, журналист добавляет: «Ездить на трамвае в Москве стало так же опасно, как и вступать в ряды Красной армии или же в советский дипломатический корпус. Этим все сказано»[477]. Очевидно, что представленная панорама многочисленных драматических аспектов жизни советского общества, начиная с нехватки продуктов питания и заканчивая частыми несчастными случаями на транспорте, должна была лишить итальянских читателей последней доли сомнения в привлекательности советского эксперимента. Более того, образ ада, к которому так часто прибегали авторы статьей, должен был навсегда запечалиться в представлениях итальянцев о советской России.

475 Marzi G. Cinque Stalin al Cremlino e forse quello vero non c'è // Popolo d'Italia. 1 novembre 1938.
476 D'Andrea U. Un popolo in fallimento // Lavoro fascista. 16 novembre 1930.
477 Cronaca sovietica // Popolo d'Italia. 22 giugno 1938.

### 2.2.3.4. Массовые волнения

*Чтобы подняться на восстание, страна ждет войну.*[478]

После знакомства со всеми тяготами и лишениями, царящими в Советском Союзе, у итальянского читателя должен был естественным образом возникнуть вопрос о случаях проявления массового недовольства против режима, создавшего подобные нечеловеческие условия. Как утверждали журналисты, управление всей советской системой сосредоточено в руках малочисленной политической элиты, что, по их мнению, должно было подтолкнуть недовольный народ к активным действиям. Избавлением от угрозы медленного и постепенного уничтожения советского населения, по представлениям журналистов, должно было послужить народное восстание. Более того, итальянцы считали, что массовые бунты – типичны для русской истории. Тем не менее, крупных протестов в СССР не происходило, и коммунисты продолжали править страной со всей «жестокостью и безжалостностью», как постоянно подчеркивалось в итальянской печати. Журналисты и публицисты разделялись во мнениях о готовности русского народа к массовому выступлению, однако все были согласны с той мыслью, что режим не пользовался поддержкой среди населения, и что его падение было лишь вопросом времени и той силы, которая бы его стерла с лица земли.

Так, по словам одного итальянского гражданина, изгнанного из СССР в 1937 году и давшего впоследствии интервью Corriere della sera, «как минимум две трети всей молодежи мало или с неохотой говорит о политике и почти не интересуется вопросами коммунистического строительства. Мои друзья были членами коммунистических организаций только потому, что так им было легче найти работу. […] Среди моих товарищей были те, кто проклинал большевиков за ту нищету, в которую они вовлекли Россию»[479]. Тем не менее, некоторые журналисты утверждали, что в России не существовало крупного массового движения, направленного на подрыв большевистского режима, потому что «все предпринятые в прошлом попытки были потоплены в крови, и ни у кого нет ни сил, ни оружия, ни воли, чтобы

478 Solari P. Fuga dal paradiso sovietico // Corriere della Sera. 2 dicembre 1937.

479 Val. L'odissea di un italiano espulso dall'Urss // Corriere della Sera. 3 novembre 1937.

начать все сначала»[480]; потому что «русский народ покорился своей трагической судьбе и считает, что никакая сила не способна освободить его от этого ужаса»[481]; потому что население настроено крайне пессимистично и пассивно: «мир и любовь восторжествуют в России только после того, как мы все умрем»[482]; потому что «советские рабочие понятия не имеют об уровне жизни своих коллег на западе и поэтому не чувствуют нехватки каких бы то ни было благ, хотя, по сути, они принадлежат к той категории, которой живется в СССР чуть лучше, чем всем остальным»[483]. Все это приводит итальянских журналистов к мысли о том, «что единственная надежда остается на революцию, принесенную с запада, которая подтолкнет отчаявшихся русских на восстание против нового царя»[484]. Иван Солоневич, муж уже упомянутой Татьяны Солоневич, русский эмигрант, обосновавшийся в Софии и выпускавший издания на русском языке, был убежден, что «страна находится в ожидании войны, чтобы подняться на восстание. Все с трудом представляют, что население сделает хотя бы шаг ради защиты своей «социалистической родины». Кто бы ни начал войну, и каковы бы ни были ее последствия, все имеющиеся в СССР штыки и вилы вонзятся в спину Красной армии»[485].

Несмотря на описанную выше картину политической апатии советского населения по материалам итальянской прессы, журналисты, тем не менее, приводят несколько примеров проявления недовольства в СССР против большевистского правительства. Опираясь на впечатления поляков, живших недалеко от советской границы, Вальчини пишет о «еще скрытом, но тем не менее мощном недовольстве, родившемся в глухой борьбе между жестоко эксплуатируемыми русскими крестьянами и солдатами, защищавшими интересы новой «буржуазии» из государственных чиновников»[486]. Некоторые корреспонденты печатали интервью со сбежавшими из СССР представителями различных социальных слоев населения в доказательство мысли о глубоко укоренившемся недовольстве в советском обществе.

---

480 Solari P. Fuga dal paradiso sovietico // Corriere della Sera. 2 dicembre 1937.

481 Che cos'è la Russia // Popolo d'Italia. 28 luglio 1937.

482 Massara, A. Un popolo in fallimento // Lavoro fascista. 16 novembre 1930.

483 L'incognita russa // Lavoro. 3 luglio 1930.

484 Piovene G. I due litiganti // Corriere della Sera. 18 giugno 1937.

485 Solari P. Fuga dal paradiso sovietico // Corriere della Sera. 2 dicembre 1937.

486 Valcini A. Nei campi dove contadini lavorano tra le baionette // Corriere della Sera. 30 giugno 1937.

Один крестьянин, которому удалось бежать в Румынию, рассказал Дзаппа о годах постоянной нищеты и реквизиций зерна государством для его дальнейшего распределения среди городских рабочих в обмен на неэквивалентную оплату крестьянского труда. «В начале весны крестьяне отказались начинать сельскохозяйственные работы в колхозах и силой захватили колхозные земли. Из города немедленно были направлены не отряды казаков, а железные машины с огромными гусеницами»[487]. Другой сбежавший из колхоза крестьянин подтвердил, что «протестов и выступлений достаточно. Однажды мы все решили поехать в Умань с требованием, чтобы из выращенного и собранного нами зерна нам оставляли хотя бы часть или чтобы оплачивали зерном нашу работу. Как нас плохо приняли! […] Людям пришлось вернуться домой»[488]. Таким образом, в печати утвердилась мысль о существовании протестных настроений, не приводящих, однако, к изменению положения крестьян из-за немедленной и жестокой реакции власти на любые проявления недовольства. Итальянские журналисты отмечали, что зачинщики и участники протестных акций арестовывались и ссылались в концентрационные лагеря, что, как очевидно, не могло способствовать усилению антиправительственных выступлений.

Итальянская печать освещала также недовольство рабочих, которые не оставались безучастными к «творившейся вокруг них несправедливости». «Проблема рабочих не решена, если идет постепенное назревание восстания всего рабочего класса против эксплуатации их труда со стороны новых привилегированных категорий общества»[489]. Однако, если в 1930 году А. Массара писал о «проклятой и презираемой революции, о возмущении рабочих тяжелым гнетом, о надзоре военных, готовых наказать штыком любого, кто подаст даже самый слабый сигнал к вооруженному выступлению»[490], то к концу 1930-х годов положение внутри СССР изменилось в сторону ужесточения режима свободы слова и запрета на публичные высказывания. Таким образом, по мнению журналистов, оставался лишь один способ выражать несогласие с политическим режимом – прибегать к саботажу. Именно такое отношение выражали к саботажу давшие Дзаппе интервью советские рабо-

487 Zappa P. I forzati della terra // La Stampa. 18 luglio 1937.
488 Zappa P. L'inutile protesta // La Stampa. 23 luglio 1937.
489 Tangeri D. Dove va la Russia dei Soviety? Le conclusioni di un comunista francese // Giornale d'Italia. 17 aprile 1937.
490 Massara A. Un popolo in fallimento // Lavoro fascista. 16 novembre 1930.

чие, сбежавшие в Европу. «Частично саботаж существует. Как ему не существовать, когда с рабочими так обращаются? К сожалению, чувство мести кроется в человеческой природе. Для многих рабочих это единственный способ отомстить за свои обиды»[491]. В статье американского журналиста Вебба Миллера, опубликованной в Giornale d'Italia, приводится мнение некоторых иностранных инженеров, с которыми он лично был знаком, и которые рассказали ему «об их глубоком убеждении в существовании умышленного саботажа со стороны советских рабочих, намеренно портящих промышленное оборудование. Эти случаи происходят очень часто и каждый раз обусловлены политическими причинами»[492].

В дополнение к общей картине волнений и протестов необходимо привести примеры сообщений, часто появлявшихся на страницах итальянской печати о недовольстве среди военных. В одной из таких статей, опубликованной в Popolo d'Italia, сообщалось о «народном мятеже с антисталинскими лозунгами в Благовещенске, сибирском пограничном городе на Амуре. Взбунтовавшиеся солдаты стреляли в офицеров и по общественным зданиям»[493]. В целом, в конце 1930-х годов в итальянской печати было создано впечатление о катастрофическом положении в СССР, находящемся на грани распада. Заголовки газет пестрели новостями о советском режиме, не оставляющими сомнений в его немедленном падении. Рисовалась картина огромного колосса, стоящего на соломенных ногах, конец которого был предрешен воздействием внешнего фактора или же смертью самого Сталина. Более того, широко распространялась ложная новость о смерти Сталина и о том, что это событие держится в тайне во избежание массовых выступлений: «Настоящий Сталин уже давно умер, и в Кремле боятся, что новость облетит весь Советский Союз и дойдет до армии, так как это означало бы новые еврейские погромы и восстание всех советских народов, которые уже давно стремятся к независимости или полной свободе от центрального московского правительства»[494]. Затем следовал длинный список случаев «поджогов колхозной собственности», «нападения на поезда», «терактов на железной дороге», «убийств коммунистических главарей», «восстание крестьян против армии» и т. д.

---

491 Zappa P. I forzati delle officine // La Stampa. 13 luglio 1937.

492 Miller W. La Russia nelle impressioni di un grande giornalista americano // Giornale d'Italia. 31 agosto 1937.

493 A.M. Città siberiana in rivolta contro Stalin // Popolo d'Italia. 29 ottobre 1938.

494 Marzi G. Da tempo il vero Stalin non esisterebbe più // Popolo d'Italia. 23 ottobre 1938.

Таким образом, на страницах итальянской печати были представлены многочисленные аспекты жизни в советском государстве с его, по словам журналистов, «крайне неустойчивой» социально-политической системой, ослабленной «скрытым массовым недовольством» различных общественных слоев населения. Однако, нельзя не отметить, что эта решительная позиция, занимаемая населением в отношении советской власти, противоречила приводимым в предыдущих главах суждениям о русском характере и восприятии населением большевистского режима. Вероятнее всего, эти две крайности – пассивность и политический протест, выраженный в различных формах – одинаково успешно работали на общую пропагандистскую цель фашистского правительства: уязвимость и слабость СССР делали из него удобного и безопасного противника в случае начавшейся войны, что должно было успокоить широкую общественность и внушить мысль о быстрой и легкой победе в возможной войне против СССР.

### *2.2.3.5. Запад-Восток*

*Мы соседи, но Россия не на нашем континенте*[495].

На страницах итальянской печати нашли отголоски открытой членами фашистской партии дискуссии о природе большевизма, его корнях и отличий от фашизма не только в политическом и идеологическом аспектах, но и в культурном и национальном[496]. Цель этого параграфа заключается в анализе статей, опубликованных в национальной печати, а не в специализированных политологических журналах. Это повышало вероятность их массового распространения среди населения, а также их доступность для широкого круга читателей. Представляя панораму мнений, высказанных итальянскими журналистами, мы постараемся ответить их словами на вопросы о природе большевизма: был ли это феномен с чисто азиатскими корнями или он являлся продуктом европейской культуры? Ответственность за его распространение лежит на русских революционерах или же на европейских теоретиках, сыгравших для большевиков роль учителей? В этой части будут также рассмотрены

495 Del Bo D. Storia di Russia // L'Ambrosiano. 3 maggio 1940.

496 Анализ специализированных журналов периода см. Petracchi G. Atti del Convegno "L'Italia e la politica di potenza in Europa (1938–1940)". Milano: Marzorati. 1985. PP. 149–170; Petracchi G. Roma e/o Mosca? Il fascismo di fronte allo specchio // Nuova storia contemporanea. 2002. № 1. Quartararo R. Roma o Mosca. L'immagine dell'URSS nella stampa fascista (1925–1935) // Storia Contemporanea. 1996. № 3.

суждения журналистов о русской истории и об ее воздействии на менталитет советского населения. Ответы на все эти вопросы служат дополнением к формируемому образу СССР на страницах итальянской печати.

В своем предисловии к книге австрийского политолога Фюлопа-Миллера «Идеология и лицо большевизма: анализ культурной жизни в советской России» (1927 г.), подводя итоги, писатель и журналист К. Малапарте высказал мысль о том, что «у лица большевизма не азиатские черты, как это принято полагать. Это лицо с европейскими чертами»[497]. Это мнение Малапарте вызвало резко негативную реакцию его коллеги по перу У. д'Андреа, который без тени сомнения выразил свою позицию: «Я с теми, кто всегда заявлял о большевизме, как о плоде азиатской цивилизации». Он считал, что западные черты большевизма проявляются в американском типе его прогресса, в автоматизации промышленности, в электрификации городов и деревень, в «механической американской культуре», воспроизведенной в СССР. «В этом и состоит западный лик большевизма. Концепция массового человека, которую Фюлоп-Миллер так хорошо постарался нам разъяснить, помогает многое понять в этом вопросе. Но этого еще не достаточно, чтобы большевизм стал менее азиатским. Как лицо и глаза Ленина, он навсегда останется монгольским. […] Это явление останется азиатским и только азиатским уже потому, как нам это говорит сам Малапарте в первой главе своей книги[498], что “природа революции отражает в гораздо меньшей степени идеологию революционного меньшинства, нежели характеристики, присущие свершившему ее народу”»[499]. Синьоретти также сослался на книгу Малапарте, выражая свое отношение к природе большевизма. Он считал, что вопрос о европейской или азиатской сути большевизма не имеет права на существование: «Большевизм как азиатское или европейское явление... Это дилемма, у которой нет никакого смысла, так как большевизм – это феномен русской культуры, а Россия – это совершенно особый континент»[500].

Если в начале 1930-х годов на страницах итальянской прессы еще обсуждался вопрос о спорности большевистского феномена, то с изменением политического

497 Malaparte C. Il volto del bolscevismo // La Stampa. 24 aprile 1930.

498 Речь идет вышедшей незадолго до этой публикации книге К. Малапарте «Интуиция Ленина».

499 D’Andrea U. Il vero volto del bolscevismo // Giornale d’Italia. 24 giugno 1930.

500 Signoretti A. Un libro sulla Russia // La Stampa.16 luglio 1930.

климата после 1935 года и постепенным скатыванием к откровенно враждебным отношениям между Италией и СССР, альтернатива азиатскому лицу пропала, и оно единственное стало отражать истинную сущность большевизма, «чуждую европейской цивилизации по причине его кровожадности и варварства, крайней отсталости и антирелигиозности», как в унисон писали все фашистские журналисты. Л. Фонтанелли подчеркнул глубокую пропасть, разделявшую «коммунистическую азиатчину» от западных цивилизаций: «Большевистский молот продолжает ковать цепи русского народа, приговаривая его тем самым, бог знает, к сколько еще продлящейся мрачной и изолированной азиатчине. Русский народ сегодня привязан к самому таинственному центру Азии, далекому не только от западной культуры, но и от какой бы то ни было цивилизации. Ибо то, что сейчас происходит на наших глазах, – это внушительное и страшное явление одичания нации»[501]. В отличие от своих коллег Фонтанелли проводит четкую разделительную черту между большевистским режимом, с одной стороны, и русской историей и ее народом, с другой, не видя между ними причинно-следственной связи. Вслед за ним Л. Бардзани указал на единственного человека, ответственного за установление диктатуры и за всю русскую трагедию, подчеркивая в нем азиатские корни: «Азиатская тирания монгола Сталина»[502]. Очевидно, что Сталин не имел монгольских корней, поэтому отнесение его к этому этносу со стороны итальянских журналистов скорее было не проявлением невежества, а желанием через риторический прием подчеркнуть варварскую антизападную сущность его политики.

Еще одним элементом «азиатской теории» большевизма был его атеистический характер, разрывавший с самими христианскими основами европейской культуры, и ставивший под сомнение роль католической церкви, в частности, в Италии. В. Лилли использовал символический образ «железного моста», который отделял советскую территорию от румынской: «на западном крае моста стоял румынский солдат, держа в руках ружье под разноцветным румынским флагом. На другом конце стоял советский солдат с ружьем под красным флагом с серпом и молотом. Этот солдат – христианин, тот – атеист. Этот солдат – Европа. Тот – Азия. Этот солдат –

501 Fontanelli L. Il bolscevismo e le sue madrine // Lavoro fascista. 20 giugno 1937.

502 Barzani L. jr. I fuggiaschi che tagliano il reticolato // Corriere della Sera. 14 luglio 1937.

последнее сердце цивилизации. Тот солдат – первое сердце ереси. С этого конца до Атлантики простирается цивилизация, с того конца до Китая – царствует ересь»[503].

Тема азиатской природы России находит развитие и у Мортари, который цитирует в своей статье слова одного литовского студента о России, так же смотревшего на нее с противоположной стороны границы: «Все это очень по-восточному, то есть тускло, аморфно, тяжело. Но главным образом, все это обращено против Средиземноморья, если под Средиземноморьем понимать романскую цивилизацию, которая дала наивысшее представление об общественных структурах всем европейским странам. Если мы не хотим погибнуть, надо как можно дальше отойти от Азии!»[504].

Таким образом, понятие «азиатчины» было постепенно перенесено с большевизма как политической теории на сам русский народ, который волею судеб оказался подвергнут эксперименту построения коммунистического общества. Один из опрошенных Дзаппа иностранных путешественников, совершивших поездку в СССР, признался журналисту, что природная черта русских – это врожденное недоверие, типичное для всех восточных культур: «Подозрительность, если хотите, это добродетель на Востоке... А русские, как минимум по своему темпераменту, немного восточные люди»[505]. Малапарте подчеркнул еще одну сторону русского народа, который отличал его от европейцев и указывал, по мнению публициста, на его азиатские корни, – это глубокий пессимизм. «Либеральный дух отражает оптимизм. Сама Европа в течение всей своей истории, которая в глазах русских представляется легкой и элегантной игрой в события, предполагает непрерывный поток оптимизма. А в России принято говорить: "Кто не умеет умирать, тот не умеет жить". Сколько покорности и спокойствия в этом их понимании жизни!»[506].

Однако, ради справедливости стоит сказать, что не все итальянские журналисты видели в России отдельный мир, другой континент или далекую землю, чуждую европейской цивилизации. В 1930 году корреспондент под псевдонимом «А.М.» призвал западную общественность спасти Россию от двух основных опасностей: одной духовного характера (преследование религии), а другой – экономического

503 Lilli V. Alla frontiera dell'eresia // Corriere della Sera. 12 febbraio 1938.
504 Mortari C. Avventura in un sobborgo // La Stampa. 2 giugno 1938.
505 Zappa P. Quello che vede il turista // La Stampa. 27 giugno 1937.
506 Malaparte C. Il popolo // La Stampa. 14 giugno 1929.

(угроза американизации, которая могла охватить всю российскую промышленность и сельское хозяйство). «В своей экономической и культурной жизни Европа ощущает отсутствие половины своей территории: отсутствие русской нации. Если наш континент хочет сохранить за собой первенство в мире, необходимо срочно залечить эту рану на Востоке»[507]. Очевидно, что в размышлениях этого журналиста Россия уже не является другим миром, отличным от Европы, а состоит ее неотъемлемой частью, без которой европейская цивилизация рискует потерять свою идентичность и целостность. Необходимо отметить, что эта статья вышла в 1930 году, когда отношения между СССР и Италией находились в конструктивной фазе своего развития. Со временем международная ситуация изменилась, и со страниц итальянской печати исчезли статьи о родстве русской и латинской культур, а на их месте появлялось все больше примеров враждебности советской цивилизации, несовместимой с историческими, духовными и идеологическими ценностями Запада.

### *2.2.3.6. Закрытость*

*Границы немых...*[508]

Во второй половине 1930-х годов на страницах итальянских газет сформировалось стойкое представление об изолированности Советского Союза от всего мира. Впечатление об отделявшей Россию «китайской стене» создавалось не только благодаря журналистским статьям, рассказам свидетелей и колким комментариям самих корреспондентов. Уже тот факт, что большинство журналистов было вынуждено писать о СССР, не имея возможности самим посетить страну их профессиональных интересов и работая на приграничных территориях (как правило, в Прибалтике и Польше), приводил к тому, что они создавали образ таинственной территории, отделенной от всего мира колючей проволокой. Попасть же на нее можно было лишь через пограничные заставы, именуемые не иначе как «воротами в ад». Перед читателями намеренно создавалась картина мрачной boarding line, за которой простиралось царство Зла. В адресованных в редакции национальных газет письмах журналисты жаловались на невозможность пересечь границу с СССР и своими

507 A.M. Ombre su gli Urali // Popolo d'Italia. 20 febbraio 1930.

508 Barzani L. jr. Il confine dei muti // Corriere della Sera. 24 luglio 1937.

глазами увидеть то, о чем до них доходили лишь слухи по рассказам сбежавших советских граждан или вернувшихся из путешествий более удачливых европейцев. Они вынужденно работали, находясь в Таллине, Риге, Двинске или же в приграничных польских и румынских городах. Запрет въезда на советскую территорию и необходимость писать с отдаленной точки наблюдения приводили к раздуванию отчужденности СССР, подчеркиванию драматизма происходивших в нем событий. Это превращало Советскую Россию в территорию, полную непредвиденной опасности и мрачных кровавых преступлений.

Часто атмосфера пограничной таинственности воссоздавалась в печати через саму форму подачи информации: интервью, взятых у перешедших заветную линию беженцев, у жителей пограничных территорий или же самих служащих пограничной заставы. Свидетельства людей, сбежавших из «красного ада», а также тех, кто охотно делился своими впечатлениями о жизни бок о бок с «воротами ада», усиливали общее впечатление опасности, исходившей от Советской России в отношении запада. Журналист В. Лилли[509] сравнил советскую границу с входом в дом для умалишенных: «Мне казалось, что я стою на краю пропасти, у подножья непреодолимой стены высотой в сотни метров. На границе с Россией я испытал те чувства, которые когда-то испытал в детстве, стоя у входа в дом сумасшедших. То чувство, которое овладевает всеми, кто подходит к тюрьме: ощущение бессилия перед тайной, болезнью, яростью»[510].

Луиджи Бардзани-мл. приводит живописное описание советской границы, увиденной с эстонской территории: «Линия, отделяющая два государства, обозначена высоким забором из колючей проволоки. С советской стороны между деревьев можно различить еще несколько рядов проволочных заграждений, расставленных зигзагом согласно всем правилам фортификационного искусства. Можно также разглядеть глубокие траншеи, казематы, склады, площадки для артиллерийских орудий и пулеметные укрепления. Старая дорога, которая когда-то вела из Петрограда в Таллин, заросла травой»[511]. За этой военной границей находилась большая «чер-

509 Вирджилио Лилли станет одним из первых военных корреспондентов, отправленных на советский фронт Отделом Печати Минкульта в июле 1941 года.

510 Lilli V. Alla frontiera dell'eresia // Corriere della Sera. 12 febbraio 1938.

511 Barzani L. jr. Il confine dei muti // Corriere della Sera. 24 luglio 1937.

ная дыра», где исчезали люди, однажды вошедшие туда. Мортари взял интервью у литовского работника железной дороги, который рассказал ему о советских поездах, «отправляющихся в сторону Москвы. Обычно на них едут дипломатические работники и госслужащие. Как правило, вид у них очень не веселый. Они точно знают день, когда выехали из Европы, но не знают дня, когда вернутся обратно. Так Лубянка постепенно превратилась в Министерство. Министерство мертвецов...»[512]. Ту же мысль о «точке невозврата» выразил В. Лилли, наблюдая за советским поездом, пересекавшим границу между СССР и Румынией. «Маленький пустой поезд советских мертвецов въезжает на железный мост, возвращается на землю царства ереси и исчезает. Что же там такое, что превращает в цвет пыли глаза и кожу этих людей?»[513].

Возведение реальной и вымышленной границы привело к тому, что «вот уже двадцать лет, как русский народ оторван от всего мира и испытывает на себе разрушительную силу партии»[514]. Итальянские журналисты обращают особое внимание на полную закрытость советской системы, вход и выход в которую запечатан, как для самих жителей СССР, так и для иностранных граждан, в том числе корреспондентов, не имевших возможности жить и работать в СССР. «Для иностранных журналистов в Москве отсутствует всякая свобода. Если еще в 1936 году в регистрационном журнале Отдела печати Министерства иностранных дел были внесены имена 46 корреспондентов, официально аккредитованных при советском правительстве, то через год их уже стало 18. Даже иностранные дипломаты живут в Москве в условиях полной изоляции»[515]. Советское правительство не только сократило число западных журналистов и отстранило дипломатические круги от контактов с местной реальностью, но и «официально заявило, что вступление даже в случайное и поверхностное сношение с иностранцами приравнивается для советских граждан к измене Родине»[516]. Выехать из России также очень нелегко. Риск уехать и, вернувшись, «встретить свой смертный приговор» слишком высок, по сведениям итальян-

512 Mortari C. “Nord-express” // La Stampa. 31 maggio 1938.
513 Lilli V. Alla frontiera dell’eresia // Corriere della Sera. 12 febbraio 1938.
514 Tangeri D. Le avventure di una donna “senza partito” // Giornale d’Italia. 19 marzo 1937.
515 Ibid.
516 Piovene G. Scandali, incubi e fame. Gli stranieri isolati e spiati // La Stampa. 18 maggio 1937.

ских журналистов. Поэтому немногие советские граждане осмеливались уехать из СССР и открыть Западу то, что действительно происходило у них на родине. Такой жест могли себе позволить лишь беженцы, навсегда закрывшие за собой дверь.

Несмотря на стену молчания и на информационный вакуум, а точнее фильтр, установленный советским правительством с внешним миром, новости из СССР доходили до Запада, где «редакции, хотя часто и с большим опозданием, но все же узнавали о событиях, происходивших даже в самых отдаленных уголках СССР. Попытка закрыть в клетке сто шестьдесят миллионов человеческих существ не удалась. Как в джунглях или в Сахаре, новости распространяются по воздуху»[517]. Таким образом, различные информационные каналы, помноженные на повышенный медийный интерес, способствовали преодолению границы и превращению советской действительности в мифическую страну страха и зла.

### *2.2.3.7. Религия в СССР*

На страницах итальянской печати особое внимание уделялось религиозной политике советского правительства, что объяснялось, во-первых, крайней религиозностью большинства итальянского населения и немаловажной ролью Ватикана во внутренней политике Италии, а, во-вторых, несовместимостью советской идеологии с ценностями христианской религии, что автоматически ставило русскую церковь за рамки законности и заставляло беспокоиться о ее судьбе. Как и во многих других вопросах, интерес печати смешивался с любопытством и погоней за громкими статейными заголовками, а сущность событий терялась за их зловещими контурами. Наиболее заметный вклад в освещение религиозных вопросов в СССР внесла, разумеется, католическая печать (в частности, Osservatore romano), но и светская печать не скупилась на подробные описания преследования верующих, методов советской власти в борьбе против церкви и т.д. После подписания Латеранских соглашений в 1929 году Муссолини стал следовать в фарватере Святого престола по вопросу о преследовании религии в СССР, вследствие чего тон изложения итальянской печатью вопросов веры в СССР постепенно становился все более резким и критичным.

517 Barzini L.jr. I fuggiaschi che tagliano il reticolato // Corriere della Sera. 14 luglio 1937.

Стараясь как можно эмоциональнее и убедительнее передать трагизм положения православной церкви в России, итальянские журналисты подчеркивали основополагающую роль русской церкви в формировании национальной и духовной идентичности русского народа, а также ее существенное влияние на повседневную жизнь миллионов жителей царской России. Церкви и монастыри описывались духовными центрами русского национального самосознания: «За стенами их Святая Русь мертва», – писал Уго д'Андреа в 1930 году, ставя точку в теперь уже религиозном прошлом России и противопоставляя старую Россию, носительницу духовных и высоконравственных ценностей «имперскому, универсальному, сверкающему дешевыми огнями СССР»[518]. П. Сесса также подчеркивает роль культовых мест в российской реальности, так как именно «монастыри вмещали в себя наибольшую часть исторической памяти и культуры России»[519]. Таким образом, разрушение и надругательство над храмами, помимо крайних средств борьбы с религиозными чувствами местного населения, принимало для массового итальянского читателя дополнительное значение уничтожения национальной идентичности русского народа, чью «глубокую веру» старалось всячески искоренить советское правительство. Безжалостное уничтожение православной веры привело к созданию «нездоровой нравственной атмосферы, порождавшей различные проявления насилия, крайностей и т.д.», как если бы «перестали действовать тормоза общественной морали»[520].

Среди вопросов, интересовавших в наибольшей степени итальянскую прессу, были методы борьбы с православной церковью, как институтом альтернативной власти, и достигнутые при этом результаты. Методы преследования церковных иерархов и служащих подробно изучались и описывались на страницах ежедневников, предлагавших многочисленные живые и почти наглядные примеры с описанием жестокостей, чинимых представителями советской власти. Журналисты выделяли как минимум четыре основных направления антирелигиозной борьбы советского правительства. В первую очередь выделялись такие репрессивные меры, как арест и ссылка в Сибирь или на Соловки «обвиненных в контрреволюционной

518 D’AndreaU. In giro per le vie di Mosca // Il Giornale d’Italia. 10.11.30.

519 Sessa P. Contro Dio // La Stampa. 29.5.29.

520 Corrispondente anonimo da Riga, Antisemitismo e antisemiti nella Russia sovietica // Gazzetta del Popolo. 24.1.29.

деятельности церковных служащих», закрытие церквей как оплота религиозной жизни населения («Когда ГПУ узнаёт, что в той или иной церкви тайно собираются верующие, то храмы закрываются, на них вешаются замки, а потом их взрывают динамитом»[521]), а также профанация культовых мест («собор Святого Димитрия во Владимире был превращен в центр продажи алкогольных напитков»[522]). Итальянские журналисты упоминают также частое применение советскими властями такого инструмента преследования, как налоговое давление, что создавало для церковной администрации финансовые условия, при которых священники были вынуждены оставлять свою паству: «Налоговые органы точно знают о размерах поступивших в церковные кассы средств, и очень рискованно даже пытаться заявить о меньшей сумме […]. Налоговые органы действуют против церквей в условиях полной свободы, облагая их налогами и сборами по своему усмотрению»[523].

Очередным освещенным в итальянской прессе методом борьбы с религией было создание организаций безбожников, «численность которых возросла с 80.000 в 1926 году до 5.000.000 в 1932»[524], клубов и музеев атеизма и т.д. «Антирелигиозная кампания была доверена Союзу Атеистов, который публикует многочисленные брошюры, проводит курсы и лекции, организует различные антирелигиозные мероприятия, начиная от конференций и конгрессов и заканчивая выставками»[525]. Советское правительство нашло еще один действенный способ ослабления церкви изнутри, способствуя многочисленным схизмам, поощряя появление и укрепление альтернативных церквей. Журналист Дж. Манакорда констатировал «глубокий кризис, в котором пребывает Православная церковь, как в СССР, так и за границей». В советской России после ареста патриарха Тихона была создана «Живая церковь» под руководством просоветски настроенного митрополита Веденского. Одновременно с ней была основана церковь «епископа Григория» и многие другие автокефальные церкви, признанные и поддерживаемые режимом. Кажется, они преследуют лишь одну цель: унизить патриарха Сергия и воспрепятствовать существованию официальной церкви»[526].

521 V.F. Chiese affollate di devoti // Corriere della Sera. 26.2.39.
522 V.F. Chiese affollate di devoti // Corriere della Sera. 26.2.39.
523 Il viandante. Cristo e Lenin // La Stampa. 10.10.31.
524 Manacorda G. La situazione religiosa nell'Urss // Corriere della Sera. 29.11.38.
525 Il viandante. Cristo e Lenin // La Stampa. 10.10.31.
526 Manacorda G. La situazione religiosa nell'Urss // Corriere della Sera. 29.11.38.

Сесса проанализировал действия государства в области антицерковной политики с точки зрения законодательства. Прежде всего, журналист с иронией сообщал итальянским читателям о новом советском «открытии» шестидневной недели. Основной целью отмены седьмого дня в календарной неделе Сесса видел не столько в повышении производительности труда советских рабочих, сколько в «вычеркивании воскресенья и любого другого религиозного праздника [...]. Это действие властей стало необходимой прелюдией к другим законодательным новшествам, таким как устранение из календаря традиционных церковных праздников, в частности Рождества»[527]. «Большевики приняли меры к тому, чтобы ограничить общественные церковные функции, заглушить колокольный звон, запретить продажу «рождественской елки» [...] Краткое сообщение на страницах «Вечерней Москвы» информировало москвичей о том, что телефонные разговоры с поздравлениями в рождественскую ночь будут прерваны»[528].

Помимо преследования клира, налогового гнета, создания атеистических кружков и организаций, которых большевики поддерживали в целях углубления внутреннего раскола церкви, советские власти создавали, согласно утверждениям итальянских журналистов, альтернативную религию, направленную на замену христианских ценностей и заполнение «духовного вакуума в душах русского народа». Каждый автор находил свою особую «святыню» в советском пантеоне, но все они сходились в том, что советское правительство старается заменить проповедуемые церковью нравственные ценности новыми коммунистическими принципами. Так, Ринальдо Кюфферле видел в «отсутствии любого культа новую веру, еще более нетерпимую и фанатичную по сравнению с любым религиозным экстремизмом»[529]. Он полагал, что «коллективный атеизм» стал вместилищем тех принципов и ценностей, которые заполнили пустоту, образовавшуюся после запрета религии. Для Уго д'Андреа новым божеством стала «машина, в которой воплотились все пятилетние планы»: «В Москве на всех углах вам бросаются в глаза раздражающие напоминания о пятилетках. Пропаганда в виде светящейся рекламы, радио сообщений,

527 Sessa P. Natale e Capodanno nella Russia dei Soviet // Corriere della Sera. 23.1.30.
528 Ibid.
529 Küfferle R. La Russia senza Dio // Corriere della Sera. 17.10.30.

плакатов, настенных рисунков, объявлений, статистики и устных свидетельств об одержанных победах и тех, которые еще предстоит одержать»[530]. Возможно, самую оригинальную интерпретацию новой религии предложил скрывающийся за псевдонимом «Путник» журналист. Он утверждал, что «в стране сказочных чудес, невероятных предрассудков, Лжедмитриев» именно такой человек, как «Ленин, завоевал царскую власть, сел на место божьего помазанника. […] Ленин приобрел славу справедливого, непобедимого провидца. Постепенно все способствовали созданию этой славы: от самих крестьян до руководящих верхов: Ленин бы этого не сделал – Ленин это предвидел – Ленин бы помог нам выбраться из этой заварухи – Если бы Ленин был с нами...»[531].

Какого же результата, по мнению итальянских журналистов, удалось добиться большевикам в их решительном преследовании религии в России? Прежде всего, по словам Сессы, сами большевики жаловались на то, что «продолжают умножаться и развиваться секты, члены которых оказывают ожесточенное сопротивление антирелигиозной политике советского правительства»[532]. Путник, подводя итоги тринадцатилетнему правлению большевиков в России, утверждал, что, несмотря на «репрессивные действия и распространение атеистической пропаганды, существует огромное количество сект, которыми кишела в прошлом фанатичная и суеверная Россия: евангелисты, баптисты, адвентисты, натуристы, пуристы, анахореты, кастраты и т. д.»[533]. Религиозные верования приняли сектантские формы еще и потому, как это объясняют журналисты, что «их развитию способствовали бродячие попы, переодетые в рабочих или крестьян, странствующие из одного города в другой, из деревни в деревню, разжигая огонь веры там, где она теплится, и превращая ее в полыхающий костер, где она тверда и непоколебима»[534].

Более того, антирелигиозная пропаганда, по мнению фашистской печати, «укрепила в народе суеверия и предрассудки»[535]. «Единственное, что осталось, это вера в талисманы. Эти верования широко распространены во всей России, и мно-

530 D'Andrea U. In giro per le vie di Mosca // l Giornale d'Italia. 10.11.30.
531 Il viandante. Cristo e Lenin // La Stampa. 10.10.31.
532 Sessa P. Contro Dio // Corriere della Sera. 29.5.29.
533 Il Viandante. Cristo e Lenin // La Stampa. 10.10.31.
534 Manacorda G. La situazione religiosa nell'Urss // Corriere della Sera. 29.11.38.
535 Da Tallin. Curiosa intervista tra i "senza Dio" e un Patriarca // La Stampa. 31.7.39.

гочисленные попытки освободить население от влияния хиромантов, гадалок на картах, провидцев оказались бесплодными»[536]. С другой стороны, антирелигиозная борьба советского режима придала «церковному движению новый импульс и привлекательную силу, окружив его ореолом мученика»[537]. Оба выявленные итальянской прессой последствия стали результатом бескомпромиссной политикой большевиков, что позволило журналистам с иронией подчеркнуть неосмотрительность и недальновидность их действий.

К концу 1930-х годов общий тон статей на религиозную тему стал более оптимистичным. Вероятно, сказывалось ожидание неминуемого столкновения, из чего вытекала задача убедить итальянскую публику в стойкости и силе веры русских, так и не принявших воинствующий атеизм большевиков. Католический рупор Osservatore romano напечатал статью русской эмигрантки в Париже Елены Изволовской, утверждавшей о росте «влияния церкви в России главным образом среди молодежи»[538]. La Stampa подтвердила эту информацию, перепечатав статью из Комсомольской правды, в которой говорилось о многочисленных студентах в СССР, выходивших из рядов комсомола «по той причине, что участие в подобной организации не соответствовало их религиозным представлениям»[539]. Итальянские газеты сообщали о распространенных случаях крещения, следования церковному календарю и о бессилии советской власти «в борьбе за искоренение веры среди населения»[540].

На страницах ватиканского Osservatore romano религиозная ситуация в СССР в конце 1930-х годов сравнивалась с «первыми веками христианства»: «религиозная жизнь в советской России, несмотря на все запреты и сложности, отличается искренним чувством братства и единения, которое не может не напоминать о первых веках распространения христианства в Европе, то есть когда верующие должны были тайком совершать святые Таинства»[541]. В целом Уго д'Андреа согласен со своим коллегой из Osservatore, добавляя, что в большевистской России «вера ста-

536 D.A. Stolte credenze nella terra dei “Senza Dio” // La Stampa. 9.9.38.
537 Da Varsavia. Ritorno a Dio del martoriato popolo russo // Gazzetta del Popolo. 16.4.37.
538 Persistenti iniziative di vita religiosa in Russia // Osservatore Romano. 1.6.40.
539 Preoccupazioni sovietiche per la religiosità dei giovani // La Stampa. 2.4.40.
540 Da Mosca. Battesimi in massa in Russia ai nati dopo la rivoluzione // La stampa. 07.8.39.
541 Da Parigi. Come nei tempi del Cristianesimo // Osservatore Romano. 14.4.37.

новится все более сильной и несгибаемой в смирении и изоляции»[542]. В заключение своей статьи о положении верующих в СССР Л. Бардзини-мл. пришел к выводу: «В области религии большевистская программа также потерпела неудачу»[543].

Фашистская печать создает образ СССР по типу полигона, на котором производились не только опыты политического и экономического характера, но и ставились эксперименты по воспитанию человека с новыми духовными и моральными ценностями. На страницах итальянской прессы был сформирован образ народа, вынужденного выживать в условиях жестокой антирелигиозной борьбы, фронт которой простирался от мер административного характера до физического преследования клира и верующих. Несмотря на все предпринимаемые усилия по вытеснению христианства из области национального самосознания, итальянские журналисты настаивали на неспособности советского правительства справиться с духовным авторитетом православной церкви, а также сломить сопротивление священников и верующих насаждаемому сверху коммунистическому атеизму. Следует заметить, что итальянская печать была далека от представления о советском населении, как о толпе безбожников. Подтверждение этой мысли итальянские солдаты нашли уже ступив на территорию СССР в 1941 году, когда они смогли убедиться в глубоко укоренившейся православной вере русского и украинского населения и в малой эффективности попыток советской власти полностью уничтожить религиозные верования народа.

***

Часто невозможность лично посетить СССР вынуждала журналистов пользоваться чужими свидетельствами или своим «пограничным» опытом, что давало волю фантазиям на тему вездесущих советских секретных служб, начинающих следить за иностранными туристами еще до их въезда на территорию СССР и использующих все возможные средства, вплоть до предложения сексуальных услуг женщин-шпионок.

Контакт с советским населением убеждал итальянских журналистов в их глу-

542 D'Andrea U. In giro per le vie di Mosca // Giornale d'Italia. 16.11.30.

543 Barzini L. jr. La polizia sovietica alla caccia delle "cellule religiose" // Corriere della Sera. 20.7.37.

боком отличии от западного человека. Длительное ущемление прав и свобод большинства жителей России развил в них привычку к «раболепию» и «добровольному подчинению». Это, по мнению авторов статей, в свою очередь отразилось на низких профессиональных качествах, лене и халатности в работе. В повседневной жизни отсутствие воли нашло свое отражение в готовности покориться судьбе, пассивности, политической вялости, неспособности противостоять тоталитарному режиму. Все эти характеристики советского человека убедили журналистов в существовании глубокой пропасти между не только большевистским строем и западной цивилизацией, но и национальным характером русских, что в корне отличало их от итальянцев, представителей средиземноморской цивилизации, основанной на оптимизме, любви к жизни и умению ею наслаждаться.

Тем не менее, итальянцам не было присуще негативное отношение к русскому народу, обусловленное какими-либо историческими событиями. Более того, итальянцы с понимаем и сочувствием относились к самим русским, как «жертвам угнетавшего их коммунистического режима». Недостатки, с их точки зрения, национального характера русских объяснялись их многовековым порабощением и историческими факторами, а отсталость в культурном развитии – тормозящим эффектом большевистского строя. В любом случае, негативные стороны русских, по мнению итальянцев, вредили, прежде всего, им самим и не причиняли большого ущерба другим народам, так как по природе русские были миролюбивы и дружелюбны. Во многом, согласно итальянским представлениям, этому способствовала христианская вера русских, которая несмотря на многочисленные усилия советской власти, так и не была искоренена за весь межвоенный период.

Жизнь в СССР для итальянцев была «сродни аду», причем для всех категорий работавшего населения. Нищета, голод, катастрофические жилищные условия, транспортные аварии, отсутствие каких бы то ни было жизненных удобств и удовольствий превращало СССР в глазах итальянцев в одну большую тюрьму, отделенную от всего мира колючей проволокой. Советский же режим, как казалось итальянцам, не только накрыл непроницаемым колпаком все находившееся по его властью население, отгородив его от внешнего мира, но и способствовал прояв-

лению самых низких человеческих качеств, на которые способны люди в данном случае вне зависимости от их национальной принадлежности. Эта мысль еще больше подчеркивала чуждость советского строя русскому национальному характеру, враждебность населения СССР идеологическим установкам советского правительства, удерживавшего власть в своих руках, по представлениям итальянцев, лишь благодаря тотальному террору и глубоко укоренившемуся в населении страху. Так, по созданному в печати убеждению, достаточно было одной искры извне, чтобы советское население поднялось против своего деспотического правительства.

## §3. Итальянский проект: «Радио Москва»

Как уже было сказано выше, антисоветская и антикоммунистическая пропаганда являлись частью фашистского политического дискурса еще с момента прихода к власти Муссолини. Однако, эта составляющая периодически меняла свою насыщенность и приобретала более или менее расплывчатые очертания в зависимости от конъюнктурных интересов обеих сторон. Экономические и геополитические факторы на начальном этапе оказывали существенное влияние на принимаемые итальянским правительством решения. С момента сближения с нацистской Германии, начиная с гражданской войны в Испании, антикоммунистическая и антисоветская пропаганда фашистского режима стали составлять значительную часть его пропаганды. К этому периоду, а именно к 1938 году, относится появление подпольного «Радио Москва», вещавшего на европейские страны, а также на территорию СССР. Изучение истории этого радио, затрагиваемых вопросов во время вещания, а также содержание передач позволяет более комплексно подойти к исследованию антисоветской пропаганды фашистского режима и дополнить образный ряд СССР, созданный в результате работы фашистских органов пропаганды.

### *2.3.1. Источники информации о подпольном радио и особенности его вещания*

Относящиеся к истории существования «Радио Москва» документы хранятся в разрозненном виде в Центральном Государственном Архиве (ЦГАР) Рима, Историко-Дипломатическом архиве МИД Италии (ИДА МИД), а также в личной кол-

лекции одного из разработчиков проекта – уже небезызвестного нам Т. Наполитано. В фонде Министерства народной культуры ЦГАР находятся материалы, посвященные, главным образом, делопроизводству Отдела «Россия», отвечавшего за антикоммунистическую радиопропаганду. В архиве итальянского МИД в многочисленные папки фонда Министерства народной культуры беспорядочно вложены тексты радиопередач на итальянском и русском языках. Если материалы ЦГА уже были пущены в научный оборот итальянскими исследователями Ф. Каннистраро[544], А. Монтеконе[545], Дж. Петракки[546], Р. Маффеи[547], то документы историко-дипломатического архива лишь недавно подверглись подробной инвентаризации и представляют собой свежий, еще не востребованный историками материал.

Информация о существовании подпольного радио тщательно скрывалась фашистским руководством не только от своих идеологических врагов, но и от своих союзников, вероятно, из-за боязни обнаружения крайне секретного проекта. Первые сведения о работе радио появились спустя несколько лет после завершения его вещания в 1950 году благодаря публикации воспоминаний главного разработчика проекта, американского журналиста Джорджа Нельсона Пэйджа[548]. Подробности подготовки и трансляции передач подпольного радио содержатся также в личном архиве Т. Наполитано и в частной переписке историка Дж. Петракки с неаполитанским юристом.

Под руководством адмирала Пессион, директора Инспекции по делам радиовещания и телевидения, было решено отвести под кабинеты будущего радио принадлежавшее Министерству народной культуры помещение на улице Венето в Риме. По словам Пэйджа, изначально предполагалось передавать новостные сводки на русском языке от имени подпольной оппозиционной партии, стоящей на троцкистских позициях. Исходя из воспоминаний Пэйджа, основным вдохновителем проекта был Пессион, которому удалось убедить в эффективности этого нового спо-

544 Cannistraro Ph. La fabbrica del consenso. Fascismo e mass media. Bari: Laterza. 1975. Cannistraro Ph., Wynot E. D.Jr On the Dynamics of Anti-Communism as a Function of Fascist Foreign Policy, 1933–1943. // 11 Politico. 1973. № 4. PP. 645–681.

545 Montecone A. Il fascismo al microfono. Radio e politica in Italia (1924–1945). Roma: Edizioni Studium. 1978.

546 Petracchi G. Qui Radio Mosca // Storia illustrata. 1988. № 363. P. 56—63. Его же,“Il Colosso dai piedi d’argilla”: l’URSS nell’immagine del fascismo. Op. Cit.

547 Maffei R. “Caccia alle streghe” nell' Italia fascista. Op. Cit. PP. 35–41.

548 Nelson Page G. Americano a Roma. Milano: Longanesi. 1950.

соба пропаганды не только министра народной культуры Д. Альфьери и министра иностранных дел Г. Чиано, но и самого дуче[549]. После того, как высшее фашистское руководство одобрило создание необычного на тот исторический период средства воздействия на советское общество, организаторы проекта приступили к его практической реализации. К созданию русскоязычного радиовещания был привлечен Т. Наполитано, предложивший зачитывать тексты не от вымышленной троцкистской партии, а от партии «Союз освобождения». Т. Наполитано убедил руководство в непопулярности Троцкого среди советского населения и предложил передавать «подпольные программы «Радио Москва» от имени несуществующей секретной партии старых большевиков, действующих в СССР и распространяющих антибольшевистскую и антисталинскую пропаганду»[550]. По мысли самого Наполитано, высказанной им в интервью еженедельнику Il Borghese в 1988 году, «троцкистская позиция подпольной партии обязывала хоты бы время от времени критиковать фашизм, что не могло понравиться руководству»[551]. В разработке проекта участвовал также НУПИЕ (Отдел пропаганды в Италии и за границей при Министерстве народной культуры), получавший свежую информацию из различных источников, в том числе по дипломатическим и журналистским каналам[552].

Каждая передача начиналась с гимна Интернационала, запись которого итальянцы переправили из Франции дипломатической почтой. Одной из проблем, с которыми пришлось столкнуться молодой радиостанции, были дикторы. Т. Наполитано прекрасно осознавал важность «правильного» языка для придания убедительности и правдоподобия передачам. Будущий диктор должен был говорить на «советском» языке с примесью лексики, отражавшей произошедшие за 20 лет лингвистические изменения и новую коммунистическую действительность. Это требование сразу исключало из числа возможных претендентов на место диктора оставшихся в Риме послереволюционных эмигрантов. Хорошо знавшие русский язык итальянцы также не рассматривались из-за плохо скрываемого иностранного

549 Maffei R. «Caccia alle streghe». Op. Cit. P. 36.

550 Дж. Пэйдж, Записка для Его Преводсходительства Министра Минкульта. ASD MAE. F. Minculpop. Fasc. 331.

551 Quando beffammo Stalin, a cura di N. Patruno // Il Borghese, 28 febbraio 1988. Cit. in Maffei R. «Caccia alle streghe». Op. Cit. P. 37.

552 Cannistraro Ph., Wynot E. D. Jr. Op. Cit. P. 656.

акцента. Для того, чтобы добиться назначения нужного человека на место русскоговорящего диктора, пришлось обратиться к самому А. Боккини, главе фашистской полиции, чтобы он смог оказать помощь в вывозе из Москвы советской гражданки итальянского происхождения некой Анны Диоталлеви. Вместе с ней из кабинета на улице Венето в Риме вещал недавно вернувшийся из Москвы итальянский диктор Филиппо Павони[553].

Несмотря на всю секретность, которая окружала радио, центр его вещания и пропагандистские цели были раскрыты немцами. После заключения Пакта о ненападении с СССР немецкое правительство нуждалось в передышке и не собиралось ставить под удар отношения с новым союзником. Поэтому в 1939 году по требованию немецкого руководства передачи «Радио Москва» были прерваны и возобновлены лишь в феврале 1940 г., но уже в других условиях, с другими сотрудниками и другим содержанием программ[554].

Тексты для радиопередач составлялись на итальянском языке, а затем переводились на русский и зачитывались русскоговорящими дикторами. Так, среди штатных работников Отдела «Россия» числился некий граф Шереметьев, чье имя можно не раз встретить на страницах текстов, переведенных зачастую карандашом и с использованием дореволюционной орфографии. Владение русским как родным языком позволяло переводчикам исправлять неточности в написании личных имен и топонимов, используемых итальянскими авторами текстов. Переводчики указывали также на грубые смысловые ошибки, в результате которых советским слушателям могло быть нанесено оскорбление. Так, слово «азиатский» в качестве характеристики русского народа по совету переводчика было вычеркнуто[555].

Журналисты, работавшие на подпольном радио, получали сведения из многочисленных источников. Прежде всего, Наполитано и русскоговорящие сотрудники прочитывали ежедневно советские газеты, «Известия» и «Правду», черпая оттуда новости о событиях политического и экономического характера, а также статистические данные. Затем Наполитано обрабатывал прочитанную информацию, снаб-

553 Petracchi G. Qui Radio Mosca. Op. Cit. P. 62.

554 Ibid. P. 63.

555 Барберито М. Еженедельные политические новости. 22.5.1938. ASD MAE. F. Minculpop. Fasc. 226.

жал ее подробностями и комментариями, способными оказать нужный эффект на слушателей, и передавал русским переводчикам. Упоминание о советской печати как об источнике сведений о СССР можно неоднократно найти в текстах самих радиопередач: «Свыше десяти тысяч жертв расстрела представляют собой мрачный итог этого 1937 года. И это следует из ваших же газет»[556]. Важным источником информации было также советское радио, прослушиванию которого уделялось особое внимание, так как итальянскими службами тщательно отслеживалась вся антифашистская пропаганда, исходившая из СССР. Антифашистская пропаганда, передаваемая по подконтрольному советскому руководству радио[557], помогала итальянцам лучше ориентироваться в выбранном на тот момент внешнеполитическом советском курсе и вовремя вырабатывать ответную линию поведения.

Во время вещания «Радио Москва» зачитывались статьи из фашистской прессы, содержавшие критические отзывы о СССР, а также передавалось краткое содержание антисоветских книг, опубликованных в Италии. Как правило, цитировались воспоминания бывших советских граждан, бежавших из СССР и получивших политическое убежище в Европе. Приводились также свидетельства убежденных сторонников коммунизма среди европейских и американских путешественников, пожелавших своими глазами увидеть или даже поучаствовать в советских стройках. Вернувшись разочарованными на родину, они с удовольствием описывали подробности своего пребывания в СССР. В центре внимания журналистов «Радио Москва» были также статьи критического содержания, выходившие во французских газетах. По мнению сотрудников радио, это в еще большей степени доказывало кризисное положение в СССР, терпевшего нападки даже со стороны своего политического союзника.

Среди источников информации необходимо также упомянуть доклады итальянских послов в Москве, которые предположительно составлялись по запросу Министерства народной культуры на различные интересующие его темы[558]. Что же

---

556 Текст для радиопередачи “Итоги года”. 29 декабря. 1937. ASD MAE. F. Minculpop. Fasc. 138.

557 См., например, XII Отчет о последних направлениях советской радиопропаганды (с 6 по 16 декабря 1940). ACS. F. Minculpop. Gabinetto. Fasc. 27.

558 См., например, Телеграмма Россо от 17 марта 1937 и телеграмма Черрути от 24 ноября 192. ACS. F. Minculpop. Gabinetto. Fasc. 27. Присланная в Минкульт информация касалась положения женщины в СССР, сведений о коммунистической партии, истории масонства в России и т.д.

касается Центра антикоммунистических исследований, то сотрудничество с ним выражалось в составлении Наполитано Секретных бюллетеней, посвященных различным аспектам политической, экономической и социальной жизни в СССР. Секретные бюллетени «представляли документы и сведения о советском фронте, служившие ориентиром для тех, кто занимался современными проблемами СССР, как во внутренней политике, так и на внешнеполитической арене»[559].

Первые программы «Радио Москва» были переданы 26 марта 1938 года. Благодаря специальным техническим уловкам создавалось впечатление, что источник коротких волн находился на территории Белоруссии[560]. Всего, по подсчетам итальянского исследователя Ф. Каннистраро, подпольное радио выходило в эфир 241 раз с периодическими паузами в вещании в целях имитации глушения советскими станциями[561]. Во время первой передачи русскоговорящий диктор перечислил основные цели Союза освобождения и поставленные им перед радио задачи: «объединить все оппозиционные группы, действующие на территории СССР и борющиеся против сталинского режима, рассказать горькую и жестокую правду о преступлениях и провалах советской системы, доказать крах большевистской идеологии и ее непопулярность в России»[562].

Передачи транслировались раз в день на русском языке. С началом Второй мировой войны число выпусков возросло, а к русскому добавились украинский, грузинский и финский языки. По содержанию программы можно разделить на два типа: новостные и тематические. В рамках первых зачитывались новости внешней политики, хроники испанской и финской войн; ко вторым относились передачи, посвященные специальным темам о внутреннем положении в СССР, социально-политическим аспектам жизни советского общества. Идеологический подход к рассмотрению всех вопросов проявлялся в крайне критической позиции авторов по отношению к советской реальности. Во время тематических передач, или, как их было принято называть на профессиональном сленге «бесед», зачитывались так-

559 Бюллетень №2 (Год I) Центра антикоммунистических исследований. ACS. F. Minculpop. Gabinetto. Fasc. 124.
560 Maffei R. «Caccia alle streghe». Op. Cit. P. 38.
561 Cannistraro. Ph. Op. Cit. P. 270.
562 Ibid.

же отрывки из антисоветской литературы, опубликованной в Европе (Эссад Бей[563] «Красная справедливость», Де Басиль «Россия под игом Советов» и т. д.), из итальянских и французских газетных статей. В одной из передач авторы текстов ставили себе в заслугу освещение в наилучшей степени иллюстрирующих советскую действительность произведений: «Публикации политиков, экономистов, инженеров, рабочих, путешественников, журналистов, которым пришлось жить в советском раю, со страшными подробностями запечатлели ужасы большевизма. Мы не упускали ни малейшего случая сообщать вам о публикации таких произведений и даже часто, насколько это позволяла сжатость эфирного времени, зачитывали вам отрывки из них»[564].

Для придания большей убедительности передачам руководство «Радио Москва» пригласило бежавшего за границу советского дипломата Ф.Х. Бутенко[565] рассказать в эфире об особенностях сталинского режима и поделиться со слушателями своими впечатлениями от первого лица. Незадолго до этого в итальянской прессе была опубликована целая серия статей, написанных Бутенко о своей жизни в СССР, о своем побеге, его причинах и возможных последствиях. Однако, на этот раз руководство Отдела решило не только зачитать газетные статьи[566], но и пригласить ставшего к тому моменту широко известным во всей Европе бывшего дипломата, предварительно согласовав приглашение Бутенко с органами внутренней безопасности и получив разрешение на столь рискованный с точки зрения отношений с советским правительством шаг. Приглашение Бутенко было приурочено к празднованию в СССР Октябрьской революции, для чего в программу радиовещания были включены «беседы, которые должны продемонстрировать крах большевистской революции. […] Эти беседы будут проводиться знаменитым бывшим русским дипломатом Ф. Бутенко»[567].

Помимо прямых свидетельств бывших советских дипломатов, «Радио Мо-

---

563 Настоящее имя Лев Абрамович Нуссинбаум.

564 Барберито М. Москва вручает вознаграждения сторонникам большевиков, 21 сентября 1938. ASD MAE. F. Minculpop. Fasc. 21.

Кейдан В. Выбор Ф. Бутенко. Судьба интеллектуала-невозвращенца в эпоху тоталитаризма // Запад-Восток. № 3. 2010. С. 50–62.

566 Диктор Радио Москва зачитал 14 июля 1938 перевод на русский язык статьи Ф. Бутенко “Рабство советского народа”, опубликованной в Gazzetta del popolo 14.7.1938.

567 Дж. Пэйдж, Записка для С. Лучано, 30 сентября 1938. ACS. F. Minculpop. Gabinetto. Fasc.124.

сква» передавало воспоминания бежавших за границу советских военнослужащих, агентов ГПУ, бывших сторонников новой России и культурных деятелей, разочаровавшихся в советском режиме вследствие пребывания в СССР (например, А. Жид), рабочих-социалистов, направившихся в Россию в поисках работы и лучших условий жизни[568]. Особое место было уделено чтению воспоминаний бежавшего из сталинских лагерей писателя и публициста И.Л. Солоневича. Опубликованные в Париже в 1935 году главы его будущей книги «Россия в концлагере» внесли значительный вклад в распространение на Западе информации о параллельной, тайной жизни советского общества, скрытой от взглядов иностранных туристов, желавших поближе познакомиться с советским строительством.

Стоит отметить, что, несмотря на общее антисоветское содержание зачитывавшихся текстов, тон передач менялся в зависимости от внешнеполитического курса фашистского правительства. После подписания Пакта Молотова-Риббентропа в августе 1939 года и резкого изменения внешнеполитического курса нацистской Германии в отношении СССР в советско-итальянских отношениях наметилось некоторое сближение, и, по настоянию Гитлера, Муссолини вынужден был ослабить проводимую им жесткую антисоветскую пропаганду. Поворот в отношениях между Италией и СССР отразился и на содержании составлявшихся для «Радио Москва» текстов, сменивших резкий тон на более нейтральный. В итоге было принято решение прервать трансляцию передач подпольного антисоветского радио «в ожидании более ясной позиции сталинского руководства»[569]. В одной из последних передач Т. Наполитано даже приписал удачное завершение переговоров между СССР и Германией результатам деятельности тайных членов «Союза освобождения», якобы действовавших в стенах Кремля в непосредственной близости к Сталину. «За нашим словом следует действие: С.О., воспользовавшись собственными средствами для проникновения в СССР, уже существующими ячейками, действующими в самых важных точках государственной системы в непосредственной близости к Ста-

---

568 О пребывании итальянских рабочих в советской России см. Venturi A. Tra propaganda sovietica e immaginario socialista. Le impressioni italiane del viaggio in Russia dell'estate 1920 // Movimento operaio e socialista. 1985. №3. Graziosi A. "Visitors from other times": foreign workers in the prewar piatiletki // Cahiers du monde russe et soviétique. 1988. №2. PP. 161–180.

569 Пэйдж Дж.Записка для Его Превосходительства Министра Минкульт. 26 августа 1939. ASD MAE. F. Minculpop. Fasc. 331.

лину, осуществил то, что в прошлом обещал... Друзья из СССР, мы уже не раз вам повторяли, а сейчас об этом говорит и сам Молотов: настоящие враги мира – это Англия, Франция и Польша»[570].

Однако, уже в феврале 1940 года «Радио Москва» снова вернулось к резким антисоветским выпадам, обосновывая свою непримиримую позицию антифашистской пропагандой, распространявшейся в Европе советским радио. «Московская радиостанция продолжает транслировать передачи на итальянском языке в резких антифашистских тонах, проводя против Италии организованную кампанию лжи»[571].

Предполагаемой аудиторией подпольного радио были широкие слои советского населения. «Радио Москва» ставило себе цель обеспечить вещанием всю территорию СССР и «рассказать русскому народу всю правду» о его положении по сравнению с условиями жизни на Западе. Об этих амбициях напрямую заявлял один из основных авторов текстов М. Барберито: «Очевидно, что лишь благодаря нашему радио русский народ узнает, что думают и пишут о большевизме в других странах мира»[572].

Судя по частым обращениям в начале каждой трансляции, целевой аудиторией радио были советские рабочие и крестьяне. Советская интеллигенция, высшие военные чины и государственные чиновники также оказывались в центре внимания несуществующей партии. Если доверять докладу самого Наполитано, то «тысячи» советских слушателей «Радио Москва» были арестованы и расстреляны органами ГПУ[573]. Благодарных слушателей радио находило среди бывших, ностальгирующих по дореволюционному прошлому белогвардейцев, которым радио давало надежду на скорейшее освобождение России от «ига большевиков». Среди архивных документов хранятся письма от белых эмигрантов, посланных в Рим из Румынии, Югославии и Голландии.

У нас, к сожалению, нет сведений о результатах воздействия радио на советскую аудиторию. В итальянских архивах есть свидетельства того, что волны под-

---

570 Наполитано Т. Позиция С.О. после советско-германского договора. 7 сентября 1939. ASD MAE. F. Minculpop. Fasc. 331.

571 Письмо Пальяро к Телезио. 11 февраля 1940. ASD MAE. F. Minculpop. Fasc. 345.

572 Барберито М. Ценности капитализма в СССР, 15 декабря 1938. ASD MAE. F. Minculpop. Fasc. 323.

573 Cannistraro Ph., Wynot E. D. Jr Op. Cit. P. 667.

польного вещания доходили до приграничных с СССР стран, а также до Англии и Германии. Первыми о получении новостей от «оппозиционной партии» заявили белые русские эмигранты. На страницах «Голоса России», выходившей в Софии эмигрантской газеты, 26 апреля 1938 года была опубликована статья под заголовком «Черное радио». В статье сообщалось о существовании подпольного радио, являвшегося рупором левой антисталинской оппозиции. Месяц спустя, директор той же газеты, известный эмигрантский деятель Иван Солоневич, уточнил, что Союз освобождения не стоит на троцкистских позициях, и связал появление подпольного радио с разложением советских руководящих структур. Иностранные новостные агентства также с интересом следили за передаваемыми итальянским радио новостями, ссылаясь на него в печати. Так, в июле 1938 года в английских газетах появилась громкое сообщение о выявлении в окрестностях Минска таинственного радио, которое якобы использовали в пропагандистских целях несогласные со сталинскими методами агенты НКВД. В январе 1939 года американская New York Herald Tribune опубликовала материал о вещании подпольного радио и о перемещении станции ближе к западным границам СССР для того, чтобы помешать органам НКВД локализовать радиостанцию[574]. Итальянским пропагандистам удалось достичь своей цели и убедить не только радиослушателей, но и своих коллег в других странах в правдивости своего существования и в истинности передаваемых новостей.

Что касается распространения вещания «Радио Москва», то можно предположить, что волны его доходили до территории СССР и даже принимались советскими радиоприемниками в, возможно, значительном масштабе. Достаточно вспомнить «Декрет СНК о радиостанциях специального назначения» от 4 июля 1923 года, позволявший всем государственным, профессиональным, партийным и общественным учреждениям и организациям сооружать и эксплуатировать приемные радиостанции. Затем «Декретом СНК СССР от 28 июля 1924 года» разрешалось всем гражданам СССР иметь радиоприемники, покупать их в магазинах, конструировать самим и, вообще, пользоваться ими в свое удовольствие и по собственному же усмотрению. Строительство станций, передающей и принимающей радиосети

574 Petracchi G. Qui Radio Mosca. Op. Cit. P. 58.

велось быстрыми темпами. Об этом наглядно говорят следующие статистические данные: в 1924 году существовало 10 таких станций, в 1926 г. – 48, а в 1928 г. – 65. К началу 1928 года радиовещанием уже была охвачена территория в 2 млн. 940 тыс. км2. Число радиослушателей возросло до нескольких миллионов[575]. Судя по тому, что приемники были в личном пользовании, можно предположить и вероятность того, что в СССР ловились волны не только официальных радиостанций, но и запрещенных западных. Однако, глушение и несовершенство технического устройства могли серьезно воспрепятствовать распространению итальянского радио в СССР.

### *2.3.2. Основные темы вещания подпольного радио*

Диапазон обсуждавшихся тем был достаточно широк: от хода и результатов пятилеток до состояния советской культуры, от обсуждения внешнеполитического курса Сталина до описания жизни в ГУЛАГе, от нравственно-религиозных вопросов до описания быта рабочих и крестьян. Как очевидно, все предлагавшиеся слушателям сюжеты сопровождались резкой и непримиримой критикой советской системы, марксистско-ленинской идеологии и сталинской политики.

В рамках общей темы исследования образа России в фашистской Италии, можно выделить несколько наиболее часто повторяющихся в радиопередачах сюжетов, которые так или иначе могли оказать влияние на формирование общественных представлений о России. Разумеется, необходимо учитывать крайне ограниченный доступ широкой итальянской публики к русскоязычным передачам, а также само предназначение «Радио Москва» для советского слушателя в рамках подрывной деятельности итальянских пропагандистских служб. Однако изучение передававшихся по радио текстов позволяет полнее восстановить картину существовавших в тот период представлений о Советской России, которые разрабатывались Минкультом и насаждались по иным, уже годами опробованным каналам (пресса, государственное радио и телевидение) среди итальянского населения.

Одним из наиболее часто повторяющихся сюжетов была изоляция СССР, причем тема изоляции рассматривалась в трех различных аспектах. С одной стороны,

575 Радиожурналистика / под ред. Шереля А.А. М.: МГУ. 2000. С. 16.

это была самоизоляция России, к которой привела политика сталинского правительства, направленная на закрытие границ, выдворение иностранных дипломатов и жесткий контроль над въезжающими и выезжающими советскими гражданами. Такие действия, по мнению авторов текстов, диктовались не только необходимостью держать в секрете происходящее в стране, но и не давать возможности советским гражданам сравнивать собственный уровень жизни с условиями жизни и работы европейцев. «Сущность коммунизма заключается в строительстве тюрьмы для народов и загона для скота (людей), так как социализм не признает ценность человеческого существа и видит в нем лишь рабочий скот»[576].

С другой стороны, по мнению итальянских журналистов, другие страны сами отказывались иметь дело с «варварским режимом» и автоматически исключали советское правительство из переговорных процессов и обсуждения вопросов геополитического характера, отказывались заключать с ним двусторонние соглашения. Такое вытеснение Советской России обуславливалась опасениями европейских правительств допустить проникновение коммунистических идей в их страны и борьбой национальных служб безопасности с распространением коммунизма на своей территории. «Изоляция большевистской России все усугубляется. Страх большевистской язвы парализует государства в их попытках установить сотрудничество с Советами»[577].

И наконец, в речах дикторов русскоязычного радио часто звучала мысль о внутренней изоляции в самом СССР, то есть изоляции целых групп населения по классовой, национальной и политической принадлежности. Многочисленные тюрьмы, ИТЛ и концлагеря создавали впечатление страны-матрешки, где в одной большой тюрьме, размером в целое государство, скрыто много маленьких, представляющих собой своеобразные автономные территории. «В Союзе наступила эпоха страха и полицейского беспредела. В одной из тюрем, где в царскую эпоху сидело два-три человека, сегодня содержатся 40–50 заключенных. В подобных условиях поражает моральных дух арестованных»[578]. Тройственная трактовка феномена изоляции

576 Барберито М. “Свидетельства”, 3 августа 1938. ASD MAE. F. Minculpop. Fasc. 323.
577 Барберито М. Без названия, 1 января 1939. ASD MAE. F. Minculpop. Fasc. 323.
578 Жестокая правда о России, 28 апреля 1938. ASD MAE. F. Minculpop. Fasc. 24.

должна была вызвать у слушателей мысль о закрытой территории зла, об искусственном поддержании его жизни со стороны терпящего крах сталинского правительства, а также о скором конце разлагающегося режима.

Лейтмотивом многих передач было скорое и неизбежное освобождение России от «большевистской клики», так как «призыв к восстанию и крики ненависти слышны со всех концов этой несчастной русской земли»[579]. В конце зачитываемого текста диктор нередко призывал русский народ к национальной революции и свержению поправшего его достоинство сталинского режима. Журналисты «Радио Москва» с уверенностью утверждали о существовании сильной оппозиции советской власти, доказательством чему служили многочисленные расстрелы в Советской России представителей высшего командного состава и политических деятелей из когорты верных ленинским принципам большевиков. По утверждению журналистов, чистки служили свидетельством страха Сталина перед восстаниями, заставлявшем его предпринимать превентивные меры в виде физического уничтожения своих политических противников. «Возможно, народные комиссары и другие высокопоставленные правительственные чины уничтожаются один за другим из-за боязни мятежа»[580].

Подпольное радио не только призывало советский народ к восстанию, но и давало инструкции для его проведения и удачного завершения. Так, по плану итальянских авторов, главная роль возлагалась на армию, которая должна была устранить из своих рядов всех партийных чиновников и предателей, а затем, вооружив народ, вовлечь его в активную фазу свержения сталинского режима, чтобы тем самым спасти страну от окончательного краха.

Другим способным привести к восстанию фактором могла быть война, которую, по мнению авторов текстов «Радио Москва», развяжет само советское правительство. В ходе боевых действий советское население вооружится и направит свой гнев не против врага СССР, который в действительности будет героем-освободителем русского народа, а против самого советского правительства, вынуждавшего его жить в нечеловеческих условиях. «Советское правительство ошибочно старается

579 Барберито М. Еженедельные политические новости, 20 марта 1938. ASD MAE. F. Minculpop. Fasc. 323.

580 Барберито М. Сторонник большевизма рассказывает о России, 8 сентября 1938. ASD MAE. F. Minculpop. Fasc. 323.

вовлечь Европу в войну, так как, если война и разгорится, то первой от нее пострадает большевистская Россия, так как вооруженный русский народ обратит оружие против своих же палачей»[581]. Таким образом, Италия якобы могла протянуть дружественную руку и способствовать свержению ненавистного коммунистического строя.

Однако, несмотря на повторяющиеся призывы к восстанию и уверенность в готовности советского народа к активному действию, революция так и не началась. В качестве объяснения такой инертности журналисты выдвинули версию о депрессивном состоянии народных масс, о потере надежды на скорое освобождение и о беспрекословном подчинении русского народа сталинскому режиму. «Составляющие СССР народы не так уж и наивны и невежественны, чтобы, наконец, не понять всю правду о советском режиме. Но как спасти себя? Как освободиться от сталинского гнета, если они безоружны, страдают от голода, а вся сила сосредоточена в руках правительства и своры его прихвостней?»[582]. Мысль о беспомощности русских и необходимости подтолкнуть их к восстанию извне явно служила предпосылкой к будущему вторжению итальянской армии в СССР, ставшей частью пропагандистского арсенала фашистской власти. «Уже завтра, если возникнет такая необходимость, Римская держава обнажит меч во имя избавления от большевистской заразы и несчастной русской земли и вернет русскому народу его тысячелетнюю роль величественного распространителя цивилизации»[583].

Журналисты «Радио Москва» старались проявлять глубокое уважение в адрес «великого» и «благородного» русского народа (именно русского, а не советского) и неоднократно подчеркивали положительные качества его характера, а также богатство оставленного им культурного наследия. Одновременно с этим, в передачах выражалось сострадание «несчастному русскому народу», вынужденному жить в «печальных тюремных условиях». Человеческое достоинство в СССР, по мнению итальянских журналистов, оказывалось попранным беспощадной эксплуатацией во имя промышленного развития и наращивания военного потенциала. Жизнь че-

581 Барберито М. Еженедельные политические новости, 18 сентября 1938. ASD MAE. F. Minculpop. Fasc. 21.
582 Барберито М. Трагедия русского народа, 6 февраля 1938. ASD MAE. F. Minculpop. Fasc. 323.
583 Барберито М. Рим против большевизма, 24 июля 1938. ASD MAE. F. Minculpop. Fasc. 24.

ловека теряла свою нравственную ценность, превращаясь в единицу труда и жертву сталинских амбиций. В результате русский народ переживал глубокий моральный упадок, выражавшийся в повсеместном доносительстве, деградации межличностных отношений, распространении проституции и процветании самых низменных инстинктов. «Общеизвестным стало то, что советский народ вынуждено совершает поступки, неприемлемые для человеческого достоинства. Состояние так называемой слежки и страха ослушаться этих главарей коммунистов, в котором всем приходится жить, равно разлагающемуся состоянию души шпиона, поджидающего выгодный момент для приобретения собственной выгоды на страдании и за счет других»[584].

Судя по частоте упоминания этой мысли, итальянские журналисты искренне верили в скорое падение советского режима по причине его крайней непопулярности среди местного населения, готовности русских солдат перейти на сторону противника в вооруженных столкновениях с японцами и финнами. Сталин, по мнению авторов «Радио Москва», боялся развязывать войну и вмешиваться в мировые конфликты из-за шаткого положения своей власти и повсеместного недовольства ею в широких слоях населения. Бежавшие за границу советские партийные работники, расстрелы среди высших армейских чинов и ближайшего окружения самого Сталина свидетельствовали о скором приближении конца разлагающегося изнутри тоталитарного режима. Ярким доказательством безнадежного положения советской власти была ее неспособность построить здоровое общество с достойным уровнем жизни для своих граждан. Такой бесплодный режим не имел шанса на длительное существование. Полный крах потерпели и попытки распространить коммунистические идеи в различных европейских странах, где они не только не прижились, но были отвергнуты, а СССР изолирован от всего европейского общества как очаг «опасной инфекционной болезни».

Особое внимание уделялось вопросам быта и положению семьи в СССР. Низкий материальный уровень жизни сопровождался духовно-нравственным падением советского общества. Среднестатистический советский рабочий, по мнению итальянских журналистов, жил хуже, нежели безработный гражданин Америки.

584 Пальяро, Иллюзии и обман самокритики, 20 мая 1938. ASD MAE. F. Minculpop. Fasc. 226.

Намереваясь построить справедливое общество путем уничтожения богатых, большевики превратили всех в одинаково бедных и голодных, добившись тем самым пропагандировавшегося ими всеобщего равенства. Борьба же с религией, разрушение института семьи и его замена свободными отношениями, подмена искусства пошлой пропагандой привели к духовной нищете, ставшей отличительным признаком каждодневной жизни советского человека. Феномен беспризорников, ответственность жен и детей за предполагаемые преступления мужей и отцов, продажа детей за кусок хлеба, широкий размах проституции были свидетельством разрушения здоровой семьи – первоочередной ценности в идеологии итальянского фашизма.

Материальный и духовный вакуум личной жизни сопровождался разрывом общественных связей, катастрофическим состоянием инфраструктуры, бедственным положением легкой промышленности и сферы услуг. Все это превращало жизнь советского населения в непрерывный кошмар, невообразимый для европейского человека, привыкшего к благам цивилизации.

***

Основной целью «Радио Москва» было создание апокалипсической картины советской действительности, направленной на подрыв коммунистического строя путем убеждения советского населения в необходимости скорейшего восстания и свержения сталинской диктатуры. Деятельность этого радио можно рассматривать как пробу пера итальянского фашизма в распространении антисоветской пропаганды среди самого советского населения, что станет основным видом деятельности итальянских пропагандистов во время оккупации Украины и юга России. На данный момент исследования нет возможности ответить на вопрос о результатах выполнения этой задачи, другими словами, о проценте советского населения, имеющего доступ к волнам «Радио Москва», об эффективности работы советских станций по глушению антисоветских передач, об ответной реакции жителей СССР на прослушивание программ подпольного итальянского радио. Очевидно, что следующим шагом в раскрытии темы будет работа в российских архивах по поиску документов, позволяющих ответить на поставленные выше вопросы.

# Глава III. Роль дипломатических представительств в формировании образа СССР

## §1. СССР по донесениям итальянских дипломатов

Начиная с момента установления официальных отношений между Италией и СССР на основе Договора о торговле и мореплавании от 7 февраля 1921 года[585] официальные представители были направлены в столицы обоих государств. 25 февраля первый посол Италии в СССР Гаэтано Ди Мандзони вручил свои верительные грамоты, а через месяц в Рим прибыл первый полпред СССР в Италии К.К. Юренев[586]. СССР, одна из основных стран, с которыми Италия поддерживала тесные экономические отношения, был для последней в некотором смысле «дружественным врагом». Если внешне оба правительства заявляли о неприемлемости политических режимов друг друга, то в области торговых обменов и realpolitik часто находили точки соприкосновения, что позволяло им, как минимум до 1936 года (начала гражданской войны в Испании) не вступать в открытое противостояние и ограничивать баталии резким обменом реплик на страницах национальной прессы. Значительная роль СССР в экономике Италии как поставщика сырья, так и ёмкого рынка сбыта для её промышленной продукции предопределила повышенный интерес руководства сначала либеральной, а затем, начиная с 1922 года, и фашистской Италии к внутренней ситуации в России, столь резко изменившей с 1917 года направление своего исторического пути. Непредсказуемость внутреннего развития молодого советского государства, жесткая борьба различных политических группировок, неожиданные решения в области экономической политики (от военного коммунизма к НЭПу, от НЭПа к коллективизации и индустриализации) и, наконец, постепенный переход от декларированного режима народной демократии к тоталитаризму требовали от правительства Италии постоянного внимания, чтобы иметь ясное представление о текущем моменте и успевать вырабатывать собственную позицию. Дипломатическая служба была одним из немногих доступных итальянцам

585 СССР-Италия. Страницы истории 1917–1984. М.: Политиздат, 1985. С. 41.

586 Хормач И.А. СССР и Италия. 1924–1939 гг. Дипломатические и экономические отношения. М.: ИРИ РАН, 1995. С. 13.

каналов сбора информации о СССР. О значении к дипломатическим донесениям из Москвы говорит личный интерес Муссолини[587], который оставлял на них собственноручные пометки карандашные.

В предлагаемой главе будет сделана попытка проследить по донесениям итальянских дипломатов интересовавшие их политические вопросы, а также проанализировать их оценки различных сторон жизни советского общества. Особое внимание будет уделено вопросу об объективности суждений и степени их возможного влияния на выбор внешнеполитической линии итальянского фашизма.

### *3.1.1. Основные вопросы и темы донесений*

Тематика донесений свидетельствует о широте интереса итальянских дипломатов к советской действительности, привлекавшей их внимание в самых различных своих проявлениях: политика, экономика, культура, спорт, официальные праздники, религия, партийное строительство, транспорт, вооружение, социальные отношения, законодательство и т.д.

Каждый период отличался определенным набором «горячих» тем, привлекавших пристальное внимание дипломатов. Так, например, после смерти В.И. Ленина в 1924 г. донесения почти полностью посвящались внутрипартийной борьбе; конец 1920-х гг. был ознаменован началом реализации первой пятилетки. Донесения начала 1930-х гг. передавали подробное описание голода на Украине и на Северном Кавказе с попытками анализа причинно-следственных связей на основе сведений, полученных из различных источников внутри страны.

Особый интерес у итальянских дипломатов вызывали политические процессы в СССР. Черрути пытался заглянуть «за занавес» советской пропаганды и выяснить настоящую причину политических обвинений. «Обширный материал, опубликованный за последние годы о саботаже, не является достаточно убедительным, а скорее наводит на мысль, что под вывеской «саботажа» пытаются скрыть технические ошибки, административные промахи, недосмотр управленческих и координирующих структур, а также излишнюю бюрократию»[588]. Другое объяснение поли-

587 Муссолини исполнял обязанности министра иностранных дел в периоды с 1922 по 1929 гг. и с 1932 по 1936 гг.

588 Cerruti V. Sabotaggio dei tecnici e ingegneri nelle industrie sovietiche ed influenze straniere, 2.3.1930 // ASD MAE, AP,

тическим процессам и многочисленным обвинениям в саботаже было предложено итальянским консулом в Харькове Градениго: «Не стоит исключать того, что, как обычно, на спинах бедных невинных людей строится воображаемый замок из заговоров и т. д. Этот метод используется для доказательства крайней необходимости в деятельности ГПУ в целях гарантии единства государства»[589]. По мнению Аттолико, «жесткие меры, аресты и депортации» были связаны с недовольством, спровоцированным плохими урожаями. Таким образом, итальянские дипломаты интерпретировали громкие политические процессы и множество других приговоров как проявление слабости режима, находившегося в лихорадочном поиске виновных.

Значительную часть донесений итальянских дипломатов занимал процесс строительства социализма и связанные с ним проблемы коллективизации и реализации пятилетних планов. Особый интерес привлекала политика советского правительства в отношении многочисленного крестьянства. После того как итальянцы сделали вывод о том, что в российской деревне, а точнее в экспорте сельскохозяйственной продукции, сосредоточен основной источник промышленного роста, они начали пристально следить за мерами советского правительства по отношению к крестьянству. Наблюдая за коллективизацией на подотчетных им территориях, итальянские консулы в Харькове и Тбилиси были убеждены в ответственности советского правительства за разразившийся голод на Украине, Северном Кавказе и Поволжье. Сопротивление крестьян вызвало реакцию центра, спровоцировавшего, по мнению итальянских дипломатов, миллионы смертных случаев от голода и инфекционных заболеваний[590].

Большое количество донесений посвящено условиям работы и жизни рабочих, что доказывает особый интерес фашизма к социальным проблемам рабочего класса и их решению в СССР. В отчётах затрагиваются различные аспекты жизни советских рабочих: режим работы, зарплата, особенности потребления, свободное время, жилищные условия и т.д. В частности, особое внимание было уделено стахановскому движению и его негативным последствиям для личной и профессиональной жизни простых рабочих.

---

1919–1930, b. 1558

589 Gradenigo S. Nazionalismo ucraino, condanne e deportazioni, 15.5.1934 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 13.

590 Graziosi A. Lettere da Kharkov. La carestia in Ucraina e nel Caucaso del Nord nei rapporti dei diplomatici italiani, 1932–33. Torino: Einaudi, 1991. P. 30.

Мы проведем анализ двух сквозных тем, получивших наибольшее развитие на страницах дипломатических донесений и способствовавших созданию среди итальянцев образа Советского Союза: отношение к режиму широких слоев населения и менталитет русского народа. Выбор именно этих двух тем объясняется в том числе и отсутствием их освещения в современной историографии. Основное внимание итальянских историков привлекали, главным образом, политические и экономические аспекты СССР, нашедшие свое отражение в донесениях дипломатов.

### *3.1.2. Общественные настроения в СССР по донесениям итальянских дипломатов*

Одной из задач итальянских дипломатов, работавших в Москве, было изучение общественных настроений в СССР в целом и отношения населения к советскому режиму, в частности. Этот аспект привлекал дипломатов по разным причинам. В первую очередь, они считали, что позитивное мнение населения о строе укрепляло стабильность режима и отражало прочность поддержки действующей власти со стороны народных масс. В данном случае можно предположить существование некой конкуренции между тоталитарными режимами в сфере борьбы за массовый консенсус и поиска мер для его формирования. Наконец, анализ народной поддержки режима давал возможность предсказать реакцию населения на возможную войну против СССР и готовность сражаться за коммунистический режим.

Критическое отношение к большевистскому режиму было зафиксировано дипломатами среди всех категорий населения, начиная с крестьян и заканчивая студентами и даже партийными работниками. Вернувшись из СССР, итальянский ученый Л. Бизео отправил в МИД Италии свой отчет о положении крестьянства в СССР и его отношении к центральной власти. «В целом необходимо подчеркнуть, что крестьяне глубоко ненавидят советское правительство. Если по какой бы то ни было причине правительство окажется в сложной ситуации, оно не сможет рассчитывать на поддержку деревни»[591].

Что же касается рабочих, то, по мнению дипломатов, советское правительство

591 Berri G. Vita di carestia a Leningrado, 13.3.1929 // ASD MAE, AP, 1919–1930, b.1554.

рассматривало их как силу способную совершить политический переворот, поэтому старалось удовлетворить их требования и обеспечить им необходимый минимум средств для достойного существования. Однако, несмотря на политику сдерживания, даже рабочие проявляли признаки недовольства. Из итальянского посольства в Хельсинки в МИД приходили новости из «различных источников» о размахе рабочих движений: «Широкое распространение волнений даже среди промышленных рабочих и угроза всеобщей забастовки, способной остановить нормальное течение жизни в основных производственных центрах, позволяют предположить в недалеком будущем повсеместное обострение экономического кризиса»[592]. Тем не менее, к середине 30-х гг. сообщения о выступлениях рабочих постепенно исчезают со страниц докладов итальянских дипломатов. Последние полагали, что все проявления недовольства на корню подавлялись советскими службами безопасности.

Среди документов ИДА МИД хранятся отчеты с описанием студенческих волнений. В 1933 году консул в Харькове отправил в посольство доклад, посвящённый недовольству в университетских кругах. «Критика правительства стала нормальным явлением среди студентов, которые, как представляется, разочаровались и даже начали выражать антибольшевистские взгляды или, во всяком случае, вступили на этот путь. Молодёжь, на которую правительство возлагает наибольшие надежды, начинает проявлять недовольство и открыто высказывает критику в адрес властей. Это позволяет предвидеть интересное развитие событий в будущем»[593]. Студенческие волнения, согласно дипломатическим донесениям, основанным на непроверенной информации[594], часто получали поддержку со стороны военных, не желавших работать в колхозах. Они были вынуждены замещать на полевых работах крестьян, оказывавших пассивное сопротивление политике коллективизации.

По сведениям итальянских дипломатов, в военных кругах недовольство проявлялось как на уровне рядовых военнослужащих, так и среди командного состава. Высшие военные чины обвиняли Политбюро в неспособности к управлению и сомневались в том, что находившаяся под его руководством страна сможет победить

592 Situazione interna dell'Urss, 29.9.1932 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 1545.

593 Gradenigo S. Fermento e violenze, 22.2.1933 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 8.

594 Вероятно, именно этим объясняется использование всех глаголов в условном наклонении, которое в русском переводе можно было бы передать частицами «якобы», «вроде бы».

в войне в случае внезапного нападения. «Наибольшее недовольство охватило военные круги, многие члены которых были фанатично преданны делу построения коммунизма, однако при этом не были интернационалистами. Наоборот, будучи радикальными патриотами, они возмущались засильем “иностранцев” (грузин, армян и евреев) в правительстве, а также тем, что они не только единолично правят страной, но и ведут её, как они считали, к краху. В этих кругах утверждают, что вследствие катастрофической экономической и финансовой ситуации и упадка морального духа населения, способность страны к сопротивлению как в материальном смысле, так и, в ещё больше степени, нравственном, значительно уменьшилась. Они считают, что если политическая линия руководства радикально не изменится, то страна не выживет в условиях возможной войны»[595].

Солдаты-призывники также, согласно поступавшим в итальянское посольство сведениям, проявляли недоверие и неуважение по отношению к большевистской власти. В конце 30-х гг. Черрути сообщал итальянскому правительству об актах неповиновения, распространенных в советской армии. Солдаты часто отказывались стрелять в крестьян, принимавших участие в мятежах, а также тайно исполняли сатирические куплеты политического содержания.

Недовольство советским режимом было распространено и в рядах самой коммунистической партии. Помимо участников оппозиции, за составом и программой которой пристально следили итальянские дипломаты и посылали подробные отчеты в Рим, в сфере их внимания оказывались и члены партии просталинской ориентации, их настроения и критические высказывания. Руководитель ленинградского консульства писал в посольство в Москве: «Недовольство, затаённое в рядах партии, берет свое начало не только в разнице идеологических позиций различных Советов и взаимной неприязни их членов, но и в общей кризисной ситуации. Не только резко упал прожиточный минимум, но и развеялся миф об отсутствии безработицы»[596].

Возрастающее напряжение в широких слоях населения, по мнению итальянских дипломатов, обусловливалось несколькими причинами. Наибольшее влияние

595 Attolico B. Pericoli del regime staliniano, 39.1.1933, in ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 8.

596 Milich, L'opposizione nel partito e la crisi nelle fabbriche, 25.1.1932 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 5.

оказывало состояние экономики. Если в 1924 г. Мандзони сообщал в Рим, что «основные причины трудностей, раздраженности и недовольства, создающих неспокойную обстановку в стране, были экономического характера»[597], то и спустя восемь лет ситуация нисколько не изменилась. Об этом свидетельствовал Аттолико, сообщавший в Рим об «ужасных» условиях жизни местного населения, «опустившегося до уровня бедности 1921 года. Протесты и жалобы отныне стали нормальным каждодневным явлением. Бесконечный поток рабочих рук из деревни в город и обратно объясняется отчаянным поиском «чего-то получше»[598]. В отчётах дипломатов содержится также информация о нехватке продуктов питания и недовольстве, вызванном бесконечными очередями в полупустых магазинах. В 1929 году итальянский консул в Ленинграде писал: «Продолжает сохраняться критическая ситуация, сложившаяся в результате нехватки продуктов питания и товаров первой необходимости. Общее моральное состояние очень подавленное: недостаток продуктов объясняется тем, что большая часть населения без какой бы то ни было веской причины делает запасы на недели и месяцы вперед»[599]. Недовольство среди рабочих было вызвано невыплатой заработной платы и задержкой в распределении карточек на продукты питания, которые, по их мнению, им причитались как представителям победившего класса. Бедственное положение крестьян со временем всё ухудшалось вследствие проводимой правительством политики в деревне, направленной на изъятие как можно большего количества сельскохозяйственных продуктов при неэквивалентном обмене: закупки по низким ценам, отсутствие промышленных товаров широкого потребления, низкое качество сельскохозяйственной техники и т. д.

Национальность руководящих кадров (по сведениям дипломатов, широкие массы населения были убеждены в засилье евреев в верхних эшелонах власти) также давала поводы для недовольства. Большинство итальянских дипломатов были убеждены в глубокой неприязни русского народа по отношению к евреям. Население раздражала не только «иностранность» советских руководителей, но и их роскошный стиль жизни: «Повсюду царит глубокое недовольство режимом, выража-

597 Manzoni G. Russia, situazione interna, 18.9.1924 // ASD MAE, AP, 1919–1930, b.1541.

598 Attolico B. Situazione interna ed economica sovietica, 14.3.1932 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 8.

599 Berri G. Vita di carestia a Leningrado, 13.3.1929 // ASD MAE, AP, 1919–1930, b.1554.

ющееся в забастовках и волнениях, вспыхивающих в различных регионах Союза, а также в тайных разговорах, направленных против “хозяев” и подслушанных даже на похоронах жены Сталина»[600].

Негативные настроения среди населения были спровоцированы и особым отношением советского правительства к иностранцам: дипломатам, техническим специалистам, западноевропейским коммунистам. Градениго писал в Рим о зависти, с которой местное население смотрело на иностранцев: «Помпезность и роскошь, с которой советское правительство обходится с иностранцами, воспринималось неуместными, неоправданными, противоречащими коммунистической доктрине. Эти настроения, пропитанные ксенофобией, имели в своей основе политический подтекст. Говорят, что так было и при царях, и поэтому новое правительство в Москве не лучше прежнего»[601].

Наконец, дипломаты считали, что деятельность ГПУ также вносила свой вклад в создание взрывоопасной атмосферы в советском обществе. В отличие от 30-х годов, когда деятельность ГПУ стала ассоциироваться в широких слоях общества с террором, в 20-е годы этот орган еще только «беспокоил» население и вызывал в нем, по мнению итальянцев, лишь раздражение: «[...] среди населения слышится ропот недовольства ГПУ из-за его излишней репрессивной деятельности»[602].

Недовольство выражалось по-разному, начиная с наиболее распространённых форм протеста среди рабочих – забастовки  и демонстрации, и заканчивая сопротивлением крестьян, перешептыванием украдкой в очередях, в ночных поездах и рассказами анекдотов с политическим подтекстом.

Самое решительное сопротивление, по мнению итальянских дипломатов, было оказано крестьянами. Наибольшее распространение получили уход с прежних земельных участков и отказ вступать в колхозы, полностью контролируемые государством. Эта позиция крестьян позволила заместителю консула в Новороссийске Л. Сиркана поставить под сомнение мысль о безработице в России. Он предложил другую формулировку: «незадействованность рабочей силы», которую, как он счи-

600 Ambasciata italiana a Mosca, Il problema degli approvvigionamenti all'inizio del XV anno di governo bolscevico, 15.11.1932 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 5.

601 Gradenigo S. Malcontento popolare durante la sosta della missione turca a Kiew, provocato dallo sfarzo del treno speciale, 10.5.1932 //  ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 8.

602  Manzoni G. Situazione interna in Russia, 17.4.1924 //  ASD MAE, AP, 1919–1930, b.1543.

тал, необходимо было рассматривать «как одно из проявлений недовольства и пассивного сопротивления населения, а не как нехватку рабочих мест как таковую»[603].

Среди «русских бумаг» встречаются и доклады об убийствах чиновников и коммунистических пропагандистов, отправлявшихся в деревню с целью убедить сельских жителей в необходимости выполнять спущенные сверху планы по сбору урожая. «По слухам, крестьяне этих регионов (Черноземье и Воронеж), в прошлом зажиточные, а сейчас страдающие от голода, убили руководителей местных партячеек и приступили к переделу земельных наделов. Это явление было типичным для всех крестьянских бунтов в России с древнейших времен»[604].

Что же касается рабочих, то, несмотря на заявления советского правительства о победе пролетариата и его безоговорочной поддержке властей, в 1920–1930-е годы в СССР были отмечены демонстрациями и забастовками, организованными самими рабочими для выражения несогласия с тяжёлыми условиями жизни и требования их скорейшего улучшения. Ошибаясь в своих прогнозах о политическом развитии СССР, Черрути видел в забастовках начало процесса обновления страны, первые волеизъявления рабочих, направленные на освобождение от коммунистической власти: «В Киеве вследствие волнений, зафиксированных в рабочих районах, были арестованы несколько рабочих, однако они были быстро отпущены на свободу благодаря демонстрациям других рабочих в их поддержку. Незначительные сигналы, если хотите, однако они важны, так как до этого в жизни этой страны подобных прецедентов не возникало»[605].

Помимо традиционных форм протеста, характерных для рабочего класса, советские рабочие прибегали и к организации беспорядков. Так, в 1932 году Аттолико сообщал в Рим о «кровавых происшествиях», имевших место в промышленном текстильном районе Иваново-Вознесенска. Сокращение хлебного пайка при «отсутствии других средств к существованию усилило возмущение рабочих, которые, оставив свои рабочие места на фабриках, захватили зерновые хранилища»[606]. Усиливающийся страх перед силами правопорядка привел к тому, что выражение

603 Sircana L. Disoccupazione dell'Urss, 24.4.1932 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 8.

604 Attolico B. Voci di agitazioni tra i contadini, 21.6.1932 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 8.

605 Cerruti V. Situazione generale dell'Urss, 9.11.1928 // ASD MAE, AP, 1919–1930, b. 1549.

606 Attolico B. Scioperi ed incidenti nel distretto di Ivanovo-Vossnessensk,7.6.1932 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 1560.

недовольства среди рабочих начало принимать завуалированные формы и проявлялось в частных беседах. Возвращаясь с работы в ночных поездах, рабочие выговаривались друг другу, жаловались на тяжелые условия жизни: «Как только поезд отъезжает со станции, в целях экономии топлива в вагонах выключается свет. В темноте, и только в темноте, все начинают жаловаться на условия, в которых они вынуждены жить, несмотря на многочасовой изнурительный труд»[607].

В частной жизни недовольство проявлялось и в виде шуток и анекдотов, рассказанных шепотом из опасения быть услышанными агентами ГПУ. Консул в Ленинграде так описывал обстановку, в которой жило городское рабочее население в начале 1930-х годов: «Недовольство проявлялось лишь в редких случаях. Как правило, ГПУ подавляло своей железной рукой волнения на самой ранней стадии их зарождения. Критическое отношение населения проявлялось лишь в рассказываемых анекдотах и шутках о людях и политике режима, что, как известно, происходит и в других городах СССР. Так называемым «правом на шепот» пользуются с большой осторожностью, боясь доноса в правоохранительные органы. Тем не менее, этот феномен относительно широко распространён»[608].

Очереди в магазинах также предоставляли удобную возможность высказаться и обменяться мнениями о сложившейся ситуации. «Вызывающие негативную реакцию населения «очереди», – писал в 1928 году Черрути, – представляют опасность для режима, так как в таком скоплении людской массы концентрируется общественное недовольство. Собравшийся перед магазином народ не может не обменяться мнениями о коммунистическом режиме, при этом не всегда совпадающими с правительственной линией. Запрет милиции на разговоры в очередях не привел к ожидаемому результату»[609].

Все эти выражения недовольства и очевидное отсутствие консенсуса среди широких масс населения в отношении советского режима давали основания итальянским представителям предполагать неминуемость гражданской войны или, как минимум, ожидание советским народом иностранной интервенции в надежде

607 Attolico B. Situazione interna. Notiziario settimanale, 8.3.1932 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 5.
608 Milich, Rapporto riassuntivo, 9.8.1932 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 5.
609 Cerruti V. Situazione generale dell'Urss, 9.11.1928 // ASD MAE, AP, 1919–1930, b. 1549.

на освобождение с его помощью от большевистской власти. В 1928 году Кварони предсказывал очередную революцию, которая должна была положить конец советскому режиму: «Коммунисты чувствуют себя изолированными, в большинстве из них религиозный фанатизм прежних времен уступил место буржуазному желанию закрепить за собой своё нынешнее положение. Логично предположить, что с началом народного восстания коммунистический режим падет с ещё большей лёгкостью, чем царизм»[610].

Итальянские дипломаты не ожидали поддержки режима в случае начала войны даже со стороны рабочих: «В рабочих массах растёт недовольство. В них взрастили надежду на лучшее будущее. Сегодня же они отдают себе отчёт в том, что время идёт, а условия их жизни становятся день ото дня все хуже и хуже. Теперь они уже знают, что власти их обманывают, когда заявляют о плохих условиях жизни рабочих за границей. Они также не перестают повторять, что во времена царя жилось лучше. Во многих случаях они открыто заявляют, что, если правительство вступит в войну, то они наотрез откажутся воевать»[611].

В 1932 году Аттолико передавал сведения, полученные им от своего соотечественника, проживавшего в Сибири с 1901 года. «В последнее время население Сибири взбудоражено мыслью о скором крахе большевизма. Конец режиму положит война, которая, как здесь говорится, должна начаться уже весной. Здесь также надеются, что японцы помогут в создании нового государства в Сибири, которое будет включать в себя территорию от Владивостока до Байкала»[612].

В данном случае можно предположить две вероятных причины близорукости итальянских дипломатов, доказанной последующими событиями. Во-первых, личная неприязнь к советскому режиму и большевистской власти накладывала отпечаток на анализ ситуации и придавала ему субъективный характер. Во-вторых, желание отличиться перед вышестоящими руководителями ведомства, написать ожидаемые ими отчёты о скором падении идеологического противника толкали на очевидные преувеличения, раздувание слухов и придание важности одним сведе-

610 Quaroni P. Situazione interna russa, 21.9.1928 // ASD MAE, AP, 1919–1930, b. 1551.
611 Rendimento del lavoro nell'Urss, 18.11.1932 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 5.
612 Attolico B. Situazione in Siberia, 29.3.1932 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 5.

ниям при одновременном замалчивании других.

Тем не менее, несмотря на все приведенные примеры недовольства, многие итальянские наблюдатели соглашались с мыслью о том, что ни одно из подобных проявлений недовольства против советского режима не представляло для него серьёзной опасности. В первой половине 1920-х гг. ситуация в СССР казалась Мандзони настолько мирной и спокойной, что он не мог вообразить никакого протестного выступления со стороны победивших в результате революции и удовлетворивших свои потребности классов[613]. В 1926 году католический священник М. Д'Эрбиньи, прибывший в СССР с секретной миссией и имевший возможность тайно посетить различные советские города, по возвращении в Италию адресовал свой доклад в МИД: «Экономическая и финансовая ситуация все больше ухудшается и, кажется, оставляет мало надежд на восстановление. Однако здесь не ждут новой революции, а скорее опасаются за начало внутренней борьбы на местах»[614]. Таким образом, спустя восемь лет со дня революции её даже самые непримиримые противники не предвидели скорого конца установившегося политического режима.

Ситуация во многом изменилась в 1930-е гг. Однако перемены коснулись не степени надежности режима, а причин его внутренней стабильности. Через капитана итальянского торгового судна, совершившего рейс в СССР, до посла Италии в Париже Мандзони дошли сведения от жителя СССР, описавшего катастрофическое положение советского населения: «В целом бедность среди населения растет, так как все богатства присваиваются правительством с целью его превращения в настоящие деньги: все продается для покупки «валюты». Народ месяцами остается без чая, масла, сахара, мяса. Смерть людей никого не волнует. Реакции населения на такое положение не существует и нет даже слабого намека на нее»[615]. Таким образом, если для таинственного «жителя» СССР причина отсутствия сопротивления в народе лежит в условиях его жизни, которые лишали его воли, то, по мнению Кузимане, командира итальянского торгового судна, страх являлся силой, сковывающей действия народа: «Несмотря ни на что, в стране сохраняется спокойствие. Кажет-

613 Manzoni G. Situazione interna in Russia, 24.1.1924 // ASD MAE, AP, 1919–1930, b. 1543.

614 D'Herbigny M. Nota del delegato di S.S. Nell'Urss, 24.8.1926 // ASD MAE, AP, 1919–1930, b. 1547.

615 Manzoni G. Situazione interna nell'Urss, 18.1.1932 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 1541.

ся, будто страх лишает русский народ проявить минимальный протест, а привычка страдать облегчает само страдание»[616].

Своеобразную точку в этом вопросе поставил итальянский консул в Киеве, выразив в докладе 1935 г. своё мнение о способностях украинцев к организации восстания: «Принимая во внимание национальный характер и апатию украинского населения на фоне неусыпной слежки и глубоко укоренившегося в обществе доносительства, нельзя разумно предполагать существование высоконравственных лиц, способных к самопожертвованию и готовых организовать заговор и положить начало оппозиционному движению против существующего режима»[617].

Таким образом, среди итальянских дипломатов сформировалось мнение о распространённом в советском обществе недовольстве существующей властью, и даже в тех его слоях, которые должны были бы пользоваться всеми привилегиями победителей революции. Тем не менее, как среди рабочих, так и среди сельских жителей проявлялось критическое отношение к политике советского правительства, которое находило своё выражение в волнениях, забастовках, убийствах партийных деятелей и других антисоветских действиях. Несмотря на многочисленные протесты, положение советской власти, по мнению итальянских представителей, оставалось прочным и надёжным благодаря непрерывной работе служб национальной безопасности (ГПУ–ОГПУ–НКВД), а также установившейся атмосфере страха, доносительства и морально-психологической подавленности, характеризующие общественные настроения в сталинскую предвоенную эпоху. Стоит отметить, что во многом такое положение вещей итальянцы объясняли и особенностями менталитета русского народа.

### *3.1.3. Русский национальный характер глазами итальянских дипломатов*

Исполняя в СССР дипломатические обязанности, итальянские представители интересовались не только политическими и экономическими аспектами жизни страны, но и её народом, его национальным характером, особенностями самосо-

616 Cusimane, Piroscafo “Graz”, 23.2.1932 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 5.

617 Consolato generale d'Italia, Kiew, Scoperta di una organizzazione troskista a Kharkov, 26.10.1935 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 16.

знания, отражающими исторические и современные явления российской действительности. Однако некоторые черты русского народа были скорее позаимствованы из классической русской литературы, нежели выявлены в результате собственного опыта жизни среди местного населения. На эту мысль наводит нереальность и фантастическая преувеличенность некоторых характеристик, имеющих гораздо больше общего с описанием литературных персонажей, нежели живых людей и бытовых ситуаций. Некоторые явления привлекали внимание иностранцев из-за резкого отличия от их собственной национальной культуры, вызывая среди наблюдателей возмущение, а иногда и чувство превосходства над русским народом. Помимо попыток дать определение национальному русскому характеру, итальянские дипломаты старались ответить на избитые «вечные» вопросы о самобытности русского человека: Россия является частью западной или восточной культуры? Почему революция произошла именно в России? Умеют ли русские работать? Прежде чем изложить ответы итальянцев на перечисленные вопросы, попытаемся воссоздать систему образного ряда, состоящую из характеристик, которыми итальянские дипломаты наделяли русский (а точнее, советский) народ.

Все без исключения итальянцы подчеркивали в русских очевидную, как им казалось, особенность национального характера: терпение. Та же черта могла быть названа несколько иначе с добавлением различных смысловых оттенков: терпимость (tolleranza), покорность (remissività), смирение (rassegnazione). Смирение стало, пожалуй, наиболее стойким клише, закрепившимся в западной послереволюционной литературе, и с завидным постоянством перекочевывало из одного печатного произведения в другое.

Итальянцев поражали «терпение и выносливость русского народа», принимавшего различные формы. Уго Оттоленги, вернувшийся из своего путешествия в СССР в 1929 году, писал в своем докладе в МИД Италии: «Все настолько привыкли стоять в очередях для покупки товаров первой необходимости, что встают в очередь даже при входе в кинотеатр. Фольклорные игры для детей и взрослых также несут на себе отпечаток жесткой дисциплины. Человек латинского происхождения иногда с трудом может поверить в то, что им самим весело в них играть. Уличные

очистительные машины могут облить водой пешеходов, но мне ни разу не приходилось наблюдать возмущение обрызганных людей»[618]. Та же кротость и смирение были замечены итальянскими дипломатами в разгар голода на Украине и на Северном Кавказе: «Мой осведомитель во время всего своего длительного путешествия не заметил в страдающих людях ни намёка на злобу и обиду: повсюду царил дух кроткого смирения перед неизбежным. Они говорят о своей близкой смерти, как о чем-то, что их напрямую не касается»[619]. Итальянцы подчёркивали, что большевики прекрасно знали об этой особенности характера русского народа и учитывали её при реализации своей экономической политики: « […] не надо думать, что советское правительство не знало, до какой степени оно могло пользоваться терпением народа: оно это прекрасно знало и пользовалось этим»[620]. Хотя Черрути и называл советского крестьянина «спокойным увальнем» (fanciullone pacifico), тем не менее, он полагал, что «и у него есть свой предел, и сложность в том и состоит, чтобы понять, когда он наступит»[621].

Ещё одной чертой русского народа, в определении которой сходились все итальянские дипломаты, была апатия и безразличие. «Вялый по своей природе», этот народ, как считал Черрути, никогда не сможет «реализовать в жизнь социалистическую теорию». «[...] самый пассивный, апатичный и потому легко управляемый народ, который можно только вообразить»[622], «медлительный», «безвольный и доведённый до животного состояния лишениями и причинённой ему болью»[623]. Прожив три года в СССР, Аттолико пришёл к заключению о том, что: «[…] женщины являются самым активным элементом этой бессильной нации»[624].

От темпераментных итальянских наблюдателей не могла укрыться грусть, свойственная, по их мнению, всем славянским народам. В своём докладе об организации празднований по случаю юбилея Октябрьской революции сотрудник информационного отдела итальянского МИД Берардис в почти поэтической форме

618 Ottolenghi U. Relazione schematica di un viaggio in Russia, 25.10.1929 // ASD MAE, AP, 1919–1930, b. 1554.
619 Ambasciata d'Italia, La situazione nel Caucaso Settentrionale, 27.5.1933 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 8.
620 Cerruti V. Situazione interna russa, 12.7.1928 // ASD MAE, AP, 1919–1930, b. 1551.
621 Cerruti V. Situazione interna dell'Urss, 22.3.1929 // ASD MAE, AP, 1919–1930, b. 1554.
622 Ottolenghi U. Relazione schematica di un viaggio in Russia, 25.10.1929 // ASD MAE, AP, 1919–1930, b. 1554.
623 Foghini F. Relazione sulle condizioni della Russia, 19.11.1931 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b.5.
624 Attolico B. Situazione interna della Russia, 10.1.1933 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 8.

описал характерный для русских фатализм: «В иной форме проявляются простота и покорность русского народа, ещё окончательно не сломленного пережитыми страданиями. Охваченный молодецким желанием забыться в песнях, музыке и развлечениях, он пытается сбросить свою славянскую грусть, навеянную тоскливым бытом, полным гнётом и притеснений»[625].

Пессимизм также был одной из черт психологического портрета русского человека. Вице-консул в Новороссийске докладывал о «привычном психозе, распространённом в массах советского населения. Будучи по своей природе пессимистичными, русские сами себе желают страшных бедствий в надежде, что они приведут к изменению сложившейся ситуации»[626]. Благодаря всё тому же славянскому фатализму, по мнению Сиркана, крестьяне со смирением и спокойствием относились к смерти: «Крестьянин, заранее зная, что его приговорят к высшей мере наказания, с роковой невозмутимостью ожидает своей очереди. Подспорьем в этом ему служит дряблость и пассивность славянского менталитета. Разуверить его не удаётся ни кнутом, ни пряником»[627].

Итальянские дипломаты не обошли своим вниманием и уже набивший к тому времени оскомину вопрос о культурной принадлежности русской цивилизации. Все дипломатические представители сходились во мнении о том, что Россия была «глубоко азиатской» страной. Первым на этот счёт высказался Мандзони, введя в оборот выражение «жить по-русски» и дав ему следующее определение: «жить по-русски означает жить в достойном смирении. В этом есть что-то восточное, даже азиатское»[628].

Вероятно, скудными знаниями по истории и культуре России объяснялись утверждения некоторых итальянских наблюдателей о «тайном присутствии кочевого духа в русском народе»[629]. Именно эта национальная черта, по мнению некоторых дипломатов, наряду с комплексом других объективных факторов, обуславливала распространённый среди советского населения феномен частой смены рабочих

625 Berardis, Anniversario della rivoluzione, 8.11.1934 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 12.
626 Sircana L. Andamento della stagione agricola, 8.4.1933 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 5.
627 Sircana L. Andamento della stagione agricola, 8.4.1933 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 5.
628 Manzoni G. Situazione interna, 10.4.1924 // ASD MAE, AP, 1919–1930, b. 1554.
629 Sircana L. Disoccupazione dell'Urss, 24.4.1932 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 8.

мест: «[...] рабочая сила, задействованная на фабриках, склонна к постоянным перемещениям, что происходит не только из-за врожденной тяги к кочевому образу жизни, что характерно для русского народа в целом, но и из-за тяжёлых условий быта рабочих, их плохого питания и ещё худшего размещения в бараках»[630].

Качества русских как работников и будущих строителей нового режима также находились в центре внимания итальянских дипломатов. В 1924 году почти сразу после своего приезда в Москву, Мандзони поразился силе и энергии русского народа, что дало ему повод поверить в готовность и способность русских в корне изменить свои условия жизни: «[…] этот народ ясно доказал своё стремление к жизни и способность в последний момент найти в себе силы, необходимые для спасения от смерти и вступления на путь новой жизни. Поэтому невозможно не верить в его возрождение»[631]. Восторг и восхищение итальянских дипломатов со временем сменились на более взвешенные оценки. Критикуя правительственные декреты о реквизиции крестьянского зерна, Кварони замечал, что подобные налоги лишат крестьянство предпринимательской инициативы, «и это у народа, которому и так по своей природе ее недостает»[632]. Безынициативность русских была подмечена и Аттолико. Он прокомментировал эпизод с умершим на пятидесятиградусном морозе домашним скотом: «Если бы этот народ обладал хоть крупицей инициативы, то давно бы уже выстроил деревянные загоны, благо древесины русским не занимать»[633]. Безжалостной критике подвергли русских рабочих и два итальянских технических специалиста, дав «местному работнику оценку, ставшую к тому времени уже общепризнанной: медлительность, отсутствие интуитивного мышления, грубость ручной и умственной работы. Нам не удалось привить знания и умения рабочему коллективу, как мы рассчитывали. В Италии такую бригаду мы готовим за пару недель»[634].

В конечном итоге все приведенные выше мнения заставили итальянских дипломатов задаться вопросом о революционном потенциале русского народа. Мно-

630 Ambasciata d'Italia a Mosca, Mano d'opera per le fabbriche, 13.11.1932 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 5.

631 Manzoni G. Russia, situazione interna, 12.12.1924 // ASD MAE, AP, 1919–1930, b. 1544.

632 Quaroni P. Situazione interna russa, 8.6.1928 // ASD MAE, AP, 1919–1930, b. 1551.

633 Gradenigo S. Nazionalismo ucraino, condanne e deportazioni, 15.5.1934, in ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 13.

634 Attolico B. Andamento dell'organizzazione industriale sovietica. Dichiarazioni di operai italiani, 1.3.1933 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 5.

гие из них в растерянности не могли понять, как народ, отмеченный подобными национальными чертами, мог решиться на такой кардинальный шаг. Бардуцци же ответил на этот волнующий итальянцев вопрос, взглянув на него в другом ракурсе: «Очевидно, что если бы русский народ был умнее и обладал бы большей силой воли, коммунизм был бы низвергнут уже давным давно»[635].

В заключение стоит добавить, что на основании «русских бумаг», присланных в Рим итальянскими дипломатами, вырисовывается еще одна черта русского народа: миролюбие. Итальянцы подчеркивали, что «проникнутая насилием» русская история сформировала национальный тип русского человека, привыкшего терпеть произвол стоящей над ним власти. При этом русские не оказывают ей никакого сопротивления в попытках защитить свои интересы. Это смирение привело итальянцев как минимум к двум основным выводам. Первый касался неспособности русских свергнуть советский режим самостоятельно, что предопределило необходимость внешнего воздействия. Второй вывод заключался в миролюбивом национальном характере русских, которые никогда бы не вступили в войну из-за врожденного отсутствия воинственного духа и безусловного принятия существующего политического режима. Подобная позиция русских, по мнению итальянцев, объяснялась психологической апатией, политическим слабоволием и обыкновенным страхом за собственную жизнь и за жизнь близких. Одновременно с этим дипломаты были уверены и в том, что советский народ откажется воевать в случае, если большевистское правительство когда-либо объявит войну. Эта мысль станет одним из лейтмотивов фашистской военной пропаганды против СССР, убеждавшей итальянцев в скорой и лёгкой победе на Восточном фронте.

***

В результате проведенного исследования естественным образом напрашивается вопрос о степени ответственности итальянских дипломатов в принятии руководством страны решения о вступлении фашистской Италии в войну против СССР. Следует, однако, отметить относительность роли дипломатических донесений в

635 Barduzzi, Situazione economica nella città e nella campagna, 21.3.1935 // ASD MAE, AP, 1931–1945, b. 16.

определении курса внешней политики Муссолини, особенно на заключительном этапе его нахождения у власти. Выбор в пользу Германии и силового решения конфликта стал совокупным результатом устремлений большей части правящего блока, интересы которого в решающей степени определяли внешнюю политику режима[636].

Очевидным представляется тезис о дезинформации собственного руководства, приведшей к вступлению Муссолини в войну против Советской России, без должной оценки всех последствий такого (учитывая результат кампании) опрометчивого шага. С одной стороны, можно подозревать итальянских дипломатов в некоторой наивности, проявлявшейся в комментариях ряда событий. Так, например, предсказание на протяжении почти всего предвоенного двадцатилетия массовых восстаний и гражданской войны напоминает скорее навязчивую идею, нежели объективную интерпретацию фактов. Изолированность режима и его полное неприятие народными массами скорее говорит о некритической абсолютизации принятых на веру постулатов. С другой стороны, в их донесениях можно заподозрить желание удовлетворить чаяниям начальства и доставить руководству удовольствие читать приятные новости в «правильном» изложении.

Несмотря на пессимистические прогнозы в отношении будущего советского режима и предсказание скорейшего падения большевистской власти, дипломатам приходилось так или иначе оправдывать несостоятельность своих предположений (ни гражданской войны, ни антибольшевистской революции не происходило). Такое объяснение они находили, главным образом, в эффективности репрессивного аппарата, капиллярности его распространения во всех общественных нишах, а также в особенностях национального характера.

Внушаемые итальянскими дипломатами идеи неминуемости войны, ее ожидания всем советским обществом как спасения против ненавистной большевистской власти, надежды на освобождение с помощью внешних сил – все это ложилось на почву итальянского фашизма, обильно «удобренную» завоевательными концепциями. Муссолини никогда не отказывался от необходимости беспощадной борьбы с коммунизмом и, несмотря на пакт о ненападении между Германией и СССР,

636 Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. М.: МГУ. 2000. С. 131. История новейшего времени стран Европы и Америки: 1918–1945 гг. Л.С. Белоусов, И.В. Григорьева и др. М., «Высшая школа». 1989. С. 269, 374.

считал войну с Советами неизбежной[637]. Согласно созданной дипломатами картине, советская власть должна была рухнуть подобно карточному домику, не находя опоры в основной массе населения. А если добавить особенности менталитета русских: леность, миролюбие, терпимость, смирение, фатализм, то создавалась картина пассивно переносящего невзгоды народа, готового в любой момент пойти за новой силой, обещающий минимальное улучшение тяжелых условий его быта. Эта убежденность в лёгкой и быстрой победе и стала одним из многочисленных факторов, подтолкнувших Муссолини к вступлению в войну против СССР в июне 1941 года.

## §2. Деятельность советского полпредства в Риме

Несмотря на все сложности сосуществования двух антагонистических режимов и на враждебность фашистской системы коммунистическому строю, советское руководство предпринимало попытки оказать посильное влияние на итальянскую общественность с целью формирования позитивного образа СССР. Основными инструментами в области культурной дипломатии служили официальные представительства советского правительства за рубежом: полпредства, торговые представительства и филиалы Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС). В задачу их работы входила защита политических, торговых и культурных интересов СССР. Из-за опасения распространения коммунистической идеологии в Италии фашизм зорко следил за всеми видами деятельности официальных советских представительств, максимально ограничивая их сферы влияния. Что же касается агентов Коминтерна, то их работа на территории Италии была объявлена вне закона, а об успешности борьбы с нелегальными представителями советской власти заявлял сам Муссолини, хвастившийся беззубостью СССР против его политической полиции. Ниже будет рассмотрена деятельность римского полпредства и отчасти итальянского филиала ВОКС в рамках пропагандистской политики СССР по распространению позитивной информации о большевистском режиме, сведений о его достижениях в различных областях жизни страны. За рамками данного иссле-

637 Белоусов Л.С. Муссолини: диктатура и демагогия, 2-е изд, переработанное и дополненное, М., «Планета», 2016. С. 281.

дования остается работа торгового представительства по причине специфики его деятельности, напрямую не связанной с темой диссертации.

### *3.2.1. Советское полпредство: функции и задачи*

Установив новые правила ведения внешней политики, предполагавшие среди прочего открытую дипломатию и отказ от секретных переговоров, Ленин обрек молодое советское правительство на создание аппарата Комиссариата иностранных дел, по сути, с чистого листа. Отказ персонала бывшего Министерства иностранных дел от работы на советскую власть по новым правилам, а также неподготовленность и некомпетентность набранных кадров приводили к разлаженности в работе, перегрузке руководства, вынужденного заниматься в том числе и рутинными делами. Это, в свою очередь, было причиной длительных простоев, потери времени в решении важных вопросов, потери ключевых моментов[638]. Однако, уже в первые месяцы пребывания большевиков у власти необходимо было не только наладить регулярную работу самого НКИД в Москве, но и гарантировать его соответствующее представительство за границей путем четкого распределения задач дипломатических миссий, а также методов их реализации в соответствии с общими принципами политики большевиков. Дипломаты царского правительства продолжали защищать перед властями соответствующих стран пребывания свое право представлять интересы теперь уже бывших российских подданных, однако со временем круг их деятельности сузился, а с признанием СССР, в частности, в Италии, роль их постепенно сошла на нет.

Сразу после захвата большевиками власти, Ленин и его ближайшие соратники убедились в том, что «переход от прежних взглядов подпольной революционной партии к политическому реализму стоящего у власти правительства был чрезвычайно труден»[639]. Однако, уже с первых же лет существования советского государства проявился двойственный характер его внешней политики, заключавшийся в двух параллельных подходах к построению отношений на международной арене. С

638 О первых годах работы НКИД см. Зарницкий С., Сергеев А. Чичерин, М.: Молодая гвардия. 1975, а также О'Коннор Т.Э. Георгий Чичерин и советская внешняя политика 1918–1930, М.: Прогресс. 1991.

639 Чичерин Г.В. Ленин и внешняя политика // Известия. 30.1.1924.

одной стороны, речь шла о реалистическом видении положения советской России в мировой политике и об осознании ее национальных интересов наряду с признанием интересов других равноправных участников. С другой стороны, речь шла о подпольной деятельности в поддержку революционных партий, действия которых были направлены на подрыв национальных политических систем в капиталистических странах[640]. Стоит отметить, что пропаганда, нацеленная на распространение коммунистической революции во всем мире, была жизненно необходимым условием сохранения власти у большевистского правительства в России. Эта задача оказала огромное влияние на международную дипломатию[641]. Организацией, координирующей эту деятельность, начиная с 1919 года, был Коминтерн. Так, советское полпредство в Италии стало проводником двух линий внешнеполитического курса советского правительства, направленного одновременно на мирное сосуществование и на разжигание костра мировой революции. Так как линии Наркоминдела и Коминтерна часто пересекались, то полпредству приходилось решать в меру его сил задачи обоих ведомств, что отражало идеологизированный характер советской внешней политики.

В отечественной и зарубежной историографии вопрос о работе советского представительства в Риме в 1920-х гг. остается не изучен. Тем не менее, этот период представляется крайне важным для понимания отношения советского правительства к пришедшему к власти фашизму и постепенному построению отношений с новым политическим режимом. «Новой советской дипломатии» в ее работе над созданием позитивного образа коммунистического строя приходилось считаться с позицией правящих кругов в других странах, а также с уровнем развития основной движущей силы социалистической революции – пролетариата. Крайне интересным представляется изучение деятельности советской дипломатии, вынужденной лавировать между выполнением двух основных задач: защитой национальных интересов СССР и созданием его позитивного образа с одной стороны, и поддержанием связей местных революционных элементов (КПИ) с московским руководством Коминтерна – с другой. Полпредство, особенно в первые годы с момента своего от-

640 Haslam J. Comintern and soviet foreign policy, 1919–1941 // The Cambridge History of Russia. 2006. Vol. III. P. 638.

641 О новой дипломатии см. Arno J. Mayer, Political origins of the new diplomacy, 1917–1918. New Haven: Yale University Press. 1959.

крытия в Риме, демонстрировало чудеса политической эквилибристики в поисках равновесия между решением дипломатических задач и директивами Коминтерна.

В первые годы своего существования советского полпредство[642] в Риме служило каналом проведения внешней политики, руководимой НКИД, и подрывной деятельности, управляемой Коминтерном, со всеми сложностями, которые проистекали от подчинения двум, часто находившимся в конфликтных отношениях друг с другом, ведомствам. Начиная с 1925 года, к сложному треугольнику взаимоотношений добавился новый центр распространения информации научно-культурного характера – ВОКС. Как можно легко предположить, координирование работы четырех инстанций, действовавших на международной арене, было делом сложным и подчас с трудом осуществимым.

Каким образом, советскому представительству в Риме удавалось выполнять задачи всех трех центральных институтов (НКИД, Коминтерн, ВОКС)? Как оно улаживало в рамках своей повседневной деятельности противоречия двух линий внешней советской политики? С какими сложностями приходилось бороться советским дипломатам, вынужденным работать в непростом итальянском политическом климате? Помимо ответов на эти вопросы в главе будет также проанализирована роль советского полпредства в установлении и поддержании отношений между СССР и Италией, а также его участие в распространении информации о новом социалистическом строе в СССР на территории фашистской Италии.

Об особом положении советских полпредов в Риме уже свидетельствует тот факт, что первый «кодекс поведения» советских дипломатов за границей был разработан вследствие щекотливой ситуации, в которой советский полпред оказался именно в Италии. Случай произошел в июне 1924 года, когда римский полпред К.К. Юренев пригласил Муссолини в советское представительство на официальный обед. На следующий день после отправки приглашения был убит лидер социалистической партии Джакомо Маттеотти, в смерти которого вся оппозиционная общественность обвинила Муссолини. Руководство НКИД посоветовало Юреневу отменить встречу из-за опасения спровоцировать международный скандал[643]. Одна-

642 С 1918 по 1941 гг. советское дипломатическое представительство в других странах называлось Полпредства (полномочное представительство). После 1941 года все Полпредства были преобразованы в посольства или миссии.

643 Анфертьев И.А. Дипломатические последствия обеда Б. Муссолини и советского полпреда в Италии К.К. Юре-

ко, несмотря на директивы Москвы, опытный дипломат принял решение подтвердить свое приглашение, отдав предпочтение политическому выбору перед жесткими идеологическими установками. Это решение вызвало не только резкую критику со стороны итальянских коммунистов, но и подтолкнуло советское правительство к составлению правил поведения советских дипломатов за границей.

В сотрудничестве с Центральной контрольной комиссией РКП (б) НКИД разработал в октябре 1924 года «Проект инструкций для полномочных представителей СССР за границей». Советские дипломаты должны были следовать основной линии «взаимного невмешательства в жизнь и деятельность рабочих и неправительственных организаций иностранных государств», «не устраивать собрания коммунистической партии на территории советского Представительства»[644], и т.д. В своей деятельности дипломаты должны были защищать политические и экономические интересы СССР, поддерживать на высочайшем уровне национальное и революционное достоинство СССР, а также гарантировать хорошие отношения с капиталистическими странами, придерживаясь принципа «реальных задач». В то же время НКИД напоминал, что «ввиду того, что политика проводится живыми людьми, то ее необходимо использовать для оказания влияния на позиции политических деятелей, для проведения пропаганды, а также для установления личных контактов […]. К этому необходимо добавить правильное информирование иностранных политиков о наших делах. Длительные беседы с ними обычно позволяют разъяснить им те вопросы, которые они до этого не понимали […]. Эти разнообразные связи должны дать нашим представителям возможность оказывать влияние на политическую среду. В отношении Советского Правительства полпреды должны быть информаторами и инспираторами»[645]. Основные принципы, регулировавшие поведение всего дипломатического корпуса, четко соблюдались во время руководства Юренева и его преемника П.М. Керженцева. В глазах правительства Муссолини они любой ценой пытались доказать свою независимость от политики Коминтерна с целью подчеркнуть свою лояльность в отношении фашистской власти.

---

нева // Исторический архив. 2011. № 6. С. 49.

644 Проект инструкций для полномочных представителей СССР за границей. 8.10.1924. РГАСПИ, Ф. 61. Оп. 3. Д. 7. Л. 74–81 // Исторический архив. 2011. №6. С. 53.

645 Там же. С. 54.

Из приведенного выше документа можно выделить как минимум две ключевые функции, которыми наделялись все советские представительства за границей: первая заключалась в распространении сведений о СССР, а вторая – в сборе информации, входящей в круг интересов большевистского правительства. Уже начиная с первых лет существования советской дипломатии, деятельность в области политической и культурной коммуникации играла значительную роль среди функций НКИД. В целом, за распространение информации о различных аспектах жизни в СССР отвечали три государственных ведомства: РОСТА[646], Инпрекор[647] и НКИД. Если «РОСТА информировало заграницу о всех событиях в жизни страны и о деятельности государственных институтов власти, об общественных, профессиональных и партийных организациях и союзах, то Инпрекор занимался освещением вопросов, связанных с политикой Коммунистического интернационала, а также с деятельностью относившихся к нему организаций и ведомств, с важными моментами в жизни РКП (б), а также с событиями большой важности, которые происходили в жизни СССР и касались его внутренней политики.[…] Информация, рассылаемая по почте и телеграфу агентством РОСТА и Инпрекором, которая так или иначе имела отношение к внешней политике, должна была предварительно быть согласована с НКИД»[648]. Таким образом, НКИД обладал монополией на контроль сведений о внешней политике на международном уровне, в то время как по вопросам, освещавшим другие аспекты жизни в СССР, должен был сотрудничать с РОСТА и Инпрекор, оказывая «воздействие на иностранную печать благодаря использованию каналов НКИД»[649].

### *3.2.2. Начало работы советского представительства в Италии*

Несмотря на первоначальное намерение установить отношения со странами Антанты лишь на собственных условиях, большевики вынуждены были пересмотреть свою позицию во избежание экономической и политической изоляции мо-

646 РОСТА – Российское телеграфное агентство было основано в 1918 году. После его слияния с другими агентствами получило название ТАСС (Телеграфное агентство Советского Союза).

647 Инпрекор – International Press Correspondence. Информационное агентство ИККИ, основанное в 1921 году.

648 Проект декрета о политической информации Комиссии по улучшению политической информации за границей, март 1924 года. АВП РФ. Ф. 056. Оп. 9. Д.17. Л. 19–20.

649 Там же. Л. 20.

лодой советской республики. Что касается Италии, то стоит отметить, что между двумя странами не существовало непреодолимых препятствий для восстановления нормальных взаимоотношений[650], которые могли бы надолго задержать налаживание экономических и дипломатических отношений. Первый договор между большевистской Россией и Италией был подписан 27 апреля 1920 года и определял порядок обмена военнопленными и гражданскими лицами. По прошествии чуть менее двух лет, 26 декабря 1921 года, стороны заключили Предварительное торговое соглашение, которое среди прочего предусматривало обмен официальными представителями, «пребывавшими и исполнявшими свои обязанности на территории другой стороны[…]». Более того, представителям гарантировался ряд привилегий и дипломатический иммунитет. Дипломаты были «аккредитованы при правительстве страны, в которой они пребывают, в целях облегчения исполнения настоящего соглашения и защиты интересов своих соотечественников»[651]. Таким образом, была заложена основа для обмена дипломатическими миссиями, которая, по сути, означала признание советской России de facto со стороны либерального правительства в Италии[652].

Первые годы официального присутствия советской делегации в Риме были отмечены рядом трудностей, связанных прежде всего с тесным соседством с белыми эмигрантами, враждебно настроенными против представителей выдворившей их власти, а также с набиравшим силу фашистским движением, видевшим в советских дипломатах мишень для агрессивных нападок. До признания Италией СССР de jure, произошедшего 7 февраля 1924 года, итальянское правительство занимало двойственную позицию по отношению к белым эмигрантам. С одной стороны, в них все еще усматривали реальную силу, способную свергнуть советскую власть и восстановить монархию в России, что для Италии означало бы устранение опасности распространения и влияния коммунистических идей на местные рабочие

650 По сравнению с другими странами, главным образом Францией и Великобританией, между Россией и Италией не существовало непреодолимых препятствий в налаживании отношений после революции. В то время как с другими странами оставались нерешенными территориальные вопросы, вопросы царских долгов, иностранной собственности в России и т. д.

651 Ст. 4 Предварительного русско-итальянское соглашение о признании Италией де-факто РСФСР и возобновлении советско-итальянских торговых отношений // Москва-Рим. Указ. Соч. С. 30.

652 О советско-итальянских отношениях в данный период см. Petracchi G. La Russia rivoluzionaria nella politica italiana. Le relazioni italo-sovietiche 1917–1925. Op.Cit.; Petracchi G. Da San Pietroburgo a Roma. Op. Cit.

массы. С другой стороны, итальянское правительство подозревало в эмигрантах серьезную угрозу для общественного порядка: «предполагаемые массы русских беженцев, не имеющих средств для существования, наводнят Италию»[653]. Вместе с ними, по мнению итальянской полиции, в Италию могли также нелегально проникнуть большевистские агенты[654]. И наконец, полиция опасалась, что сами эмигранты были способны совершить теракты против советских дипломатов и чиновников, что также вызывало их сомнения по поводу целесообразности предоставления белым эмигрантам политического убежища и оказания им гостеприимства[655].

Сложная обстановка, в которой приходилось работать первым советским дипломатам в Италии, подробно описана в письмах В.В. Воровского, первого советского посла в Италии. В них нашли свое отражение напряженные отношения с молодым на тот момент фашистским правительством, а также необходимость отбивать как словесные, так и физические атаки на римское полпредство. Несмотря на 4-й пункт Предварительного соглашения, в котором оговаривались сфера деятельности советских дипломатов и круг их полномочий, итальянские власти не признавали за ними права защищать интересы советских граждан, обладателей «красных» паспортов, выданных новым правительством. Также были зафиксированы случаи ареста членов советской миссии итальянской полицией, представители которой заявляли, что «они не признают большевистское правительство и поэтому не желают иметь с ним никакого дела»[656]. В ноябре 1922 года, спустя почти год с момента подписания Соглашения, группа «фашистов, вооруженных палками, пистолетами и бомбами и говоривших с романьольским акцентом ворвалась в Торговое отделение российского представительства в Риме»[657]. Советские дипломаты возмутились пассивным поведением королевской гвардии, которая не оказала никакого сопротивления нападавшим на посольство активистам ПНФ[658], а также выразили свой протест

653 Письмо И.А. Персиани М.Н. Гирсу, 17.2.21. ГА РФ Ф. Р–5680. Оп. 1. Д. 52. Л. 4. // Исторический архив. 2012. №1. С. 97.

654 См. Accattoli A. L'Italia e i rifugiati russi negli anni 1918–1924 // Europa Orientalis. Emigrazione russa in Italia: periodici, editoria e archivi (1900–1940). 2015. № 22. PP.189–214.

655 Достаточно вспомнить убийство В.В. Воровского в Лозанне и советского полпреда П.Л. Войкого в Варшаве.

656 Письмо Воровсого Чичерину, 21.5.1922. АВП РФ Ф. 04. Оп. 20. Д. 7, Л. 24.

657 Нота протеста Воровского, направленная в Министерство иностранных дел Италии. 1.11.1922. АВП РФ Ф. 04. Оп. 20. Д.16. Л. 72.

658 PNF – Partito nazionale fascista. Национальная фашистская партия.

против попустительской позиции самого правительства, связанного с фашистским движением. Лишь спустя три недели Министерство иностранных дел ответило на официальную ноту Воровского: итальянские власти отрицали агрессивные намерения нападавших на совесткую делегацию и, более того, возлагали ответственность за агрессивное поведение фашистов на саму Миссию[659].

Это и еще несколько подобного рода событий, делавшие небезопасным положение российского представительства, заставили главу Миссии Воровского направить в Москву письма с выражением беспокойства и упреков в отношении самого советского правительства, оказавшегося не способным гарантировать своим представителям безопасное пребывание за границей: «Мы живем в осадном положении. Ворота закрыты на замок, мы выходим только в случае крайней необходимости, носим пистолеты в карманах с заранее намеченным планом обороны. Конечно, все это имеет лишь нравственно-политическую значимость. […] Нет никого, кто бы нас защитил, зато Совпра[660] поправит собственное финансовое положение благодаря этой экономии»[661]. Отношение к Представительству, как свидетельствуют факты, собственного правительства, и «фашистских банд», и «савинковских, и монархических террористических организаций» не изменилось и тогда, когда год спустя главой советского полпредства стал Н.И. Иорданский. Дипломат жаловался комиссару иностранных дел Г.В. Чичерину на «абсолютное отсутствие защиты в отношении такого важного института, как Представительство СССР, которое находится в Италии в неблагоприятных условиях фашистской опасности»[662].

Подписание 7 февраля 1924 года Договора о торговле и мореплавании ознаменовало политическое признание СССР со стороны Италии, а значит и возобновление не только политических и экономических связей, но и дипломатических. В ноте, направленной Муссолини Чичерину в день заключения Договора, итальянский лидер открыто заявил о том, что он «считает вопрос о признании де-юре Правительства Союза Социалистических республик со стороны Италии решенным»[663].

---

659 Нота Министерства иностранных дел Италии, 21.11.1922. АВП РФ Ф. 04. Оп. 20.Д.21, Л. 70.

660 Совпра – сокращение от Советское правительство.

661 Письмо Воровского Литвинову, 1.11.1922. АВП РФ Ф. 04. Оп. 20.Д.16, Л. 71.

662 Письмо Иорданского Чичерину, сентябрь 1923. АВП РФ Ф. 04. Оп. 20.Д.24, Л. 70.

663 Нота председателя Совета министров и министра иностранных дел Италии народному комиссару иностранных дел СССР Г.В. Чичерину, 7.2.24 // Москва-Рим. Указ. соч. С. 148–149.

По результатам подписанного текста первый официальный полномочный представитель СССР Юренев прибыл в конце марта 1924 года в Рим, а 27 марта он уже вручил королю свои верительные грамоты[664].

Еще не успев приехать в Рим, Юренев вынужден был искать выход из затруднительного положения, в котором он оказался по воле малопорядочного журналиста из газеты Popolo d'Italia, которому (еще будучи в Праге, откуда он был переведен в Рим) дал интервью в качестве только что назначенного полпреда в Рим. «Подлый журналист, говоривший со мной, специально написал одно вранье и пошлости. Низость его поведения становится еще более интересной, если учесть то, что наш сотрудник, товарищ Якобсон, вместе с ним написал согласованный с нами текст интервью, который журналист не замедлил положить в стол»[665]. Эта история послужила уроком Юреневу, который впоследствии предпринимал все необходимые предосторожности для того, чтобы обезопасить себя от фальсифицированных интервью, где нередко советским дипломатам приписывались слова, выражавшие восхищение фашистским режимом. Тем не менее, фашистская печать была не единственным препятствием, которое приходилось преодолевать молодому советскому представительству. Помимо адаптации советских полпредов и их сотрудников в идеологически враждебной фашистской реальности, их положение усугублялось сложными отношениями с Коммунистической партией Италии, а также с антифашистской оппозицией в целом[666].

### *3.2.3. Полпредство как официальный источник информации о Советской России/СССР*

Помимо дипломатических функций советское полпредство в Италии выполняло еще одну важную задачу: распространение «правдивых» сведений о советской реальности и сбор информации в интересах своего правительства. Уже первыми советскими представителями были предприняты меры для достижения этих целей в рамках общей политики культурной дипломатии, размах которой в СССР принял

664 Хормач И.А. СССР – Италия. 1924–1939 гг.: дипломатические и экономические отношения. М.: ИРИ РАН. 1995. С.13.

665 Письмо Юренева Литвинову, 23.03.1924. АВП РФ Ф. 04. Оп. 20.Д.43, Л. 1.

666 О КПИ и советском представительстве в Италии см. Хормач И.А. Указ. Соч. С.30–34.

беспрецедентные масштабы. На примере деятельности советского полпредства в Риме мы рассмотрим цели и методы культурной дипломатии, а также выявим ее характерные черты в работе римского полпредства с учетом сложившихся в то время внутриполитических условий в Италии.

Несмотря на напряженную обстановку в первые годы своего присутствия в Риме, советские дипломаты действовали не только в сфере защиты политических и экономических интересов советской России, но и предпринимали меры в области коммуникационной политики, направленной на распространение сведений о различных областях жизни в СССР и на создание позитивного образа коммунистического режима в итальянском обществе. Деятельность первых римских полпредов точно соответствовала общей линии советского правительства по вопросу информирования Запада о внутреннем положении в СССР. Это, с одной стороны, упрощало задачу полпредов, а с другой, лишало их инициативы и свободы действий в частых случаях нехватки своевременной информации. Так, придерживаясь инструкций НКИД, которые предусматривали распространение строго ограниченной и стандартизированной информации, Воровский часто оказывался в сложной ситуации информационного вакуума, не имея возможности вовремя дать запрашиваемые у него сведения о СССР. Более того, для быстрой и оперативной реакции на опубликованные в газетах антисоветские материалы и предоставления интервью в соответствии с общей выработанной в Москве линией, ему необходимо было своевременно получать соответствующие директивы и инструкции от руководства. В противном случае глава советской делегации был вынужден действовать самостоятельно, что могло «скомпрометировать политику [центральных институтов власти – прим. автора], ставя под сомнение авторитет Совпра»[667].

Помимо непосредственного распространения информации, советское представительство использовало еще один очень важный инструмент для борьбы с порочащими советскую власть сведениями. Речь идет об опровержениях, которые советские полпреды часто размещали на страницах итальянских газет, публиковавших интервью с советскими чиновниками и политиками. К моменту выхода статей в печать они чудесным образом «правились» в зависимости от вкусов и политиче-

667 Письмо Воровского Чичерину, 30.7.1922. АВП РФ Ф. 04. Оп. 20.Д.16, Л. 53.

ских пристрастий журналистов. Полпредам приходилось бороться и с антисоветской направленностью материалов итальянской прессы, в которой часто появлялись переводные статьи из иностранной печати о политической и экономической жизни в СССР. Так, например, Полпредство выразило свой протест в связи с опубликованием статьи с описанием пыток патриарха Тихона[668], новостей о «капитуляции» в переговорах советского правительства перед английским, о плохом обращении с итальянскими военнопленными в России и т.д.

Тем не менее, ни распространение вовремя доставленных из СССР новостей, ни опровержения в печати компрометирующей советское правительство информации не могли оказывать длительного эффекта и в полной мере удовлетворять советское полпредство в его попытках создать благоприятную среду для формирования позитивного образа СССР. Нужны были более действенные средства, например, массивное продвижение советских материалов в итальянскую прессу или же издание собственного печатного органа. Так, имея в виду итальянскую печать и интерес к России в литературных кругах, Н.И. Иорданский сообщал члену коллегии НКИД Ф.А. Ротштейну о том, что «здесь очень плодородная почва, которая соответствующим образом не обрабатывается». Он также предлагал воспользоваться возможностью публиковать не только опровержения итальянских статей, но и размещать «настоящие материалы о политической, экономической, и, самое главное, культурной жизни в СССР»[669]. В результате длительного сотрудничества с русским журналистом С.М. Певзнером[670] в 1925 году, восстановившим свои связи с итальянскими коллегами, Иорданский посоветовал советскому информационному агентству РОСТА возможные темы статей, которые, по его мнению, могли вызвать живой интерес местной публики. Тем не менее, в своих попытках расширить деятельность в коммуникационной сфере полпредство не шло дальше расходов на итальянские газеты в зависимости от их усердия, прилагаемого к публикации лояльных в отношении СССР статей. Иорданский утверждал, что «на тот момент не

668 О патриархе Тихоне и об отношениях между Православной церковью и советским режимом см. последние работы Одницова М. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма 1917–1953 гг. М.: РОССПЭН. 2014; Roccucci. A. Stalin e il patriarca. La Chiesa ortodossa e il potere sovietico. Torino: Einaudi. 2011.

669 Письмо Иорданского Ротштейну, 29.9.1923. АВП РФ Ф.04. Оп. 20.Д.24, Л. 72.

670 См. Биографию Певзнера в Резник С. Самуил Маркович Певзнер // Евреи в культуре русского зарубежья под ред. Пархомовского М.А. Т. 4: 1939–1960. Иерусалим. 1995. С. 513–527.

было необходимости выпускать в Италии специализированный орган пропаганды о Советской России […] Главным образом потому, что эти газеты будут читаться самими издателями и авторами статей»[671]. Несмотря на первый восторг, с которым полпреды сообщали в Москву о расширении пропагандисткой деятельности полпредства, советские дипломаты оказались в вакууме, который фашистский режим постепенно создал вокруг советского представительства в Риме.

После признания СССР Италией, повлекшего за собой повышение статуса полпредства и расширение различного рода итало-советских контактов, Юренев не только реорганизовал внутреннюю работу представительства, но и расширил его функции, вследствие чего увеличился штат сотрудников. Так, в 1924 году был учрежден Отдел печати, руководимый Г.Л. Кирдецовым. В его задачи, в первую очередь, входило внимательное ознакомление с итальянской периодической печатью, а также составление регулярных отчетов о газетных кампаниях против СССР и о реакции прессы на события, так или иначе связанные с внешней и внутренней советской политикой. Все эти отчеты посылались в Москву по дипломатической почте. Среди обязанностей Кирдецова также был контроль над правильной интерпретацией переданных агентством РОСТА новостей, которые итальянское информационное агентство Стефани распространяло по различным газетам. Ему часто приходилось сообщать члену Коллегии НКИД[672] Ф.А. Ротштейну о халатном отношении к новостям РОСТА, подозревая в этом след белых эмигрантов, а также о многочисленных заметках, «написанных в недоброжелательном для нас ключе и присылаемых из Копенгагена, Варшавы и других фабрик ложных новостей»[673]. Для того, чтобы настроить итальянские газеты писать в приемлемом для советского правительства духе, полпредство устраивало обеды для редакторов и журналистов, публичные интервью полпреда, а также официальные приемы, во время которых полпреды и его сотрудники старались «завязать личные связи и побеседовать сразу с несколькими десятками человек, расширяя таким образом круг знакомств»[674].

---

671 Письмо Иорданского Ротштейну, 19.01.1924. АВП РФ Ф.04. Оп. 20.Д.24, Л. 48.

672 Коллегия НКИД – орган НКИД, отвечавший за кадры, административные вопросы и исполнение принятых руководством комиссариата решений.

673 Письмо Кирдецова Ротштейну, 16.2.1925. АВП РФ Ф. 056, Оп. 10, Д.25, Л. 20.

674 Доклад П.М. Керженцева Чичерину, июнь 1925. АВП РФ Ф.04. Оп. 20.Д.74, Л. 43.

Помимо публичных обедов и приемов, организуемых в стенах самого полпредства для руководителей крупных итальянских редакций, Кирдецов развивал активную деятельность по налаживанию личных связей с представителями журналистского мира. Имея за плечами длительный опыт пребывания в Италии, где начиная с 1906 года[675] он учился, а затем работал, уже будучи в должности заведующего Отделом печати, Кирдецов занялся восстановлением своих прежних знакомств. Так, его старый знакомый В. Гайда, в то время бывший редактором ежедневника Il Messaggero, входил в круг близких советскому полпредству людей, способствовал выходу советских публикаций, распространяя их через свое информационное агентство «Agenzia di Roma», размещал в Il Messaggero статьи того же Кирдецова, помогал ему завязывать новые знакомства в журналистском мире, представляя его различным итальянским авторам. Наконец, подводя итоги первых месяцев своей работы в Риме, Кирдецов писал в Москву, что «за последние два-три месяца нам удалось справиться с антисоветском духом этой газеты [имеется в виду Il Messaggero – прим. автора]. Конечно, она еще не стала просоветской, но уже хотя бы перестала публиковать отрывки из белоэмигрантской печати»[676].

Еще одним инструментом в арсенале советского полпредства была неофициальная финансовая поддержка итальянских газет и журналов, которые публиковали исключительно новости о России. Из анализа корреспонденции первого советника полпредства А.М. Макара становится ясной активная роль советского представительства в публикации журнала Russia под редакцией знаменитого уже в то время русиста Э. Ло Гатто. В своем письме от 1 марта 1925 года[677] в Москву Макар упоминает некое соглашение, в соответствии с которым должны были быть опубликованы все последующие номера журнала. Вышедший незадолго до этого номер, названный Макаром «переходным», состоял из присланных из СССР статей лишь частично. Следующий, вышедший в конце марта номер Russia содержал «материал, полностью перепечатанный из советской прессы и переданный нами редактору. В следующий раз мы постараемся не только поставить материал, но и сами отобрать

675 Telespresso N. 684/259 Dalla R. Ambasciata d'Italia nell'Urss al R. Ministero degli esteri, Mosca, 8.3.1929. ACS, MI DGPS Polizia politica, fasc. per persone, d. 685. О Кирдецове Г. Л. см. Accattoli A. Rivoluzionari, intellettuali, spie: i russi nei documenti del Ministero degli esteri italiano, "Europa Orientalis" 21, Salerno, 2013, PP. 272–274.

676 Дневник Г.Л. Кирдецова. 4.7.1924. АВП РФ Ф. 056, Оп. 20.Д.50. Л. 43.

677 Письмо Макара Ротштейну. 1.3.1925. АВП РФ Ф.056, Оп. 10, Д.25, Л. 27.

его для журнала»[678]. В подтверждение существования подобного соглашения можно привести написанное лично Ло Гатто предисловие к очередному номеру Russia, вышедшему в 1925 году. Прежде всего, он намекает на финансовые трудности, которые не позволяли ему публиковать журнал с обещанной читателям регулярностью. В абзаце, посвященном задачам журнала, Ло Гатто заявил о том, что в следующий раз «“Russia” будет продолжать следовать ранее намеченной программе, то есть близко знакомить итальянскую публику с русским народом сквозь призму истории, искусства и литературы. В новом году я также предприму попытку показать произошедшие в России изменения во время и после революции»[679]. Этот выбор в пользу современной России позволяет подозревать вмешательство советских работников из полпредства, в частности, в вопрос выбора тем и их интерпретаций.

Тот же контроль над публикуемым материалом советское полпредство осуществляло и в случае с журналом L’Italo-Russa, издаваемым одноименным торговым обществом, занимавшимся импортом-экспортом и основанным в 1925 году близким к советскому представительству бывшим членом КПИ Николой Бомбаччи[680]. Эти журналы, опосредованно публикуемые полпредством, предполагали крупные финансовые вливания, которые значительно утяжеляли бюджет посольства. Во второй половине периода с 1925 по 1926 гг. затраты на поддержание «правильного духа» журналов Ло Гатто (в статье бюджета под заголовком «для журнала "Russia"») доходили до 5.500 лир[681].

Представительство старалось «воспрепятствовать публикации ложных сведений о внутренней ситуации в СССР» не только на страницах фашистской печати, но и в оппозиционных органах печати. Одна из статей бюджета касалась финансирования оппозиционной газеты Sereno, которая, по сведениям Кирдецова, размещалась «на полпути между левыми либералами и демократами». Кирдецов следующим образом объясняет принятое им решение сотрудничать (читай – финансировать) с этой газетой: «Нам надо иметь в нашем распоряжении хотя бы один оппозицион-

678 Дневник Представителя СССР в Италии. 16.4.1925. АВП РФ Ф.056, Оп. 10, Д.25, Л. 44.

679 E. Lo Gatto Al lettore // Russia, 4–6, 10.3.1925. PP. 225–226.

680 В письме от 20.4.25 Макар сообщает в Москву о публикации первого номера журнала.

681 Смета особых расходов на период 1925–1926 гг. советского представительства в Италии, Рим. АВП РФ Ф.056, Оп. 10, Д.25, Л. 67.

ный орган для того, чтобы проводить нашу точку зрения по бессарабскому вопросу. На этой неделе газета уже опубликовала две статьи на тему Бессарабии и одну статью (в качестве корреспонденции из Парижа) о Соловецких островах. Важно, что все эти статьи вышли в оппозиционной газете в тот момент, когда вся итальянская оппозиция разворачивает против нас активную кампанию»[682]. В дальнейшем «инфильтрация» сотрудников советского полпредства на страницы Sereno привела к внутренним конфликтам в редакции и в итоге к закрытию газеты. Тесные связи с полпредством не могли не вредить и информационным агентствам, которые размещали (как очевидно, за денежное вознаграждение) просоветские материалы. Например, с агентством ATMO советским сотрудникам пришлось срочно «ограничить контакты» для того, чтобы связь с ними не привела к его закрытию[683].

### *3.2.4. Работа полпредства с итальянскими журналистами*

Очередным инструментом влияния советского полпредства на итальянское общество была его активная работа с итальянскими журналистами, выезжавшими работать в Москву. Советские дипломаты чередовали жесткие и насильственные меры с любезным ухаживанием в зависимости от политической ситуации и конкретных личностей. Одним из первых итальянских журналистов, посетивших СССР, был Роберто Сустер, корреспондент Popolo d'Italia. Как следует из его дневника[684], свое первое путешествие в Россию он совершил в 1924 году. Советское правительство обращало особое внимание на мнения, которые иностранные журналисты выражали о СССР по возвращении в свои страны, поэтому оно обязывало своих представителей за границей следить за их публикациями и поддерживать с ними личный контакт. Так, Р. Сустер и П. Сесса, корреспондент ежедневников Tribuna, Mattino, Resto del Carlino, часто посещали советское полпредство и вели долгие беседы с его сотрудниками. После своего возвращения из СССР в октябре 1924 года, во время визита в полпредство Сустер выразил критическое отношение к преследованию верующих в СССР, к плохой работе общественного транспорта,

682 Письмо Кирдецова Ротштейну, 22.11.1924. АВР РФ Ф. 056, Оп. 20. Д. 50. Л. 99.

683 Там же.

684 Suster R. Ai margini d'Europa. Milano: Libreria d'Italia. 1928. О советской России см. также Suster R. Il Bolscevismo russo contro l'Europa. Roma: Edizioni "Latium". 1942.

а также к самому, по его мнению, большому злу современной России – бюрократии[685]. Тем не менее, эти отрицательные отзывы о советской реальности не помешали Сустеру получить в 1925 году новую визу в СССР. Дело в том, что в результате нескольких встреч с Сустером Кирдецов заключил, что «Сустер не только безвредный, но, более того, его пребывание в Москве может оказаться полезным. Основываясь на своем опыте, я могу утверждать, что однажды побывавший в СССР журналист и получивший отказ в визе при повторном запросе, становится нашим врагом и начинает вредить нам по самым различным поводам»[686]. Первые корреспонденции Сустера из Москвы, публикации которых в Италии тщательно отслеживались советским полпредством, были «блеклыми и бессодержательными», что позволило ему остаться в России еще на три года. Однако, тон его публикаций постепенно менялся, становясь все более резким в отношении советского режима. Наконец, Сустер был признан нежелательным в Москве, а его кандидатура, предложенная агентством «Стефани», была отклонена НКИД в 1930 году.

Необходимо подчеркнуть, что в межвоенный период в Москве работало не так много итальянских журналистов по сравнению, например, с немецкими или американскими. Небольшое количество итальянских корреспондентов объяснялось недостаточным финансированием работы журналистов за границей, требовавшей серьезных денежных затрат со стороны редакций. К этому надо добавить, что, в частности, в Москве содержание одного журналиста выливалось в крупную сумму, принимая во внимание высокие цены на жилье и продукты питания для иностранцев. Особенность положения итальянских журналистов заключалась в том, что они были обязаны исполнять различные функции помимо основной – написания корреспонденций. Так, многие из них, играли роль посредников, как в интересах собственного правительства, так и крупных промышленных и коммерческих предприятий, которые финансировали их пребывание в СССР. Например, из бесед с Сустером Кирдецов сделал вывод о том, что «он выехал в СССР не столько в роли корреспондента «Popolo d'Italia», сколько в качестве делегата от Муссолини. Из некоторых его комментариев и рассказов можно предположить, что он в курсе всей

685 Дневник Кирдецова, 3.11.1924. АВП РФ Ф. 056, Оп. 20. Д. 50. Л. 67.

686 Письмо Кирдецова Ротштейну, 29.11.1924. АВП РФ Ф. 056, Оп. 20. Д. 50. Л. 1.

работы, проводимой Мандзони[687] в Москве и всех инструкций, которые он получает из Палаццо Киджи»[688]. В свою очередь, будучи в Москве, Сесса играл роль связующего звена между Итальянским посольством и НКИД, а также по сведениям НКИД участвовал в финансово-экономических проектах итальянских фирм, работавших в СССР. Однако, в конечном итоге его деятельность не принесла ожидаемых результатов[689]. С. Апонте был близок к «Министерству иностранных дел и одно время даже кандидатом в сотрудники Отдела печати Министерства»[690].

Обязанности работников советского полпредства не ограничивались мониторингом фашистской печати и информированием Москвы о политических позициях тех или иных журналистов и освещением ими событий, связанных с СССР. В их компетенцию входила также слежка за передвижением иностранных корреспондентов в России и своевременное информирование НКИД о предполагаемых маршрутах журналистов. «Потерявшийся» журналист освобождался от сопровождения со стороны вездесущих секретных агентов и приобретал полную свободу видеть и слышать то, что могло не понравится советскому правительству. Советское представительство за границей было одним из тех институтов власти, которые должны были не допускать свободного передвижения по территории СССР «опасных» журналистов, способных нанести вред образу советского режима за границей. Так, в январе 1927 года руководитель Отдела печати С.М. Певзнер был обвинен своим московским начальством в  недостатке информации о посещении Ленинграда итальянским журналистом Л. Магрини. В Москве серьезно рассчитывали на прибытие Магрини в столицу для того, чтобы «по возможности оказать на него влияние... Но мы не были Вами подготовлены к приезду Магрини. Было бы желательно, чтобы каждый раз, как будет намечаться подобное путешествие важного журналиста, мы получали бы от Вас подробные сведения»[691].

Как было показано выше, советское полпредство в Риме тщательно следовало директивам НКИД и осуществляло свою работу согласно двум основным зада-

687 Гаэтано Мандзони был первым послом Италии в СССР, назначенным в Москву с 1924 по 1927 гг.
688 Дневник Кирдецова, 3.11.1924. АВП РФ Ф. 056, Оп. 20. Д .50. Л. 67.
689 Письмо И.В. Шубина Певзнеру, 2.4.1926. АВП РФ Ф. 056, Оп. 11, Д. 17, Л. 37.
690 Письмо Керженцева Ротштейну, 13.7.1925. АВП РФ Ф.056, Оп. 10, Д. 25, Л. 93.
691 Письмо Шубина Певзнеру, 11.1.1927. АВП РФ Ф. 056, Оп. 12. Д. 10, Л. 17.

чам пропагандистского и осведомительного характера. С одной стороны, оно исполняло функции распространения положительных сведений о СССР по каналам национальной прессы и благодаря личным связям, с другой, собирало различного вида информацию, которую затем передавало в Москву по дипломатическим каналам (сведения об итальянских журналистах, о национальной печати, общественное мнение по разнообразным вопросам и т. д.). Находясь в центре и координируя все виды деятельности своих сотрудников (как официальных, так и тайных), полпредство, дабы иметь возможность исполнять свои функции, должно было заслужить перед итальянским руководством политическую и моральную репутациею. Однако, в случае с советским полпредством, заслужить ее и поддерживать в течение длительного времени оказывалось нелегкой задачей.

### *3.2.5. Особенности функционирования советского полпредства в Риме*

С учетом политической обстановки в Италии исполнение двух упомянутых выше обязанностей, составлявших важную часть деятельности, строго подчиненную получаемым из Москвы инструкциям, ставило полпредство в сложное положение. Репутация советских работников, иными словами, их лояльное отношение к правительству Муссолини, предполагавшее соблюдение дипломатической корректности и невмешательство во внутренние дела, станут предметом анализа данного параграфа. Прежде чем перейти к поставленной задаче, было бы интересно ответить на вопрос о тех сложностях, с которыми приходилось сталкиваться советским дипломатам в их деятельности по освещению большевистского режима, подробностей жизни в СССР, этапов «социалистического строительства» и т. д.

С начала своей работы в Италии полпреды и начальники Отдела печати жаловались своему московскому руководству на недостаток информации о СССР, доходящей до Италии. Очевидно, что в эпоху, предшествующую интернету, основным средством доставки информации была почта. Именно через нее отправлялся печатный материал для ознакомления и дальнейшего перевода на иностранные языки в целях широкого распространения среди западной публики. Однако именно этот, единственный, по сути, канал не был налажен, и полпредство оказывалось в опре-

деленном смысле в информационном вакууме, особенно если к этому добавить часто запаздывавшие ответы на крайне важные для советских дипломатов в Италии вопросы.

Как только второй советский полпред, Керженцев, прибыл в Рим, он тотчас же написал Литвинову, на тот момент заместителю Чичерина, письмо о состоянии советской пропаганды в Италии: «Мое первое впечатление, которое я вынес из всех моих встреч, наводит меня на мысль о том, что нам предстоит предпринять еще много усилий, чтобы увеличить объем информации о России для предоставления в местные редакции и политические круги. То, что здесь делалось до моего приезда, меня абсолютно не устраивает. Но как мы можем информировать итальянцев, когда в полпредстве нет даже самых простых книг, нет журналов и путеводителей по Советской России ни на одном иностранном языке?!»[692]. В 1925 году руководитель Отдела печати утверждал, что «знания о России продолжают оставаться на уровне 1919–1920 гг. Требуется усердная, и в то же время гибкая работа, которую можно успешно провести только при условии ее широкомасштабного планирования, то есть, имея в распоряжении богатый информационный материал и хорошо организованный технический аппарат»[693].

Однако, из Москвы не пришло ожидаемого ответа, выражавшего готовность к сотрудничеству в области связи с общественностью, какой она представлялась работавшим на месте советским дипломатам. Спустя год после приведенной выше корреспонденции положение с информированием итальянской публики не изменилось, несмотря на частые напоминания из Рима. Единственным источником информации о СССР для полпредства длительное время оставался Бюллетень НКИД, в котором, главным образом, приводились экономические достижения советской промышленности и сельского хозяйства, которые, по мнению советского руководства, должны были оказать наибольшее воздействие на западное общественное мнение. Тем не менее, этот «неподъемный, неудобоваримый материал оказывался бесполезным даже для публикации в тех газетах и журналах, в которых не представляло

692 Письмо П.М. Керженцева Литвинову. 29.5.1925. АВП РФ Ф. 04. Оп. 20.Д.74. Л. 65.
693 Письмо Кирдецова Ротштейну. 28.4.1925. АВП РФ Ф. 04. Оп. 20. Д. 50. Л. 25.

никакой сложности его разместить»[694]. К этой трудности необходимо также добавить крайне медленные темпы отсылки информационных материалов, специально запрашиваемых полпредством в ответ на возникавший интерес итальянской публики к различного рода вопросам о жизни в СССР.

Помимо недостаточного количества необходимых печатных материалов и их низкого качества, мало подходящего для итальянских читателей, существовала также финансовая проблема, существенно затруднявшая деятельность Отдела печати советского полпредства в Риме. Деятельность Отдела печати не ограничивалась технической работой по мониторингу всей итальянской печати, о чем было сказано выше. В обязанности руководителя Отдела входило также установление и поддержание профессиональных связей главным образом в мире журналистики, что означало затраты на официальные и полуофициальные встречи различного формата. Установленные отношения должны были служить для продвижения («инспирации» на профессиональном сленге того времени) статей в итальянских газетах, или же для оказания давления на редакции, часто «забывавшие» вовремя опубликовать присылаемые из РОСТА материалы. Очевидно, что, как на роскошные ужины и обеды в лучших ресторанах Рима, так и на «смазывание» фашистской бюрократической телеги уходило немало казенных средств, которые не всегда согласовывались с московским руководством, с большим трудом выделявшим суммы на «красивую жизнь» своих представителей в Риме. Преемник Певзнера, В. Курносов, даже жаловался на отсутствие необходимых средств для исполнения своих прямых обязанностей по информированию о СССР и более того, открыто писал о том, что ему приходилось тратить личные средства на рабочие встречи и оплату размещенных статей.  Наконец, в течение трех лет после отъезда из Рима Курносова должность руководителя Отделом печати оставалась вакантной до 1933 года, когда полпредом был назначен В.П. Потемкин. Он придал новый импульс советско-итальянским отношениям и возобновил работу Отдела печати с целью сближения с фашистской Италии на основе открытости и большей информированности о СССР.

Эта сравнительная закрытость советского представительства в 1920-е годы отчасти объяснялась неустойчивым характером отношений между Италией и СССР

694 Письмо Певзнера Ротштейну. 7.9.1926. АВП РФ Ф. 056, Оп. 11. Д. 17. Л. 93.

(начиная с намерения в 1925 году подписать договор о политическом сотрудничестве и заканчивая риском разрыва отношений из-за позиции Италии по бессарабскому вопросу в 1927 году) и второстепенной ролью Италии в сфере международных интересов советского руководства. С другой стороны, существование двух враждебных режимов, готовых в любой момент начать агрессивную журналистскую кампанию друг против друга, а также жесткий контроль итальянской полиции за любыми проявлениями коммунистической пропаганды на территории Италии, останавливали Москву от крупных затрат с целью распространения информации о СССР через такой легальный канал, как полпредство. Стоит отметить, что любая новость о СССР воспринималась итальянскими силами правопорядка и фашистским руководством как пропаганда советского режима. Необходимо также добавить, что, возможно, в Москве руководствовались мыслью о том, что в подобной ситуации не стоило рисковать репутацией своего полпредства ради заранее обреченных на неудачу попыток легальной пропаганды советского режима.

Очередным объяснением слабой заинтересованности руководства НКИД в итальянском Отделе печати может служить его опасение поставить под удар политические и экономические отношения с Италией из-за слишком активной пропаганды. В результате подобной позиции советского руководства во второй половине 1920-х гг. общественная деятельность полпредства была резко ограничена. В мае 1927 года тайный агент Политической полиции писал в своем докладе о сокращении финансирования Отдела печати советского полпредства, что привело к «значительному уменьшению количества его посетителей»[695]. В другом докладе говорилось о сворачивании затрат на деятельность всего Советского посольства на 50%»[696]. Результатом подобной политики центра в отношении своего представительства в Риме было сокращение контактов к концу 1920-х годов и его изолированность от окружавшего итальянского мира, что было особенно заметно в сравнении с остальными иностранными посольствами. Одной из причин подобного положения была сомнительная для итальянской полиции роль полпредства в деятельности агентов Коминтерна в Италии.

695 ACS. Ministero dell'Interno, Polizia Politica, Cat. M 12. d. 1. f. 2. 5 maggio 1927.
696 Ibid. 31 maggio 1927.

### *3.2.6. Взаимодействие полпредства и Коминтерна в Италии*

Репутация советских дипломатов и в целом лояльность советского представительства в отношении фашистского режима во многом зависели от того, насколько они оказывались независимыми и не вовлеченными в подпольную деятельность Коминтерна, которая рассматривалась итальянским правительством как угроза его власти.

Созданный в 1919 году Коминтерн наряду с НКИД являлся одним из инструментов внешней политики СССР. Если Комиссариат иностранных дел действовал по правилам традиционной дипломатии и следовал линии «мирного сосуществования» с капиталистическим миром, согласно ленинским послереволюционным установкам, проводимым в жизнь Чичериным[697], то Коминтерн отражал верность советских лидеров радикальной теории мировой революции и ее интерпретации как основного условия безопасности нового советского государства[698]. Решения руководства Коминтерна не шли вразрез с интересами СССР и ВКП (б), что предопределило его роль в качестве политического рычага в деятельности советского правительства и компартии в области внешней политики[699]. В зависимости от политической конъюнктуры приоритеты внешней политики СССР менялись, что влекло за собой чередование в использовании того или иного средства, НКИД или Коминтерна.

Согласно некоторым исследователям в период с 1919 года до середины 1920-х годов НКИД выполнял, главным образом, подчиненную, вспомогательную роль в отношении проводимых Коминтерном действий[700]. Однако, анализ внутренней переписки римских дипломатов с московским руководством позволяет сделать вывод о самостоятельной позиции советских полпредов и их способности к реалистическому мышлению, свободному от жестких идеологических установок, в частности, направленных на подготовку мировой революции при помощи подпольной дея-

---

697 См. Подробнее: E.H. Carr Le origini della pianificazione sovietica. Vol. IV. L'Unione Sovietica, il Comintern e il mondo capitalistico 1926–1929. Torino: Einaudi. 1978. PP. 7–10.

698 A. Di Biagio Coesistenza e isolazionismo. Mosca, il Comintern e l'Europa di Versailles (1918–1928). Roma: Carocci. 2004. P. 22.

699 Адибеков К.М., Шириня К.К Предисловие // Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Коминтерн. 1919–1943 документы. М.: РОССПЭН. 2004. С. 5.

700 A. Di Biagio. Op. Cit. P. 32.

тельности секретных агентов Коминтерна. Уже Воровский, ознакомившись с положением дел в Италии и осознав природу фашизма, с одной стороны, враждебного коммунизму, а с другой, следовавшего в своей политике национальным интересам, стал настаивать на четком размежевании сферы действий официальных представительств и агентов Коминтерна. Связь с последними, по мнению Воровского и некоторых его преемников, препятствовала достижению задач, решаемых дипломатией.

С начала существования Коминтерна его отношения с работниками НКИД были строго регламентированы декретами Политбюро РКП (б), бывшего руководящей инстанцией для обоих институтов. В «Тезисах о взаимоотношениях между органами Наркоминдел и Коминтерна», выпущенных в мае 1921 года, был четко прописан «способ использования» дипломатического аппарата коммунистической организацией. Более того, «полпреды были обязаны «оказывать всякое содействие представителям Коминтерна за границей, считаясь при этом с необходимой конспирацией»[701]. Тем не менее, спустя десять дней после этого заседания Политбюро принимает решение «безусловно запретить всякую нелегальную работу и деятельность как послам и ответственным должностным лицам Советских представительств за границей, так и курьерам и всяким другим служащим»[702].

Та же динамика смены акцентов в руководстве внешней политикой прослеживается и на примере деятельности советского полпредства в Риме. В отправленном на имя Воровского письме Ленин открыто призывает дипломата увеличить помощь итальянским коммунистам: «Помогаете ли Коммунистам? Надо. Непременно надо. Архиконспиративно, конечно. Они неопытны, глупят. «Левят». […] Надо учить, учить и учить их работать, как работали большевики. Учить непременно статьями, непременно в печати. Найти для сего итальянца и через него действовать. Положение прекрасное, рабочие хорошие, а побить жулика Серрати не умеют. Научите их христа ради»[703]. В 1925 году ситуация изменилась. Члены Политбюро отклонили предложение комиссии ИККИ учредить центральный орган в Москве для коорди-

---

701 Из протокола № 21 заседания Политбюро ЦК РКП (б), 4.5.21. РГАСПИ Ф. 17, Оп. 3, Д. 158, Л. 2. 6–7 // Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Коминтерн. 1919–1943 документы. Указ. Соч. С. 75.

702 Из протокола № 27 заседания Политбюро ЦК РКП (б), 1 4.5.21. РГАСПИ Ф. 17, Оп. 3, Д 164, Л. 2. // Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Коминтерн. 1919–1943 документы. Указ. Соч. С.76.

703 Письмо Ленина Воровскому, 8.9.21. РГАСПИ Ф. 2. Оп. 1, Д. 24693 // Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Коминтерн. 1919–1943 документы. Указ. Соч. С. 96.

нации действий боевых организаций при существовавших на тот момент коммунистических партиях, включая итальянскую. Политбюро признало это предложение «нецелесообразным»[704]. Это изменение приоритетов внешней политики СССР нашло также свое косвенное подтверждение в речи Муссолини, произнесенной в сенате 20 мая 1925 года. Среди прочих пунктов, касавшихся отношений Италии с СССР, итальянский премьер-министр упомянул о том, что «до настоящего момента итальянскому правительству не в чем упрекнуть русских дипломатических представителей в Италии, а также торговых агентов […]. До сих пор их поведение было безупречным»[705]. Муссолини также признавал существование четкого разграничения работы дипломатического корпуса и подпольной деятельности агентов Коминтерна, прогнозируя на будущее «усиление позиции России в мире, что повлечет за собой вынужденный отказ Советского правительства от единства действий с Третьим Интернационалом»[706].

Тем не менее, секретная деятельность Коминтерна и связанных с ней организаций бросали тень на дипломатические отношения между СССР и Италией. В сентябре 1926 года Муссолини указал Керженцеву на подпольную деятельность ячейки МОПР[707] при филиале советской Торговой миссии в Милане, пользовавшейся дипломатическим иммунитетом[708]. Этот неприятный для советской дипломатии инцидент ослабил позиции СССР в переговорах с Муссолини по бессарабскому вопросу и о возможном подписании договора о дружбе между двумя странами[709].

Личность самого полпреда, официального представителя СССР в Италии, так или иначе, оказывала воздействие на восприятие советской внешней политики на международной арене и, в частности, в Италии. Так, например, во время итало-советского кризиса, возникшего из-за ухудшения отношений между СССР и Великобританией[710] (закончившегося официальным разрывом в мае 1927 года), фигу-

---

704 Из протокола № 52 заседания Политбюро ЦК РКП (б), 13.3.1925. РГАСПИ Ф. 17, Оп. 162. Д. 2. Л. 87 Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Коминтерн. 1919–1943 документы. Указ. Соч. С. 306.

705 Mussolini B. Scritti e discorsi dal 1925 al 1926. Vol. 5: Dal 1925 al 1926. Milano: Hoepli.1934. P. 77.

706 Ibid. P. 76.

707 МОПР – Международная организация помощи борцам революции основана в 1922 году по решению Коминтерна.

708 Об обнаружении ячейки МОПР при Торговой советской миссии в Милане см. ASD MAE, Affari politici 1919–1930, b. 1547.

709 Хормач И.А. Указ. соч. С. 58. Quartararo R. Italia-Urss, 1919–1941. I rapporti politici. Roma: Eduzioni scientifiche italiane. 1997. P. 79.

710 Италия в тот период находилась в фарватере английской внешней политики.

ра Л.Б. Каменева, возглавлявшего Полпредство с 26 ноября HYPERLINK "https://ru.wikipedia.org/wiki/1926"1926 по 7 января 1928, рассматривалась в фашистской Италии как «самого авторитетного сторонника пролетарской революции»[711]. Итальянской политической полиции были известны его речи, в которых Каменев описывал роль советских дипломатов в Италии как «самую щекотливую и трудную. Не только в Москве, но и повсюду пролетариат всего мира ждет активных результатов их работы. Будучи первым учеником и другом Ленина, он держит и несет по всем странам знамя Коминтерна»[712]. Период руководства Каменева полпредством был отмечен дипломатическим бездействием (отсутствием контактов с крупными политическими деятелями и сотрудниками Министерства иностранных дел Италии), общей изоляцией полпредства от итальянской жизни и тесным сотрудничеством с местными коммунистическими кругами (несмотря на официальный запрет всем работникам советских представительств за границей вмешиваться во внутренние дела стран их пребывания). В частности, итальянской полиции было известно о тесных связях Каменева со структурами Коминтерна и КПИ. Положение Представительства изменилось с назначением нового полпреда Д.И. Курского, который не замедлил продемонстрировать свою независимость от Коминтерна, официально заявив, что он «представляет интересы русского государства, а не коммунистической партии»[713]. Более того, новый полпред подписал распоряжение, запрещавшее всем работникам посольства принимать какое бы то ни было участие в политической жизни Италии[714].

Итальянскому правительству были известны контакты советского представительства с агентами ИККИ, а также с итальянскими коммунистами. Об этом не раз писалось в докладах тайной полиции, тщательно следившей за советским полпредством и подозревавшей его работников в тесных связях с Коминтерном, ОГПУ и КПИ[715]. Тем не менее, необходимо осторожно подходить к интерпретации докладов итальянской полиции, в которых говорится об активной роли советского полпред-

711 2.12.26. ACS, MI DGPS Polizia politica, Ambasciata sovietica, d. 1, fasc. 2.

712 Ibid. 3.2.27.

713 15.2.28. ACS, MI DGPS Polizia politica, Ambasciata sovietica, d. 152. fasc. 9.

714 Хомач И.А. Указ. Соч. С. 72.

715 См. Maffei R. L'ombra della GPU a Roma. Lo spionaggio sovietico nell'Italia fascista attraverso le carte di polizia (1926–38) // Nuova storia contemporanea. 2011. №2. P. 25–52.

ства в подпольной деятельности Коминтерна на территории Италии. Так, например, в некоторых из них выражались подозрения в использовании здания посольства на виа Гаэта с целью хранения оружия или же в руководящей роли работников полпредства в организационной деятельности КПИ. Прежде всего, стоит отметить, что многие хранящиеся в римском архиве секретные донесения были написаны по-французски, что заставляет подозревать в качестве их автора русского белого эмигранта, под прикрытием работавшего в полпредстве или же кого-то из русских («бывших»), находившихся в тесном контакте с работниками посольства. Поэтому можно предположить, что информация, собранная офицерами царской армии, искренне ненавидевшими советский строй и его представителей, помноженная на параноидальный страх итальянских сил правопорядка перед распространением коммунистической заразы[716], была далека, или как минимум неточна, в передаче сведений о деятельности советского полпредства. Зачастую подозрения информаторов оказывались необоснованными и не подтверждались последующими проверками. Например, 16 марта 1927 года поступившее в политическую полицию сообщение на французском языке содержало предупреждение о том, что советское посольство передало в Исполнительный комитет КПИ приказ о немедленном «формировании так называемых Рабочих бригад». Далее добавлялось, что члены посольства уполномочены проконтролировать исполнение этого приказа[717]. После того, как римская Квестура осуществила ряд мер, направленных на проверку этих сведений, выяснилось, что сообщение было необоснованным, как и многие другие материалы подобного рода, обвинявшие сотрудников полпредства в тайной деятельности по подрыву фашистского режима. Можно предположить, что советское правительство так или иначе по каналам Коминтерна осуществляло подпольную деятельность скорее по сбору информации и поддержанию контактов с оставшимися в Италии коммунистами, однако трудно вообразить, что Кремль действительно намеревался подорвать фашистский режим, учитывая, что для этого были необходимы крупные финансовые средства и отлаженный механизм на территории фашистской Италии.

---

716 На тему боязни «коммунистической заразы» см. Lomellini V. La "grande paura" rossa. L'Italia delle spie bolsceviche (1917–1922). Milano: Franco Angeli. 2015.

717 Appunto per l'On. Divisione affari generali riservati, 16.3.27. ACS, MI DGPS Polizia politica, Propaganda comunista, b. 94, fasc. 8.

В любом случае, даже допустив возможность инфильтрации тайных агентов Коминтерна в Италию и их успешной работы (чему нет фактических доказательств), полпредство должно было оставаться с максимально чистой и безупречной репутацией в глазах фашистского правительства ради поддержания мирных и конструктивных отношений, в которых как минимум до 1935 года были заинтересованы обе стороны.

### *3.2.7. Сотрудничество полпредства с ВОКС*

Гораздо менее болезненным с точки зрения разделения компетенций и более плодотворным было сотрудничество полпредства с ВОКС (Всесоюзное Общество культурной связи с заграницей). Формально ограничиваясь чисто культурными задачами и вовлекая сравнительно небольшое число участников в проекты, на первый взгляд, далекие от политики, ВОКС удавалось действовать в Италии, устанавливая и поддерживая связи между советскими и итальянскими интеллектуалами, а также организуя в СССР поездки крупных итальянских деятелей, представителей мира науки и искусства.

Общество было основано в марте 1925 года на базе созданной в 1923 году Комиссии заграничной помощи (КЗП) при ЦИК СССР[718]. НКИД изначально принял активное участие в работе ВОКС в виду того, что одной из его задач было распространение за границей информации о культурной жизни в СССР, что, в свою очередь, как это было показано выше, входило в круг деятельности зарубежных представительств НКИД. В записке, посланной работниками НКИД в учредительную комиссию ВОКС в начале 1925 года уточнялось, что «НКИД полагает, что его участие в работах Общества не может приравниваться к роли других отделов и Министерств. Деятельность Общества не может осуществляться без надлежащего надзора со стороны НКИД»[719]. Эта решительная позиция НКИД предопределила не только его тесное сотрудничество с организационной структурой ВОКС в зарубежных странах, но и их частые контакты с дипломатическими представительствами

718 Гриднев Ю.А. Создание ВОКС. Задачи и цели // Историки размышляют: сборник статей под ред. Семенникова Л.И. М.: Звездопад. 2000. С. 286.

719 Особое мнение НКИД по пункту 5. АВП РФ Ф.056, Оп. 10, Д. 34, Л. 98.

НКИД, как, например, в случае с Италией. Можно предположить, что ВОКС был создан в качестве филиала НКИД, нечто вроде Отдела по распространению советской культуры за границей. Стоит заметить, что, в частности в Италии, представители ВОКС одновременно являлись атташе по культуре в полпредствах[720]. Будучи зависимым в своей деятельности от НКИД, ВОКС отчитывался в своей деятельности также перед Коминтерном, а его представители принимали участие в совещаниях РКП (б) и Отдела Агитпоп при коммунистической партии[721].

В задачи ВОКС входило распространение информации о СССР в культурных и научных кругах за границей. Общество должно было также организовывать работу культурных ассоциаций и союзов, состоявших из сочувствующих советскому режиму[722]. Италия также вошла в круг интересов этого по сути государственного, однако, внешне общественного института. Не располагая необходимыми финансовыми средствами и будучи ограниченной в своей пропагандистской деятельности по очевидным причинам среди итальянских интеллектуальных просоветски настроенных кругов, руководство еще существовавшей в то время КЗП, возглавляемой О.Д. Каменевой (сестрой Л.Б. Троцкого и женой Л.Б. Каменева) приняло решение передать функции своего представителя в Италии первому советнику римского полпредства А.М. Макару. В сотрудничестве с начальником Отдела печати полпредства Кирдецовым Макар предпринял первые попытки создать просоветски настроенное общество в Италии и установить тесные связи между научно-культурными деятелями Италии и СССР. Активную роль в создании Итальянского общества друзей СССР играл Ло Гатто, который был «назначен секретарем Общества на время его создания и обязывался предпринять все необходимые действия для учреждения Общества»[723]. Тем не менее, кандидатура Ло Гатто в качестве представителя интересов советского правительства не принесла ожидаемых результатов. После первых рабочих встреч полпредство вынуждено было приостановить процесс учреждения Общества. В своем письме Каменевой Макар объясняет причины возникших за-

720 Гриднев Ю.А. Создание ВОКС. С. 294.

721 Coeuré, S. La grande lueur à l'est. Les Français et l'Union Soviétique 1917–1939. Paris: Edition du Seuil. 1999. P. 53.

722 Подробнее о ВОКС см. Fayet J.– F. VOKS. Le laboratoire helvétique, Histoire de la diplomatie culturelle soviétique dans l'entredeuxguerres. Genève: Georg Editeur. 2014

723 Приложение к письму А.М. Макара О.Д. Каменевой. Бюллетень о заседании Учредительной комиссии от 24.2.1925. ГА РФ Ф. 5283. Оп. 7. Д. 535.

труднений: «Проблема в Риме заключается в том, что мы не можем выйти на нужного нам человека. Мы без передышки ищем этого другого человека, но не находим его. Атмосфера очень неблагоприятная, так как демократическая часть римского общества из-за трусости и враждебности в отношении к нам представляет из себя неприемлемое для Итало-советского общества сближения средство»[724]. Советские дипломаты даже попытались использовать поездку итальянских интеллектуалов в СССР[725], чтобы придать очередной толчок созданию Общества.

Попытка советского Полпредства учредить Итало-советское общество сближения так и не удалась. В итоговом докладе за 1929 год работник Отдела романских стран вынужден был признать, что «сложно говорить об организации советско-итальянского культурного Общества […] Фашистское правительство будет претендовать на полный контроль за таким обществом, а значит, ни одно событие невозможно будет организовать без его участия и одобрения.[…] Вследствие этого деятельность ВОКС в Италии плохо организована и часто принимает непредусмотренные формы»[726]. Итальянский филиал ВОКС, как очевидно, не отличился выдающимися результатами прежде всего по причине внутренней политической обстановки в Италии, ставшей с приходом фашизма к власти театром одного актера. Однако, советским представителям все же удалось завязать некоторые контакты в научно-культурной среде, организовать участие деятелей искусства СССР в Венецианской Биеннале, на международных книжных выставках, театральных турне по Италии, а также показ советских фильмов во время Венецианского кинофестиваля.[727]

***

Подчинение полпредства сразу трем высшим инстанциям, НКИД, Коминтерн и ВОКС, лишь внешне представляется проблематичным, так как все три органа, по сути, представляют эманацию одного – Политбюро РКП (б), высшего партийного

724 Письмо от Макара Каменевой. 27.6.1925. АВП РФ Ф. 04. Оп. 20. Д. 74. Л. 81.

725 В 1925 году Российская академия наук была переименована в Советскую академию наук. На празднование этого события были приглашены многие иностранные деятели науки и культуры.

726 Годовой отчет романского Отдела, Италия // ГА РФ Ф. 5283. Оп. 2. Д. 62. Л. 16.1.

727 См. об участии ВОКС в организации показа советских фильмов на Венецианском кинофестивале см. Pisu S. Stalin a Venezia. L'URSS alla mostra del cinema fra diplomazia culturale e scontro ideologico (1932–1953). Soveria Mannelli: Rubbettino. 2013.

и, по сути, государственного института. Противоречие между задачами, которые ставились НКИД и Коминтерном перед полпредством, отражало, по сути, единую политику самого советского правительства, старавшегося одновременно развивать мирные дипломатические отношения с капиталистическими странами и поддерживать враждебные им национальные коммунистические движения. На практике же реализация двух направлений внешней политики оказывалась гораздо сложнее, принимая также во внимание идеологическую среду, в которой приходилось работать советским дипломатам.

Советские дипломаты одновременно пытались следовать спущенным из Москвы правилам поведения за границей в общении с иностранными коллегами и политиками, что означало полное невмешательство во внутренние дела, в частности Италии, и оказывать поддержку агентам Коминтерна в их секретной деятельности на территории Италии. Находясь под пристальным надзором итальянской полиции, испытывая давление фашистских активистов, антифашистов и итальянских коммунистов в Италии, а также, будучи вынужденными исполнять указания сразу трех, часто несогласных друг с другом советских ведомств, римское полпредство оказывалось под перекрестным огнем, что превращало его для советских работников в одно из самых нелегких мест несения дипломатической службы. Они должны были действовать, с одной стороны, в установленных фашистским правительством рамках лояльности, а с другой, продолжать нести революционное знамя, не изменяя коммунистическим ценностям и служа образцом для итальянских коммунистов.

На фоне всех перечисленных выше трудностей полпредство должно было исполнять свои основные задачи, одну из которых составляло формирование позитивного образа СССР в итальянском обществе, а также сбор необходимой для советского руководства информации о внутреннем положении в Италии. Сложности в реализации этих задач были также связаны с идеологической враждебностью фашистского режима, а также с неопытностью самих советских дипломатов и еще плохо налаженной работой всего внешнеполитического советского ведомства. Слабые возможности по внедрению в высшее итальянское общество в сравнении с другими странами, немногочисленность контактов с политическими деятелями, не-

развитость связей с миром печати, глубокое недоверие, которые питали интеллектуальные круги к представителям советского режима, привели к очевидной изоляции советского посольства в 1920-е годы. Медленное открытие дверей полпредства началось с назначением Д.И. Курского в качестве полпреда, который затем в 1933 году был заменен на В.П. Потемкина, подписавшего Пакт о дружбе, ненападении и нейтралитете.

# Глава IV. СССР и общественные умонастроения итальянцев во время Второй мировой войны

Неверно было бы пытаться свести представления о советской России в фашистской Италии к однозначной и неизменной во времени системе образов. Многофакторный анализ формирования представлений позволяет выявить источники поступления сведений о России в итальянское общество, определить составляющие элементы информационного поля и спрогнозировать вероятный результат их влияния на складывание общественного мнения. Попытка воссоздать различные потоки информации была проведена в предыдущей статье автора[728]. Однако этого еще недостаточно для выявления действительных представлений о России, распространенных в Италии в период войны. Следующий шаг предполагает анализ усвоенных сведений, иными словами исследование непосредственного результата воздействия всех упомянутых внешних факторов на формирование представлений о СССР. Необходимо рассмотреть это сложное культурное явление в динамике, в зависимости от выражающих его социальных групп, от их политических взглядов и экономического положения, а также от их морально-психологического состояния.

При написании работы был использован широкий круг разнообразных источников, созданных в предвоенный и военный периоды, – донесения тайных агентов и информаторов, отчеты префектов полиции, письма с фронта, воспоминания и дневники участников военных действий, интервью с ветеранами войны, позволяющих сопоставить мнения, отзывы, характеристики, так или иначе связанные с СССР, сгруппировать их в отдельные категории и сделать выводы об основных тенденциях общественных настроений, причинно-следственных связях их изменений, а также выйти на более широкий круг вопросов, связанных с эффектностью политики фашизма в сфере формирования общественного консенсуса. В работе над статьей преднамеренно не был задействован круг источников, касающихся умонастроений и действий антифашистов. Их невосприимчивость к фашистской пропаганде, невозможность свободы самовыражения, а также отсутствие их голоса на страницах

728 Дубровина О.В. Советская Россия в общественных умонастроениях итальянцев в годы Второй мировой войны: источники и методика изучения // Исторический журнал: научные исследования, 2015. № 6. С. 678–687.

исследуемых нами источников (есть сомнения в том, чтобы решительно настроенные антифашисты находились не в подполье или за границей, а воевали на стороне Муссолини) позволяют вывести их за рамки данного исследования с учетом в то же время их деятельности, оказавшей определенное влияние на население.

Таким образом, в данной главе делается попытка определить уровень воздействия фашистской пропаганды на итальянское общество, воссоздать комплекс знаний и представлений о СССР при фашизме, а также проследить динамику их изменений за военный период и выяснить лежащие в их основе факторы. Хронологически глава охватывает период с 1941 г. (вступление СССР в войну) по 1943 г. (падение фашистского режима, выход Италии из войны, начало движения Сопротивления).

Прежде чем ответить на вопрос о том, какие представления были распространены среди итальянского населения о СССР к началу войны и какие изменения они претерпели во время военных действий, постараемся выяснить, в чем состояли, по мнению итальянцев, цели участия Италии в военном конфликте против России; какими мыслями итальянские солдаты шли на восточный фронт; что толкало гражданское население с повышенным вниманием следить за развитием событий в СССР. Ответ на эти вопросы позволит приблизиться к пониманию сложившейся в период фашистской диктатуры системы представлений о России, в частности, о ее политическом строе и русском народе, а также выявить степень влияния пропаганды на массовое сознание.

### §1. Цели войны и уровень эффективности фашистской пропаганды

При анализе представлений итальянцев о русских и о России непосредственно до войны и в период военных действий необходимо прежде всего учесть массивную антисоветскую пропаганду, проводимую Муссолини начиная с первых лет его пребывания у власти. Противопоставляя фашизм коммунизму, фашистские идеологи старались выявить преимущества итальянского политического режима, его социальной и политической составляющей по сравнению с советский строем. В первую очередь печать, а затем кинематограф и радио использовались в качестве

основных инструментов влияния на широкие массы населения. Поэтому не вызывают удивления антисоветские настроения большинства итальянцев. Это, однако, не исключало существования и антифашистских взглядов среди итальянцев, живших традициями «красного двухлетия», для которых СССР являлся символом построения справедливого общества, а фашистская пропаганда оказывала обратный эффект, убеждая их в правоте своих взглядов[729].

В качестве основного движущего мотива прежде всего следует упомянуть его идеологическую составляющую, иными словами борьбу за уничтожение большевизма как основного оппонента фашизма и нацизма. Накануне отправки итальянского корпуса на южный фланг Восточного фронта  инспектор OBPA в Турине утверждал, что «конфликт с Россией в представлении общественного мнения является чисто идеологическим, так как предусматривает не изменение границ или присоединение территорий, а исключительно устранение коммунизма»[730]. Это предопределило реакцию населения на новость о нападении Германии на СССР: «В комментариях выражалась крайняя степень энтузиазма по отношению к войне против большевизма»[731], поскольку «основной принцип фашизма – это безжалостная борьба с коммунизмом»[732]. Большевизм представлялся как зло, в борьбе с которым необходимо было спасти прежде всю римскую цивилизацию. «Сейчас наконец-то пришло осознание нашей принадлежности к западному миру, к цивилизованным народам, вынужденным сражаться во имя спасения этой цивилизации. Среди населения есть понимание того, что если она падет, то все без исключения нации погрязнут в варварстве. Сама основа нашего цивилизованного образа жизни, в том числе институт семьи, как никогда находится под угрозой. Очевидно, что

729 О роли фашистской пропаганды и ее влиянии на общественное сознание см. Cannistraro Ph. La fabbrica del consenso. Fascismo e mass media. Roma–Bari: Laterza, 1975; Белоусов Л. С. Режим Муссолини и массы. М.: МГУ, 2000; Canali M. Repressione e consenso nell'esperimento fascista // Modernità totalitaria. Il fascismo italiano / A cura di E. Gentile. Roma–Bari: Laterza, 2008; Дубровина О.В. Советская Россия в общественных умонастроениях итальянцев в годы Второй мировой войны: источники и методика изучения // Исторический журнал: научные исследования, № 6, 2015, С. 682–685.

730 Relazione settimanale dell'ispettore OVRA sulle Condizioni dello spirito pubblico in Piemonte, Torino, 12 luglio 1941 [Еженедельный доклад инспектора OBPA в Пьемонте об общественных настроениях, Турин, 12 июля 1941] // Archivio Centrale di Roma (далее – ACS), MI, DGPS, SCP, B. 4.F.40.

731 Relazione settimanale dell'ispettore OVRA sulle Condizioni dello spirito pubblico in Lazio, Roma, 16 luglio 1941 [Доклад инспектора OBPA в Лацио об общественных настроениях, Рим 16 июля 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 228.F.2.

732 Relazione settimanale dell'ispettore OVRA sulle Condizioni dello spirito pubblico in Veneto, Venezia, 20 luglio 1941 [Доклад инспектора OBPA в Венето об общественных настроениях, Венеция 20 июля 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 229.F.1.

падение большевизма будет воспринято как освобождение от кошмара»[733]. Однако следует упомянуть и о существовании многочисленных категорий населения, таких как политически активные рабочие, либерально настроенные граждане, питавшие крайнюю неприязнь к фашизму и навязываемым им идеологическим установкам[734]. Большинство антифашистов отказывались бездумно воспринимать коммунизм как враждебную фашизму идеологию и применяли критический подход к постулатам фашистской пропаганды.

Тем не менее, враждебность в отношении советской идеологии не была случайной. Она системно культивировалась фашистским режимом, выбравшим одной из целей своей пропаганды формирование негативного образа идеологического противника, в особенности среди молодежи[735], обязанной в первую очередь откликнуться на призыв защищать ценности «римской цивилизации»[736]. Доклад миланского комиссара полиции свидетельствует об активном распространении антисоветских представлений и воспитании молодежи не только в фашистском, но и антисоветском духе. «По инициативе Федерального секретаря в течение недели в районных группах были проведены собрания с целью внедрения антибольшевистской пропаганды среди молодежи, которой не пришлось пережить эмоционального накала борьбы с большевизмом в послевоенный период (после Первой мировой войны – О.Д.)»[737].

Многие итальянцы были также убеждены, что с падением советского режима, а значит и с устранением опасности распространения большевизма в мире, будет установлен «предусмотренный Муссолини и Гитлером новый справедливый порядок в Европе, обеспечивающий благоденствие и процветание всех без исключения европейских народов»[738]. При этом среди широких слоев населения, судя по докладам тайных агентов, укоренилось убеждение, что «Россия активно содействует

733 Relazione settimanale dell'ispettore OVRA sulle Condizioni dello spirito pubblico in Puglia, Bari, 12 luglio 1941 [Доклад инспектора ОВРА в Апулии об общественных настроениях, 12 июля 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica,B. 230.F.3

734 Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. С. 308.

735 Подробнее см. Белоусов Л.С. Италия: молодежь против фашизма (1919–1945). М.: Издательство МГУ, 1987.

736 Речь в данном случае идет о постулатах фашистской идеологии, включавшей в понятие «римской цивилизации» такие составляющие как величие итальянской нации, христианство, преданность политическому лидеру, физическое здоровье, семья и т.д.

737 Relazione del questore della questura di Milano “Condizioni dello spirito pubblico”, Milano, 15 luglio 1941 [Доклад комиссара полиции Милана о Состоянии общественного мнения в Милане, Милан 15 июля 1941] // ACS, MI, DGPS, SCP,B. 4.F.38.

738 Relazione del fiduciario. Arrezzo, 6 luglio 1941 [Доклад секретного агента. Ареццо 6 июля 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica,B. 228.F.2.

насаждению большевизма, однако сталкивается с сопротивлением своим теориям по всему миру»[739]. Таким образом, некое «оправдание» участию итальянской армии в войне против России многие итальянцы находили во «всемирном» отторжении коммунистических идей и в поддержке их военных операций со стороны «всего цивилизованного мира». Отсюда следовала острая необходимость предотвратить распространение коммунистических идей и опередить Россию в ее не только идеологической, но и военной экспансии, учитывая звучавшие рефреном заявление прессы о завоевательном характере советского режима и его латентной подготовке к скорому нападению на европейские страны. «Война против России означает не только восстановление Европы, но и спасение от большевистского вторжения»[740]. Это предполагало «своевременную массивную атаку, которая бы не позволила Сталину осуществить свои замыслы, направленные против Европы»[741], и «в одностороннем порядке разорвать договоры с Германией»[742]. Ссылаясь на насильственное присоединение прибалтийских стран, автор одного из писем выражал радость по поводу вступления Италии в войну против СССР, что, по его мнению, являлось «заблаговременной защитой от варварских методов, которые иначе нам пришлось бы испытать на себе»[743]. Страх «большевизации» сопровождался и опасением за территориальную целостность самой Италии: «Все настроены против России в основном из-за ее устремлений, направленных на юг, а значит в нашу сторону и в сторону нашего моря»[744]. Очевидно, что в большинстве высказанных накануне и в первые дни вторжения в Россию причин, толкнувших Италию к вступлению в войну против СССР, прослеживается влияние фашистской пропаганды, проводившейся с целью морально-психологической подготовки не только будущих участников

739 Relazione del fiduciario. Arrezzo, 27 giugno 1941 [Доклад секретного агента. Ареццо 27 июня 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 228.F.2.

740 Relazione del fiduciario. Arrezzo, 30 giugno [Доклад секретного агента. Ареццо 30 июля 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 228.F.2.

741 Relazione del fiduciario. Arrezzo, 13 guglio 1941 [Доклад секретного агента. Ареццо 13 июля 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 228.F.2.

742 Lettera negli USA, Stato d'animo della popolazione, desunto dal riservato controllo epistolare, Firenze 27 ottobre 1941 [Письмо в США, Тайный контроль за настроением населения на основе частной переписки, Флоренция 27 октября 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 233.F.1.

743 Lettera negli USA, Stato d'animo della popolazione, desunto dal riservato controllo epistolare, Firenze 27 ottobre 1941 [Письмо в США, Тайный контроль за настроением населения на основе частной переписки, Флоренция 27 октября 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 233.F.1.

744 Lettera negli USA, Stato d'animo della popolazione, desunto dal riservato controllo epistolare, Forli, 20 dicembre1939 [Письмо в США, Тайный контроль за настроением населения на основе частной переписки, Форли 20 декабря 1939, ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, b. 234. f.1.

военного похода против СССР, но и широких слоев гражданского населения.

Убеждению в необходимости спасения от большевистской экспансии путем своевременного нападения на СССР способствовала и нацистская пропаганда: «Варварские методы советского режима, продемонстрированные германской пропагандой при помощи документальных доказательств, собранных на оккупированных территориях, вызвали волну негодования по отношению к подстерегавшим опасностям со стороны большевизма»[745]. Благодаря использованию примера оказавшихся под властью СССР Бессарабии и Северной Буковины, бывших до июня 1940 года частью Румынии, немецкие военные журналисты приобрели богатый пропагандистский материал, удачно используемый в антисоветской пропаганде спустя год после описываемых событий. В частности, многих итальянцев «потрясли сообщения о массовых убийствах в тюрьмах ГПУ и об ужасающих способах ведения войны с Румынией[746], в частности, о безжалостной атаке советской авиации, нанесшей серьезный урон мирному населению. Люди гибли от сброшенных с самолетов ядовитых веществ»[747]. О влиянии немецкой пропаганды на настроения итальянцев упоминается и в докладах инспекторов ОВРА[748] и комиссаров полиции, сообщавших руководству о состоянии общественного мнения. Так, инспектор ОВРА по области Лацио докладывал о широком резонансе в обществе, вызванном публикациями докладов главного командования немецкой армии и заявлениями Риббентропа об экспансионистских целях Кремля, а также отчетом Министерства внутренних дел Рейха о «преступной деятельности, проводимой на территории Германии агентами Коминтерна». Эта информация привела многих итальянцев к выводу о том, что «Гитлер правильно сделал, развязав войну против Кремля и отведя таким образом нависшую над ним угрозу»[749].

---

745 Relazione del questore di Bologna sulle Condizioni dello spirito pubblico in Bologna, Bologna, 8 luglio 1941 [Доклад комиссара полиции Болоньи о Состоянии общественного мнения в Болонье, Болонья 8 июля 1941] // ACS, MI, DGPS, SCP, B. 4.F.38.

746 Бессарабия и Северная Буковина, входившие в состав Румынии, были оккупированы советскими войсками в конце июня – начале июня 1940 г.

747 Relazione settimanale dell'ispettore OVRA sulle Condizioni dello spirito pubblico in relazione agli avvenimenti in corso in Puglia e provincia di Matera, Bari, 8 luglio 1941, [Еженедельный доклад инспектора ОВРА о Состоянии общественного мнения в Апулии и провинции Матеры, Бари 8 июля 1941] // ACS, MI, DGPS, SCP, B. 4.F.41.

748 Тайный орган политической полицией с так и оставшейся неясной для историков фашизма расшифровкой аббревиатуры

749 Relazione settimanale dell'ispettore OVRA sulle Condizioni dello spirito pubblico in Lazio, Roma 8 luglio 1941 [Еженедельный доклад инспектора ОВРА о Состоянии общественного мнения в Лацио, Рим 8 июля 1941] // ACS, MI, DGPS, SCP, B. 4.F.39.

В официальном заявлении, распространенном Министерством народной культуры среди иностранных журналистов в день нападения на СССР, очерчены почти все перечисленные выше причины войны против советской России. «...первая реакция итальянского народа, как и немецкого, (вызванная вступлением в войну СССР – прим. автора), это чувство долгожданного облегчения. Наконец-то будет предпринят крестовый поход с целью освобождения всех европейских народов... Злой гений, скрывающийся в самых укромных уголках жизни Наций, подрывал сам факт существования цивилизации, не говоря уже о благополучии и возможности мирного развития народов. Наконец-то с него была сорвана маска. Угрожающая тень Кремля будет уничтожена»[750]. Таким образом, возникает мысль о том, что совпадение официальной позиции властей в отношении СССР с содержанием докладов тайных агентов и полицейских начальников не случайно. Вероятным представляется желание последних угодить руководству и выдать желаемое за действительное.

Однако, не стоит переоценивать влияние фашистской и нацистской пропаганды на общественные умонастроения. Преувеличение успехов армий Оси уже в первые месяцы военных действий, «завышенные цифры советских потерь и взятых в плен советских солдат, намеренно завышенные подсчеты захваченного трофейного оружия»[751] приводили к обратному результату, вызывая недоверие среди населения и опасения за ожидаемые в ближайшем будущем тяготы, связанные с продолжением войны[752]. Многие выражали нежелание слушать местное радио и ловили волны радиостанций Лондона и Москвы[753]. Один итальянский солдат, находившийся со своей частью осенью 1941 г. в окрестностях Днестра, советовал своей жене «не покупать газеты, потому что, во-первых, правды там все равно не напишут, во-вторых, ты будешь напрасно нервничать, а в-третьих, не стоит на них тратить деньги»[754].

---

750 Conferenza stampa del 22 giugno 1941 [Пресс-конференция, 22 июня 1941] // ACS. Ministero della cultura popolare. Gabinetto.B. 124, F. Russia.

751 Relazione dell'ispettore OVRA sulle Condizioni dello spirito pubblico in Sardegna, 21 agosto 1941 [Доклад инспектора ОВРА о Состоянии общественного мнения на Сардинии 21 августа 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 229.F.2.

752 Rapporto settimanale sullo spirito pubblico del questore di Torino, 4 agosto 1941 [Доклад комиссара полиции Турина о Состоянии общественного мнения в Пьемонте, Турин 4 августа 1941] // ACS, MI, DGPS, SCP, B. 4.F.42.

753 Relazione dell'agente segreto, Bolzano, 2 agosto 1941 [Доклад секретного агента, Больдзано, 2 августа 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 228.F.3.

754 La lettera del soldato Piero Lazzari alla moglie, 7 settembre 1941. Rapporto della Commissione provinciale censura di guerra Mantova del 4 ottobre 1941 [Письмо солдата Пьеро Ладзари жене от 7 сентября 1941. Доклад цензурной комиссии г. Мантуи, 4 октября 1941] // Fondazione Museo storico del Trentino, fondo Censura 1941–1943 Mantova, B.1, F.4.

Активное сопротивление советских войск стало для многих подтверждением ненадежности новостей, сообщаемых итальянскими средствами массовой информации, и недостоверности фашистской пропаганды. По сообщению одного из флорентийских агентов спустя год после начала войны с СССР, «в народе широко обсуждается сила, стойкость и упорство русской армии, что идет вразрез со всей предвоенной пропагандой нищеты и отсутствия в России каких бы то ни было современных средств ведения войны» накануне нападения на СССР.[755] Более того, яркие образы, используемые пропагандой с целью передачи грандиозных потерь советских войск, некоторые итальянцы переносили на свою армию, отзываясь о пропаганде как о «большой глупости, вызывающей обратный эффект»[756]. Подобные просчеты в работе органов пропаганды подтолкнули комиссара полиции Венеции посоветовать им «соизмерять используемую лексику и создавать хотя бы видимость объективного изложения событий»[757].

Помимо упомянутого выше превентивного удара, цель войны в представлениях некоторых итальянцев заключалась в выкачивании аграрных и природных ресурсов из завоеванных районов СССР с целью поддержания активной фазы войны на новых рубежах. Так, в момент начала войны с Россией, по мнению части итальянцев, основной фронт должен был быть в ближайшем будущем открыт американцами в Ирландии, что привело бы к оттоку всех сил с остальных боевых точек к северу Европы. Следовательно, «необходимо было как можно быстрее закончить победой наступление в России, чтобы обеспечить всем необходимым действия немецких союзников на новом фронте, принимая во внимание всю значимость победы именно на этом участк[758]. Советский Союз привлекал итальянцев и в интересах расширения предпринимательства, а также для восполнения недостатка в сырьевых ресурсах. «Новая европейская система должна открыть широкие горизонты в различных видах деятельности, в особенности коммерческого характера, и гарантиро-

755 Relazione dell'agente segreto «64». Firenze, 18 luglio 1942 [Доклад секретного агента «64», Флоренция, 18 июля 1942] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 231.F.1.

756 Relazione dell'agente segreto «52». Firenze, 20 marzo 1942 [Доклад секретного агента «52». Флоренция 20 марта 1942] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica,B. 231.F.1.

757 Relazione settimanale del questore sulla situazione economica, politica, militare dal 28 luglio al 3 agosto, Venezia, 4 agosto 1941 [Еженедельный доклад комиссара полиции Венеции о экономической, политической и военной ситуации с 28 июля по 3 августа, Венеция, 4 августа 1941] // ACS, MI, DGPS, SCP, B. 4.F.42.

758 Relazione del questore di Napoli, Napoli, 16. luglio 1941 [Доклад комиссара полиции Неаполя о Состоянии общественного мнения в Неаполе, Неаполь 16 июля 1941] // ACS, MI, DGPS, SCP, B. 4.F.38.

вать относительное благосостояние всех социальных слоев населения»[759]. Таким образом, очередным элементом в разнородной системе мотиваций был прагматический интерес, обусловленный кризисным состоянием итальянской экономики[760], не выдерживающей ограничения военного времени и испытывающей серьезные трудности с обеспечением населения продуктами питания, товарами первой необходимости и энергоресурсами. В апреле 1942 г., спустя почти два года после вступления Италии в мировую войну, по официальным данным 40% населения страдало от голода в прямом смысле слова[761]. Завоевание России представлялось спасением от катастрофической ситуации, угрожающей голодом и холодом при отсутствии средств отопления жилых помещений. «В соответствии с общим мнением после одержанной победы наш народ сможет воспользоваться большими преимуществами. В этой огромной стране, согласно распространенному убеждению, в безмерном количестве содержатся природные богатства и сырье»[762].

Это предопределило «хозяйское» отношение к завоеванным советским районам. Стоит учесть, что многие из призывников CSIR и ARMIR[763] были сельскохозяйственными рабочими. Так, упрекая «большевистских варваров» за уничтожение всех оставляемых при отступлении летом 1941 г. боевых и продовольственных запасов, тосканец писал своему отцу: «Даже если они сожгут все, ты знаешь, что пепел – это одно из самых лучших удобрений, а значит урожай следующего года восполнит убытки нынешнего»[764]. Зная о бедственном положении, в котором находились их семьи в Италии, солдаты не упускали возможности высылать с захваченных территорий СССР посылки с промышленными и пищевыми продуктами местного производства: «Я отправил тебе литр вкусного подсолнечного масла и

759 Relazione dell'agente segreto, Firenze, 31 luglio 1941 [Доклад секретного агента. Флоренция 31 июля 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica,B. 230.F.3.

760 Италия вступила в войну на стороне Германии 10 июня 1940 г. К моменту нападения на СССР итальянское население уже в течение года претерпевало лишения, связанные с ведением государством военных действий одновременно на нескольких фронтах.

761 Bosworth R.J.B. L'Italia di Mussolini. Milano: Mondadori, 2009. P. 486.

762 Relazione dell'agente segreto, Bolzano, 20 luglio 1941 [Доклад секретного агента. Больдзано 20 июля 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 228.F.3.

763 CSIR - *итал.* Corpo di Spedizione italiano in Russia – «Экспедиционный итальянский корпус в России» в составе трех дивизий был направлен на Восточный фронт в августе 1941 г. После пополнения в июле 1942 г. семью дивизиями итальянский военный контингент стал называться «8-я Итальянская Армия», или «Итальянская Армия в России», - *итал.* Armata Italiana in Russa. ARMIR насчитывала 235.000 солдат.

764 Lettera negli USA, prefettura di Firenze, Stato d'animo della popolazione, disunto dal riservato controllo epistolare, 3 agosto 1941 [Письмо в США, Тайный контроль за настроением населения на основе частной переписки, Флоренция 3 августа 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 233.F.1.

два кусочка замечательного мыла»[765]. В другом письме с фронта читаем: «Если бы ты видела, сколько посылок с мукой и зерном отправляется ежедневно в Италию. Я уже отправил целых одиннадцать»[766]. Однако, в октябре 1942 г. свободный вывоз «трофейного товара» закончился. Среди итальянцев быстро распространилась новость о двадцати груженых продуктами питания вагонах, отправленных из Украины напрямую в Германию. Таким образом, их надеждам исправить положение за счет плодородных районов СССР не суждено было сбыться[767]. Итальянскому руководству пришлось признать неприкосновенное право Германии на решение вопроса о поставках продовольствия с оккупированных советских территорий в собственных интересах.

Помимо спасения европейских народов от «большевистского кровавого чудовища», некоторые итальянцы были убеждены в необходимости прийти на помощь и «освободить эту столь огромную, сколь нищую страну от безответственных и жестоких руководителей, никогда не останавливающихся перед убийствами, пытками и депортациями в Сибирь огромного количества ни в чем неповинных людей»[768]. Советская система управления «задавила и замучила бедный русский народ и привела его в жалкое состояние»[769]. Эти выводы заставляли итальянцев полагать, что «русский народ будет рад освобождению от такого деспотического и беспощадного правительства»[770]. Активно обсуждалась возможность восстания всего русского народа против советской власти: «Скоро придет тот день, когда народ поднимет бунт против правительства и война закончится не силой оружия, а народным восстанием»[771], при этом предполагалось, что «новое правительство будет сотрудничать со

765 Lettera del sergente L. Bignotti, P.M. 88, 21 settembre 1942. Rapporto della Commissione provinciale censura di guerra Mantova del 13 ottobre 1942 [Письмо сержанта Л. Биньотти, полевая почта 88 от 21 сентября 1942. Доклад цензурной комиссии г. Мантуи 13 октября 1942] // Fondazione Museo storico del Trentino, fondo Censura 1941–1943 Mantova, B.2, F.2, P.13.

766 Lettera di N.N. P.M. 88, 17settembre 1942. Rapporto della Commissione provinciale censura di guerra Mantova del 13 ottobre 1942 [Письмо Н.Н. Полевая почта 88 от 17 сентября 1942. Доклад цензурной комиссии г. Мантуи 13 октября 1942] // Fondazione Museo storico del Trentino, fondo Censura 1941–1943 Mantova, B.2, F.2, P. 13.

767 Relazione dell'agente segreto, Roma, 28 luglio 1941 [Доклад секретного агента. Рим 28 июля 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 232.F.3.

768 Lettera a Valensia, Relazione sullo Stato d'animo della popolazione, desunto dal riservato controllo epistolare, Firenze, 9 июля 1941 [Письмо в Валенсию, Тайный контроль за настроением населения на основе частной переписки, Флоренция 9 июля 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 233, F.1.

769 Ibid.

770 Relazione dell'agente segreto, Venezia, 28 agosto1941 [Доклад секретного агента. Венеция 28 августа 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 228.F.4.

771 Ibid.

странами Оси»[772]. Эта мысль прозвучала еще задолго до начала войны. В 1938 г. в одной из радиопередач, подготовленных Отделом «Россия» при Инспекции Радио и Телевещания, дикторы выразили полную уверенность, что «русский народ надеется на скорое начало войны, чтобы наконец освободиться от наброшенной на него большевистской упряжи»[773]. Помимо освобождения русского народа от ига советской власти итальянцы видели возможность приучения «дикарей» к латинской цивилизации, «преподнеся им урок правильного образа жизни. В противном случае, если русские добровольно не захотят учиться, то мы силой заставим этого медведя танцевать»[774].

Существовало также мнение, согласно которому Россия принадлежала к числу передовых цивилизованных стран до революции, которая ввергла ее в состояние варварства. Так, автор одного письма предположил, что «после полного поражения красной армии Россия снова будет жить по законам цивилизации, как это было когда-то»[775]. Эта мысль звучала еще в предвоенных радио-передачах. В передаваемых текстах подчеркивался регрессивный характер советского строя: «Отныне мы с трудом находим в нем (русском народе – прим. автора) черты арийского народа, который когда-то стал проводником европейской культуры на широких азиатских просторах. Сейчас этот народ вернулся на ступень развития полуварварских племен, которые никогда не испытали на себе облагораживающее действие римской и христианской цивилизации»[776]. Пристрастное отношение итальянцев к послереволюционным изменениям в России выражалось и в использовании в качестве названия современного Санкт-Петербурга Петербург, а не Ленинград[777]. О разрыве в восприятии итальянцев культурно-исторических связей между советской и до-

772 Relazione dell'agente segreto, Bari, 5 maggio 1941 [Доклад секретного агента, Бари, 5 мая 1941] //ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 228.F.2.

773 Testo della radiotrasmissione. Documento senza titolo, 16 settembre 1938 [Текст для радио-передачи. Документ без названия, 16 сентября 1938] // Archivio Storico-diplomatico del Ministero degli Affari esteri (далее ASD MAE), Ministero della Cultura Popolare.B.21, F. fuori posto.

774 Lettera in Panama, Stato d'animo della popolazione, desunto dal riservato controllo epistolare, Firenze, 24 settembre 1941 [Письмо в Панаму, Тайный контроль за настроением населения на основе частной переписки, Флоренция 24 сентября 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 233.F.1.

775 Lettera da Bastia, Stato d'animo della popolazione, desunto dal riservato controllo epistolare, Firenze, 1 agosto 1941 [Письмо из Бастии, Тайный контроль за настроением населения на основе частной переписки, Флоренция 1 августа 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 233.F.1.

776 L'Europa contro il bolscevismo, Testo per la trasmissione radiofonica 19 maggio 1938 [Европа против большевизма. Текст для радио-передачи 19 мая 1938] // ASD MAE, Ministero della Cultura Popolare. B.226, F. fuori posto.

777 По примерным подсчетам соотношение использования в корреспонденции и докладах секретных агентов названий Петербург и Ленинград – 5:1.

революционной Россией свидетельствует критика в адрес современной России по поводу ее «неуважения к своему прошлому»[778]. Об этом упоминается и в путевых заметках о Москве знаменитого слависта Э. Ло Гатто, обратившего свое внимание на «безжалостный процесс уничтожения художественных, духовных и нравственных ценностей, разворачивающийся в настоящий момент в Москве»[779]. Гордящимся своим славным прошлым итальянцам было сложно понять намеренный отрыв от собственных корней и разрушение связей с национальной культурой.

Некоторые итальянцы полагали, что Россия сама спровоцировала нападение Германии и стран-сателлитов. «Россия, наш вечный враг, вступила в конфликт со странами Оси. Мы уже давно ожидали такое развитие событий и хотели расставить точки над i. Русские уже очень скоро получат то, чего сами добивались»[780]. В одном из писем, отправленных итальянским гражданином из Франции, содержится прямое обвинение СССР и Англии в развязывании конфликта в мировом масштабе[781]. В этих мнениях также прослеживается прямое влияние предвоенной фашистской пропаганды. Еще во время чехословацкого кризиса итальянское радио возлагало ответственность за начало войны на Россию, «которая рассчитывает на сопровождающие любую войну кровь и всемирную бойню во имя повсеместного торжества бунтарских принципов большевизма»[782].

Очередным оправданием войны против СССР в сознании итальянцев стало «засилье обладателей миллионных капиталов евреев, проникших прежде всего в Северную Америку, а также в советскую Россию, где они возглавляют крупные военные предприятия»[783]. Особое отношение к евреям выражалось и в работе чи-

778 Lettera da Zurigo, Stato d'animo della popolazione, desunto dal riservato controllo epistolare, Firenze, 1 giugno 1940 [Письмо из Цюриха, Тайный контроль за настроением населения на основе частной переписки, Флоренция 1 июня 1940] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 233.F.1.

779 Lo Gatto E. Mosca. Milano: Giacomo Agnelli, 1934. P. 17.

780 Lettera per gli USA, Stato d'animo della popolazione, desunto dal riservato controllo epistolare, Firenze, 16 luglio 1941 [Письмо в США, Тайный контроль за настроением населения на основе частной переписки, Флоренция 16 июля 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 233.F.1.

781 Lettera dalla Francia, Stato d'animo della popolazione, desunto dal riservato controllo epistolare, Firenze,7 luglio 1941 [Письмо из Франции, Тайный контроль за настроением населения на основе частной переписки, Флоренция 7 июля 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 233.F.1.

782 La crisi internazionale e la responsabilità di Mosca. Testo per la trasmissione radiofonica. 26 settembre 1938 [Международный кризис и ответственность Москвы. Текст для радио-передачи 26 сентября 1938] // MAE, Ministero della Cultura Popolare.B.21, F. fuori posto.

783 Lettera dalla Francia, Stato d'animo della popolazione, desunto dal riservato controllo epistolare, Firenze, 21 maggio1942 [Письмо из Франции, Тайный контроль за настроением населения на основе частной переписки, Флоренция 21 мая 1942] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 233.F.1.

новников цензурного отдела, тщательно изучавших содержание писем «евреев и клира»[784], выделяя их корреспонденцию в отдельную категорию. Однако стоит отметить, что антисемитский мотив участия в войне против России не являлся приоритетным несмотря на сложность и противоречивость еврейского вопроса в период фашизма. С момента объединения Италии в 1861 г. параллельно разворачивались процессы снижения роли религии итальянских евреев и их культурно-социальной ассимиляции среди итальянского населения, а к началу 20-х гг. XX века немало евреев входило в политический истеблишмент Италии[785]. Высокий процент интеллектуальной и политической элиты среди итальянских евреев выделялся на фоне небольшого процента их доли в общем населении Италии по сравнению с другими европейскими странами[786]. До войны еврейские общины были представлены лишь в небольшом количестве крупных городов, причем их присутствие не вызывало негативных эмоций со стороны основной массы населения[787]. Тем не менее, несмотря на отсутствие эпизодов массового уничтожения евреев в Италии после принятия Муссолини расовых законов в 1938 г. и в целом чуждость итальянской культуре радикальных антисемитских теорий[788], характерных для верхушки фашистской партии и отдельных ее рядовых членов, антисемитизм выразился главный образом в равнодушном отношении к преследованиям евреев со стороны фашистского режима[789]. Несмотря на открытую поддержку некоторыми представителями еврейских общин фашистского режима (159 евреев были членами ПНФ в 1922 г.)[790] их изолированность от основного населения в последние годы существования фашизма связана была с одной стороны, с многолетней антисемитской политикой католической церкви[791], а с другой – желанием некоторых «чистокровных» итальянцев выслужиться перед руководством и воспользоваться неожиданно появившимися вакантными местами как в университетской среде, так и в торгово-промышленной

784 Relazione settimanale dell'Ufficio statistica, 14 dicembre 1941 [Еженедельный отчет Статистического отдела, 14 декабря 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 233.F.1.

785 Sarfatti M. Gli ebrei nell'Italia fascista.Torino: Einaudi, 2000. PP. 4—25.

786 См.: Белоусов Л.С., Григорьева И.В., Кремер И.С., Орлова М.И., Смирнов В.П., Соловьев С.А., Строганов А.И. История Новейшего времени стран Европы и Америки: 1918–1945. Москва, 1989. С. 269.

787 Colarizzi S. Op. cit. P. 243.

788 Белоусов Л.С. Режим Муссолини. С. 294.

789 Ventura A. Il fascismo e gli ebrei, Roma: Donizelli, 2013. P. 33.

790 Sarfatti M. Op.cit. P. 21.

791 Ventura A. Op.cit. P. 40.

сфере[792].

В гораздо большей степени итальянцы были возмущены положением религии в СССР: гонениями на верующих, а также закрытием, осквернением и разрушением церквей. В их представлениях не признающий религию режим не сможет долго существовать, потому что «русский народ устал от власти, запрещающей гражданам верить в бога, […] поэтому Россия будет скоро побеждена во благо всех тех, кто желает мира и любит бога»[793]. Участие в войне против СССР воспринималось как «крестовый поход против безбожников». Упоминание о нем часто встречается в письмах с фронта и в ответах родственников, оставшихся в Италии.

Помимо идеологических и религиозных причин участия в войне на восточном фронте, дневники и воспоминания позволяют выявить субъективные мотивы, не имеющие ничего общего с официальной пропагандой, а обусловленные личными ценностными ориентациями, воспитанием и особенностями характера. Так, выпускник Военной академии Модены Н. Ревелли пишет в своем дневнике: «Я хотел любой ценой пойти на фронт, потому что полагал, что перед кадровым офицером стоит нравственный долг принять участие в войне»[794]. Перед Ф. Стефанили встал выбор: отправиться воевать в Африку или участвовать в походе на Восточный фронт. Он выбирает последний: «Если я поплыву в Африку, а корабль в это время подобьют, то я точно утону, потому что не умею плавать. А я не хотел умирать, не побывав в бою. Тогда я решил отправиться на русский фронт»[795]. Следует отметить, что большинство солдат итальянской армии были призывниками и не имели возможности выбирать тот или иной фронт. В личной беседе водитель грузовика в составе CSIR Н. Теттаманци рассказал автору, что об отправке в СССР узнал в последний момент, будучи уверенным в том, что его часть отправлялась на африканский фронт.

И наконец, если не целью нападения на Россию, то надеждой многих было скорейшее окончание мирового конфликта, заставившего большинство населения

---

792 Matard-Bonucci M.-A. L'Italia fascista e la persecuzione degli ebrei. Bologna: Il Mulino, 2008. PP. 272—283.

793 Lettera dalla Francia, Stato d'animo della popolazione, desunto dal riservato controllo epistolare, Firenze, 21 agosto 1941 [Письмо из Франции, Тайный контроль за настроением населения на основе частной переписки, Флоренция 21 августа 1941] //ACS, MI, DGPS, Polizia Politica,B. 229.F.1.

794 Revelli N. Mai tardi. Diario di un alpino in Russia. Torino: Einaudi, 2001. P. 59.

795 Stefanile F. Davai bistré. Diario di un fante in Russia 1942–1945. Milano: Mursia, 1999. P. 6.

Италии страдать от нехватки продовольствия, а затем и от ужасов бомбардировок союзнической авиации[796]. Потери среди гражданского населения, психологические удары, полученные в результате сообщений о погибших на различных фронтах итальянских солдатах, голод и нищета внушали итальянцам мысль о необходимости скорейшего завершения военной катастрофы. Они надеялись, что «быстрый и победный исход войны против СССР ускорит конец конфликта»[797]. Некоторые же шли дальше и ставили под сомнение саму необходимость вступления в войну с Россией, угрожавшего непрогнозируемым исходом. По сообщениям инспектора ОВРА, венецианцы с первых дней нападения на СССР не скрывали своего критического отношения к войне и выражали «немой протест против развязывания бесполезной и губительной войны»[798]. Во Флоренции также ходили слухи о «принятых втайне от всех решениях, не отвечающих интересам народа, а являющихся исключительно капризом дуче»[799].

## §2. Интерес итальянцев к России

К середине XX века в Италии сложился целый комплекс знаний о России. Их анализ представляет особый интерес, так как помогает воссоздать представления итальянцев о России накануне вторжения в СССР. Диапазон этих знаний варьировался от примерного представления о ее географическом положении до значительной просвещенности в области русской классической литературы и истории. Разумеется, глубина знаний зависела во многом от социального положения и, соответственно, уровня образования.

Интерес к России в Италии появился задолго до описываемых событий и возрастал в течение всего XIX в. В начале XX в. изучение русской культуры получило дополнительный импульс, что привело к распространению и широкой известности

796 В период с 1940 по 1043 гг. различные города Италии подверглись бомбардировкам французской и английской авиации. Наибольший урон был нанесен таким городам как Рим, Турин, Неаполь, Реджо Калабрия, Милан, Генуя и т. д. По примерным подсчетам во время бомбардировок в Италии погибло от 80.000 до 100.000 мирного населения.

797 Raporto settimanale del questore di Torino sullo spirito pubblico, Torino, 8 luglio 1941 [Доклад комиссара полиции Турина о Состоянии общественного мнения в Турине, Турин 8 июля 1941] // ACS, MI, DGPS, SCP, B. 4.F.38.

798 Relazione settimanale del questore di Venezia sulla situazione politica-economica-militare dal 4 agosto al 10 agosto 1941, 11 agosto 1941 [Доклад комиссара полиции Венеции о Состоянии общественного мнения, Венеция, 11 августа 1941] // ACS, MI, DGPS, SCP, B. 4.F.42.

799 Relazione dell'agente segreto, Firenze, 24 giugno1941 [Доклад секретного агента, Флоренция, 24 июня 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 230. F. 3.

книг русских писателей среди итальянской публики[800]. Произведения русской литературы были доступны и известны в Италии благодаря многочисленным переводам как итальянских языковедов, так и русских эмигрантов, способствовавших распространению русской культуры в Италии. Среди первых, прежде всего, стоит упомянуть имя «отца итальянской славистики» Э. Ло Гатто, Л. Гинсбурга, К. Альваро, а в числе последних – Е. Ананьина, О. Ресневич. Начиная со второй половины 1930-хгг. фашистское правительство пыталось бороться с распространением русской литературы в Италии, составляя списки неугодных режиму книг, среди которых помимо «неудобного» для фашистов певца революции Горького, были и классики русской литературы. Однако, несмотря на это, по свидетельствам участников военных действий на восточном фронте, многие из них были неплохо знакомы с русской классикой. Добровольно отправившийся на восточный фронт офицер, убежденный сторонник фашизма, У. Ратации цитировал в своих дневниках Гоголя, Достоевского, Толстого и Чехова[801], М. Ригони Стерн упоминал о Горьком[802], Н. Ревелли о «Тихом Доне» Шолохова[803]. Однако, со слов одного из участников итальянской армии, «сколько ни пытались известные писатели рассказать нам о жизни этого несчастного народа и о различных образах большевистского правления, им так и не удалось донести до нас крупицы того, что есть на самом деле».

Несмотря на активную предвоенную антисоветскую пропаганду, итальянские солдаты проявляли искренний интерес в момент получения новости об отправке на русский фронт. «Для альпийских стрелков, как и для всех остальных, Россия была покрыта тайной. Нетерпеливых солдат одолевало любопытство»[804]. Неизвестный автор письма с фронта пишет о желании «подольше пожить в этой стране, чтобы лучше узнать ее»[805]. Тот же интерес подталкивал итальянских солдат к изучению русского языка. Многие имели при себе итало-русские словари. На страницах неопубликованных дневников и тетрадей ветеранов войны, до сих пор хранящих свои

800 Scandura C. Letteratura russa in Italia. Un secolo di traduzioni. Roma: Bulzoni editore, 2002. P. 14.

801 Rattazzi U. Dal fronte russo 1941–1942. Genova: Il melangolo, 2013. P. 41

802 Rigoni Stern M. Il sergente della neve. Ritorno sul Don. Torino: Einaudi, 2008. P. 141.

803 Revelli N. Op.cit. P. 101.

804 Bedeschi G. Centomila gavette di ghiaccio. Milano: Mursia, 1970. P. 38.

805 Lettera della posta militare, Stato d'animo della popolazione, desunto dal riservato controllo epistolare, Firenze, 31 ottobre 1942 [Письмо из Военно-полевой почты, Тайный контроль за настроением населения на основе частной переписки, Флоренция 31 октября 1942] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 233.F.3.

записи, можно найти исписанные русскими буквами страницы и первые выученные слова: *хлеб, спать, гулять, красивый, рубли, любовь, вредина, доброе утро, можно войти*[806]. О трудности изучения русского языка вспоминает младший лейтенант К. Гендель: «Учу русский язык. Как же сложно! Что за язык! Спрашиваю себя, почему Бог не сделал так, чтобы во всем мире говорили только по-итальянски! Было бы так легко путешествовать! А получается так, что если я хочу спросить, можно ли купить курицу, то мне приходится ломать голову и язык, чтобы произнести «Продадите ли мне курицу?» Ко всему прочему меня не понимают, окатывают ушатом непонятных слов, и мне ничего не остается, как отойти в сторону, обливаясь от отчаяния горючими слезами»[807].

Инициативу по изучению языка и культуры завоеванных территорий поддерживало само итальянское военное командование. В выпущенном в декабре 1942 г. приказе верховного управления транспортными средствами при главном штабе говорилось о необходимости получать на оккупированных территориях сведения об «основных видах промышленности, экспортируемых товарах, изделиях местного производства, традиционных местных блюдах, наиболее ценных и знаменитых произведениях искусства и культуры, фольклорных традициях населенного пункта и всего региона, значительных исторических событиях, имеющих отношение к данной местности[808]. Офицерскому составу вменялось в обязанность доводить собранную информацию до своих подчиненных.

Знания по истории России ограничивались как правило XIX и XX вв., а точнее двумя конкретными событиями: походом наполеоновской армии и участием России в Первой мировой войне. Интерес к Отечественной войне 1812 г., как очевидно, не случаен, однако ее интерпретация варьировалась в зависимости от отношения к войне с СССР или к победам и поражениям АРМИР. Самые ранние упоминания о Наполеоне связаны с аналогиями, которые итальянцы проводили, слыша новости о разрушениях, оставляемых после себя отступающими советскими частями, «которые прибегали к тем же методам, что и во время наполеоновской экспедиции»[809].

---

806 Слова из военных тетрадей шофера грузовика из 188-го моторизированного корпуса CSIR Н. Теттаманцы.

807 Hendel C. Russia 1942–1943. Diario di guerra. Trento: Fondazione museo storico del Trentino, 2011. P. 31.

808 ЦАМО. Ф. 500, Д. 153, Л. 80–81.

809 Relazione dell'agente segreto, Genova, 20 agosto 1941 [Доклад секретного агента. Генуя 20 августа 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica,B. 232.F.1.

Однако, по мнению некоторых итальянцев, «наполеоновские времена прошли и на сегодняшний день существуют средства снабжения армии настолько быстрые, что могут беспрерывно обеспечивать сражающиеся части оружием и боеприпасами»[810]. С течением времени сравнение с походом французской армии в Россию становится не в пользу стран Оси. Аналогия с событиями наполеоновского вторжения напрашивалась сама собой, когда стало понятно, что война не закончится за летне-осенний сезон 1941 г. и продлится как минимум до зимы: «Русские продолжают защищаться. Вновь речь зашла о Наполеоне и о его поражении в первую очередь из-за зимних холодов»[811]. Незадолго до попадания в советский плен мысли о Наполеоне пришли и Ф. Стефаниле при виде заснеженных полей, по которым «были вынуждены отступать французские солдаты»[812]. В начале 1942 г. опасения большинства итальянцев оказались не напрасными, и спустя два года после начала войны многие перестали верить в положительный для Италии исход конфликта. Эти пессимистические настроения подпитывали сравнения с результатом завоевательного похода Наполеона: «Мы кончим также, как и Наполеон. Из экспедиционного корпуса не вернется ни одна живая душа»[813]. В марте 1943 г. после Сталинградской битвы и массивного контрнаступления советских войск «конец Наполеона»[814] для итальянской армии был очевиден и самим солдатам, которые, несмотря на трудности фронтовой жизни и угасший энтузиазм первых месяцев войны, до конца оставались верными фашистским постулатам превосходства «веры» над «материей», и «крови» над «золотом»[815]. А все возрастающие недоверие и неприязнь по отношению к немцам среди гражданского населения привела к появлению горькой шутки: «Наполеон-то хотя бы взял Москву, а вот немцы так и не смогли»[816].

---

810 Relazione dell'agente segreto, Arezzo, 30 giugno 1941 [Доклад секретного агента. Ареццо 30 июня 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 228.F.2.

811 Relazione dell'agente segreto, «776». Genova 28 ottobre 1941 [Доклад секретного агента «776». Генуя 28 октября 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica,B. 232.F.1.

812 Stefanile F. Op.cit. P. 7.

813 Relazione dell'agente segreto, Cagliari, 1 gennaio 1942 [Доклад секретного агента, Кальяри, 1 января 1942] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 229.F.1.

814 Lettera di geniere Pelizzoni dal 20 marzo 1942. Rapporto della Commissione provinciale censura di guerra Mantova, 13 maggio 1942 [Письмо сапера Пелиццони от 20 марта 1942. Доклад цензурной комиссии г. Мантуи 13 мая 1942] // Fondazione Museo storico del Trentino, fondo Censura 1941–1943 Mantova, B.2, F.2.

815 Cavallo P. Italiani in guerra. Sentimenti e immagini dal 1940 al 1943. Capitolo V. L'immagine del nemico: Unione Sovietica e Stati Uniti. Bologna: Il Mulino, 1997. C. 282.

816 Relazione dell'agente segreto «378», Genova, 3 febbraio 1942 [Доклад секретного агента «378», Генуя, 3 февраля 1942] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica,B. 232.F.1.

По той же схеме менялся тон сопоставления современного уровня военной подготовки СССР с тем, который был продемонстрирован Россией в Первой мировой войне. В феврале 1940 г. во время советско-финской войны итальянцы вспоминали, как «трусливо сражалась русская армия с Германией и оставляла в руках немцев сотни тысяч пленных. Если завтра наша Италия окажется лицом к лицу с Россией, то враг непременно потерпит сокрушительное поражение»[817]. С очевидным намеком на исход Первой мировой войны и на произошедшую впоследствии Октябрьскую революцию говорилось о том, что «Россия никогда не доводила войну до конца, и поэтому в любой момент может вспыхнуть одна из уже привычных для нее революций, после чего советское правительство окончательно падет»[818]. Однако уже в августе 1942 г. итальянцы вынуждены были констатировать, что «нынешняя Россия сражается совершенно иначе, нежели в 1914–1918 гг.»[819].

### §3. Отношение итальянцев к религиозной политике в СССР

Октябрьская революция и установившееся впоследствии большевистское правление привлекали итальянцев сопоставимостью революционного опыта и в любом случае не могли остаться незамеченными, хотя бы по причине повышенного внимания национальной печати и публицистики. За почти двадцатилетний период фашистского режима в среде антисоветски настроенных итальянцев укоренилось мнение о советском строе как о «гнусном», «варварском», «кровавом», «подлом», «жестоком», «вероломном», «предательском», «зверском», «проклятом» и «чудовищном» (все перечисленные эпитеты позаимствованы из личной переписки и из отчетов тайных агентов за военный период), а о самих коммунистических идеях как о «нездоровых и антихристианских»[820]. Война СССР против Финляндии стала очередным доказательством того, что «Россия (имеется в виду коммунистический режим – прим. автора) – это должно быть что-то не очень хорошее, раз за 20 лет

817 Relazione dell'agente segreto, Brindisi, 2 febbraio 1940 [Доклад секретного агента, Бриндизи, 2 февраля 1940] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 228.F.4.

818 Relazione dell'agente segreto, Arezzo, 17 settembre 1941 [Доклад секретного агента, Ареццо, 17 сентября 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 228.F.2.

819 Relazione dell'agente segreto, Firenze, 9 agosto 1942 [Доклад секретного агента, Флоренция, 9 августа 1942] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 231.F.1.

820 Lettera della PM, Stato d'animo della popolazione, desunto dal riservato controllo epistolare, Firenze, 17 settembre 1942 [Письмо из Военно-полевой почты, Тайный контроль за настроением населения на основе частной переписки, Флоренция 17 сентября 1942] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 233.F.3.

пропаганды ей так и не удалось привлечь на свою сторону соседний с ней народ и даже свой собственный»[821]. Основным недостатком большевизма хозяйственные итальянцы считали обобществление земли и повсеместное создание колхозов: «Русские проклинают Сталина, но при этом не понимают, в чем конкретно заключается их проблема. В колхозах царит нищета, в них нет и следов прогресса»[822]. Возмущение итальянцев вызывали также сами насильственные методы, к которым прибегали большевики в целях удержания своей власти: «Советское правительство подавило и поработило бедный русский народ, доведя его до отчаяния»[823]. Итальянцев задевала и «фальшивая пропаганда идей пацифизма, в то время как русский народ обворовывался в условиях использования огромных национальных ресурсов на производство военной мощи»[824]. Большевизм представлялся и как антипод традиционным итальянским ценностям: семье и религии .

Первые впечатления от прямого контакта с советской реальностью лишь утвердили итальянских солдат в правоте фашистской пропаганды. В своем письме домой сапер Пелиццони пишет: «Мои впечатления о России я могу изложить в следующих словах: нищета, убогость и запустение»[825]. То же мнение выражает старший лейтенант, врач Г. Маккабруни: «При виде нищеты этого народа я понимаю, какой серьезной угрозы нам удалось избежать. Кто был в России, тот никогда не станет коммунистом»[826]. Надежды обрести в России «советский рай» должны, по словам ефрейтора А. Полеттини, «развеяться при виде прогнивших развалин, повсеместных следов бедствий и нищеты. Здесь нет даже дорог, а дома хуже наших

---

821 Relazione dell'agente segreto, Forlì, 9 dicembre 1939 [Доклад секретного агента, Форли, 9 декабря 1939] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 234.F.1.

822 Lettera della PM, Stato d'animo della popolazione, desunto dal riservato controllo epistolare, Firenze, 2 novembre 1942 [Письмо из Военно-полевой почты, Тайный контроль за настроением населения на основе частной переписки, Флоренция 2 ноября 1942] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 233.F.2.

823 Lettera da Firenze, Stato d'animo della popolazione, desunto dal riservato controllo epistolare, Firenze, 20 ottobre 1941 [Письмо из Флоренции, Тайный контроль за настроением населения на основе частной переписки, Флоренция 20 октября 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 233.F.1.

824 Relazione settimanale dell'Ispettore OVRA sull'opinione pubblica a Bologna, 4 agosto 1941 [Еженедельный доклад инспектора ОВРА о Состоянии общественного мнения в Болонье, 4 августа 1941] // ACS, MI, DGPS, SCP, B. 4.F.48.

825 Lettera di sergente maggiore P. Rampini dal 20 marzo 1942. Rapporto della Commissione provinciale censura di guerra Mantova, 29 marzo 1943 [Письмо старшего сержанта Рампини П. От 20 марта 1942. Доклад цензурной комиссии г. Мантуи 29 марта 1943] // Fondazione Museo storico del Trentino, fondo Censura 1941–1943 Mantova, B.2, F.1.

826 Lettera del tenente maggiore G. Maccabruni dal 07 aprile 1942. Rapporto della Commissione provinciale censura di guerra Mantova, 13 maggio 1942 [Письмо старшего лейтенанта врача Маккабруни Г. от 07 апреля 1942] // Доклад цензурной комиссии г. Мантуи 13 мая 1942. Fondazione Museo storico del Trentino, fondo Censura 1941–1943 Mantova, B.2, F.2.

конюшен»[827]. Проезжая по Украине, К. Гендель спрашивает себя, «что же сделал Большевизм для крестьян? Этот класс живет в хижинах, выстроенных из дерева, соломы и глины. Это настоящие норы, предназначенные для кротов, а не для людей. Люди носят нищенские одежды, набивные дырявые полушубки, похожие скорее на тряпье. Страдальческие лица, потерянные взгляды. Словом, не кажется, что они очень уж довольны русским режимом»[828].

Помимо действительных наблюдений, приведенные выше цитаты свидетельствуют и о том, что итальянцы смотрели на Россию сквозь призму фашистской пропаганды, приложившей немалые усилия для того, чтобы убедить население в непривлекательности коммунистического режима и тяжелых последствиях правления большевиков. Следует также отметить, что итальянцы прибыли на фронт в качестве вспомогательной силы для немецкой армии. Их передвижение по Молдавии и Украине происходит уже после пребывания на этих территориях немецких Einsatzgruppe “C” и “D”, уничтожавших гражданское население, депортировавших и разрушавших еврейские общины[829]. Это подтверждают и слова одного из участников итальянского похода, констатирующего осенью 1942 г., что «эти коммунисты защищаются всеми возможными средствами, но против натиска армий Оси ничего не поделаешь. Вид занимаемых нами мест действительно удручающий. Прежде всего, потому что юнкерсы и артиллерия Германии и ее союзников уже сделали свое разрушительное дело. Но еще и потому, что когда русские видят, что ситуацию не спасти, сжигают все, что еще осталось»[830]. Приведенные выше аргументы свидетельствуют о том, что в зоне боевых действий и в уже занятых и опустошенных немцами населенных пунктах итальянские солдаты даже при большом желании не могли найти возможные свидетельства, как они предполагали, преимуществ советского строя над фашистским.

Однако мнение итальянцев о советском строе начало претерпевать изменения

827 Lettera del caporale A. Polettini dal 28 marzo 1942. Rapporto della Commissione provinciale censura di guerra Mantova, 25 aprile 1942 [Письмо ефрейтора Полеттини А. от 28 марта 1942. Доклад цензурной комиссии г. Мантуи 25 апреля 1942] // Fondazione Museo storico del Trentino, fondo Censura 1941–1943 Mantova, B.2, F.2.

828 Hendel C. Op.cit. P. 15.

829 Scotoni G. Il nemico fidato. Trento: Panorama., 2013. P. 23.

830 Lettera dal fronte, Stato d'animo della popolazione, desunto dal riservato controllo epistolare, Firenze, 22 ottobre 1942 [Письмо с фронта, Тайный контроль за настроением населения на основе частной переписки, Флоренция 22 октября 1942] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 233.F.3.

по мере нарастания сопротивления как Красной Армии, так и гражданского населения СССР. Защита Москвы зимой 1941–1942 гг., наступательные операции зимней кампании 1942–1943 гг., Сталинградская битва явились для итальянцев полной неожиданностью на фоне постоянных увещеваний официальной пропаганды в несомненных успехах коалиции Оси и скором падении СССР. Сомнения в насаждаемой сверху пропаганде рождались в массе итальянцев, наблюдавших за ожесточенной борьбой русских: «Упорная и непрерывная защита не может обеспечиваться лишь средствами террора и запугивания. Сам народ желает сражаться, иначе бы он давно уже нашел способ восстать и свергнуть ненавистный режим»[831]. Наблюдая за героическим потенциалом советского населения, его внутренней готовностью отражать исходящую извне опасность, итальянцев начали проявлять сомнения в тех характеристиках, которыми фашистские идеологи наделяли советский режим. Именно в эти годы начинает рождаться авторитет СССР, привлекательность его идеологии и представления о справедливости его социально-политического устройства, которые станут знамением послевоенной Италии.

Широко распространилась мысль о том, что «русские бы так упорно не защищались, если бы большевизм действительно был тем адом, который нам описывали. Сталинская эпоха принесла русскому народу высокий уровень благосостояния»[832]. Более того, некоторые шли дальше в своих рассуждениях и делали более смелые выводы: «События на русском фронте доказывают героизм и чувство патриотизма русских. Коммунизм – это режим будущего, потому что дает все необходимое народу […], чему Россия является прямым доказательством»[833].

Невольно напрашивались сравнения с ситуацией в своей стране и результатами правления фашистского режима. «Если в России правительство пытается спасти мирное население, то в Италии все только и делают, что пользуются своим положением в собственных интересах и в последнюю очередь заботятся о нуждах народа»[834]. Воен-

831 Relazione dell'agente segreto «776», Genova, 28 ottobre 1941 [Доклад секретного агента «776», Генуя, 28 октября 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 232.F.1.

832 Relazione dell'agente segreto, Firenze, 12 settembre 1942 [Доклад секретного агента, Флоренция,12 сентября 1942] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 231.F.1.

833 Relazione dell'agente segreto «598», Genova, 25 settembre 1942 [Доклад секретного агента «598», Генуя, 25 сентября 1942] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 232.F.3.

834 Relazione dell'agente segreto, Forlì, 5 ottobre 1941 [Доклад секретного агента, Форли, 5 октября 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 234.F.1.

ные, со своей стороны, восхищаясь количеством и высоким качеством новейшего советского оружия, «сравнили его с нашим, придя к неутешительным выводам и направив жесткую критику в сторону помощников министров военного и морского Министерств, которые в последнюю очередь задумывались о современном оснащении итальянской армии»[835]. Удивительно, что этот комментарий был сделан еще осенью 1941 года, во время победного продвижения войск Оси и массового отступления советской армии. Тогда же Сталин, «кровожадный мясник, преступник, бандит и алкоголик», как его было принято называть среди итальянцев, начал постепенно превращаться в полулегендарного героя, отправившего сына на фронт[836] и заставлявшего жену стоять со всеми остальными женщинами в очередях за продуктами. Разумеется, всем итальянцам приходило на ум невольное сравнение с оставшимися в Италии сыновьями Муссолини, а также с его любовницей К. Петаччи, раздражавшей общественность своими дорогостоящими развлечениями во время экономического кризиса[837].

Приведенные выше примеры позволяют согласиться с мыслью американского историка П. Холландера[838], утверждающего, что представления о «другом» зависят прежде всего от восприятия самих себя, от оценки собственной ситуации и проекции своего «я» на объект наблюдения. Так, итальянцы, критически относящиеся к фашизму, в особенности после того, как Муссолини втянул Италию в мировую войну в июне 1940 года[839] с восторгом смотрели на отчаянно защищавших не только свою родину, но, как им представлялось, и советский режим русских. Начиная с пробуксовывания наступательных действий 1942 г. и с увязыванием Италии в войне против СССР, раздражения своим правительством усиливались на фоне восхищения сопротивлением русских[840].

---

835 Relazione settimanale dell'Ispettore OVRA sull'opinione pubblica in Lazio, Roma 12 agosto 1941 [Еженедельный доклад инспектора ОВРА о Состоянии общественного мнения в Лацио, Рим 12 августа 1941] // ACS, MI, DGPS, SCP, B. 4.F.45.

836 Relazione dell'agente segreto, Forlì 5 ottobre 1941 [Доклад секретного агента, Форли, 5 октября 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 234.F.1.

837 Colarizi S. Op.cit. P. 43.

838 Hollander P. Pellegrini politici. Intellettuali occidentali in Unione Sovietica, Cina e Cuba. Bologna: Mulino, 1988.

839 Colarizi S. Op.cit. P. 37.

840 Необходимо отметить, что под «русскими» итальянцы понимали все население СССР, не делая различия между составляющими его население многочисленными национальностями. Эта путаница сохранялась среди большинства итальянцев и после распада СССР.

Более близкое знакомство с советской реальностью также повлияло на изменение взглядов итальянских военных. Вернувшись в Италию на побывку или вследствие полученных ранений, они начали распространять совершенно другие сведения о России, в корне отличающиеся от привычных фашистских установок[841]. «Наши военные возвращаются из России, настолько пропитанные коммунистической пропагандой, что приходится приостанавливать предоставление отпусков. Наши солдаты могли лично убедиться в том, что сказанное и написанное в Италии против советского режима не соответствует реальности, потому что этот режим якобы действительно значительно поднял социальный уровень населения. [...] В сущности, коммунизм обеспечил русскому народу минимальный уровень жизни, о котором в Италии нам остается только мечтать»[842]. Стоит отметить, что эти впечатления выносили итальянцы из разрушенной войной страны, в ноябре 1942 года, когда контрнаступление советских войск только начиналось, а города и деревни лежали в развалинах. Очевидно, что под пропагандой понималось не целенаправленное действие политкомиссаров в среде итальянской армии (это было просто невозможно), а результат непосредственного контакта с советской реальностью. Эти противоречия вынудили тогдашнего министра Народной культуры Паволини отдать новые распоряжения журналистам: «не писать то, что явно противоречит рассказам фронтовиков. Например, если в России есть крупные фабрики, роддома, школы и печатается огромное количество книг, то абсурдно настаивать на том, что русские живут как дикари, что они предоставлены сами себе, что дети умирают с голоду, что повсюду царит ужасающая неграмотность и т. д. Необходимо срочно дать интерпретацию этих фактов в фашистском ключе»[843].

Пропагандируемые варварство и дикость находят свое опровержение у К. Генделя: «В целом культурный уровень здесь мне представляется гораздо более высоким, нежели об этом ходят слухи»[844]. Даже несмотря на откровенные антисоветские взгляды неизвестный автор письма, побывавший в СССР, вынужден констатиро-

841 Antonelli Q. Lettere, diari, memorie della campagna di Russia (1941–1943) // XII Seminario Archivio della scrittura popolare. Lettere dal Don. Trento, 21–22 novembre 2011 [неизданная рукопись статьи].

842 Relazione dell'agente segreto, «304», Firenze, 18 novembre 1942 [Доклад секретного агента «304», Флоренция, 18 ноября 1942] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 231. F.1.

843 Ministri e giornalisti: la guerra e il Minculpop, 1939–43. Torino: Einaudi, 2005. P. 289.

844 Hendel C. Op.cit. P. 46.

вать «повсеместное распространение книг»[845]. Однако не все очевидцы составляли положительное мнение об образовании и культурном уровне русских. В своем письме с фронта сапер Дж. Мадзокки жалуется, что «в этой проклятой России нас считают такими же невеждами, как и они сами. Как тут не быть невеждой, если все время приходится проводить на военной службе. Разве мы сами в этом виноваты?!»[846]. Упоминание о глубоком невежестве русских находим и в другом письме с фронта: «[…] в этом «советском раю» радио-аппараты предназначаются только для руководства, а простой гражданин вынужден слушать единственный голос – голос Сталина и товарищей, промывающих более или менее пустые мозги нелепой красной пропагандой. Здесь население живет в полном невежестве, а многие не знают, что Европа – пятая часть земли, будучи уверенными, что мир кончается на границе России»[847].

## §4. Русский народ в представлениях итальянцев

Необходимо отметить, что в массовом сознании итальянцев проводилось четкое разделение двух понятийных категорий: советский строй и русский народ. К первому относились такие экономико-политические феномены, как большевистский режим, коллективизация, индустриализация, антирелигиозная пропаганда и т. д., в то время как ко второй – явления национально-культурного характера: традиции, религия, национальный характер, исторические судьбы и т.д. Обращает на себя внимание перечень развязавших войну врагов в понимании итальянцев. В некоторых докладах секретных агентов наряду с англичанами и американцами упоминаются не русские, что было бы логично, продолжая начатую цепочку, а большевики[848]. Вероятно, это свидетельствует о преимущественной значимости политической составляющей образа противника, без указания его национальной принадлежности.

845 Lettera da Torino, Stato d'animo della popolazione, desunto dal riservato controllo epistolare, Firenze, 2 novembre 1942 [Письмо из Турина, Тайный контроль за настроением населения на основе частной переписки, Флоренция, 2 ноября 1942] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B.233. F.3.

846 Lettera di G. Mazocchi dal 4 febbraio 1942, Quaderni di appunti con stralci delle lettere censurate [Письмо Мадзокки Дж. От 4 февраля 1942. Рукописные тетради с отрывками из запрещенных цензурой писем] // Fondazione Museo storico del Trentino, fondo Censura 1941–1943 Mantova, B.1,F.2.

847 Lettera di un militare, Stato d'animo della popolazione, desunto dal riservato controllo epistolare, Firenze, 5 ottobre 1942 [Письмо от военного, Тайный контроль за настроением населения на основе частной переписки, Флоренция, 5 октября 1942] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B.233. F.3.

848 Relazione dell'agente segreto, Firenze 16 maggio 1942 [Доклад секретного агента, Флоренция, 16 мая 1942] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B.233. F.1.

Последняя, как представляется, была менее важной для итальянцев, не имеющих исторических оснований для межнациональной вражды с русскими. Для примера достаточно привести динамику отношений с Германией, официальной союзницей Италии, со вступлением в войну на стороне которой большинство населения так и не смогло согласиться[849].

В основном итальянцы не различали народы, проживавшие на территории СССР, относя их всех к русским. Употребление прилагательного «советские» носило скорее политическую окраску и как правило использовалось по отношению к руководству страны. Об отсутствии враждебного отношения к русскому народу свидетельствуют отзывы итальянцев о нем как о «мученике большевизма»[850], а также частые упоминания о том, что русским приходится страдать по вине небольшой горстки коммунистов. Этот образ был создан фашистской пропагандой незадолго до начала войны. Так, в феврале 1938 г. под заголовком «Трагическая жизнь русского народа» по итальянскому радио зачитывались воспоминания некоего Ильи Волкова, сбежавшего из СССР. Подводя итог тяжелым жизненным условиям всех слоев населения, он делает вывод: «Жизнь – это настоящая пытка. Бежать? Как? Куда? Без внутреннего паспорта тебя арестуют, а потом депортируют или расстреляют. Остается только смириться с этим рабством и ждать единственного способа освободиться от него – смерти»[851].

В результате непосредственного контакта с населением образ русских становится более выпуклым, приближенным к действительности и лишенным наслоений фашистской пропаганды. Ф. Стефаниле называет русских «приятными и гостеприимными»[852]. Того же мнения придерживается и К. Гендель: «Крестьяне – хорошие люди, гостеприимные и говорливые»[853]. Общение с гражданским населением происходило в большинстве случаев во время дислокации итальянцев в частных домах на оккупированных территориях. Обе стороны входили в контакт друг с другом в

---

849 См. Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. С. 131; Colarizi S. Op.Cit. P. 329.

850 La lettera a New-York, Stato d'animo della popolazione, desunto dal riservato controllo epistolare, Firenze, 24 luglio 1941 [Письмо в Нью-Йорк. Тайный контроль за настроением населения на основе частной переписки, Флоренция 24 июля 1941] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B. 233.F.1.

851 La vita tragica del popolo russo, Testo per la trasmissione radiofonica 12 febbraio 1938 [Трагическая жизнь русского народа. Текст для радио-передачи 12 февраля 1938] // ASD MAE, Ministero della Cultura Popolare. B.323. F. fuori posto.

852 Stefanile F. Op.cit. P. 17.

853 Hendel C. Op.cit. P. 38.

бытовых условиях: в моменты купли-продажи сигарет и продуктов питания, оказания мелких услуг (стирка, ремонт одежды и т. д.), что оставляло положительные впечатления о русских. Часто сами итальянцы объясняли это своим хорошим отношением к местному населению, проявлением к нему симпатии и уважения[854]. «Думаю, что у них нет причин ненавидеть нас, ведь мы все время вели себя с ними хорошо, даже по отношению к их девушкам»[855].

Наблюдаемые городские и деревенские пейзажи вызывают сострадание и жалость, в некоторых случаях переходящие в чувство превосходства и даже брезгливости. Так, Ф. Стефаниле не понимал, как можно было развязать войну против «народа, живущего беднее нас? В особенности крестьяне. Их дома были выстроены из бревен, а зимой для топки из-за нехватки древесины они использовали высушенный коровий навоз. Пол в их домах был из утрамбованной земли»[856]. Другие же итальянцы видели вокруг себя лишь «деревни, походящие друг на друга в своем убожестве и грязи»[857], а также «нищие дома, крытые листовым железом»[858]. Некоторых поражала «повсеместная однотипность жилых построек и полное отсутствие самых простых человеческих удобств и уюта»[859]. Те же стандартные урбанистические пейзажи запомнилась и У. Роттацци: «В этих промышленных зонах повсюду наблюдаешь коробки огромных жилых комплексов, состоящих из трех- и четырехэтажных домов, выстроенных из серого кирпича. Они вытянуты вдоль улиц, ничем друг от друга не отличаются, повернуты в одном и том же направлении и расположены на одинаковом друг от друга расстоянии, что еще больше подчеркивает их жалкое единообразие. Во всем этом выражается та безликость, которой советский режим окружил русский народ»[860]. От внимательного взгляда итальянцев не усколь-

854 Scotoni G. Op.cit. P. 120.

855 Stefanile F. Op.cit. P. 13.

856 Ibid. P. 55.

857 Lettera dal fronte del capitano Itoli, PM 88 18 settembre 1942. Rapporto della Commissione provinciale censura di guerra Mantova, 28 ottobre 1942 [Письмо с фронта от капитана Итоли PM 88, 18 сентября 1942. Доклад цензурной комиссии г. Мантуи 28 октября 1942] // Fondazione Museo storico del Trentino, fondo Censura 1941–1943 Mantova. B.2. F.2.

858 Lettera dal fronte, Stato d'animo della popolazione, desunto dal riservato controllo epistolare, Firenze, 15 settembre 1942 [Письмо с фронта, Тайный контроль за настроением населения на основе частной переписки, Флоренция 15 сентября 1942] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B.233. F.3.

859 Lettera dal fronte, Stato d'animo della popolazione, desunto dal riservato controllo epistolare, Firenze, 15 ottobre 1942 [Письмо с фронта, Тайный контроль за настроением населения на основе частной переписки, Флоренция 15 октября 1942] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica, B.233. F.3.

860 Rottazzi U. Op.cit. P. 82.

знули и русские дороги, получившие звание «нашего самого лютого врага»[861]. Однако наряду с такой критической оценкой русской действительности существовала и другая, гораздо менее негативная: «Мы проезжаем очень красивые деревни. В жителях и их домах отражается что-то цивилизованное, чистое. Крыши покрыты черепицей, сглаженные углы стен напоминают рождественские домики с открыток. В каждом окне висят занавески, и стоят горшки с геранями»[862]. Здесь имеет смысл заметить, что описание деревень и городов зависит от того, по какой именно территории проезжали итальянские части. Недавно присоединенная Западная Украина не могла не отличаться от советских населенных пунктов сельского или городского типа.

Очевидно, что различие взглядов на, по сути, одни и те же явления (за исключением, разумеется, таких объективных элементов советского быта как, к примеру, материал крыш) обуславливалось во многом субъективным восприятием происходящего. Длительность пребывания на фронте без отпуска и тяжелые полевые условия в неблагоприятном климате приводили солдат в состояние отчаяния и ненависти ко всему, что их окружало. «Мы сыты Россией по горло. После десяти месяцев службы в этой злополучной стране среди этого проклятого народа иногда чувствуешь себя готовым в любой момент взорваться»[863]. О фронтовых условиях ярко свидетельствует отрывок их письма солдата Б. Тамборри: «В России есть всего лишь три вещи – холод, голод и расстрелы»[864]. Многие так хотели вернуться домой и как можно скорее уехать из России, что были готовы пойти на крайние средства – жениться на своих оставленных на родине невестах. «Дорогая Джина, я тебе объясню, как надо будет передать мне документы для заключения брака, потому что еще одну зиму здесь я не перенесу. Так или иначе, но скоро я окажусь в твоих объятиях»[865].

---

861 Lettera dal fronte, 18 settembre 1941. Rapporto della Commissione provinciale censura di guerra Mantova, 30 settembre 1941 [Письмо с фронта 18 сентября 1941. Доклад цензурной комиссии г. Мантуи 30 сентября 1941] // Fondazione Museo storico del Trentino, fondo Censura 1941–1943 Mantova, B.1. F.3.

862 Revelli N. P. 22.

863 Lettera dal fronte del capitano G. Guerieri, 28 maggio 1942. Rapporto della Commissione provinciale censura di guerra Mantova, 28 giugno 1942 [Письмо с фронта капитана Дж. Гуэрьери, 28 мая 1942. Доклад цензурной комиссии г. Мантуи 28 июня 1942] // Fondazione Museo storico del Trentino, fondo Censura 1941–1943 Mantova, B.2, F.2.

864 Lettera dal fronte del soldato B Tamborri, 10 novembre 1941. Rapporto della Commissione provinciale censura di guerra Mantova, 28 novembre 1941 [Письмо с фронта солдата Б. Тамборри, 10 ноября 1941. Доклад цензурной комиссии г. Мантуи 28 ноября 1941] // Fondazione Museo storico del Trentino, fondo Censura 1941–1943 Mantova, B.2. F.1a.

865 Lettera dal fronte del soldato E. Bartoli, 26settembre 1942. Rapporto della Commissione provinciale censura di guerra Mantova, 9 ottobre 1942 [Письмо с фронта солдата Э. Бартоли, 26 сентября1942. Доклад цензурной комиссии г. Мантуи 9 октября 1942] // Fondazione Museo storico del Trentino, fondo Censura 1941–1943 Mantova, B.2, F.1a.

В дополнение к трудностям военной жизни на чужой территории с постоянным риском для жизни, итальянским солдатам приходилось терпеть плохое и несправедливое отношение командования, мириться со штабными «сквадристами» и призывниками из богатых семей, благодаря своему положению откупившихся от отправки на фронт и оставшихся в тылу, получать систематический отказ начальства на прошение о предоставлении отпуска, а также поневоле встраиваться в распространенную во всей итальянской армии систему коррупции и подкупов. Враждебные отношения с немецкими союзниками вносили свою долю в общее состояние итальянцев. Контакты с географическими соседями и историческими противниками нередко приводили к открытым столкновениям и проявлению врожденных чувств недоверия и враждебности, подкрепляемых высокомерным и грубым поведением немцев[866].

***

Подводя итоги анализу представлений различных слоев итальянского населения (солдаты регулярной армии, принадлежавшие к различным субкультурам, гражданское население с разнородной политической ориентацией) о СССР в начале Второй мировой войны, прежде всего, следует иметь в виду гетерогенный характер самого итальянского общества предвоенной эпохи, укорененные в нем фашистские и антифашистские настроения, различный уровень лояльности по отношению к тоталитарному режиму.

Проведенное исследование многочисленных и разнообразных источников позволяет сделать вывод прежде всего об изменчивости общественных настроений в зависимости от превалирующего влияния на него одного или другого фактора. Так, если в самом начале войны большинство итальянцев испытывало результаты массивной предвоенной фашистской пропаганды, то после одержанных советской армией побед и рассказов вернувшихся на побывку или лечение с восточного фронта военных, мнение о советском строе и его руководителях стало постепенно улучшаться.

---

866 Relazione dell'agente segreto, Firenze, 6 luglio 1942 [Доклад секретного агента, Флоренция, 6 июля 1942] // ACS, MI, DGPS, Polizia Politica. B.231. F.1.

Среди основных, наиболее действенных факторов воздействия на общественные настроения широких слоев итальянского населения следует упомянуть антисоветскую пропаганду фашистского правительства, прямой контакт с советской реальностью и с жителями юга СССР, а также рассказы очевидцев, вернувшихся с Восточного фронта. Отношение к населению со стороны собственного правительства, распространенная во всех общественных нишах коррупция, кризисное экономическое положение[867], усугубленное военными неудачами и недоверием к основному союзнику, заставили итальянцев иначе взглянуть на побеждающих вопреки всем прогнозам и ожиданиям русских. И наконец, положение итальянских солдат, вынужденных ежедневно рисковать жизнью на фронте, сказывалось на их физическом и морально-психологическом состоянии, которое в свою очередь оказывало влияние на восприятии ими России и отношение к ней.

Следует также отметить, что итальянцам не была присуща имманентная ненависть к русским вследствие отсутствия т. н. исторической предрасположенности. Итальянская и русская армии лишь считанные разы мерились силой (в частности, во время Крымской войны (1853–1856), интервенции Италии в советскую Россию (1918–1920)), что не шло ни в какое сравнение с многолетним австрийским господством и участием в Первой мировой войне против немцев. Более того, во многих рабочих семьях еще были живы воспоминания о событиях «красного двухлетия», ставшие ключевым моментом в жизни левых итальянцев[868]. Это в определенной степени повлияло на быструю смену политической ориентации и на почти немедленно возникшее нежелание воевать против русских.

Тем не менее, в результате активного воздействия антисоветской пропаганды, при отсутствии эффективного ей противодействия (советские официальные представительские органы не могли в силу объективных причин эффективно бороться с фашистской пропагандой, а антифашистские силы находились в многолетнем подполье или за границей, в частности во Франции), на первом этапе войны большое число итальянцев с энтузиазмом восприняло участие в войне против СССР, видя в нем воплощение зла и насилия. Однако в ходе неудачных для Италии военных дей-

867 См. Colarizi S. Op.cit. P. 375–380.

868 Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. С. 311.

ствия мнение о СССР изменилось в лучшую сторону.

Являясь частью программы действий с целью достижения консенсуса среди широких слоев населения, антисоветская пропаганда фашистского режима ставилась под сомнение определенными группами итальянцев еще до начала Второй мировой войны. В целом же, как показывают многочисленные источники, образ СССР среди широких слоев населения соответствовал тому, который целенаправленно создавался органами пропаганды Муссолини. Однако, ослабление фашистского режима, обусловленное вступлением в войну на стороне Германии, привело к постепенному разрушению выстроенный им системы идеологических концепций и созданию независимых от него представлений на основе личного опыта и под влиянием новой политической ситуации как в самой Италии, так и на международной арене.

# Заключение

Анализ общественных представлений в фашистской Италии о СССР, с одной стороны, позволил выявить их сложность и неоднородность, а с другой, способствовал раскрытию их различий и динамики образа Советской России в межвоенной Италии. Итальянское общество оказалось на перекрестке различных информационных потоков, исходивших из многочисленных источников, как собственно итальянских, так и, хотя в гораздо меньшей степени, советских. Можно утверждать, что фашистский и коммунистический режимы столкнулись друг с другом на поле медийных коммуникаций еще до вступления в вооруженный конфликт, используя в качестве основного инструмента борьбы пропаганду посредством ее распространения по различным каналам. Однако, необходимо сделать серьезную оговорку о несоизмеримости сил на итальянской территории, где фашистское руководство установило жесткие правила поведения советских представителей, а также количественные и качественные характеристики их пропагандисткой деятельности в обмен на само их присутствие в Италии. Тем не менее, несмотря на невыгодные условия работы и негостеприимность итальянских властей, советским органам все же удавалось выполнять свою миссию по распространению благоприятных представлений о СССР в крайне сжатых объемах и в рамках дозволенного. То немногое, что у советских представителей в Италии все же получилось сделать, способствовало формированию в Италии позитивного образа СССР, хотя его и можно сравнить, в конечном итоге, лишь с каплей в море антикоммунистической и антисоветской пропаганды, насаждавшейся в Италии с переменной интенсивностью во время всего фашистского периода.

Будучи одним из инструментов обеспечения массового консенсуса, необходимого для удержания и укрепления власти, пропаганда играла немаловажную роль в политике правительства Муссолини. Разработкой ее содержания, распространением и эффективностью ее работы занимались различные государственные институты власти, созданные на протяжении всего фашистского периода. Антикоммунизм был одной из составляющих частей всего комплекса «мифов», которыми ловко жонглировал Муссолини в достижении поставленных перед собой целей. Однако,

содержание антикоммунистической пропаганды во многом зависело от динамики политических и экономических отношений между двумя государствами, а также от внутреннего положения в самой Италии. Антикоммунизм занимал важное место в фашистской идеологии в момент захвата Муссолини власти, а также начиная с Гражданской войны в Испании. Между этими событиями в зависимости от своих конъюнктурных интересов фашизм разыгрывал карту антикоммунизма на внешней арене, а также использовал его как средство для решения вопросов внутренней политики. Во многом позиция официальной Италии, а значит и формировавшийся ее властями образ Советской России зависел, в частности, от политической ситуации, в которой действовало итальянское правительство. Так, восприятие итальянским руководством и национально-либеральной общественностью большевистского переворота и установившегося впоследствии коммунистического режима было сопряжено с негативными последствиями для Италии выхода России из войны, с распространением социалистических идей, с публикацией секретных документов, бросавших тень на итальянских политиков, а также с повышением напряженности, связанной с повсеместными выступлениями различных слоев населения, бравших пример с российского пролетариата. Таким образом, использование антисоветской риторики до окончательного расхождения двух стран во время столкновения в Испании являлось элементом проведения внутренней и внешней политики, не будучи исключительно пропагандистским действием.

В зависимости от своего характера поступавшие в Италию сведения о СССР оказывали неравнозначное влияние на формирование его образа среди итальянского населения. Так, наиболее приближенным к действительности источником информации о внутренней жизни в СССР были дипломатические донесения, которые не доходили до широкого круга читателей, а ознакомление с ними было ограничено верхушкой фашистского государственного аппарата. Однако, стоит указать на тот факт, что дипломатические сведения поступали не только во внешнеполитическое ведомство, но и в органы, связанные с разработкой и распространением пропаганды, что говорит об опосредованном воздействии этого вида источника информации на формирование официального образа СССР в Италии.

Несмотря на нелегкие условия, в которых итальянским дипломатам приходилось работать в Советской России, они, тем не менее, отправляли в Рим во многом достоверную информацию, позволявшую правительству выстраивать политическую линию отношений с СССР, а также насыщать антисоветскую пропаганду конкретными примерами, взятыми из различных сфер жизни в Советской России. Прямая связь между информационной деятельностью дипломатического корпуса и институтами пропаганды была установлена в контексте массивного распространения фашистской пропаганды во время Второй мировой войны на юге СССР, оккупированном итальянской армией. Так, основное внимание антисоветской пропаганды фашизма на оккупированных советских территориях было сконцентрировано на национальном украинском вопросе. В цели фашистских идеологов входил призыв этнического украинского меньшинства к борьбе против советского режима, к строительству собственной государственности и защите национальной идентичности при поддержке итальянской и немецкой армий. Последние, по заверениям итальянской пропаганды, пришли на юг СССР с целью освободить угнетенный украинский народ. Ставшая лейтмотивом в арсенале фашистской пропаганды мысль о тлеющем недовольстве среди украинских националистов и их готовности свергнуть советскую власть была подсказана итальянскими дипломатами, убежденными в провале национальной политики Сталина и скором крахе советского режима в целом. Подтверждением этого факта было недовольство национальных меньшинств, в частности, населения недавно присоединенных к СССР областей западной Украины.

Другим важным источником распространения сведений о Советской России была католическая церковь. Ее усилиями были созданы центры по сбору и обработке информации о СССР (Комиссия «Про Руссия», Институт «Руссикум»), проводилась пропагандистская деятельность (церковная печать, энциклики, проповеди), а также предпринимались попытки распространения прозелитической деятельности на советской территории (епископ д'Эрбиньи, епископ Невё). Тем самым католическая церковь способствовала демонизации СССР, ужесточению критики большевистского режима, а также созданию образа коммунизма как «абсолютного зла, угрожавшего христианской цивилизации».

Работники институтов пропаганды продумывали и разрабатывали образы Советской России не только на основании донесений дипломатов, имевших непосредственный контакт с советской действительностью, но и опираясь на труды специалистов по СССР. Основным каналом распространения собранной и обработанной ими информации в широких массах была национальная печать. Закулисная сторона журналисткой деятельности позволяет лучше понять зачастую противоречивый характер статей, на содержании которых сказывалось давление, как со стороны советских органов (шантаж с въездными визами, «техника гостеприимства», надзор на местах, финансирование/подкуп журналистов и т. д.), так и со стороны собственного режима (обязательство следовать директивами минкульта, угроза лишиться работы и т. д.). Предлагавшиеся на страницах ежедневников темы должны были исчерпывающим образом отражать советскую действительность и демонстрировать трудности, которые приходилось преодолевать советскому населению, находившемуся, по-мнению большинства журналистов, на грани выживания.

Частые сравнения с итальянской реальностью служили целям внутренней пропаганды фашизма, доказывавшей на фоне недостатков советского социалистического общества преимущества фашистского строя. Проводимые параллели позволяли сопоставить методы решения внутренних проблем и выявить общие черты обоих режимов, неизменно подчеркивая преимущество фашизма. Так, фашистские идеологи обращали внимание на общность в таких аспектах, как захват власти путем революции, профсоюзная организация рабочего класса, государственное вмешательство в решение проблемы безработицы, решающая роль партии в жизни страны, сильная исполнительная власть в руках одного лидера и т.д. Однако, подобные сравнения 1920-х – начала 1930-х гг. сменились во второй половине 1930-х гг. огульной критикой, не предполагавшей какого-либо диалога с советским правительством. Скорее наоборот, она служила предлогом для ухудшения отношений, что в конечном итоге привело к военному конфликту.

Радио также использовалось фашистским режимом как одно из средств распространения антикоммунистической пропаганды. Самым дерзким средством пропаганды был проект вещания на территорию Восточной Европы посредством соз-

дания подпольного «Радио Москва». Волны русскоязычного радио принимались не только в Италии, но и в других странах, что и ставилось целью этого проекта: от имени вымышленной антисталинской партии убедить советское население в существовании мощного оппозиционного движения на территории самого СССР. Учитывая широкое распространение радиолюбительства в СССР, санкционированного правительством в начале 1920-х годов, можно предположить, что волны «Радио Москва» доходили до западной части Советской России и ловились самодельными приемниками.

Советские органы не могли оказать сильное противодействие массивной антикоммунистической пропаганде на территории Италии. Пропагандистская деятельность полпредства в Риме и филиала ВОКС была максимально ограничена итальянской властью, зорко следившей за всеми шагами советских представителей в этом направлении. Помимо сложностей, связанных с работой в идеологически враждебной стране, сотрудникам обоих представительств приходилось отвечать сразу перед несколькими центральными ведомствами (Политбюро РКП (б), НКИД, Коминтерн, центральным отделением ВОКС), так или иначе осуществлявшими надзор за различными сторонами деятельности представительств, в том числе информационной и пропагандистской. Полпредство оказывалось между двумя инстанциями: НКИД, поддерживавшим дипломатические отношения с другими странами, и Коминтерном, осуществлявшим подпольную деятельность, направленную на подрыв западных политических режимов и распространение коммунистической идеологии. Советское полпредство действовало в русле политики Политбюро, объединявшего в своем лице две внешнеполитические линии, которые на практике должны были осуществлять советские полпредства за границей. В такой стране, как фашистская Италия, с присущей ей тоталитарным режимом, задача полпредства усложнялась его крайне невыгодным и непрочным положением.

ВОКС также вынужден был находить возможность работать в Италии, подчиняясь одновременно сразу нескольким инстанциям: не только НКИД, ЦК РКП (б) и Коминтерну, но и всем остальным органам, так или иначе связанным с распространением информации о СССР за границей и вовлеченных в советскую куль-

турную дипломатию. Подчинение ВОКС непосредственно правительству помешало более широкому распространению его деятельности на территории Италии, так как, возможно, советские власти опасались чрезмерного распространения там коммунистической пропаганды. Массивная идеологическая атака на фашистское государство могла подорвать установившиеся торговые и экономические связи между двумя странами, являвшиеся приоритетным направлением в развитии советско-итальянских отношений для обеих сторон. Тем не менее, ВОКС, хоть и не в полной мере, все же удавалось развивать свою пропагандистскую деятельность путем культурного обмена, проведения совместных научных и культурных мероприятий, воздействия, хотя и крайне ограниченного, на итальянскую печать, а также с помощью организации участия СССР в различных международных выставках и фестивалях.

Анализ многочисленных факторов, способствовавших формированию представлений о СССР в межвоенный период, позволил выделить несколько конкретных источников информации, через которые в итальянское общество поступали сведения о Советской России. Сопоставление этих данных привело к выстраиванию картины образа СССР в фашистском обществе. Однако, этой теоретической конструкции недостаточно для того, чтобы полностью восстановить приближенную к действительности картину. С этой целью был привлечен большой массив источников мемуарного и эпистолярного характера, в которых так или иначе выражалось отношение авторов к Советскому Союзу. В процессе изучения общественных представлений на основе этих материалов были учтены сразу несколько факторов, которые могли повлиять на формирование образа СССР: разнообразие общественных категорий, представления которых удалось выявить в работе с источниками (солдаты регулярной армии, принадлежавшие к различным субкультурам, неоднородное в социальном плане гражданское население), разнообразная политическая ориентация граждан, выражавшаяся в различном уровне фашизации населения, а также в укорененных антифашистских настроениях.

Проведенное исследование источников позволяет сделать вывод, прежде всего, об изменчивости общественных настроений в зависимости от превалирующего влияния на него одного или другого фактора. Так, если в самом начале войны боль-

шинство итальянцев испытывало воздействие массивной предвоенной фашистской пропаганды, то после одержанных советской армией побед и рассказов вернувшихся на побывку или лечение с восточного фронта военных, мнение о советском строе и его руководителях стало постепенно улучшаться.

Итальянцам не было присуще негативное отношение к русским, обусловленное какими-либо историческими событиями. Иными словами, «народная память» итальянцев не хранила в себе следов непреодолимых конфликтов и негативных стереотипов. Более того, итальянцы с понимаем и сочувствием относились к самим русским, как «жертвам угнетавшего их коммунистического режима». Недостатки, с их точки зрения, национального характера русских объяснялись их «многовековым порабощением» и историческими факторами, а «отсталость» в культурном развитии – тормозящим эффектом большевистского строя. В любом случае, негативные стороны русских, по мнению итальянцев, вредили, прежде всего, им самим и не причиняли большого ущерба другим народам, так как по природе русские были миролюбивы. Во многом, согласно итальянским представлениям, этому способствовала христианская вера русских, которая несмотря на многочисленные усилия советской власти, так и не была искоренена за весь межвоенный период.

Жизнь в СССР была «сродни аду», причем для всех категорий работавшего населения. «Нищета, голод, катастрофические жилищные условия, транспортные аварии, отсутствие каких бы то ни было жизненных удобств и удовольствий» превращало в глазах итальянцев СССР в одну большую «тюрьму, отделенную от всего мира колючей проволокой». Советский же режим, как подставлялось итальянцам, не только накрыл «непроницаемым колпаком» все находившееся по его властью население, изолировав его от внешнего мира, но и способствовал проявлению самых низких человеческих качеств, на которые способны люди вне зависимости от национальности. Эта мысль еще больше подчеркивала чуждость советского строя русскому национальному характеру. Советское правительство удерживало власть в своих руках, по представлениям итальянцев, лишь благодаря повсеместному террору и глубоко укоренившемуся в населении страху. Так, по созданному в печати убеждению, достаточно было одной искры извне, чтобы советское население под-

нялось против своего «деспотического правительства».

Во многом эти представления были пересмотрены в результате побед СССР в войне, которая, согласно сложившемуся в Италии мнению, должна была закончиться очередной революцией в России и свержением сталинского правительства. Решительная борьба всего населения против нацистской оккупации заставила засомневаться итальянцев в достоверности антисоветской пропаганды. Культурная и материальная отсталость Советской России уже не была столь очевидной, а пропасть между властью и населением не такой глубокой, как это представлялось фашистской печатью. Личный контакт с местным гражданским населением, а также опыт сражений с советской армией перевернули для многих итальянцев представления о СССР, повлияв на дальнейшее формирование их политической ориентации.

# Библиография

## Источники

### Архивные источники

1. АВП РФ, Архив внешней политики Российской Федерации. Фонды:
   Отдел Печати НКИД, Ф. 056, Оп. 10, 13, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 25;
   Полпредство СССР в Италии, Ф. 176 Оп. 5,6, 7, 8, 9;
   Секретариат Г.В. Чичерина, Ф. 04, Оп. 20;
   Секретариат М.М. Литвинова, Ф. 05, Оп. 10, 13, 15, 16, 17, 18.
2. ГА РФ, Государственный архив Российской Федерации. Фонды:
   ВОКС, Ф. 5283, Оп. 1а, 2, 2а, 7, 8, 9;
   Интурист, Ф. 9612, Оп. 2, 2с;
3. РГАСПИ, Российский Государственный архив Социально-политической истории. Фонды:
   Центральная контрольная комиссия РКП (б)–ВКП (б) (1920–1934), Ф. 613, Оп.3;
   Итальянская коммунистическая партия, Ф. 513, Оп.1.
4. ASD MAE, Archivio Storico-diplomatico del Ministero degli Affari Esteri (Историко-дипломатический архив Министерства иностранных дел Италии). Фонды:
   Affari politici 1919–1930;
   Affari politici 1930–1945;
   Rappresentanze all'estero.
5. ACS, Archivio Centrale dello Stato di Roma (Центральный государственный архив Рима). Фонды:
   Ministero della Cultura popolare;
   Ministero dell'Interno-Pubblica sicurezza.
6. Fondazione Museo storico del Trentino (Архив Исторического музея области Трентино). Фонд:
   Commissione provinciale di censura di guerra di Mantova.

**Опубликованные источники**

Сборники документов

7. Москва-Рим. Политика дипломатии Кремля. 1920–1939 / под ред. Г.Н. Севостьянова. – М.: Наука, 2002. – 483 с.

8. Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Коминтерн: 1919–1943. Документы. – М.: Росспэн, 2004. – 961 с.

9. СССР-Италия. Страницы истории 1917–1984. Документы и материалы. — М.: Политиздат, 1985. — 292 с.

10. Atti parlamentari. Camera dei deputati. Discussioni. Legislatura XXIV. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://biblioteca.camera.it/7?testo_biblioteca=18.

11. Ministri e giornalisti: la guerra e il Minculpop, 1939–43 a cura N. Tranfaglia – Torino: Einaudi, 2005. – 331 p.

Мемуары, воспоминания, речи

12. Ананьин, Е. Л. Из воспоминаний революционера, 1905–1923 гг. – Нью-Йорк.: Inter – University Project on the History of the Menshevik Movement, 1961. – 75 с.

13. Балабанова, А.И. Моя жизнь – борьба: мемуары русской социалистки: 1897–1938. Свидетели эпохи. – М.: Центрополиграф, 2007. – 335 с.

14. Курская, А. С. Пережитое. М.: Московский рабочий, 1965. – 260 с.

15. Солоневич, Т. В. Записки советской переводчицы. – София: Голос России, 1937. – 223 с.

16. Alagiani, P. Le mie prigioni nel paradiso sovietico. – Roma: Edizioni Paoline, 1956. – 384 p.

17. Aponte, S. Il “Corriere” tra Stalin e Trockij 1926–1929 a cura di L. Canfora. – Milano: Rizzoli, 2010. – 597 p.

18. Ardemagni, M. Russia. Quindici anni dopo. – Milano: Istituto editoriale nazionale, 1933. – 308 p.

19. Bedeschi, G. Centomila gavette di ghiaccio. – Milano: Mursia, 1970. – 370 p.
20. Bertoni, R. Il trionfo del fascismo nell'Urss. – Roma: Angelo Signorelli, 1934. – 158 p.
21. Boret, V. La verità sulla Russia. Brescia: G. Vannini, 1935. – 351 p.
22. Bova Scoppa, R. Russia rossa. – Roma: Libreria del Littorio, 1932.– 381 p.
23. Bova Scoppa, R. La pace impossibile. – Torino: Rosenberg e Sellier, 1961. – 343 p.
24. Calzini, R. Russia gaia terribile. – Milano: Fratelli Treves Editori, 1927. – 244 p.
25. Ciocca, G. Giudizio sul bolscevismo. – Milano: Bompiani, 1934. – 275 p.
26. D'Andrea, U. Le alternative a Stalin. – Milano–Roma: Treves–Treccani–Tumminelli, 1932. – 173 p.
27. Diario di Salandra, a cura di Giufini G.B. – Milano: Pan, 1969. – 340 p.
28. Discorsi parlamentari di Antonio Salandra. – Roma: Stab. Tip. Carlo Colombo, 1959. – 469 p.
29. D'Herbigny, M. Alexandre Deubner. – Roma, 1931. – 450 p.
30. Fronte russo: c'ero anch'io a cura di Bedeschi G. – Milano: Mursia, 1983. – 2 vol.
31. Fülöp-Miller, R. Il volto del bolscevismo. – Milano: Bompiani, 1931. – 328 p.
32. Giolitti, G. Discorsi parlamentari. – Roma: Tip. Camera dei deputati, 1953–1956. – 4 vol.
33. Giolitti, G. Memorie della mia vita. – Milano: Garzanti, 1982. – 381 p.
34. Hendel, C. Russia 1942–1943. Diario di guerra. – Trento: Fondazione museo storico del Trentino, 2011. – 143 p.
35. Kupferman, F. Au pays des Soviets. Le voyage français en Union Soviétique 1917–1939. – Paris: Gallimard, 1979. – 188 p.
36. Lasci, O. La mia guerra in Russia 1942–1943. – Trento: Centro stampa e duplicazioni della Regione autonoma, 2009. – 141 p.
37. Lo Gatto, E. Saggi sulla cultura russa. – Roma: Anonima Romana Editoriale, 1925. – 174 p.
38. Lo Gatto, E. Urss 1931. Vita quotidiana e piano quinquennale. – Roma: Anonima romana editoriale, 1932. – 358 p.
39. Lo Gatto, E. Mosca. – Milano: Giacomo Agnelli, 1934.– 262 p.
40. Lo Gatto, E. In Russia. – Editrice Dante Alighieri, 1938. – 126 p.

41. Ludwig, E. Colloqui con Mussolini. – Verona: Arnoldo Mondadori Editore, 1965. – 224 p.
42. Malaparte, C. Intelligenza di Lenin. – Milano: Treves, 1930.– 176 p.
43. Malaparte, C. Tecnica del colpo di Stato. – Milano: Adelphi, 2011. – 170 p.
44. Malaparte, C. Il ballo al Kremlino. – Milano: Adelphi, 2012. – 417 p.
45. Mussolini, B. Scritti e discorsi. – Firenze: Stamperia nazionale braille, 1934. – 3 Vol.
46. Mussolini, B. Opera omnia. – Firenze: Fenice, 1963. – 44 Vol.
47. Petacci, C. Mussolini segreto. Diari 1932–1938. A cura di Mauro Suttora. – Milano: Rizzoli, 2009. – 521 p.
48. Petacci, C. Verso il disastro. Mussolini in guerra. Diari 1939–1940. A cura di Mimmo Franzinelli. – Milano: Rizzoli, 2011. – 463 p.
49. Rattazzi, U. Dal fronte russo 1941–1942. – Genova: Il melangolo, 2013. – 139 p.
50. Revelli, N. Mai tardi. Diario di un alpino in Russia. – Torino: Einaudi, 2001. – 207 p.
51. Revelli, N. L'Ultimo fronte. – Torino: Einaudi, 2009. – 354 p.
52. Rigoni Stern, M. Il sergente della neve. Ritorno sul Don. – Torino: Einaudi, 2008. – 125 p.
53. Diario di Salandra, a cura di Giufini G.B. – Milano: Pan, 1969. – 340 p.
54. Scarfoglio, C. Nella Russia di Stalin. Russian tour. – Firenze: Vallecchi Editore, 1941. – 513 p.
55. Sessa, P. La Russia bolscevica in rapporto all'Europa // Atti del Convegno di scienze morali e storiche, 14–20 novembre 1932. – Roma: Reale accademia d'Italia, 1933. – 513 p.
56. Sessa, P. Fascismo e bolscevismo. – Milano: Mondadori, 1934. – 111 p.
57. Stefanile, F. Davai bistré. Diario di un fante in Russia 1942–1945. – Milano: Mursia, 1999. – 247 p.
58. Suster, R. Ai margini d'Europa. – Milano: Libreria d'Italia, 1928.– 169 p.
59. Suster, R. Il bolscevismo russo contro l'Europa. – Roma: Edizioni Latium, 1942. – 107 p.

60. Vio Sopranis, E. ARMIR. La tragica avventura dell'Armata italiana in Russia. – Milano: Mursia, 2012. – 196 p.
61. Zabughin, V.N. Il gigante folle: istantanee della rivoluzione russa. – Firenze: R. Bemporad e Figlio, 1918. – 200 p.
62. Zappa, P. Burja. – Torino: Einaudi, 1945. – 739 p.

**Литература**

63. Анатшева, И.А. Роль Всесоюзного общества культурной связи с заграницей в развитии международного сотрудничества СССР, 1925–1939 гг.: автореф. дис. к.и.н. – М., 1994.
64. Анфертьев, И.А. Дипломатические последствия обеда Б. Муссолини и советского полпреда в Италии К.К. Юренева. Документы РГАСПИ // Исторический архив. – 2011. – № 6. – С. 48–63.
65. Белоусов, Л.С. Италия: молодежь против фашизма (1919–1945). – М.: Издательство МГУ, 1987. – 155 с.
66. Белоусов, Л.С. Общественные настроения в период кризиса режима Муссолини // Проблемы итальянской истории. – М.: ИВИ РАН, 1993. – С. 171–193.
67. Белоусов, Л.С. Итальянский рабочий класс в годы фашизма. – М.: Издательство Московского университета, 1996. – 95 с.
68. Белоусов, Л.С. Репрессивный аппарат режима Муссолини // Новая и новейшая история. – 1999. – №2. – С. 29–43.
69. Белоусов, Л.С. Режим Муссолини и массы. – М.: Издательство МГУ, 2000. – 368 с.
70. Белоусов, Л.С. Муссолини: диктатура и демагогия. – М.: Планета, 2016. – 368 с.
71. Венгер, А. Рим и Москва. – М.: Русский путь, 2000. – 616 с.
72. Вентури, А. У мифологии в плену. Русская эмиграция в Италии и революция в России // Родина. – 2011. – №4. – С. 136–137.
73. Голубев, А.В., Невежин В.А. ВОКС в 30–40-х годах // Минувшее. исторический альманах. – М.; СПб.: Atheneum-Феникс, 1993. – С. 313–364.

74. Голубев, А.В. Советская культурная дипломатия 1920–30-х гг. // Россия и мировая цивилизация. – М.: РАН, 2000. – С. 339–354.
75. Голубев, А.В. «Добро пожаловать или посторонним вход запрещен»: к вопросу о закрытости межвоеного советского общества // Отечественная история. – 2004. – №4. – С. 32–42.
76. Голубев, А.В. «Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии. – М.: ИРИ РАН, 2004. – 276 с.
77. Голубев А.В. Образ Италии в советской политической карикатуре межвоенного периода // «Друг – зеркало для друга...». Российско-итальянские общественные и культурные связи, X–XX вв. – М.: ИРИ РАН. – 2013. – 352 с.
78. Голубев, А.В., Невежин В.А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е – первая половина 1940-х гг. – СПб.: ИРИ РАН, 2016. – 238 с.
79. Гимпельсон, Е.Г. Советские управленцы. 20-е годы. (Руководящие кадры государственного аппарата СССР). – М.: ИРИ РАН, 2001.– 225 с.
80. Гриднев, Ю.А. Создание ВОКС. Задачи и цели // Историки размышляют: сборник статей под ред. Семенникова Л.И. – М.: Звездопад, 2000. – С. 285–299.
81. Гриднев, Ю.А. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей: 1925–1929 гг.: автореф. дис. к.и.н. – М., 2006.
82. За рамками тоталитаризма. Сравнительное исследование сталинизма и нацизма. – М.: Росспэн, 2011. – 680 с.
83. Зарницкий, С., Сергеев А. Чичерин. – М.: Молодая гвардия, 1966. – 256 с.
84. История новейшего времени стран Европы и Америки: 1918–1945 гг. Белоусов Л.С., Григорьева И.В. и др. – М., «Высшая школа», 1989. – 463 с.
85. Кейдан, В. Выбор Ф. Бутенко. Судьба интеллектуала-невозвращенца в эпоху тоталитаризма // Запад-Восток. – № 3. – 2010. – С. 50–62.
86. Кин, Ц.И. Италия на рубеже веков: Из истории общественно-политической мысли. – М.: Наука, 1980. – 196 с.
87. Коломиец, В. К. Политический образ современной Италии. Взгляд из России. – М.: Мысль, 2013. – 336 с.

88. Комолова, Н.П. Великий октябрь и революционный процесс в Италии // Великий Октябрьска социалистическая революция и страны Западной Европы. – М.: Наука, 1978. – С. 94–122.
89. Коренева, Е.И. Организация иностранного туризма в СССР в1920–1930-х годах // Российская история. – 2010. – №3. – С. 143–141.
90. Кресова, М.Д. "Интурист" в 1929–1939 гг.: структура, кадры, направления деятельности.: автореф. дис. к.и.н. – М., 2004.
91. Куликова, Г.Б. СССР 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов // Отечественная история. 2001. – № 1. – С. 4–24
92. Куликова, Г.Б. Под контролем государства: пребывание в СССР иностранных гостей в 1920–1930-х годах // Отечественная история. – 2004. – № 4. – С. 43–59.
93. Куликова, Г.Б. Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов. – М.: ИРИ РАН, 2013. – 370 с.
94. Лами, Дж. «Несмотря на различия политического строя...» // Родина. – 2011. – №4. – С. 146–147.
95. Лодыженский, Ю.И. От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 575 с.
96. Любин, В.П. Социалисты в истории Италии. – М.: Наука, 2007. – 464 с.
97. Любин, В.П. Приключения образа // Родина. – 2011. – №4. – С. 141–145.
98. Любин, В.П. Особенности итальянского фашизма. К дискуссии по интервью проф. В.И. Михайленко // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. – 2014. – № 1. – С. 8–15.
99. Любин, В.П. Русская революция и Италия: российская и итальянская историография // Сб-к науч. статей. XII Плехановские чтения. Великая русская революция 1917 г.: проект альтернативного исторического развития. Материалы к международной конференции. 30 мая – 1 июня 2017 г . – С. 29–35.
100. Маццителли, Г. Пребывание Этторе Ло Гатто в России в годы первой пятилетки // Россия и Итали. – 2015. – Вып. 6. – С. 340–352.
101. Мелограни, П. Русская революция и общественное мнение Италии. 1917 – 1922. // Россия и Италия. Вып. 3. – М.: Наука, 1998. – С.63–70.

102. Михайленко, В.И. Итальянский фашизм: основные вопросы историографии. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1987. – 233 с.
103. Михайленко, В. И. Внешняя политика СССР накануне второй мировой войны: взгляд из Рима. – Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – № 2. – С. 161 – 177.
104. Михайленко, В.И. Отрицаемая история // Родина. – 2011. – №4. – С. 148–149.
105. Михайленко, В.И. Итальянский фашизм 90 лет спустя: актуальность исторического феномена // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Обществ. науки. – 2013. – № 2. – С. 6 – 17.
106. Молодяков, В.Э. Россия и Италия: Секреты дружбы (1920–1935). – М.: Просвещение, 2010. – 176 с.
107. Никольская, Л.С. Международные культурные связи СССР в первое десятилетие советской власти. К истории ВОКСа и зарубежных обществ культурных связей с СССР.: автореф. дис. к.и.н. – М., 1970.
108. О'Коннор, Т.Э. Георгий Чичерин и Советская Внешняя Политика 1918–1930 / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.
109. Одинцов, М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма 1917–1953 гг. – М.: Росспэн, 2014. – 424 с.
110. Остапенко, А.И. Становление Дипломатического Ведомства РСФСР в 1918–1922 гг. // От Античности до современности. – 2012. – С. 321–353.
111. Остоя-Овсяный, И.Д. К истории установления дипломатических отношений между СССР и Италией // Ленинская дипломатия мира и сотрудничества. – М.: Наука, 1965. – С. 66–105.
112. «Персонажи в поисках автора»: жизнь русских в Италии. – М.: Институт всеобщей истории РАН. Русский путь, 2011. – 320 с.
113. Петракки, Дж. Груз наследия // Родина. – 2011. – №4. – С. 138–140.
114. Путешествие в Италию – путешествие в Россию: сборник статей по материалам Итало-российских исторических конференций, состоявшихся на факультете журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (20 ноября 2012, 27–28 марта 2013 и 26–27 сентября 2013), 2014. – 272 с.

115. Радиожурналистика / под ред. Шереля А.А. – М.: МГУ, 2000. – 480 с.
116. Романов, А.С. Зарождение советской системы международной информации: информационная деятельность НКИД РСФСР (1917–1923 гг.) // Российская история. – № 4. – 2008. – С. 131–143.
117. Романов, А.С. Информационная деятельность народного комиссариата по иностранным делам РСФСР 1917–1923 гг.: автореф. дис. к.и.н. – М.: 2009.
118. Россия и Италия. Вып. 2. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 1996. – 316 с.
119. Россия и Италия. Вып. 5. – М.: Наука, 2003. – 335 с.
120. Россия и Ватикан в конце XIX – первой трети XX вв. / под ред. Е. Токаревой и А. Юдина. – СПб.: Алетея, 2003. – 324 с.
121. Россия и Святой престол. Вып. 3. Русская эмиграция в Европе и Католическая Церковь в межвоенный период / под ред. Е. Токаревой и А. Юдина. – М.: Ленанд, 2013. – 312 с.
122. Русские в Италии: культурное наследие эмиграции. Материалы и исследования. – М.: Русский путь, 2006. – 592 с.
123. Смирнова, Н.Д. Неизвестные страницы советско-итальянских отношений 1939–1941 по новым документам // Новая и новейшая история. – 1996. – №2. – С. 32–52.
124. Смирнова, Н.Д. Советско-итальянские отношения 1939–1940 // Война и политика 1939–1941. Под ред. А.О. Чубарьяна. – М.: РАН, 1999. – С. 416–429.
125. Тарасова, И.В. Роль О.Д. Каменевой в создании Всесоюзного общества культурной связи с заграницей // Концептуал. Сборник научных трудов кафедры философии и истории Московский финансово-промышленный университет «Синергия». – 2016. – №2. – С. 294–301.
126. Токарева, Е.С. Отношения СССР и Ватикана: от переговоров к разрыву. 1922 – 1929 гг. – М.: ИВИ РАН, 1998. – 60 с.
127. Токарева, Е.С. Ватикан в советской политике и пропаганде в годы второй мировой войны // Иоанн XXIII и современный мир. – М.: Интердиалект, 2002. – 416 с.

128. Токарева, Е.С. «Антирелигиозная кампания, особенно в школах, принимает просто плачевные масштабы». Итальянские дипломаты и Католическая церковь в СССР. Документы Тайного архива Ватикана. 1929–1935 гг. // Исторический архив. – 2011. – № 6. – С. 84–93. (часть 1); № 1. – С. 80–92 (часть 2).
129. Токарева, Е.С. Россия в документах архивов Ватикана: существующие обзоры и описи// Россия в итальянских архивах – Италия в российских архивах. – М.: РГГУ, 2013. – С. 75–90.
130. Токарева, Е.С. Новые документы и исследования от отношениях России и Ватикана накануне Второй мировой войны // Российская история. – 2015. – № 4. – С. 223–226. (с А.Л. Бегловым).
131. Токарева, Е.С. Советская деревня глазами итальянского католика: Гуидо Мильоли в СССР в 20-е – 30-е годы XX века // Россия и Италия. – 2015. – № 6. – С. 315–331.
132. Тольятти, П. Лекции о фашизме. – М.: Политиздат, 1974. – 204 с.
133. Тоталитаризм в XX веке / под ред. Михайленко В. И., Нестеровой Т. П. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2000. – 196 с.
134. Тоталитаризм: Спор историков / под ред. Михайленко В. И., Любина В. П., Нестеровой Т. П. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2003. – 95 с.
135. Филатов, Г.С. Крах итальянского фашизма. М.: Наука. 1973. – 514 с.
136. Филатов, Г.С. Советско-итальянские дипломатические отношения в 1924–1934 гг. // Проблемы итальянской истории. – М.: Наука, 1982. –С. 7–28.
137. Филоненко, С.И., Филоненко М.И. Психологическая война на Дону. Мифы фашистской пропаганды. – Воронеж: Кварта, 2006. – 464 с.
138. Хормач, И.А. Советская и итальянская историография советско-итальянских отношений в 1917–1924 гг. // «Италия в трудах советских историков». – М.: ИВИ АН СССР, 1989. – С. 145–166.
139. Хормач, И.А. Отношения между советским государством и Италией 1917–1924. – М.: ИРИ РАН, 1993. – 464 с.
140. Хормач, И.А. СССР и Италия. 1924–1939. Дипломатические и экономические отношения. – М.: ИРИ РАН, 1995. – 287 с.

141. Хормач, И.А. Взаимодействие тоталитарных государств – СССР и Италии на международной арене. 1922–1939 гг. // «Россия в X1X–XX веках. Материалы научных чтений». – М.: Росспэн, 2002. – 383 с.
142. Хормач, И.А. Возвращение в мировое сообщество: борьба и сотрудничество Советского государства с Лигой наций в 1919–1934 гг. – М.: Кучково поле, 2011. – 608 с.
143. Хормач, И.А. Борьба и сотрудничество советского государства с Лигой наций в 1919–1934 гг. // Российская история. – 2011. – № 5. – С. 36–57.
144. Широкорад, А.Б. Италия. Враг поневоле. – М.: Вече, 2010. – 368 с.

145. Accattoli, A. Rivoluzionari, intellettuali, spie: i russi nei documenti del Ministero degli esteri italiano. – Salerno: “Europa Orientalis” 21, 2013. – 311 p.
146. Accattoli, A. Lo Studio Italiano a Mosca (1918–1923) nei documenti dell’Archivio del Ministero degli Esteri italiano // Europa Orientalis. – 2013. – №. XXXII. – P. 189–209.
147. Accattoli, A. Le vittime del terrore bolscevico (1918–1923). Un documento inedito di Andrea Caffi // Nuova storia contemporanea. – 2014. – Nº. 2. – P. 133–151.
148. Accattoli, A. L’Italia e i rifugiati russi negli anni 1918–1924 // Europa Orientalis. Emigrazione russa in Italia: periodici, editoria e archivi (1900–1940). – 2015. – № 22. – P.189–214.
149. D'Amelia, A. Un maestro della slavistica italiana: Ettore Lo Gatto // Europa Orientalis. – 1987. – № 6. – P. 329–382.
150. Antonelli, Q. I dimenticati della Grande Guerra. La memoria dei combattenti trentini (1914–1920). – Trento: Il Margine, 2008. – 295 p.
151. Antonelli, Q. Filonenko S. I. Vincere! Vinceremo! Cartoline sul fronte russo (1941–1942). – Trento: Fondazione Museo Storico del Trentino, 2011. – 146 p.
152. «…Approdo di peregrinazioni, eterna Roma»: la comunità russa nella capitale d’Italia (1900–1940) / a cura di S. Garzonio, A. d'Amelia, B. Sulpasso. – Salerno: Europa Orientalis, 2011. – 392 p.
153. Bassignana, P.L. Fascisti nel paese dei soviet. –

Torino: Bollati Boringhieri, 2000. – 252 p.

154. Belmondo, R., Bertello, L., Bologna, P., Calandri, M., Cavaglion, A., Mana, E. La “campagna” di Russia nella stampa e nella pubblicistica piemontese ed in particolare della provincia di Cuneo // Gli italiani sul fronte russo. – Bari: De Donato, 1982. – P. 425–464.
155. Bertelè, M. Dal padiglione senza cittadinanza al padiglione abbandonato. La Russia e l'Urss a Venezia, 1920–1942 // Pittori russi alla Biennale di Venezia, 1895–1913. – M.: Stella Art Foundation, 2013. – P. 44–53.
156. Bettanin, F. Emigrazione russa. Articolo inedito.
157. Barghoorn, F. C. Soviet Cultural Offensive.; the role of cultural diplomacy in Soviet foreign policy. – Princeton: Princeton University Press, 1960. – P. 353.
158. Bosworth, R.J.B. L'Italia di Mussolini. – Milano: Mondadori, 2009. – 654 p.
159. Canali, M. Le spie del regime. – Bologna: Il Mulino, 2004. – 863 p.
160. Cannistraro Ph., Wynot Jr.E. D. On the Dynamics of Anti-Communism as a Function of Fascist Foreign Policy, 1933–1943 // Politico. – 1973. – № 4. – P. 645–681.
161. Cannistraro, Ph. La fabbrica del consenso. Fascismo e mass media. – Bari: Laterza, 1975. – 498 p.
162. Caretti, S. La rivoluzione russa e il socialismo italiano. – Pisa: Nistri-Lischi editori, 1974. – 331 p.
163. Carr, E.H. Le origini della pianificazione sovietica. Vol. IV. L’Unione Sovietica, il Komintern e il mondo capitalistico 1926–1929. – Torino: Einaudi, 1978. – 325 p
164. Carrcel, O.V. Chiesa e Stato nell' Europa comunista II. Unione Sovietica // Apollinaris. – 1993 – № 1–4. –P. 501–604.
165. Cavallo, C. Italiani in guerra. – Bologna: Il Mulino, 1997. – 397 p.
166. Colarizi, S. L’opinione degli italiani sotto il regime 1929–1943. – Roma-Bari: Laterza, 2009. – 418 p.
167. Collotti, E. L'alleana italo-tedesca 1941–1943 // Gli italiani sul fronte russo. – Bari: De Donato, 1982. – PP. 3–61.
168. Cortesi, E. Reti dentro la guerra. Corrispondenza postale e strategie di sopravvivenza (1940–1945). – Roma: Carocci, 2008. – 198 p.

169. Cortesi, L. Note sulle correnti del P.S.I. Nel 1917 di fronte alla rivoluzione russa // Movimento operaio e socialista. – 1968. – №3–4. – PP. 139–218.
170. Coeuré, S. La grande lueur à l'est. Les Français et l'Union Soviétique 1917–1939. – Paris: Edition du Seuil, 1999. – 358 p.
171. Coeuré, S., Mazuy, R. Cousu de fil rouge. Voyage des intellectuels français en Union soviétique. 150 documents inédits des Archives russes. – Paris: CNRS Editions, 2012. – 379 p.
172. Coeuré, S. Pierre Pascal. La Russie entre christianisme et communisme. – Paris: éditions Noir sur Blanc, 2014. – 415 p.
173. Cortesi, L. Note sulle correnti del P.S.I. Nel 1917 di fronte alla rivoluzione russa // Movimento operaio e socialista. – 1968. – №. 3–4. – p. 139–218.
174. De Felice, R. Mussolini il rivoluzionario. 1883–1920. – Torino: Einaudi, 1965. – 773 c.
175. Di Biagio, A. Coesistenza e isolazionismo. Mosca, il Komintern e l'Europa di Versailles (1918–1928). – Roma: Carocci, 2004. – 302 p.
176. Di Nucci, L. I Pellegrinaggi politici degli intellettuali italiani // Hollander, P. Pellegrini politici. Intellettuali occidentali in Unione Sovietica, Cina e Cuba. – Bologna: Mulino, 1988. – 487 p.
177. Donnini, G. Il 1917 di Russia nella stampa italiana. – Milano: Dott. A. Giuffrè editore, 1976. – 432 p.
178. Dullin, S. Des Hommes d'influences. Les ambassadeurs de Staline en Europe, 1930–1939. – Paris: Payot, 2001. – 383 p.
179. Dundovich, E., Gori, F. Italiani nei lager di Stalin. – Roma-Bari: Laterza e Figli, 2006. – 209 p.
180. Fattore, F. I corrispondenti di guerra italiani e la campagna di Russia // Nuova storia contemporanea. – 2011. – №4. – P. 73–94.
181. Fayet, J.-F. La Société pour les échanges culturels entre l'URSS et l'étranger (VOKS) // Relations Internationales. – 2003. – №115. – P. 411–423.
182. Fayet, J.-F. VOKS: The Third Dimension of Soviet Foreign Policy // Jessica C. E. Gienow-Hecht & Mark C. Donfried (eds.), Searching for a Cultural Diplomacy. – Oxford – New York: Berghahn Books, 2010. – P. 33–49.

183. Fayet, J.-F. VOKS. Le laboratoire helvétique, Histoire de la diplomatie culturelle soviétique dans l'entredeuxguerres. – Genève: Georg Editeur, 2014. – 598 p.
184. Flores, M. L'immagine dell'URSS. L'Occidente e la Russia di Stalin (1927–1956). – Milano: Il saggiatore, 1990. – 434 p.
185. Graziosi, A. "Visitors from other times": foreign workers in the prewar piatiletki // Cahiers du monde russe et soviétique. – 1988. – №2. – P. 161–180.
186. Graziosi, A. L'Unione sovietica nell'archivio storico del ministero degli affari esteri (1917–1939) // Russica. Studi e ricerche sulla Russia contemporanea. – Milano: Franco Angeli, 1990. – P. 415–454.
187. Graziosi, A. a cura di. Lettere da Kharkov. La carestia in Ucraina e nel Caucaso del Nord nei rapporti dei diplomatici italiani, 1932–33. – Torino: Einaudi, 1991.– 242 p.
188. Gentile, E. La via italiana al totalitarismo. – Roma: Carocci Editore, 2008.– 421 p.
189. Giannuli, A. Dalla Russia a Mussolini. – Roma: Editori Riuniti, 2006. – 324 p.
190. Haslam, J. Comintern and soviet foreign policy, 1919–1941 // The Cambridge History of Russia. – 2006. – Vol. III. – P. 636–661.
191. Hollander, P. Pellegrini politici. Intellettuali occidentali in Unione Sovietica, Cina e Cuba. – Bologna: Mulino, 1988. – 487 p.
192. Isnenghi, M. La campagna di Russia nella stampa e nella pubblicistica fascista // Gli italiani sul fronte russo. – Bari: De Donato, 1982. – p. 377–424.
193. Gli italiani sul fronte russo. – Bari: De Donato, 1982. – 569 p.
194. Kolomiez, V. Il Bel Paese visto da lontano... : immagini politiche dell'Italia in Russia da fine Ottocento ai giorni nostri. – Manduria: Lacaita, 2007. – 279 p.
195. Kolomiez, V. Il paese Italia nell'immaginario russo dell'Ottocento // Oltre il confine. Europa e Russia dal 1917 a oggi. – Milano: Fondazione Feltrinelli, 2016. – P. 30–31.
196. Kulešov, S., Strada V. Il fascismo russo. – Venezia: Marsilio, 1998. – 246 p.
197. Leenders, M. From Inclusion to exclusion: refugees and immigrants in Italy between 1861 and 1943 // Immigrants and minorities. – 1995. – № 14. – P. 115–138.
198. Lepre, A. L'anticomunismo e l'antifascismo in Italia.

– Bologna: Il Mulino, 1997. – 141 p.

199. Lepre, A., Petraccone, C. Storia d'Italia dall'Unità a oggi. – Bologna: Il Mulino, 2008. – 436 p.
200. Lo Gatto, E. Russi in Italia. Al secolo XVII a oggi. – Roma: Editori riuniti, 1971. – 332 p.
201. Lomellini, V. La "grande paura" rossa. L'Italia delle spie bolsceviche (1917–1922). – Milano: Franco Angeli, 2015.– 309 p.
202. Lussana, F. Lettera dalla Russia. Vivere o morire di comunismo negli anni trenta // Studi storici. – 2004. – № 4. – P. 905–937.
203. Maffei, R. Crollo e fenomenologia del Terrore rosso. L'Urss negli scritti e nelle corrispondenze di Tommaso Napolitano (1938–1942) // Nuova storia contemporanea. – 2009. – № 4. – P. 101–132.
204. Maffei, R. L'ultima crociata antibolscevica. Tommaso Napolitano e l'Ufficio Est // Nuova storia contemporanea. – 2011. – № 1. – P. 35–64.
205. Maffei, R. L'ombra della GPU a Roma. Lo spionaggio sovietico nell'Italia fascista attraverso le carte di polizia (1926–38) // Nuova storia contemporanea. – 2011. – №2. – P. 25–52.
206. Maffei, R. Un collaboratore occulto di Roberto Suster. Andrea Caffi, esperto di Russia sovietica // Nuova storia contemporanea. – 2013. – №6. – P. 55–69.
207. Maffei, R. «Caccia alle streghe» nell'Italia fascista. Il caso Napolitano: storia di una persecuzione // Nuova storia contemporanea. – 2014. – №6. – P. 15–52.
208. Mariuzzo, A. Studi sull'anticomunismo in Italia e all'estero // Contemporanea. – 2005. – № 8. – P. 185–193.
209. Martelli, M. Mussolini e la Russia. Le relazioni italo-sovietiche dal 1922 al 1941. – Milano: Mursia, 2007. – 405 p.
210. Matard-Bonucci, M.-A. L'Italia fascista e la persecuzione degli ebrei. – Il Mulino: Bologna, 2008. – 514 p.
211. Mazuy, R. Croire plutôt que voir? Voyages en Russie soviétique (1919–1939). – Paris: Odile Jacob, 2002. – 369 p.
212. Mayer, Arno J. Political origins of the new diplomacy. 1917–1918.

– New Haven: Yale University Press, 1959. – 435 p.

213. Mayer, Arno J. Politics and Diplomacy of Peacemaking: Containment and Counterrevolution at Versailles, 1918–1919. – London: Knopf, 1967. – 918 p.
214. Mikhailenko, V. Gli storici italiani e il fascismo: Renzo De Felice // Nuova storia contemporanea. – 1998. – № 2. – P. 83–90.
215. Il ministero della cultura popolare. Il ministero delle poste e telegrafi a cura di P. Ferrara e M. Giannetto. – Bologna: Il Mulino, 1992. – 278 p.
216. Il mito dell'Urss. La cultura occidentale e l'Unione Sovietica a cura di Flores M. e Gori F. – Milano: Angeli, 1990. – 446 p.
217. Mitrokhin, V. Dossier KGB. «Rapporto Mitrokhin». Tutti i documenti dello spionaggio sovietico in Italia. – Roma: Edizione Sapere, 1999. – 252 p.
218. Montecone, A. Il fascismo al microfono. Radio e politica in Italia (1924–1945). – Roma: Edizioni Studium, 1978. – 450 p.
219. Morozzo della Rocca, R. Le nazioni non muoiono. Russia rivoluzionaria, Polonia indipendente e Santa Sede. – Bologna: Il Mulino, 1992. – 350 p.
220. Murialdi, P. La stampa del regime fascista. – Roma: Laterza, 1986. – 239 p.
221. Nemici per la pelle: sogno americano e mito sovietico nell'Italia contemporanea a cura di D'Attorre P.P. – Milano: Angeli, 1991. – 520 p.
222. Nicolai, G.M. Sovietlandia. Viaggiatori italiani nell'Unione Sovietica. – Roma: Bulzoni Editore, 2009. – 458 p.
223. Noiret, S. Nitti e Bombacci. Aspetti di un dialogo impossibile. I bolscevichi contro la rivoluzione italiana. Novembre 1919 – febbraio 1920 // Storia Contemporanea. – 1986. – №3. – P. 397–441.
224. Page Nelson, G. Americano a Roma. – Milano: Longanesi, 1950.– 886 p.
225. Panaccione, A. Socialisti europei. Tra guerre, fascismi e altre catastrofi (1912–1946). – Milano: Franco Angeli, 2007. – 275 p.
226. Panicali, A. Rosso e nero: anni venti // Per la critica. – 1973. – №2. – P. 33–47.
227. Pertici, R. Il vario anticomunismo italiano (1936–1960): lineamenti di una storia // Due nazioni. Legittimazione e delegittimazione nella storia dell'Italia contemporanea a cura di L. di Nucci, E. Galli della Loggia. – Bologna: Il Mulino, 2003. – P. 263–335.

228. Per una storia d'Italia del 1943 a cura di G. Faustini. – Trento: Museo storico in Trento. – 2006. – 167 p.
229. Petracchi, G. L'Italia e la rivoluzione russa di marzo // Storia contemporanea. – 1974. – № 1. – P. 93–111.
230. Petracchi, G. La Russia rivoluzionaria nella politica italiana. Le relazioni italo-sovietiche, 1917–1925. Pref. R. De Felice. – Roma-Bari: Laterza, 1982. – 359 p.
231. Petracchi, G. "Il Colosso dai piedi d'argilla": l'URSS nell'immagine del fascismo // Atti del Convegno "L'Italia e la politica di potenza in Europa (1938–1940)". – Milano: Marzorati, 1985. – P. 149–170.
232. Petracchi, G. Qui Radio Mosca // Storia illustrata. – 1988. – № 363. – P. 56–63.
233. Petracchi, G. Il mito della rivoluzione sovietica in Italia, 1917–1920 // Storia contemporanea. – 1990. – № 6. – P. 1107–1130.
234. Petracchi, G. Da San Pietroburgo a Mosca. La diplomazia italiana in Russia, 1861–1941. – Roma: Bonacci, 1993. – 544 p.
235. Petracchi, G. Le carte del Ministero degli affari esteri per la storia politico-sociale della Russia e dell'URSS (1861–1950) // Fonti diplomatiche in età moderna e contemporanea. – Roma: Ministero per i Beni Culturali, 1995. – P. 318–357.
236. Petracchi, G. Roma e/o Mosca? Il fascismo di fronte allo specchio // Nuova storia contemporanea. – 2002. – № 1. – P. 69–92.
237. Petracchi, G. Viaggiatori fascisti e/o fascisti a modo loro nella Russia e sulla Russia degli anni Venti e Trenta // Rivista di studi politici internazionali. – 2014. – № 321. – P. 35–57.
238. Pisu, S. Stalin a Venezia. L'URSS alla mostra del cinema fra diplomazia culturale e scontro ideologico (1932–1953). – Soveria Mannelli: Rubbettino, 2013. – 284 p.
239. Pizzigallo, M. Mediterraneo e Russia nella politica italiana (1922–1924). – Milano: Giuffrè editore, 1983. – 238 p.
240. Procacci, G. Il socialismo internazionale e la guerra d'Etiopia. – Roma: Editori riuniti, 1978. – 319 p.
241. «La propaganda è l'unica nostra cultura". Scritture autobiografiche dal fronte sovietico (1941–1943) a cura di Q. Antonelli. – Trento:

Fondazione museo storico del Trentino, 2016. – 398 p.
242. Rizzi, L. Lo sguardo del potere. – Milano: Rizzoli, 1984.– 229 p.
243. Roccucci, A. Stalin e il patriarca. La Chiesa ortodossa e il potere sovietico. – Torino: Einaudi, 2011. – 524 p.
244. I russi e l'Italia a cura di Vittorio Strada. – Milano: Banco ambrosiano veneto Libri Scheiwiller, 1995. – 349 p.
245. Quartararo, R. Roma o Mosca. L'immagine dell'URSS nella stampa fascista (1925–1935) // Storia Contemporanea. – 1996. – №. 3. – P. 447–472.
246. Quartararo, R. Italia-URSS, 1917–1941. – Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane, 1997. – 269 p.
247. Sabbatucci, G. Il mito dell'Urss e il socialismo italiano // L'Urss, il mito e le masse. – Milano: Franco Angeli, 1991. – P. 45–78.
248. Santarelli, E. Storia del fascismo. – Roma: Editori Riuniti, 1973. – 3 vol.
249. Scandura, C. L'emigrazione russa in Italia: 1917–1940 // Europa Orientalis. – 1995. – № 2. – P. 341–366.
250. Scandura, C. Letteratura russa in Italia. Un secolo di traduzioni. – Roma: Bulzoni editore, 2002. – 204 p.
251. Scibilia, C. Tra nazione e lotta di classe. I repubblicani e la rivoluzione russa. – Roma: Gangemi, 2012. – 238 p.
252. Scotoni, G. Filonenko S.I. Retroscena della disfatta italiana in Russia nei documenti inediti dell'8a Armata. – Trento: Panorama, 2008. – 2 Vol.
253. Scotoni, G. Il nemico fidato. – Trento: Panorama, 2013. – 447 p.
254. Smith, D. M. Storia di cento anni di vita italiana: visti attraverso il Corriere della Sera. – Milano: Rizzoli, 1978. – 602 p.
255. Tamborra, A. Esuli russi in Italia dal 1905 al 1917. – Roma: Laterza, 1977. – 271 p.
256. Totalitarismo e totalitarismi a cura di Vittorio Strada. – Venezia: Marsilio, 2003. – 263 p.
257. L'Urss, il mito, le masse. – Milano: Franco Angeli, 1991. – 789 p.
258. Ventura, A. Il fascismo e gli ebrei. – Roma: Donizelli, 2013. – P. 248.

259. Vegni R. “Verificato per censura”. Le relazioni dei censori sulla corrispondenza dal fronte russo. // “La propaganda è l'unica nostra cultura”. Scritture biografiche dal fronte sovietico (1941–1943). – Trento: Fondazione Museo storico del Trentino, 2016. – P. 61–82.
260. Venturi, A. Rivoluzionari russi in Italia 1917–1921. – Milano: Feltrinelli, 1979. – 265 p.
261. Venturi, A. Tra propaganda sovietica e immaginario socialista. Le impressioni italiane del viaggio in Russia dell’estate 1920 // Movimento operaio e socialista. – 1985. – №3. – P. 363–391.
262. Venturi, F. Anna Kuliscioff e la sua attività rivoluzionaria in Russia // Movimento operaio. – 1952. – № 4. – P. 277–286.
263. Zani, L. L’immagine dell’Urss nell’Italia degli anni trenta: i viaggiatori // Storia contemporanea. – 1990. – №6. – P. 1197–1223.
264. Zani, L. Fra due totalitarismo. Umberto Nobile e l'Unione sovietica (1931–1936). – Roma: Aracne, 2005. – P. 48.